

Темные желания

Направленность: Гет

Автор: AnastasiaSavitska (<https://ficbook.net/authors/1504477>)

Беты (редакторы): irina_m (<https://ficbook.net/authors/1503558>)

Фэндом: Ориджиналы

Пэйринг и персонажи: Майкл/Стейси

Рейтинг: NC-21

Размер: Макси, 292 страницы

Кол-во частей: 20

Статус: закончен

Метки: Романтика, Ангст, Драма, Психология, Философия, Повествование от первого лица, Дружба, Любовь/Ненависть

Описание:

Их души не чувствуют ничего, в отличие от тела, которому все время мало. Боль. Говорят тонкая грань между болью и удовольствием, и это истина. Ей нравится когда именно он причиняет боль. Её демоны вырываются наружу, и этот мужчина не борется с ними, он действует заодно со всей чернотой женской души. Они грешники, но их жизни друг для друга - свято.

Посвящение:

Темные желания - третья книга серии "Обреченные быть вместе".

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

ТОС

ТОС	2
Глава 1	3
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	34
Глава 5	47
Глава 6	59
Глава 7	72
Глава 8	91
Глава 9	100
Глава 10	112
Глава 11	122
Глава 12	133
Глава 13	141
Глава 14	152
Глава 15	158
Глава 16	168
Глава 17	179
Глава 18	191
Глава 19	204
Глава 20	214

Глава 1

Пролог

— Мне не нравится то, что ты лучше будешь сидеть в телефоне, чем разговаривать со мной. Мне не нравится, что ты пишешь, когда тебе скучно, и звонишь, когда нужно прийти. Я хочу, чтобы меня ждали. И я хочу жить, а не просто существовать, — кричала я, смотря на человека, которого люблю.

— Я не такой, — ответил он. — Я не смогу дать тебе этого. Мы договорились, что это просто секс.

Я покачала головой, понимая, что это конец. Я не умею любить, как обычно любят женщины. Вместо ласк у меня царапины. Во мне всегда огня было больше, чем воды, и я сама никогда не могла предсказать конец чему-либо. Я не ждала бы Майкла дома, готовя теплый ужин... хотя нет, вру, ждала, но редко. Я бы лучше приехала к нему. В самом развратном нижнем белье и на высоких каблуках. Я бы защищала его так, как умею лишь я, и была бы с ним до конца, несмотря ни на что. Но дело не в том, что Майкл, как многие, просто не потянул бы такой любви. Нет. Все проще, он ее просто не захотел. Я всегда же хотела чего-то именно в этом роде. Ведь до него любой человек, который появлялся в моей жизни и хотел со мной отношений, меня отталкивал. Я сразу хотела сесть в гребанный самолет и оказаться в Тайге.

— Ты хороший человек, но мы слишком несовместимы. Хотя, я думаю, ты и сам знаешь об этом.

И я ушла. А затем уехала, чтобы забыться. Жизнь слишком коротка, чтобы делать то, что тебе не нравится, и быть с тем, кто тебя убивает. Я — Стейси Фостер. Я всегда выживу. Я — та женщина, которая боролась за то, что хотела больше всего — жить. Все это время, пока я ездила по миру, все было неправильно. Без Майкла все было обыденно. Я пыталась забыть и забыться, но это снова было не по правилам. Все мои законы были больше не верны и приемы не действительны. Иногда лучше ничего не чувствовать. Без эмоций жить гораздо легче. Без эмоций почти идеальная жизнь. Я всегда хотела встретить того, кто поймет меня и не будет осуждать. Но встретив того, кто понимал и не осуждал, поняла, что он просто не любил.

Однажды в Орлеане я встретила женщину, которая сказала мне, что у моей дочери будет такая же судьба, как у меня. У нас будет похожая внешность и одинаковые судьбы. После я уехала в следующий город, пообещав, что этого не случится никогда. Я ездила по миру, показывая своей дочери ещё до рождения то, чего сама раньше не видела. И дала себе обещание, что никогда не позволю ей быть несчастной. У неё будет семья, которая будет любить её, несмотря ни на что. Я дам ей весь мир и даже больше.

Глава 1

— Есть кое-кто, кто действительно хочет тебя увидеть, — улыбнулась Донна, когда Адам придержал дверь, и медсестра занесла мою дочь в палату. Мои глаза расширились, когда я обратила свой взор на малютку.

— Можно поддержать мне ее? — прошептала я.

— Да, — ответила медсестра, передавая мне дитя.

— Ей же не будет больно?

— Самое лучшее для нее — быть на руках своей матери, — поместила девушка мою дочь мне на руку. — Она знает ваш голос, и она ждала, чтобы услышать его.

— Она такая маленькая, — присела рядом Эмили. — Это нормально, что она такая маленькая?

— Она здоровая, — ответила медсестра. — Но она весит всего шесть фунтов, а это мало для доношенного ребенка. Но не переживайте.

— Я смогла, — прошептала я, изучая свою дочь и дотрагиваясь к ее щечкам. — Привет, я твоя мама.

Я видела, как в палату вошел Майкл, и заметила, что он достал телефон, фотографируя нас. И не смотря на то, что мое тело напряглось, я не обратила на него свой взор. Это был один из моментов, для которых не было слов. Она засунула пальчик в рот и посмотрела на меня с любопытством. Уверена, в тот момент моя улыбка могла

осветить весь мир.

— Вы видели? — засмеялась я, чувствуя подступающие слезы.

— Что? — посмотрела Долорес в замешательстве.

— Вы видели, как она на меня посмотрела? Она знает, что я ее мама.

Слезы текли из моих глаз. Слезы счастья. И моя дочь — все, что было нужно мне для этого. Мои подруги обнимали меня, целуя, и вытирая слезы.

— Конечно она знает. Она знает все, ведь все время она наблюдала за нами, — улыбнулась Долорес.

Ребенок. Когда в твоей жизни появляется этот маленький человечек, все остальное становится неважным. Бессмысленным. Как будто моя жизнь только началась в тот момент, когда мой ребенок родился. Когда она впервые посмотрела на меня. В палате находились мои подруги. Моя семья. И только в этот момент я поняла, что было не так с тем местом, в котором я родилась и выросла.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Майкл.

— Пока ты не пришёл, все было замечательно, — ответила я.

— Прекрасно. Рад, что тебе лучше. Ты ела?

— А тебе не все равно?

Майкл был мастером самоконтроля и меня злило это еще больше. Друзья наблюдали за нашей перепалкой и просто молчали, боясь взрыва.

— Я приготовил вам комнаты, — сказал он, игнорируя меня.

— Что ты сделал?

— Приготовил вам комнаты.

— Мы будем жить у меня.

— Не заставляй меня обращаться к закону.

— Ты думаешь, я переступлю через свою гордость? — посмотрела я на него со злостью.

— Нет, не думаю. Но тебе придется проглотить ее. Она такая же моя дочь, как и твоя.

— Ты кретин.

— Я знаю.

— Это уже путь к успеху.

Она заплакала, и Майкл замер. Медсестра забрала у меня младенца и переложила ему ее на руки, и когда он поднял на меня свой взгляд, я застыла.

— Она так красива. У нее твои глаза, Стейси.

Я улыбнулась, смотря на нее. Она сделала мою жизнь. Моя дочь подарила мне самый большой дар — себя. Возможность быть матерью. Возможность быть любимой просто так. Возможность отдавать всю себя без остатка.

— Я подобрал несколько имен, — прошептал Майкл.

— Я выбрала уже ей имя.

— Какое?

— Эстель. Эстель Фостер-Вудс.

Он посмотрел на меня с такой нежностью, а после поцеловал нашу дочь в обе щеки.

— Мне нравится. Это имя ей идет. И спасибо тебе, ты так много дала мне, — шепотом говорил Майкл, направляясь к дивану.

Складывалось такое впечатление, что мы были втроем. И восемь человек, которые находились в комнате не мешали этому.

«Я — хуже, чем ты говоришь. Но есть молчаливая тайна. Ты пламенем синим горишь. Когда меня видишь случайно.»

— Ну так как себя чувствует молодая мамочка? — спросил доктор, который вошел в палату.

— Теперь потрясающе, — опустила я голову на подушку.

— Хорошо, скоро нужно кормить вашу малышку, мисс Фостер.

Затем он покинул палату, а я не могла поверить в происходящие. В конце концов я столько времени была одна. А теперь у меня есть семья. Есть семья с моим ДНК. Говорят, что это не имеет значения для некоторых людей, но на самом деле это чушь и блажь. Каждому нужна семья, и каждому нужна кровь. Моя мать всегда говорила, чтобы я никогда не была камнем раздора между мужчиной и его семьей. Ведь кровь всегда значит больше. Банально. Но банальность — это вся наша жизнь, и обычно именно банальность правильна.

— Стейси, она ведь и его дочь тоже, — прошептала Эбби.

— Биологически.

— Ты важна ему, Эс, что бы ты там не думала, — добавила Эмили.

— Эмили, ты была умной женщиной, пока не влюбилась в Брайана.

Подруги переглянулись между собой, а Эмили просто улыбнулась. Майкл стоял возле кровати с нашей дочерью на руках, отдавая ее мне. Донна присела рядом и взяла Эстель за ручку.

— У нее твои глаза, Эс. Может быть, я начну верить не только в биологию, но и в Бога, — с другой стороны пристроилась Ева.

Я опустила взгляд на свою дочь, которая лежала у меня на руках. У Эстель и в правду были мои глаза, и, смотря в них, я была почти уверена, что она все понимает. Но также в ней я видела Майкла. Я помню, как увидела его впервые. Он улыбался и все время пытался дотронуться до меня. Я не знаю, был ли это адреналин, алкоголь или я действительно ему понравилась, но знаю, что с того вечера я больше не жила прежней жизнью. Все изменилось с его приходом, хотя мир и остался неизменным. Мы были больше друзьями, чем парой, но я любила, когда он обнимал меня. Я никогда не думала, что мне будет комфортно, если кто-то будет находится в моем личном пространстве. Но все же когда Майкл проник в него, я была счастлива. Он был, как я. Мы были похожи, потому идеально понимали друг друга без слов, но в то же время не могли находится рядом. И смотря на него сейчас, меня съедало противоречие. Я ненавидела его за то, что он причинял мне боль, даже не замечая этого, но это не значило, что я не люблю его. В глубине души он был мне самым родным человеком, пусть я и выглядела, как самая противоречивая женщина во вселенной.

Донна смотрела на Эстель взглядом, который я видела впервые.

— Возьми её, — прошептала я ей.

— Я? — была она удивлена.

Подруга протянула руки, и я положила ей на руки свою дочь. Мы все наблюдали за Донной и ее реакцией на малышку, но, конечно, самый особенный взгляд был у Адама. Он смотрел на нее, словно впервые видел. Словно увидел что-то в высшей степени волшебное. После, Донна передала Эстель Эмили, а Брайан встал возле своей жены, обнимая одной рукой за талию и целуя её в щеку.

— Вам пора заводить ребёнка, — сказал Майкл.

— Точно, — ответил Брайан, беря Эстель на руки. — Она будет твоей копией.

Эбби смотрела на все происходящее, а через мгновение подошла ко мне, поцеловала в висок, прошептала:

— Ты справилась, Фостер.

— Я — Фостер. Я всегда выдержу, — закрыла я глаза.

— Любовь ведь переоценивают, — цитировала она меня, шутя.

— Только не к ребенку, — ответила я, после чего Эбби молча вышла из палаты.

Ева была последней, кто взял Эстель на руки. После чего Донна снова забрала её. Я перевела взгляд на Майкла, а он в свою очередь смотрел на меня. Сегодня я была буквально парализована тем, что почувствовала. Я не видела Майкла несколько недель, и его лицо было все, что мне было нужно. У меня была такая невыносимая жажда обнять его и увидеть его улыбку. Услышать его голос, и слова: «Я рядом». Так странно. Никогда раньше я не чувствовала ничего такого. Я скучала по нему. Невыносимо скучала и ничего не могла с этим поделать. Каждый раз я вспоминала его лицо, и что-то внутри у меня замирало, понимая, что однажды я могу этого больше никогда не увидеть.

— Привет, малышка, — сказала Донна. — Я — твоя тетя Ди, и я чертовски сильно тебя люблю.

— Надо же, Донна бывает нежной, — усмехнулась я.

Донна молча покачала головой и передала ребенка мне.

— Я бываю нежной, — посмотрела она на Адама. — Скажи им.

— Да-да, конечно бываешь, — поцеловал Адам ее в висок и сжал ее руки в своих ладонях.

При всей неромантичности Донны, она была доброй, и у нее было большое сердце. Недавно они с Адамом удочерили двух потрясающих девочек, и она изо всех сил пыталась стать им матерью.

Эстель начала плакать, и я легко покачивала ее на руках. Все молчали, смотря на нас, а я не могла отвести от нее взгляд.

— Все хорошо, милая. Все хорошо. Мама рядом, — прошептала я. — Ты мой шедевр.

В палату вернулась Эбби, держа в руках плюшевого белого медведя с нее ростом. Мы все засмеялись, смотря на диван, где было много игрушек и открыток.

— Зачем такой большой медведь? — спросил Майкл.

— Должен же в доме быть мужчина, — ответила я, не отводя взгляд от дочери.

Я знала, что Майкл смотрит на меня. Я чувствовала это.

— Почему ты всегда так груба? — спросил он.

— С тобой по-другому не разговаривают.

— Вам нужен покой, — вернулся врач в палату. — Поэтому попрошу всех покинуть помещение и желательно

пойти домой и поспать, а не ночевать таким коллективом в коридорах.

— Да, мы пойдем. Придем попозже, — сказала Долорес, целуя меня и дочь в висок.

Все сделали то же самое и ушли, кроме Майкла.

— Ты прав, это необязательно.

— Конечно нет, я ведь никуда не уйду, — ответил он. Я наигранно засмеялась. — Смешно да? Но что бы ты не думала, ты небезразлична мне.

— И правда смешно.

И я точно знала, что он был осведомлен об этом. Майкл сел на стул рядом, а моя дочь лежала на руках и смотрела на меня своими огромными глазами. Я поняла, что на свете нет ничего прекрасней, чем смотреть на своего ребенка.

— Я всегда хотел сына, — сказал Майкл. Я подняла на него глаза. — Но теперь не знаю, как жить без нее. Я могу любоваться ею часами.

— Она ведь девочка. Она твоя дочь.

Майкл больше ничего не сказал, и я так же молчала. Мы немного посидели в тишине и мне просто жизненно необходимо было встать с кровати.

Роды не бывают легкими, что бы женщины не говорили. Но они стоят того. Они стоят, чтобы потом вы смотрели на своего ребенка и понимали, что ничего лучше в этой жизни вы не чувствовали.

— Майкл, помоги мне. Мне нужно в туалет.

Он забрал у меня малышку, положив ее в кроватку, после поднял меня на руки и занес в уборную.

— Я сама справлюсь.

Он ничего не ответил, но, когда мы были еще вместе в этом соревновании характеров, я бы проиграла. Его власть меня всегда пугала, но в то же время возбуждала. Майкл подчинял меня, но в то же время разрешал подчинять.

Я сходила в туалет, умылась и сменила больничную одежду. Между нами была неловкость, которую я чувствовала почти болезненно. Прежде чем выйти, я стала напротив зеркала и осмотрела свое тело. Я всегда была слишком худой, но теперь мои бедра приобрели аппетитные изгибы. Одев шелковый длинный халат, я сделала несколько вдохов и выдохов, а затем вышла к своей семье.

— Вот, — сказал Майкл, показывая на конверт на тумбе. — Потом считаешь Эстель, как будет время. И еще мне нужно с тобой поговорить.

— Слушаю, — подошла я к кровати.

Он снова поднял меня на руки и положил в постель, словно младенца. Я не скажу, что это было неприятно, все-таки этот мужчина занимал определенное место в моем сердце. И я так сильно любила его. Любила, потому что с ним было легко. Он был строг, но беззаботно улыбался. И еще он был честен. Всегда и во всем.

— Ты ела?

— А как бы я, по-твоему, кормила ребенка?

— Как чувствуешь себя?

— Хорошо, — ответила я, после чего взглянула на свою дочь и улыбнулась. — Замечательно.

— Стейси, ты моя и только моя. Если кто-то другой подойдет к тебе, я сломаю ему шею в мгновение ока. Наша дочь будет расти с нами, и мы все будем жить у меня. По поводу вещей я уже распорядился.

Я молчала, а злость внутри меня выходила за пределы допустимого.

— Если ты сейчас же не заткнешься и не прекратишь мной командовать, я брошу в тебя первый попавшийся предмет, а после твоей отключки выброшу из окна, ясно? Я никто в твоей жизни и в твоей судьбе. Почему ты отстать никак не можешь?

— Да, — перебил меня Майкл. — Была просто женщиной, с которой я делил постель, но теперь ты мать моей дочери. Где твои родители?

И тут был тот самый момент, когда у вас с человеком общая дочь, а он ничего не знает о тебе, кроме размера груди. У меня нет родителей, и он не осведомлен даже об этом. Люди говорят, что секс сближает. Чушь. Сближают лишь разговоры.

— Уйди, — закрыла я глаза, словно это уняло бы боль. — Пожалуйста, Майкл, если не хочешь сделать мне еще больнее, просто уйди сейчас. Пожалуйста, уйди.

Я пыталась говорить, как можно тише, но эмоции, которые бушевали во мне, не давали мне возможности. Майкл поцеловал Эстель в лоб и молча вышел из палаты, не оглядываясь. Я же лежала в постели и смотрела в потолок. Слезы текли из моих глаз. Нет, я не жалею о нашем романе, в конце концов, у меня теперь есть дочь, но как мне не хватает того, для кого я была бы всем миром.

Я открыла конверт и нашла в нем лист бумаги. Развернув, начала читать вслух.

«Я был мудаком. По крайней мере, так говорит твоя мама. Она потрясающая и я думал, что никого не полюблю сильнее, чем ее. Но потом появилась ты. Доченька, ты еще даже не родилась, а я уже дал себе обещание, что буду защищать тебя от зла, ненависти, обмана и разбитой коленки. Я не знаю, смогу ли вынести такую сильную любовь к тебе, но я сделаю все, чтобы ты гордилась своим отцом. Я навсегда запомню, как ты впервые посмотрела на меня своими глазками, тогда я действительно пропал. Это было самое потрясающее переживание в моей жизни. Я никогда не раню тебя. Вы с твоей мамой — самое ценное, что существует для меня во вселенной.

С любовью, твой отец».

Я не знаю, может быть, все было бы иначе, если бы я была добрее с самого начала. Хотела бы я иметь то, что ищут все люди. Но часть моего сердца всегда будет закрыта. Даже когда оно совсем чуть-чуть открывается, то все равно закрыто. И даже когда мы с Майклом вместе, он все равно с кем-то еще.

«Всему есть предел. И ты это должен понять. Сегодня она считает тебя Богом, а завтра кучей дерьма, об которое не стоит пачкаться. За это я уважаю женщин. Они не возвращаются. Если она разлюбила, то никогда больше не полюбит вновь. Ты, друг мой, вспоминай это каждый раз, целуя ее пальцы. Сегодня на коленях льет слезы она, а завтра, смотря ей в след, плакать будешь ты». Вячеслав Прах.

Зазвонил мой телефон, и я снова сбила звонок. Какая бы это не была палата, и сколько бы врачей не крутилось вокруг, запах больницы все равно был, и я сходила с ума. Я ненавидела запах больницы и ненавидела больницы в целом. Я закрыла глаза и попыталась уснуть. Пусть я и спала много после операции, но анестезия все еще действовала, и усталость взяла свое.

Прежде чем открыть глаза, я услышала голос Майкла. Его голос я не спутала бы ни с одним другим, и я усмехнулась. Я боялась, что буду делать все в одиночку. Желание, чтобы моя девочка имела отца, который бы любил ее и был бы рядом всегда было для меня в приоритете, ведь у меня такого не было. Мы с Майклом сначала идеально понимали друг друга. Мы были даже лучшими друзьями, а потом вмешались чувства, и все пошло коту под хвост.

— Эстель, — говорил он тихо. — Ты истощила мамочку, малышка. Но тебе невероятно повезло, что именно эта женщина твоя мать. Она всегда услышит твой плач и без видео-няни, даже если ты будешь далеко, — прервался он на несколько секунд. — Да, да, я увидел это по ее глазам, хотя она никогда не будет жаловаться. Тебе еще предстоит познакомиться со Стейси Фостер, но обещаю, ты будешь очарована. И сейчас ты побудешь со мной, потому что твоей мамочке нужно поспать, согласна? — он поцеловал ее в обе щеки, и я сделала несколько

вдохов, чтобы не показать свои чувства, и Майкл обратил свой взор ко мне. — Она очень похожа на тебя, Эс.

Как только мужчина, который способен так любить, может быть таким мудаком? Но я больше не собиралась терпеть. Ничего. Пусть я заносчива и слегка высокомерна, но я это заслужила. Я достигла определенного жизненного этапа, и у меня багаж жизненного опыта. Я больше не хочу тратить время на то, что не хочет тратить его на меня. Не хочу быть с тем, кто задевает меня и причиняет боль. Не буду терпеть оскорбления, унижения, чрезмерную критику и требования. Я больше не хочу удовлетворять чье-либо представление обо мне и соответствовать чьим-либо идеалам.

— Эс, нам нужно поговорить.

— Не нужно.

— Ты делаешь мне больно, потому что я сделал больно тебе?

Лицо Майкла оставалось непроницаемым, и я знала, что мы сейчас опять в схватку. И он выиграет. Он всегда выигрывал. Он был как лев, а я как волк. Но даже несмотря на его силу, волки в цирке не выступают.

— Знаешь, что я всегда ненавидел больше, чем чувства? — положил он Эстель в кровать и сел рядом с моей постелью.

— Людей, которые эти чувства испытывают, — сузила я глаза. — Ты сам говорил мне об этом.

— И ты знала, что я не хочу ничего серьезно, но все равно полюбила меня.

— Да, — повысила я голос, чувствуя обиду. — Я полюбила тебя. Но не переживай, все это в прошлом.

— Не ври мне. Я тоже тебя люблю, но мы не можем быть вместе.

— Майкл...

— Нет, Эс, — перебил он меня, беря за руку. — Я знаю, когда это произошло, и расскажу тебе. Я смотрел, как Брайан находился в отчаянье, когда Эмили была в коме. Он часто думал, что она больше никогда не заговорит, и я видел это по его лицу. Он отдал душу Эмили, и было поздно останавливаться. Брайан был так уязвим, что потеряет ее, и не сможет этого пережить. Он не сможет дышать без нее. И тогда я решил, — встал он с кресла, и отошел, — что никогда не хочу любить никого, как Брайан любит Эмили.

— Нам нужно вместе как-то сосуществовать, — сказала я спустя несколько секунд, проглотив образовавшийся ком в горле.

— Что я должен сделать для этого?

— Никогда не думай, что я зависима от тебя, — оперлась я на руки, придвигаясь вперед. — Не читай мне лекции, какой я должна быть и что должна делать. Я не люблю истерик, ни своих, ни чужих. И самое главное — на первом месте у тебя дочь, а затем все остальное, — взяла я стакан воды в руки, намереваясь опустошить. — Не облажайся.

Так прошло еще три дня. Я чувствовала себя хорошо, и не такой одинокой, ведь со мной рядом постоянно кто-то был.

Я лежала на кровати, а рядом спала моя дочь. Я не переставала улыбаться, смотря на нее. Майкл каждый день приходил в больницу, иногда оставаясь до утра. Когда я уезжала из Нью-Йорка, думала, что смогу со всем справиться. Я люблю его, но в конце концов, себя я люблю больше. Чувство, когда ты не можешь быть с человеком, но и не можешь без него — отвратительно. Люди говорят, что ради любимого можно изменить свои принципы. Но какой в этом смысл? Отношения — это двое людей. И если один человек идет на компромиссы, а другой даже не пытается, то все окончено даже раньше, чем начато. Еще какое-то время назад я думала, что смогу изменить его. Люди ведь меняются ради любви. Но я не настолько оттаявшая, чтобы верить сейчас в чудо. Я заслуживаю лучшего.

В палату постучали, и когда дверь открылась, я увидела Эбби. Она улыбнулась и поставила очередной пакет на

тумбу рядом со мной.

— Твоя дочь восхитительна, — сказала подруга, целуя меня в щеку. — Она похожа на вас обоих, но в её глазах характер её матери. Твой характер Стейси.

Я улыбнулась. Внутри у меня все дрожало от счастья. Не понимаю женщин, которые не хотят ребенка или тех, которые имеют возможность быть матерью, но не умеют ценить.

— Знаешь, она плохо ест, когда Майкла нет рядом.

— Может это знак?

— Чего? — задала я вопрос в недоумении.

— Того, что все-таки ей лучше, когда у нее два родителя.

Я отвела взгляд, ведь врать Эбби о том, что мне все равно, в любом случае бессмысленно, она слишком умна. Кроме того, эта женщина слишком хорошо меня знает.

— Ему плевать на меня. А Эстель всегда будет его дочерью. Мне мало только его физически. Я хочу его сердце.

— Нам всегда будет чего-то не хватать, — покачала головой Эбби. — Не бывает все идеально.

— Это правда, — взяла я на руки своего ребенка. — Но, чтобы быть счастливой, мне не нужно идеально. Мне нужна семья.

— Ты такая чокнутая, Стейси, — улыбнулась подруга. — Но такая очаровательная.

Она права. Не бывает все идеально. Но существует черта, которую Майкл переступил, и я просто ушла. Я не думала, что может быть так больно, когда любишь. Я — та женщина, из-за которой мужчины делали многие поступки, но несмотря на это, я позволяла Майклу обманывать себя. И самое худшее, что не могу понять причины. С самого начала я не была влюблена в него, но все равно летела к нему, как мотылек на пламя.

— Эбби, давай лучше о тебе, — перевела я тему. — Как твой личный фронт?

— О-о-о... — простонала Эбби. — Глухо, как в танке, смешно, как в цирке.

— Когда у тебя последний раз был секс?

— Сейчас возьму календарь за прошлое столетие, — засмеялась она. — Мужчины нынче в дефиците, милая.

«Женщины могут любить до потери пульса, но потом что-то у них внутри переворачивается. И они могут спокойно смотреть, как ты дышаешь в канаве, сбитый машиной, и им плевать на тебя». Чарльз Буковски.

Когда Эбби ушла, я встала с кровати и подошла к окну. Я соскучилась по цветам. Раньше я не любила цветы, а потом просто научилась их понимать, как Эбби галстуки и людей, которые их носят. Я понятия не имела, как должна ужиться с Майклом сейчас. Я ненавидела его, но в то же время любила. Хотела, чтобы он ушел и никогда не возвращался, но также скучала, когда его не было. Но сейчас у меня есть дочь, и я счастлива. Она будет папиной дочкой, я знаю это. Я сама по себе. Всегда была. Мне не нужны больше отношения, объятия или красивые слова. Я просто больше не верю во все это. Мне нужна моя дочь, друзья, которые стали моей семьей, работа и иногда секс. Для меня этого вполне достаточно на пол жизни, как минимум. Я сама себе весь мир, как бы эгоистично и высокомерно это не звучало.

Эстель начала плакать, и я подошла к ней, снова беря ее на руки. Дверь открылась, и я увидела Майкла с огромным букетом желтых роз.

— Привет, — сказал он, поцеловав ребенка в лобик, а затем меня в щеку.

— Что ты делаешь? — отпрянула я.

— Вдыхаю тебя.

Он всегда отвечал так, будто заранее знал, что я спрошу. Умные мужчины привлекательны и сексуальны, и Майкл был именно тем представителем мужского пола, с которым хотелось не просто заниматься сексом, но и говорить.

— Ты должен был приехать только вечером.

— Я хочу забрать вас домой.

Эстель снова начала плакать, и я села на кровать, чтобы покормить ее. Это было какое-то чудо. Когда рядом был Майкл, она ела, и как только он уходил, практически отказывалась от молока.

— Можно, я ее одену? — спросил он, подходя ко мне.

— Можно. Как раз за это время схожу в душ. Вот одежда, — показала я на вещи Эстель на тумбе. — И осторожно с головкой.

Пока я кормила ребенка, мы оба не сказали друг другу ни слова, а затем я пошла в душ. Мысли захлестывали меня. Как узнать, что будет дальше? Не трудно найти мужчину. И даже не трудно найти мужчину, с которым интересно. Но как сделать отношения долгосрочными? Как сделать так, чтобы в отношениях была страсть, желание и уважение спустя несколько лет после вашего знакомства? Как сделать так, чтобы была любовь? Боюсь, на этот вопрос мы никогда не сможем ответить.

Мое тело изменилось, и я никак не могла к этому привыкнуть. Я мыла свою кожу, словно она была грязной, и задерживалась в душе дольше, чем нужно было. Когда я закрыла за собой дверь, вернувшись к ним, Майкл все еще не мог справиться с ее одеждой. Я улыбнулась, но скрыла улыбку, подходя к ним.

— Ты одеваешь ее дольше, чем Кэмерон Аватар снимал, — нахмурилась я.

Майкл лишь засмеялся и после того, как понял, что ползунки все же надевают ребенку на ноги, а не на руки, поцеловав ее крохотный носик.

— Поехали, я отвезу вас домой, — обратился он ко мне, и я уловила нежность в его голосе. — Я не думал, что смогу быть хорошим отцом, пока не взял ее на руки.

Я ничего не ответила, и Майкл также решил больше не говорить ни слова. Он собрал вещи, и мы вышли на улицу, и я сразу увидела его машину – Bugatti 16C Galibier — Galibier revealed – 2009. Но также я увидела всех своих друзей. Они стояли с цветами, игрушками, шариками и пели какие-то песни. Я засмеялась, и прикоснулась своими губами к щеке своей девочке. Майкл наблюдал за мной, я чувствовала это. Когда мужчина держит твоего ребенка на руках — обезоруживающее зрелище.

— Я так рада, что вы тут, — смеялась я, обнимая каждого по очереди. — Вы мне так нужны.

— Мы бы ни за что не пропустили, — ответила Ева. — Мы — семья, Эс.

— Да, — вытерла я слезу со щеки. — Мы — семья.

Каждый сел в свою машину, и за рулем был водитель Майкла. Мы направились в его дом, и от всего этого я чувствовала себя не в своей тарелке. В этой машине слишком много жизни. Слишком много моей прошлой жизни и моментов, которые я не забуду. В этой машине я всегда была желанной, а он лучшим из лучших мужчин.

— Майкл, мы не можем жить так. У тебя своя личная жизнь, у меня своя. Это неправильно.

— Сейчас вы — моя личная жизнь, — ответил он. — Я хочу все вернуть. Я хочу вернуть нас с тобой, как друзей.

— Этого не будет, — посмотрела я на него со злостью. — Никогда.

— Что я должен знать о тебе, Эс? — проигнорировал он меня. — У тебя все равно нет выхода.

Мы остановились около дома, и он помог мне выйти. Наши друзья сделали то же самое, и девочки сказали, что накроют на стол. Мы же с Майклом направились на второй этаж. Дизайн дома меня всегда впечатлял. Каждая его комната была с белыми стенами. Из мебели в гостиной стоял большой синий диван, массажное кресло с красными подушками и два желтых стула, на которых Майкл любил читать. С одного конца комнаты по другую находилась черная тумба, на которой светились прожекторы, а на стене висела плазма. С другой стороны стены — проектор и рядом высокий ночник. Черная дверь, которая вела из гостиной в ванную. Ванная была белая. Стена напротив — черной. Белые стены, белые тумбы, зеркальная душевая кабина и красный свет, который светил только со стены. Кухня также была белой, где такого же цвета была встроенная техника. Белый стол и стулья. Черная барная стойка и тумбы. Дверь в кухню тут также была черной, и, если смотреть с другой стены, дверь переливалась в зависимости от цвета света. По другую сторону — окно во всю стену, где был потрясающий вид. Спальня Майкла была вроде простой, но это была моя любимая комната. Единственным освещением был прожектор в потолке. Огромная серая кровать, плазма и зеркало во всю стену, но все же сама комната была белой. Когда однажды я спросила у Майкла, почему все стены покрашены в белый, он ответил, что просто не хотел выбирать обои. Я засмеялась, но все же знала, что когда-нибудь он сам заговорит об этом. А потом спустя несколько месяцев он сказал, что хотел сделать свою жизнь немного светлее.

Знаете, мужчины — странные создания. Говорят, что женщины создают себе проблемы, а потом решают их сами. Но мужчины дивные. Они думают, что чем недоступней будет их сердце для нас, тем больше мы будем их любить и пытаться разгадать. Но эта мысль так же нелепа, как та, что, если мужчина нас не любит, мы будем сильнее любить. Женщины по природе своей пытаются спасти мужчину и чаще всего от самого себя, но, как и все, однажды мы просто выдыхаемся. Выдыхаемся и налаживаем свою жизнь, сохраняя свои нервы, а не судьбу мужчины.

— Пойдем, — протянул он мне руку, и я проигнорировала это, следуя за ним.

Мы вошли в комнату, которая точно принадлежала Эстель. Посредине стояла бордовая кроватка. Нежно-розовый цвет стен был идеален, и учитывая, что одна стена была полностью застеклена, в комнату проникало много света. Возле окна находилось кресло-качалка и весь потолок был в звездах, которые светились разными цветами. Я щелкнула выключателем, и свет погас, оставляя лишь звезды. Когда щелкнула на второй — тихая музыка начала играть, и я не могла поверить в происходящее.

— Есть много рамок, — мягко сказал Майкл. — Мы будем запечатлеть каждый важный момент ее жизни.

Я осматривала эту комнату и благодарила мысленно Майкла за такую сказку. Действительно, может моя душевная смерть этого стоила? Ради чего еще умирать, если не ради любви.

— Я не говорю по утрам, Майкл, — сказала я тихо, и он включил свет. — Никогда.

— Почему?

— Не знаю. Меня просто раздражает, если люди обращаются ко мне по утрам. Рассказывают, как у них дела, как только я встала с постели или открыла глаза. Я хочу подумать. Распланировать день и поразмыслить о важном.

— А что сделает тебя счастливой? — положил он Эстель в кроватку и достал из коробки видео-няню, найдя ей место на пеленальном столике.

— Завтрак, — смотрела я на него. — Когда я буду одна. Даже если он будет в три часа дня.

— Стейси, я подумал, что, возможно, нам в будущем нужно будет пожениться, чтобы Эстель росла в нормальной семье.

Я направилась к выходу, и Майкл пошел за мной. Он закрыл дверь и схватил меня за руку, разворачивая к себе.

— Я никогда не выйду за тебя замуж! Понял? — прошипела я сквозь зубы. — Я тебе не доверяю. Ты всегда будешь отцом Эстель, но никогда не будешь моим мужем. Ты хоть когда-нибудь думал о ком-то, кроме себя?

Мы стояли лицом к лицу, но на физиономии Майкла не дрогнул ни один мускул. И я не знала, он просто ничего не чувствует или настолько может себя контролировать. Подруги всегда называли его мастером самоконтроля,

но они просто не знали его, как я. Это было далеко не так. Он умел кричать, злиться и срываться, просто делал это только дома.

— А ты когда-нибудь думала о том, какой эффект на меня производит каждое твое слово? — я не ответила, и он продолжил: — Почему?

— Что почему?

— Почему ты не хочешь вернуть? — схватил он меня за талию, прижимая к себе. — Ты говорила, что любишь меня.

— А теперь послушай меня, — вырвалась я из его тисков. — Меня не впечатляют твои деньги или внешность. Ты привык, чтобы все женщины, которые тебя окружают, мирились с твоим свинством. Так вот я не буду очередной. Я пыталась открыть в тебе что-то хорошее. То, что, я верю, есть в глубине твоей души. Но какой смысл делать то, чего человек сам не хочет? Единственное, чему меня научила жизнь, это терять и не жалеть об этом.

Последние слова я произнесла шепотом. Он знал, что я права. Возможно, Майкл думал, что обязан, но я никогда не захочу замуж за человека, который не будет жить только нашей семьей. Который не будет любить меня, а не уважать обязанность.

— Ты не теряла меня, Стейси, — прошептал он.

— Нет, Майкл, не теряла, — направилась я к лестнице, чтобы спуститься. — Ты никогда мне не принадлежал.

Страсть впивается в кровь. В чертову кожу, и ты задыхаешься. Только страсть и желание дарит чувство одержимости, и ты начинаешь испытывать сначала сладкую, а потом мучительную боль. Касания и слова заставляют трепетать все тело, и ты не знаешь, с чего оно началось — с головы или кончиков пальцев. Ты чувствуешь каждым вдохом и выходом. Каждым стоном, и тогда воздух начинает пахнуть его духами.

Глава 2

Теперь я плохо спала. У меня есть тайны, и из-за них я не могу спать. Но еще — из-за дочери. Просыпаясь несколько раз за ночь, я устала от такого сна больше, чем, когда не спала вообще. Поэтому, открыв глаза после очередного кошмара, я увидела рядом лежащего Майкла, и меня как током ударило. Я толкнула его, и от неожиданности он упал с кровати.

— Что, черт возьми, ты тут делаешь? — прошипела я.

— С тобой веселее, когда ты спишь, — ответил он, протирая глаза.

На нем не было ничего, кроме спортивных штанов. Он был так красив и так соблазнителен. У Майкла были темные волосы и светлые глаза. Его тело было таким потрясающим, и я любила его запах. Слова, которые он говорил мне ночью, и душ. Я любила с ним утро и ночь. Вечер и сумерки. Все, что было связано с Майклом. Любила настолько сильно, как и ненавидела.

— Какого черта ты пришел сюда? — поднялась я с кровати.

— Только не кричи. И не бей меня,, — поставил он руки, защищаясь, но все же улыбнулся. Когда ты спала, то выглядела так спокойно и беззащитно, я понял — ты для меня все. У меня есть семья, Стейси. Семья, в которой я вырос, и они всегда будут моей семьей, моей кровью. Но ты — часть меня, часть моей души, часть моей кожи. Ты гораздо глубже, чем сердце, и твои слова гораздо важнее, чем каждый его стук в моей груди.

Я надела халат, затем подошла к Майклу, толкнула его в грудь и закрыла за нами дверь, чтобы не разбудить ребенка. Затем развернулась и обратила свою слабость в злость. Я толкнула его к стенке, не давая возможности пошевелиться.

— Я вижу, ты не очень рада жить со мной?

— Очень тонкое наблюдение, — ответила я. — Какого черта ты мне рассказываешь всякую чушь о любви?

— Мне больно, — закашлялся Майкл.

Я отпустила его и отошла на приличное расстояние.

— Я не знал, что у тебя такая сила, — потер он шею. — Но я лучше буду всю жизнь ругаться с тобой, чем смеяться с другой.

Я удивленно посмотрела на него и уже взяла вазу в руки, думая кинуть, но Майкл продолжил:

— Не смотри на меня так. Мы будем ругаться, потому что мы такие. Мы спорим и изводим друг друга. Это часть наших отношений.

— У нас нет никаких отношений! — крикнула я. — И ты знаешь это.

— Через какое-то время мы помиримся, и все снова будет хорошо, — продолжил Майкл, игнорируя мои слова. — Я люблю тебя, Стейси, и ты знаешь это. Да, я не могу быть с тобой, но я, черт возьми, люблю каждое мгновение с тобой. Ты — то лучшее, что есть во мне. Когда я взял нашу дочь на руки, ты посмотрела на меня так, что я понял одну важную вещь. Я чертовски привязался к тебе. И нам нужно прийти к какому-то компромиссу.

— Мой компромисс состоит в том, что, если тебе что-то не нравится, можешь катиться к хуям.

Я была слишком зла. И сейчас в другой комнате спит мой ребенок, а моя злость так сильна, что я даже не могу перестать метать молнии. Я подошла ближе к Майклу, а затем дала ему пощечину. Мы смотрели друг другу в глаза, и я видела, что Майкл больше не шутит. Он тоже злился и с трудом сдерживал себя.

— Посмотри за дочерью, — прошептала я, прежде чем выйти из дома и сесть в машину.

Сев за руль, я сделала несколько вдохов и выдохов и достала из заднего сидения запасную одежду. Она

всегда лежала у меня в машине, и после рождения Эстель я думала о том, что пора бы уже перестать ее хранить, но привычки порой въедаются в нас глубже, чем любая мораль. Затем я завела мотор и направилась в участок. Я устала от вранья. Я столько лет федерал и столько лет вру всем, кто меня окружает. Как и подозреваю. Я так много лет работала под прикрытием и просто забыла, как это — не подозревать всех. Но также я думала, что научилась контролировать себя. Но нет, при малейшей злости я прижимаю к стенке отца своего ребенка.

— Капитан Фостер, — сказала я, показывая значок, когда входила в здание.

Сразу направляясь в свой кабинет, я взяла пистолет и пошла на стрельбище. Пули летели прямо в голову, но мне не становилось легче. Я коп и все всегда держала под контролем. Но с приходом Майкла все изменилось. Я не могу контролировать ни его, ни свои чувства к нему. Когда я уезжала, это было не из-за Майкла. Конечно, я люблю его, но я не боюсь им. У меня никогда и ни с кем не может быть созависимости. Я не умею привыкать, и люди мне мешают. Черт возьми, как другие это делают? Как они мирятся с недостатками других и любят их, несмотря ни на что.

Я сменила обойму и снова нацелилась на мишень. Патрон за патроном, выстрел за выстрелом, и я понимала, как мне этого не хватало. Я оберегала своего ребенка, пусть даже до ее рождения. Она не должна быть похожей на меня, и будет лучше, чем оба ее родителя.

— Ты когда-нибудь успокаиваешься? — спросил мужской голос.

Я повернулась, сняв очки, и увидела Батлера. Моего босса. Мужчина, который проворачивает дела так, что иногда мы сомневаемся, что он просто человек.

— Здравствуйте, мистер Вист, — сказала я, убирая оружие. — Как дела?

— Мне нужна твоя помощь. Так что после того, как ты выпьешь кофе, зайди ко мне в кабинет.

— Есть, сэр.

Я качнула головой и вышла из здания. Прошла к ближайшей кофейне и перезвонила Эмили.

— Привет, — сказала Эмили, и я слышала улыбку в ее голосе.

— Эмили, ты очень занята?

— Я всегда занята, но, если тебе нужна помощь, я свободна.

— Ты могла бы поехать ко мне и посмотреть за Эстель?

— Ты оставила дочь одну? — удивленно спросила Эмили. — И уехала?

— Нет, нет, — возразила я. — Я оставила ее с Майклом. Но это то же самое, что оставить ее одну. Эмили, я не могу быть рядом с ним. А сегодня он начал признаваться мне в любви и говорить всю эту чушь, — закрыла я микрофон ладонью. — Один кофе без сахара, — и снова вернулась к Эмили. — Пожалуйста, я скоро вернусь, просто посмотри за моей дочерью.

— Хорошо, я уже выезжаю.

Я бросила трубку и снова вспомнила то, что было совсем недавно. Когда я была беременна, у меня была операция, от которой я чуть не пострадала. Поэтому меня долго и не могли найти. Меня никто не сможет найти, пока я сама этого не захочу.

В конечном итоге все в жизни относительно. Свобода и цели. Считать дни можно по разным причинам, но, несмотря ни на что, я так и не смогла отпустить. Я думала, что даже сердцу прикажу, но правда в том, что я всего лишь женщина, хоть и сильна по своей природе. Стоя на самом краю, я нуждалась в живом дыхании рядом. Пусть это приходит не сразу, а после 20 или 30, или после рождения ребенка, но это случается.

Я помню, как впервые увидела его. Как Майкл улыбался и выглядел таким расслабленным. Первое время он

даже не смотрел на меня, да и если быть совсем откровенной, я удивилась, когда это произошло. В нем одном было столько людей, и я хотела понять. Я хотела разгадать, хоть и знала, что потом мне станет скучно, и я уйду. Я всегда уходила. Но вот это произошло. В один момент я поняла, что чем больше узнаю его, тем больше завишу от этого общения. Я хотела знать больше, и это очень необычно, и если быть точной, то совсем не вовремя. Все его стороны оказались великолепны. Порой я хочу спросить, почему он такой. Почему он такой притягательный и красивый? Почему такой свободный и добрый? Почему он всем своим существом до изумления уважает меня и любит нашу дочь, несмотря на то, что мы пережили.

Зазвонил телефон, и когда я ответила на звонок, услышала Майкла.

— Ты серьезно? — слышала я злость. — Ты прислала Эмили посмотреть за дочерью. А я кто?

— Ее отец, — ответила я, выходя на улицу, сделав глоток кофе.

— Боже, как низко ты пала, Стейси.

— Еще немного, и тебя догоню.

— Эс, — вздохнул он. — Я не умею говорить правильные вещи.

— Да, Майкл, — снова была я в участке, показывая значок. — Ты говоришь только неправильные. Но послушай, то, что ты ее отец, не значит, что я тебе верю.

— Больная стерва.

— Вот и не забывай об этом, — бросила я трубку.

Я вошла в кабинет Батлера и села за стол. Он поднял голову и, улыбнувшись, бросил мне папку. Открыв ее, я увидела несколько фотографий.

— Женщины. Им всем до тридцати, и они все удушены. Самое главное, что у нас нет никаких зацепок, капитан Фостер. — Батлер покачал головой, ослабляя галстук. — Нам нужно что-либо. Кровь, отпечатки, что-нибудь, черт возьми. Пресса рвет и мечет, а я не знаю, что говорить.

— И что я должна делать?

— Ты нужна нам для прикрытия, — ответил он. — В общем, Стейси, ты и есть прикрытие.

— Я не могу больше, — закрыла я папку. — Я не могу так больше рисковать, у меня дочь.

— Ты не можешь уйти сейчас, Стейси. Ты думаешь, я хочу подвергать тебя опасности?

— Я не знаю, что вы хотите, майор Вист. Но я знаю, что теперь мне нужно быть приманкой и плохим копом для какого-то душителя.

— Капитан Фостер! — сказал он предупреждающе. — У вас есть два дня. Мы постараемся что-либо узнать. И он нужен нам живым. Мы все-таки закон.

— Есть, сэр.

Я разозлилась, но молча встала и вышла за дверь, услышав лишь свое имя вслед. Все было сложно. Со всеми мужчинами в моей жизни все было сложно. Вернувшись в свой кабинет, я смотрела на розы, которые уже давно завяли. Не знаю, почему моя душа лежала к этим цветам, или может быть из-за шипов. Даже этот уникальный цветок мог защитить себя.

В конечном итоге я открыла почту и начала смотреть материалы дела. Кофе было допито, и витамины, которые прописал мне доктор, я уже выпила. Посмотрев на часы, я поняла, что пора кормить ребенка. Я спустилась вниз, села за руль, и снова открыв дверь в квартиру, увидела Эмили и Майкла. У него на руках спала наша дочь. Я со злостью посмотрела на него, а он в ответ так же на меня. Но у Эмили была лишь надежда, и когда я склонилась и поцеловала Эстель в лобик, убедившись, что она в порядке, мы с Эмили пошли на кухню.

— Зачем ты это делаешь, Эс? — спросила она. — Ты делаешь ему больно, не доверяя.

— Эмили, я тебя люблю, — открыла я холодильник, доставая сыр и фрукты. — Но сейчас не время, серьезно.

— Эс, я знаю, что ты мне врешь. Я чувствую это. Но не буду из тебя ничего вытягивать.

— Черт! — выругалась я. — Ты не виновата. Знаешь, когда я была ребенком, то ждала, что для меня будет открыт весь мир. Что везде добро побеждает зло, и единороги живут за облаком.

— Ты была ребенком, — пожала она плечами. — Так и должно было быть.

— Наверное, но это ничего не дало мне в жизни.

Я знаю, что Майкл любит меня. Может быть, не такой любовью, которой я хотела бы, но все же по-своему я для него весь мир. Это не типичная история любви. Я никогда не могла даже надеяться на то, что меня будут любить, пусть настолько испорчено и чарующе в одно и то же время. Я цинична, эгоистична и мстительна. Добавляя до этого раны детства и родителей, которые бросили меня, не пояснив ничего, можно объяснить ту, которой я стала. Есть вещи, которые отпечатываются на нас и становятся частью всей последующей жизни.

— Ты опять одна.

— Я всегда одна.

— Это не твоя суть, Эс, — достала она телефон, читая сообщение.

— Это состояние души, Эмили.

Когда Эмили ушла по причине, что она срочно понадобилась в ресторане, я никак не могла заставить себя зайти к Майклу. Я знаю, что в жизни надо за все платить, но я плачу слишком дорогой ценой. Я всегда хотела ребенка, но никогда мужа. По одной простой причине — я никогда не смогу быть с ним до конца честной. Я даже со своей семьей не могу быть честна. И я просто не смогу стать другой, ведь не смогу признать и его мир, точно так же, как и он не признает мой.

Когда я поела и поставила варить спагетти, решила, что нам все равно придется поговорить, и нет смысла откладывать неизбежное. Войдя в комнату, я увидела Майкла, который сидел в кресле-качалке и держал на руках Эстель.

— Нужно принести плед, — сказала я, тихо. — Тебе что-нибудь нужно? Чай, капучино, плед, gps с маршрутом дороги в твою комнату?

— Нет, у меня есть все, что нужно — наша дочь, — ответил он, покачав головой. — Почему ты это сделала, Эс?

— Ты заставил меня ждать, Майкл. И я окрепла, как и мой характер.

— Твои истории, и то, что не сбылось — это все, чем ты тешишь себя. Иллюзия и надежды того, что что-то произойдет. Уже не будет как прежде. Боль не заставит тебя чувствовать. Боль причиняет только боль, и ничего кроме нее. Ты теряешь не сердце. Ты теряешь себя. Ты каждый раз летишь в пропасть, и я поднимаю тебя. Лучшие годы умчатся, и все это чертовски грустно. Жаль твоей надежды, твоей жизни, твоей любви, которая могла бы быть подарена другим. Ты выставляешь напоказ злобу и ненависть, но больше ничего не повторится. И потеряв сердце в следующий раз, можешь больше не вернуться.

Эстель начала плакать, и я мысленно сказала ей спасибо за это. Я не знала, что ответить, и подойдя ближе, взяла ее на руки. Майкл молча поднялся и вышел из комнаты. Я села на его место и начала кормить своего ребенка. Эстель заставляла меня улыбаться, и я наблюдала за тем, как она лежала у меня на руках, смотря своими большими глазами на мир вокруг, в который сейчас входило лишь два человека.

— Если рисовать свои мечты, никогда не ошибешься, — поцеловала я ее носик, улыбаясь. — Твои сны, пусть они будут твоей жизнью, но только хорошие. Я так хочу, чтобы ты была счастлива, Эстель.

Дверь снова открылась, и Майкл вошел с пледом в руках. Он укрыл нас, а затем присел на пол и стал разминать мои пальцы.

— Не надо, — одернула я ногу. — Не делай ничего такого.

— Расскажи мне, Стейси, — сказал он, игнорируя мою грубость.

— Что рассказать? — спросила я в недопонимании.

— Что-нибудь.

— Майкл, я говорила тебе, что, если бы ты не грозился забрать у меня дочь, меня не было бы тут. Давай не будем говорить ни о чем и сохраним нервные клетки друг друга.

— Нет, будем, — ответил он, потирая шею. — Вы двое — центр моей жизни, а я ничего не значу для тебя. И я с ума схожу от понимания этого.

— Ты не способен делиться переживаниями, Майкл, — ответила я, качая дочь. — Ты всегда остаешься эгоистом, поэтому я тебе не верю. А, как бы то ни было, отношения — это доверие. — Я перевела взгляд на Эстель. — Доченька, если в твоей жизни встретится такой же непутевый мужчина, как твой папа, разведись с ним, прежде чем выйдешь за него замуж.

Майкл молча смотрел на меня, и я отвела взгляд. Я не могла ему сопротивляться. С самой первой встречи у нас была какая-то связь, которую я никак не могла объяснить. И когда я была готова сделать следующий шаг, он ушел. Часть меня всегда будет его ждать, но также я поняла, что была влюблена в придуманный мною облик.

— Прости что не уберег тебя, Стейси.

Майкл забрал у меня дочь и положил ее в кроватку. Затем сел на пол у моих ног и взял меня за руку. Он впервые так нежно держал меня. Майкл гладил костяшки моих пальцев, и я была потеряна. Когда мы занимались сексом, я не смущалась, но как только он проявил нежность, не знала, как себя вести. Почему я такая? Или же все дело именно в Майкле? Я думаю, что больше не смогу ему верить. Что бы он не сделал, я буду все время подозревать его в измене. И это никогда не изменится. У нас есть потрясающая дочь, но то, что между нами, мне кажется до невыносимости неправильным.

Я сильнее укрылась пледом, словно он мог защитить меня от откровенности.

— Я люблю музыку, — прошептала я.

— Что? — мои слова были для него неожиданностью.

— Даже не музыку, а мелодии. Я могу слушать песни на разных языках, которые не понимаю, но все равно люблю их. Ведь они так прекрасны. Мелодии, они завораживают и заставляют любить, — перевела я взгляд на кроватку, а Майкл смотрел на меня, словно видел впервые в жизни.

— Ты ведь играешь на гитаре?

— Играю. Начала играть, чтобы доказать родителям, что чего-то стою, но мне начало нравиться, и гитара часто была моей единственной семьей.

— Что ты любишь?

— Запах роз.

— Ненавижу розы, — скривился он, после чего я засмеялась. — Я хочу тебя.

— Я не такая доступная, Майкл, — ответила я, снова понимая, что он совсем не знал моего сердца так, как знал тело. — И нужно было сразу догадаться, о чем все эти разговоры о любви.

— Тогда хотя бы поцелуй.

— Я лучше пересплю с тобой, — попыталась я встать, но Майкл подвинулся ближе. — Слушай, перестань прижиматься ко мне.

— Я ничего не могу поделать с собой.

— Сделай что-нибудь с этим.

Я сбросила плед, а Майкл поднял меня на руки и вынес из комнаты. Он сел в гостиной на диван и посадил меня к себе на колени. Я смотрела на него, разрешая все это проделывать с собой, и он впился страстным поцелуем своими губами в мои. Сначала, я пыталась вырваться, но все же я лишь слабая женщина, а руки мужчины, которого ты любишь, действуют почти опьяняющие. Я так соскучилась по чувству защищенности, по чувству слабости и ощущению, когда нужна кому-то. Я не целовала его в ответ, а лишь вцепилась ногтями в его шею, пытаясь запечатлеть этот момент.

— Поцелуй меня, — прошептал он мне в губы почти в отчаянии. — Пожалуйста. Ты так нужна мне.

Я в постоянном психологическом напряжении. И вроде все хорошо, но чего-то не хватает. Раньше мне не хватало одиночества, а теперь не хватает того, кто был бы рядом. Не хватает того, к кому я привыкла. Майкла. Боже, как мне не хватает нашей дружбы и легкости. Как мне не хватает лишь желания без необходимости заботиться.

— Подожди, — прервалась я, сорвавшись с места. — То, что прошло, не вернешь, Майкл.

— Эс...

— Если бы ты спросил меня тогда, я бы не отказала тебе, — прервала я его. — Не пытайся войти в один ручей дважды, и не разрушай то, что есть.

— По сути у нас ничего нет.

— Ты прав, — зазвонил мой телефон, но я проигнорировала его. — Наши отношения нужно было закончить на этапе рождения Эстель, и тогда не было бы еще больше разочарований.

Я вернулась в спальню и хотела немного поспать, но потом вспомнила о звонке. Прочитав сообщение от шефа, я снова оделась и вышла в коридор. Майкл так же куда-то собирался и удивленно смотрел на меня, когда я брала ключи из тумбы, пряча их в карман.

— Куда ты?

— К своим друзьям, — соврала я.

— У тебя мало друзей, и все они у нас общие.

— У меня их много, — открывала я уже дверь, когда Майкл поднял меня на руки и, поставив опять на землю, перекрыл дорогу, загораживая дверь.

— Кто твои друзья?

— Люди, которых я знаю.

— И почему я с ними не знаком?

— Они тебя не любят.

— Они меня не знают, — все не унимался он.

— Им не нравится то, что они о тебе слышали, — посмотрела я на часы. — Отойди от двери.

— Кто им вообще мог что-то обо мне сказать?

— Я, — прошипела я. — Мне ты тоже не нравишься.

— Я ревную, Стейси.

— Ты ревнуешь? — засмеялась я наигранно. — Ты не имеешь права меня ревновать.

— Я знаю, но это не меняет того факта, что это действительно так.

— Отойди от двери. Сейчас же.

Я не понимаю, почему Майкл вызывал во мне такую злость, но увидев это, он сделал, как я сказала. Я знаю, что этот мужчина сильнее меня, но не сильнее того другого человека, который живет во мне. И я точно не хотела, чтобы он узнал ее. Как бы мы не пытались гореть, чаще всего этот огонь обжигает нас самих.

— Мне нравится этот шкаф, — сказала я, оттолкнув Майкла. — Но, если ты еще раз такое выкинешь, он упадет тебе на голову.

— Знаешь, я помню, как ты разозлила меня, когда решила, что я принадлежу тебе. Как ты плакала однажды, найдя свою фотографию, когда была еще ребенком. Ты плакала, и мой гнев в тот момент сразу остыл, — снова схватил он меня за руку, не отпуская. — Мне не верилось, что это беззащитное существо, которое было все в слезах, было тобой. Ты храбрая, вырубаешь двигатели, водишь Харлей и даже даешь уроки тона всяким ублюдкам, но твои слезы тогда поразили меня, — отпустил он мою руку. — Тогда я впервые что-то почувствовал к тебе. Я обнял тебя, и мне хотелось, чтобы тебе стало легче, ведь до этого я предпочел бы остаться в одном помещении с роем разъяренных пчел, чем с плачущей женщиной.

Наши взгляды встретились, и некоторое время мы молчали. Я задрожала, но не от холода. Майкл никогда ничем не делился, почти ничем, если быть точной. Все ощущения рядом с ним умножались и обострялись, и холод, который я чувствовала, был скорее от собственного тела, особенно учитывая, какой жар сейчас пылал в Майкле. Его лицо и запах. Липкие пальцы и пересохшие губы.

Несмотря на все то, что мне до безумия хотелось остаться и забыться, я оттолкнула Майкла и вышла за дверь, быстрым шагом спускаясь вниз. Сев в машину, я завела мотор и направилась на работу. Я пыталась всегда помочь тем, кто слабее меня, а таких было большинство людей на планете. Когда-то мой ребенок может столкнуться с такой же проблемой, и я хочу, чтобы ей помогли.

— Эс, тебе нужно его допросить, — сказал Батлер, встретив меня на коридоре. — Нужно, чтобы он сдал своих поделщиков.

— Почему ты думаешь, что он действовал не один? — направлялись мы в комнату для допросов.

— Верь мне, Стейси, — сказал он тихо, прежде чем уйти. — Просто верь.

Я вошла в кабинет и посмотрела на очередное лицо, которое уже имело сломанную жизнь. Каждый, кто тут сидел, уже имел ее за плечами, и порой я сочувствовала этим людям.

— Помоги мне, — села я напротив. — Тогда я помогу тебе.

— Я не знаю, о чем вы, — ответил расслаблено он.

— Если дашь мне информацию, тогда я попробую выбить для тебя условное.

— Ты и пальцем не пошевелишь.

— Ладно, будет по-плохому, — встала я с места. — Снимай одежду.

— Что?

— Джейк Адамс, вы арестованы за соучастие в попытке покушения на жизнь работника полиции, — направилась я к двери.

— Вы куда?

— Принесу тюремную робу.

— Стой, — вскрикнул он. — Стой. Но сначала мне нужно доказательство, что ты меня не уничтожишь.

— Я достану его, если твои слова сочту полезными.

Я ушла в свой кабинет и начала пробивать по всем каналам. Я звонила и писала каждому, кто мог бы мне помочь или сообщить хоть какую-то информацию. Через несколько часов работы, Батлер сообщил, кто такой душитель. Оставалось только, чтобы он клюнул на уловку, и никто не пострадал. Чтобы мы могли его посадить за все, что он сделал. Но вот точно, чего я не ожидала, так это того, что он клиент Эмили.

— Что ты ему пообещала? — спросил меня Вист, войдя ко мне в кабинет с очередной папкой бумаг.

— Иммуитет, — ответила я, просматривая. — Но я не собираюсь этого делать.

— Эс, я дам тебе совет, — пристроился он напротив, доставая телефон. — Когда даешь обещание, сдерживай, даже если ты даешь их тому, кто на скамье подсудимых.

— Я не играю по правилам, Вист, — посмотрела я на часы. — А теперь мне пора к своему ребенку.

— Ты в порядке? — встал он вместе со мной.

— Я буду, — чуть усмехнулась я. — Но мне нужно поспать.

Завтра был мой день рождения, и я знала, что друзья устроят вечеринку. Вечеринку, которой я не хотела. Придя домой, я увидела, как Майкл носит Эстель на руках, а та не перестает плакать.

— Где тебя черти носят? — закричал он. — Я не могу ее успокоить и не знаю, что должен делать.

— Дай мне ее, — забрала я Эстель на руки. — Ей нужно поесть.

— Как и мне, — выругался он. — И давай мы кое-что проясним, Эс, мы с тобой не женаты. Ты меня не хочешь, и спихивать на меня ребенка на весь день я тебе не дам. Я буду полностью вас обеспечивать, но для этого ты должна сидеть с ней дома, а я ходить на работу, и никак наоборот.

— Не кричи на меня, — прошипела я, когда Эстель начала кушать. — Я живой человек, и не смей сажать меня в клетку по своему собственному желанию.

— Почему ты мне не скажешь, куда уходишь?

— Потому что я вообще больше не собираюсь об этом разговаривать!

Майкл выругался сквозь зубы, и затем я услышала стук входной двери. Боже, когда я стала такой бездушной? И почему я все время делаю ему больно, как только вспоминаю, что люблю? Когда рядом был Майкл, я не видела никого другого, и может быть, в этом и была вся причина? Я ненавидела себя за чувства, и срывала на нем злость. Я хотела, чтобы сейчас он не ушел из дома, хлопнув дверью, а остался рядом. Хотела, чтобы он сказал мне, что всегда любил, и не хочет тратить все время мира, ведь может произойти что угодно. Но Майкл был другой. Он бы никогда не признался, даже если бы чувствовал что-то близкое к словам, о которых я всю жизнь мечтала.

— Твой папа очень ждал тебя, малышка, — качала я своего ребенка. — Он ждал тебя так, как не ждут никого и ничего в целой жизни. Когда тебе плохо, он не знает, что делать, и ведет себя хуже, чем ты, от страха за твою жизнь. Он самый внимательный отец, которого можно желать, и поверь, я знаю, о чем говорю, ведь я не помню своего. Пусть он злится, и я не права, но именно Майкл всегда будет знать, как нужно тебе улыбнуться, чтобы улыбнулась ты. Он очень радуется, когда видит тебя. И твой отец делает меня счастливой, пусть я никогда в этом не признаюсь. Он будет твоим лучшим учителем, милая, и всегда будет уважать твой выбор. Ты еще такая маленькая, а он уже знает тебя, как красивую, сумасшедшую и немного странную его любимую дочурку. Он

никому и никогда не позволит навредить тебе. Ты его ангел. Свет его жизни. Ты сияешь, словно солнце, и мы видим это в тебе. Когда он первый раз взглянул в твои глаза, он понял, что раньше-то и не был счастлив. Да и я не думала, что Майкл сможет быть хорошим отцом. Но потом он тебе улыбнулся, и с того момента я поняла, что именно он всегда будет твоей опорой. Ты похожа на него, Эстель. У тебя мои глаза, но его сердце.

Я помыла ее маленькое тельце, сменила памперс, и переодела. Я получала такое удовольствие от таких действий, и теперь чувствовала почти сверхъестественное тепло, которого и не думала, что смогу когда-либо почувствовать. Я смотрела на свою дочь, и в который раз пообещала себе, что стану лучшей мамой для своей малышки.

— А теперь идем спать, — направились мы в мою спальню. — Нам обоим пора отдохнуть.

«Я никогда не замечал, что быть человеком так уж трудно. Мне казалось живешь себе и живи». Жан-поль Сартр.

Глава 3

Были очень редкие случаи, когда я чувствовала, что она любит меня, всегда повторяя одну и ту же фразу: «Женщина не может жить без мужчины по своей природе». Всегда осуждала меня и ни разу не сказала, что гордится. Что бы я не делала и чего бы не добилась, всегда воспринимала это, как само собой разумеющееся. Моя мать никогда не разрешала мне проводить время со сверстниками и считала, что, купив одну вещь, становилась матерью года. Я никогда не слышала, что могу быть примером для подражания, но частенько слышала ее похвалу о других детях. Она могла меня ударить по лицу за сказанную правду, которую она никогда не хотела слышать. И я никогда не чувствовала себя любимой.

Прежде чем встать с постели, я смотрела в потолок, чтобы просто подумать. Я планировала свой день каждое утро последних 25 лет, или с тех пор, как мне исполнилось пять. Это было глупо, ведь не всегда все получалось, как задумывалось, но так я чувствовала себя комфортней. Я хотела снова сесть на лошадь, ведь так любила этих животных. Я душевно отдыхала, когда ездила верхом, и Милана (так зовут мою любимицу) способна различать эмоции в моем голосе. Это было не только потому, что у лошадей есть такая способность, но и потому, что эту красавицу я считала своим другом и пыталась быть ей другом в ответ.

Встав с постели спустя почти час, я отправилась на кухню делать кофе. Выйдя из комнаты, сразу почувствовала запах еды.

— Сегодня твой день рождения, — сказал Майкл, усмехнувшись. — И я буду готовить для тебя.

— Не стоит, — включила я кофемашину.

— Наша дочь еще спит? — игнорировал он мои слова.

— Да.

— Я соскучился по твоей улыбке, Стейси.

Я села на стол, наблюдая за Майклом. Меня злило, что он делает вид, словно ничего не было, и как будто мы семья. Но с другой стороны, Вудс был удивительно красивым. Он был одет в белую майку и джинсы, которые низко сидели на его бедрах. После рождения дочери я часто вспоминаю свое детство, и за всю мою жизнь никто не устраивал мне праздника в честь моего дня рождения. Слезы потекли из моих глаз и скатились по щекам. Майкл посмотрел на меня сначала с непониманием, а затем разозлился. Он подошел, и как только попытался обнять, я оттолкнула его и, словно обезумевшая, начала бить, чтобы он отошел. Но Майкл всегда умел меня обуздать, когда это было по-настоящему нужно. Он схватил мои руки и сильно прижал к себе. Я плакала и отдавалась ему. Обняла за шею и успокоилась.

— Что такое, Эс? — спросил он, поглаживая мою спину. — Что случилось? Милая, не плачь.

— Я ненавижу тебя, — ответила я, не в состоянии остановить слезы.

— Тихо, тихо, — он гладил мои волосы. — Тихо, Эс.

Я перестала играть лишь на мгновение. Вспоминая переплетение взглядов и наших рук, это было как сладкий сон, которому не суждено повториться. Порой, несмотря на мой ум и земное восприятие жизни, мне хотелось, чтобы со мной поговорили о великом. С Майклом мы никогда в этом не сходились, но почему-то только он мог держать меня на плаву.

— Тебе не кажется, что мир замер? — прошептала я, положив голову ему на плечо.

— Я тебя не понял.

— В этом-то вся и проблема.

Я оттолкнула Майкла от себя, вытирая лицо, и оглянулась вокруг. По кухне, коридору и дальше гостиной стояло множество роз разных цветов. Они все были в вазах, и все выглядело так потрясающе. Так красиво и до изумления великолепно.

— Ты же говорил, что не любишь запах роз, — перевела я взгляд на Майкла.

— Это... — улыбнулся он. — Это было раньше. Теперь для меня розы пахнут тобой. Расскажи мне что-нибудь о себе, Стейси.

— Майкл...

— Что-нибудь, — перебил он меня.

— Я не знала своего отца, а моя мать умерла, когда отец ушел от нее.

— Любовь не стоит того, чтобы из-за нее умирать, — вернулся Майкл к маринованию мяса.

— А чего она стоит?

— Ради любви живут, Стейси.

— Моя мать настолько вжилась в роль актрисы, что даже на смертном одре она играла кого-то.

— Ты сильная, Стейси, — посмотрел он на меня, и мне показалось, что в его взгляде мелькнуло сочувствие. — Ну а то, что ты красива, это не комплимент, а констатация факта.

— Слушай, Майкл, я не хочу неловкости. Хотя мы проделывали такие вещи, что неловкостям просто нет места в наших отношениях, но все же мы никогда не будем ближе, чем в постели. Я не раскроюсь тебе. И не только потому, что не совсем тебе доверяю, но и потому, что я не доверяю до конца никому.

— Стейси, — начал Майкл, доставая вино из холодильника. — Я не пытаюсь исправить тебя. Не хочу, чтобы ты становилась нежной, открытой и покорной, это не ты. И я не готов быть мужчиной, который будет всегда защищать тебя от самой себя. Я хочу действовать заодно с тобой. И если где-то внутри твоей души ты тоже этого хочешь — дай мне знак.

— Я не хочу отношений, Майкл, — стала я рядом с ним, разливая кофе по чашкам. — Но сегодня мы будем семьей.

— Хорошо, — усмехнулся он, убирая прядь волос с моего лица. — Пока что мне этого достаточно.

Я построила стену вокруг себя. Мне так проще, вот и причина моего одиночества. Я люблю своего ребенка и всегда буду рядом с ней, но мужчина — это другое. Он разобьет сердце, а я больше никогда не смогу полюбить. Хотя мне кажется, что я и так не смогу больше полюбить.

— Майкл, нам нужно поговорить, — села я за стол.

— Давай поговорим.

Это была попытка — жить с человеком, которого любишь и ненавидишь, особенно зная, что он каждую ночь в соседней спальне.

Майкл присел возле меня и обдал теплым дыханием мою шею, проведя языком по пульсирующей вене. Мне нужно было оттолкнуть его, но в то же время я молила, чтобы он не останавливался. Я предоставила ему лучший доступ, и он воспользовался этим, целуя и покусывая мою кожу. Подняв меня на руки, Майкл сжал до боли мои ягодицы, и я обняла ногами его талию.

— Поцелуй меня, — прошептал он мне в губы.

— Я лучше пересплю с тобой, — сняла я с него футболку. — Я соскучилась по твоему телу.

— А я соскучился по тебе, Стейси.

И эти слова были, как тормоз. Я оттолкнула его от себя, но Майкл словно ничего не почувствовал, еще сильнее

прижался ко мне.

— Ты называешь меня эгоистом, хотя я думаю о тебе и нашей дочери больше, чем о себе или о чем-либо, — видела я злость в его глазах. — Не стыкуется, тебе не кажется?

— А мы не в зале суда, тебе не кажется?

— У тебя нет аргументов, верно?

— Слушай, может ты заболел? — отвечала я с такой же злостью. — Засунь свой член в кого-нибудь другого, тебе обычно помогает.

Майкл хмыкнул, затем снова впился мне в губы. Черт, как он пахнет. Как я любила то, как Майкл касался меня, и как я любила то, как он любил меня. Извращенно. Ненормально и совсем не романтично. Плевать. Я знала это. Может, не той любовью, которой я хотела, но факт любви им и остается. Его язык встретился с моим, и я прикусила его губу, чувствуя вкус крови.

— Я не успокоюсь, пока ты не будешь моей. Пока ты не признаешь это, — мы соприкоснулись лбами, смотря друг другу в глаза. — Пока я не буду каждую ночь спать и просыпаться с тобой в одной кровати. В одних простынях. Между бедер друг друга. Каждое чертовое утро.

Я все-таки оттолкнула его и ударила по лицу.

— Черт, я сломала ноготь, идиот, — показала я ему средний палец.

— Ты обижаешься на меня, да? — повысил он голос.

— Я не обижаюсь на тебя, Майкл, — взяла я чашку, делая глоток кофе. — Просто не хочу говорить о нас, когда такого понятия как «мы» нет.

— Зачем ты делаешь вид, что простила?

— С чего ты взял, что делаю вид?

— Потому что я знаю тебя, дорогуша, — повернулся он ко мне спиной, вытягивая мясо из духовки. — Ты не умеешь прощать.

Я услышала плачь Эстель и прежде, чем направиться к ней, сказала:

— Вот придурок. Ты даже не даешь поспать собственной дочери.

Когда я прибежала к ней в комнату, Эстель плакала, и я снова смотрела на свои глаза на ее потрясающем личике.

— Тише, любимая, — прошептала я, беря ее на руки. — Мама рядом. Сейчас мы будем есть.

Солнце освещало комнату, и я качала своего ребенка. Затем я сняла шелковый халат, начиная кормить ее, и ногой открыла шкаф.

— Моя мать все время осуждала меня. Всегда критиковала и никогда не хвалила. Я всегда буду возвышать тебя, Эстель, обещаю.

Моя дочь смотрела на меня своими потрясающе красивыми глазами, воспринимая этот мир еще таким, каков он есть — волшебным. Я почувствовала руку на моей пояснице и томное дыхание на шее.

— Лакомый кусочек, — прошептал Майкл. — Ты стала еще красивей.

— Не делай этого, Майкл, — ответила я так же тихо. — У меня на руках дочь.

Он смотрел на мое обнаженное тело, и на то, как я кормила нашего ребенка. Затем забрал Эстель и поцеловал

ее в лобик. У них была какая-то особенная связь, и меня это радовало и злило одновременно. Майкл словно глазами говорил с ней, а она ему улыбнулась, когда он положил ее в кровать. Затем повернулся ко мне и с каждым шагом, пока приближался, я отходила. Сделав шаг побольше, Майкл одним резким движением развернул меня к стене. Провел рукой по спине, надавив на поясницу так, чтобы я выгнулась. И как только я оказалась в таком положении, он провел кончиками пальцев от лобка до входа, надавливая на клитор.

— Ах... — застонала я, цепляясь за стену.

— Как я соскучился по твоему вкусу, — прошептал Майкл, входя в меня одним пальцем, и опустившись на колени, провел языком по моим складочкам.

Сейчас я была готова кончить только от его прикосновений. Майкл ускорял темп, и когда вошел в меня двумя пальцами, я закричала, и он развернул меня лицом к себе, при этом продолжая толчки пальцами и языком. Он стоял передо мной на коленях и не отводил взгляд. Я пришла к пику настолько неожиданно, держась за его волосы и хватая ртом воздух. Майкл победно улыбнулся и облизал губы, затем снял брюки и провел пальцами по всей длине члена. Он поднял меня на руки, выходя из комнаты, и направился в кухню. Положив меня на кухонный стол, Майкл раздвинул мои ноги и медленно вошел. Я подняла ноги, закидывая ему их на шею, и он сжал ладонями мою грудь, ускоряя темп, двигаясь быстро и жестко.

— Майкл, еще... — кричала я. — Быстрее.

— Мы занимаемся сексом, — зарычал он.

— Я заметила.

Резким движением Майкл вышел из меня и провел языком по моим набухшим складочкам. Я отклонила голову назад, задыхаясь от чувств, которые переполняли меня. Он поднял меня в воздух и я, обнимая его ногами за талию, брала все, что он мне давал. Страстно, резко, с зубами на моей груди и ногтями на его спине. Я соскочила вниз, проведя кончиками пальцев по его идеальному торсу, и он взяв меня за шею, прижал к стенке и впился в мои губы почти болезненно.

Секс. У нас было сумасшедшее влечение. Мы не отводили взгляд друг от друга. То, что мы чувствовали, когда находились просто в одной комнате, было так необъяснимо. И так сильно.

— Я скучал по тебе, Стейси, — зарычал он мне в губы.

Я толкнула его на стол и медленно опустилась на член. Майкл улыбнулся и, поднимая меня за ягодицы, ускорял темп. Мы все время не сводили взгляд друг с друга, словно пытались впитать те эмоции, страсть и чувства, которые были внутри. Вонзаясь в меня, словно после жизненной разлуки, я понимала, что не так скучала по нему, как исключительно по нашему сексу. Мои руки были на его спине, царапая ее до крови. Мы быстро двигались, и когда Майкл вошел пальцем в мой задний проход, всё еще посасывая грудь, я снова взорвалась. Он последовал за мной, сильно прижимая к себе, и несколько минут все еще не переставал двигаться внутри.

Я оставалась в такой позе еще какое-то время, вспоминая, как все начиналось. Как я отправила ему пустой блокнот, на котором было написано: «История моих с тобой оргазмов». Майкл знал, что это не так, и оценил мою шутку. После он оплатил мне прислав лифчик-нулевку и бикини размера XL. У нас были потрясающие отношения, а затем мы оба испортили их чувствами.

Я поцеловала его в щеку и отправилась в душ. Мы оба знали, что так будет, и оба принимали это. Мы поступали друг с другом так же, как со всеми остальными выбывающими людьми в нашей жизни, пытаясь убежать не от них, а от нас самих.

Я отключила воду после того, как стерла с себя все следы. Стерла его запах и доказательство любых прикосновений. Я пыталась отключиться от всего, что было бы связано с Майклом. Он открыл дверь в ванную и подал мне полотенце.

— Может, мы пойдем развлекаться этой ночью?

— Сходи в клуб, — завернулась я в полотенце, поднимая на него глаза.

— Я хочу с тобой, Эс, — схватил он меня за руку. — Ты же любила наши игры.

— На самом деле я не люблю клубы, Вудс, — вырвалась я. — Мне не нравится эта странная музыка, алкоголь, запах сигарет и особенно мужчины, которые мнят себя трезвыми красавцами.

— Что же ты тогда любишь? Ты же все время жила такой жизнью.

— Я люблю прогулки летними вечерами и уровень интеллекта у мужчины, с которым я веду беседу.

— Ты так отстала от жизни, Эс.

— Наверное, поэтому я до сих пор не замужем, — открыла я дверь, направляясь к дочери и "молитве", которая должна мне помочь пережить сегодняшний день.

Что значит наш человек? Человек, с которым ты можешь отлично поговорить или хорошо помолчать? Тот, который тебя слушает или слышит? Тот, с которым хочется спать или просыпаться? Тот, с которым приятно ужинать или комфортно завтракать? Почему, когда умирают сотни людей, мы ничего не чувствуем, если не знаем их? Где та самая грань? И я понимаю, что все люди разные, но почему грань сопереживания, сочувствия и поддержки у нас так отличается? Почему мои подруги сопереживают всем, а я со стула не встану больше чем за десяток людей на этой планете? Как часто люди называют меня бесчувственной, но на самом деле, по большому счету, никто не пытается узнать причины. Когда ты закрываешься, люди думают, что ты жесток, но никто не рассуждает о том, что ты сильный из-за пройденного и недоверчив из-за пережитого.

— Ты пахнешь сексом, — прошептала Эмили, улыбаясь, когда мы сидели на веранде.

— Вообще-то я пахну Шанель, — закатила я глаза.

— Нет, — покачала головой Эбби. — Ты пахнешь жестким, животным, фантастическим сексом. У меня нюх на такое.

— Надо же, как ты изголодалась, — засмеялась я в ответ.

— Боже, милая, ты потрясающе выглядишь, — улыбнулась Ева. — Фигура, улыбка, походка, блеск в глазах. Ты влюбилась?

— Потражалась.

— Вы с Майклом снова вместе? — в замешательстве спросила Долорес.

— Нет. Мне не нужен больше мимолетный роман, даже с отцом моей дочери.

— А как же вы общаетесь?

— Он делает то, что хочет, а я не спрашиваю и не запрещаю. Пока Эстель в безопасности, он может строить Титаник и запускать его по воде в ванной.

На улице было четыре часа дня и я, как и каждый день рождения, встречалась с подругами. Мы все называем друг друга семьей, но для меня это больше, чем семья. У всех них было хотя бы по одному родителю, которые их любили, я же была совсем одна. В этом мире у меня кроме них нет ни одного человека, который бы верил в меня, любил и был рядом, несмотря ни на что. Та ссора в клубе, которая свела нас вместе, была не просто очередной моей вспышкой. Тогда я работала под прикрытием и с первых секунд знала, что смогу им верить. Но все-таки не смогу рассказать правду о своей жизни, и не потому что не верю, а просто хочу держать их подальше от опасности.

— Почему ты не хочешь хотя бы попробовать? — спросила Донна.

— Он называет меня лакомый кусочек, — закатила я глаза.

— Тебя бесит, когда он тебя критикует и когда не критикует, — сделала глоток вина Долорес.

— Это неправда, — возразила я.

— Правда, ты не воспринимаешь даже конструктивной критики.

— Я хочу умного мужчину. Чтобы его энергию я чувствовала через всю комнату. Чтобы его взгляд раздевал меня на расстоянии километра. И его руки на себе в то время, как они находятся в карманах его идеальных классических брюк. Пошел он нахрен, — прошептала я, улыбаясь, и выпила стакан сока.

— Принято, — засмеялась Эмили, поднимая бокал с вином.

— Представляете, он утром готовил завтрак. Для меня мужская готовка, как насилие в семье.

— В смысле? — в замешательстве спросила Эбби.

— Ну ты через это проходишь и надеешься, что это никогда больше не повторится.

Подруги переглянулись между собой, а я опустила глаза, смотря на свои ногти. Они всегда пытались меня уберечь, и пока я не взяла в руки оружие, мне становилось с каждым днем хуже. Я не могла контролировать свою злость и просыпалась день ото дня с единственной мыслью — в этой жизни мне чего-то не хватает. Многие люди говорят, что человеку нужен только другой человек, но мне нужна цель. Раньше у меня были только планы и мечты. Все люди очень красиво рассуждают об ошибках, недостатках и возможностях других, но, когда сами могут превратить желания в цели, понимают, что слишком слабы. Человек нужен, но только для поддержки вашего решения.

— Меня бесит, когда я веду машину, а Адам возле меня не затыкается, — покачала головой Донна. — Он понимает, что педали и руль у меня, но не может заткнуться и молиться, а добравшись до места конечной станции, пожать мне руку. Он иногда, как старуха, ругается и кормит кошку.

Мы все засмеялись, смотря на Донну, которая светилась от счастья, несмотря на рассказы о мужчине, который день за днем покорял ее сердце.

— Зачем ты начала это, Эс? — спросила Долорес.

— Я думаю, Майкл, добрый и милый, — добавила Ева.

— Он был мне как брат и любовник в одном лице.

— И ты его любишь?

— Иногда, — улыбнулась я, пытаюсь скрыть свои чувства. — Как человек, я понимаю его страхи, но как женщина, хочу застрелить, — посмотрела я на часы, а затем поднялась со стула. — Мне нужно идти Эстель кормить, да и Майклу ещё самому нужна нянька.

— Ладно тебе, Эс, ты и так все время с дочерью, — улыбнулась Эбби. — Кроме того, он не сделает ничего нашему маленькому сокровищу.

— Нет, но он может споткнуться об стул, наливая утром стакан воды, так что я все-таки пойду проверю.

Я вошла в дом и увидела всех мужчин. Майкл снова что-то готовил, а Эстель лежала на руках у Адама.

— Привет, милая, — подмигнул мне Майкл.

— Ага.

— Привет, мамочка, — улыбнулся друг.

Майкл не сводил с меня глаз и усмехался. Я знала эту ухмылку, и знала, что, если так пойдет и дальше, я не буду принадлежать себе. Весь дом был в цветах. Розы были везде, и я конечно в этом не признаюсь, но праздника лучше у меня не было еще никогда.

— Мне нужно ее покормить, — взяла я дочь на руки, направляясь вверх. — Твой папа не такой уж и придурок.

— Рад, что ты заметила, — услышала я голос Майкла позади.

— Ты переодевал ее? — вошли мы в спальню.

— Да.

Я села на диван и начала кормить дочь. Майкл снял с меня туфли и поцеловал щиколотку на ноге. Этот момент был таким интимным и таким неловким для меня. Вот она — классика жанра. Секс, как само собой разумеющееся, но поцелуй вызывает неловкость. Когда произошло то, что сейчас мы называем нормальным? Когда женщины перестали быть нежными, а мужчины мужественными?

— О чём ты думаешь, лакомый кусочек?

— Не называй меня так.

— Сегодня ночью мы идем в кино.

— Может быть, я хотела в театр?

— Оперу любит Эмили, Донна и Долорес. Эбби нравится балет. А тебе и Еве — кино. Я не только трахал тебя, Стейси, я тебя слушал. — Я не могла сказать ни слова, будучи уверенной до этого, что Майкл толком не слушал меня ни разу. — Выходим в семь, — улыбнулся он, целуя дочь в щеку, а затем покинул комнату.

Я всегда считала себя особенной. Люди так легко открывают свои сердца и души, не думая о том, что потом не будет уже как раньше. Назад мы не возвращаемся. У нас нет песочных часов в кинжале, которые мы можем зарыть в стену и вернуть все в момент, когда только запомнили собственное имя. Мои подруги открываются или открылись своим мужчинам, а я не могу. Недоверие закрывает мое сознание, хотя я часто ловлю себя на мысли, что забываю обо всем, когда нахожусь рядом с Майклом.

Я покормила Эстель, а затем снова переодела ее. Мне нравилось это делать. И я пыталась все время с ней разговаривать.

— Запомни, милая, когда мужчина говорит, что он не такой, тогда он и правда не такой. Он самый большой идиот, которого раньше ты точно не встречала.

Спустя минут двадцать я вышла из спальни с Эстель на руках. Адам обнимал Донну, сидя на диване, Брайан что-то рассказывал, держа в руках бокал с виски, а его жена, Майкл, Долорес, Ева и Кристофер смеялись с чего-то. И только Эбби снова говорила с кем-то по телефону. Когда Донна увидела нас, то подорвалась с места и подбежала к нам, забирая дочь из моих рук.

— Моя принцесса, — сказала она, целуя ее в носик. — Как твои дела? Ты так быстро растешь и становишься истинной красавицей.

— Боже, ты стал подкаблучником, — услышала я голос Адама.

— Кто бы говорил, — добавил Кристофер.

— Ну и ладно, зато Эмили улыбается, — поцеловал Брайан свою жену в щеку.

— С чем тебе нужна помощь? Пока мы тут, то можем помочь, — сказала Эмили.

— Мне нужно алиби, — прошли мы на кухню. — И научи мою дочь не верить ни одному мужчине.

— Нет, я просто научу ее тому, что принцев мало на этой планете, и на всех их не хватает.

— Это точно.

— Кстати, Ева ходила на свидание с почтальоном.

— С кем? — была я немного шокирована.

— Ну это человек, который разносит почту, — ответила Эмили, смеясь. — И не смотри так на меня, может, он ее судьба.

— То, что он разносит почту — это его судьба, а не Евы, — скептически посмотрела я на нее.

— А что у вас с Майклом? —спросила Донна, войдя в кухню с Этель на руках. — Я вижу, как он смотрит на тебя.

— Он как сигареты.

— В смысле?

— Я не курю, но люблю, когда выпью, — все засмеялись, и каждый нашел в моей шутке долю шутки. — Боже, почему я живу с идиотом? Почему из всех мужчин, которых я встречала, я выбрала именно того, с кем мы так похожи?

— Другие жены тоже сочетают жизнь и мужа идиота, — добавила Долорес с улыбкой на лице. — И по сравнению с тобой, неудачница именно я.

— Почему?

— Только я из вас всех один раз замуж выходила. Потом развелась, что было бессмысленно, но поняла, что ко второму разводу я уже буду готова.

— Ты всегда можешь родить ребенка, которого будешь любить больше собственной жизни.

— Я не такая, Эс. Я не отношусь к женщинам, которые будут рожать детей, чтобы заполнить пустоту в доме или в сердце.

Долорес имела ввиду один развод, а не замужество. Кроме нее все попадали в цель с первого, или просто оминали эту дорожку. Вскоре мы с Майклом покинули дом. Он, как и всегда, был одет в костюм. Ну кто ходит в кино в костюме? Только мужчина, с которым связалась я. На мне же были черные джинсы, рваные на коленях, ботинки Lita, блуза и кожаная черная куртка. Браслет и цепочка завершали мой вечерний образ. Мы пошли на фильм «До встречи с тобой». В конце фильма девушки и женщины плакали, мне же стало не комфортно. Но также я задалась вопросом, что вы сделали в этой жизни, чтобы вас запомнили? Нет, не так. Что вы сделали, чтобы о вас вспоминали? Люди часто думают, что знают меня и знают обо мне. И бывает, что хочешь поделиться с кем-то о чувствах, но понимаешь, что, если что-то кому-то расскажешь, легче по-настоящему не станет. Люди выслушают, возможно, обнимут, но не поймут. А тот человек, который точно бы понял, может быть за тысячи километров, не подозревая о том, что сейчас он жизненно необходим другому.

— Почему женщина соглашается переехать жить к мужчине, когда ничего к нему не чувствует, кроме обязанности? — говорила я после того, как фильм закончился.

— Знаешь, Эс, я думаю, у тебя были грустные главы, но твоя книга точно не драма, — притянул меня к себе Майкл, смотря в глаза. — Ты боролась за то, что хотела больше всего — жить.

После кино мы зашли в бар неподалеку. Шли мы на "дружеском расстоянии", и судя по всему нас обоих это устраивало.

— Видишь ту девушку? — остановились мы у входа.

— Ту страшную? — удивленно посмотрел он на меня.

— Нет, — засмеялась я. — Просто ты бы с такой не спал. Но для этого она и не нужна. Подойди и просто поговори с ней.

— Зачем? — смотрел он все еще на меня в замешательстве.

— Хочу увидеть в тебе доброту не только к своей семье.

— Ты ужасна, Эс, — ослабил он галстук, делая так, как я сказала.

— Тебе со мной хорошо, — крикнула я вдогонку, на что Майкл улыбнулся.

Я стала неподалеку и заказала безалкогольное мохито. Я смотрела, как он флиртует с другой женщиной, к которой сама его отправила. Я пыталась сделать себе больно, и сама отталкивала его от себя. Мы играли в какую-то извращенную игру, из которой для нас обоих не было выхода, как и победителя. Я смотрела, и каждая клеточка моего тела была натянута, как струна. Я была готова взорваться, хоть и улыбалась, словно все это правильно. Меня задело, что он так легко согласился. Неужели я думала, что все может измениться? В конце концов, я всегда знала, что люди не меняются, особенно если судить по себе.

— Я Вудс, — хищно улыбался Майкл этой девушке.

— Красивое имя, — усмехнулась она в ответ.

— Вообще-то это фамилия.

— Поэтому его будущая жена оставит девичью, — пробормотала я тихо.

Допив мохито, я потащила первого попавшего парня на танцпол. Мы танцевали, и музыка гремела в ушах. Я смеялась и качала бедрами в такт. Парень, который танцевал со мной, положил руки на мои бедра, а когда опустил их ниже спины, я засмеялась, откидывая голову. Боковым зрением я заметила, что Майкл наблюдает за каждым моим движением, и девушка, стоящая рядом с ним, явно это заметила. Я поспешила к ним с улыбкой на лице, при том, что мое тело было натянуто, как струна.

— Привет, — поцеловала я его в губы. — Я его будущая жена. Он никогда не может держать себя в руках.

Девушка была удивлена, а Майкл явно хотел рассмеяться. Но все же он лишь сильнее прижал меня к себе и перевел снова взгляд на девушку.

— Завтра утром у нас свадьба, но благодаря способности этой женщины откладывать все на последний момент, она только что ездила покупать свадебное платье.

— Я скоро сопьюсь, если и дальше буду в таком ожидании свадьбы, — расслабилась я, увлекаясь этим спектаклем.

— И у вас всегда такие отношения? — девушка была явно в замешательстве.

— Милая, — обратился ко мне Майкл. — Женский алкоголизм — это опасно.

— Я выхожу за тебя замуж, — откинула я волосы назад. — Я не из тех женщин, которых можно запугать какими-то трудностями. Но, — снова посмотрела я на девушку, — сегодня вы можете еще попробовать этот лакомый кусочек. Так сказать, последний раз.

— Нет уж, — посмотрела она на нас, как на сумасшедших, прежде чем уйти. — Я не ем сладкое после шести.

Когда она ушла, мы оба рассмеялись, и Майкл наклонился, чтобы поцеловать меня. В нем не было страсти, а только нежность и забота. Я не думала, что когда-нибудь буду наслаждаться общением с мужчиной, пока не встретила Вудса.

— И что ты понял, и чему научился, общаясь с женщиной, которая была совершенно не твоего типа?

— Ну первое, что я понял, так это то, что ученик из меня не очень.

Когда мы пришли домой, все уже спали, и я лишь укрыла их одеялами и, снова покормив Эстель, отправилась в ванную. Майкл вошел как раз в тот момент, когда я надела шортики и шелковый топ для сна. В его руках был ноутбук и коробочка. Он улыбался, и я наблюдала за тем, что он задумал.

— Пошли со мной, — подал он мне руку.

— Эстель...

— Она уснула, — направились мы на выход, а затем в летнюю веранду во дворе.

Никогда прежде я тут не была, и прежде, чем войти, стала рассматривать. Широкие доски крыльца были выкрашены в тот же темно-зеленый цвет, что и главный дом. Возле, стояли разные деревья, которым было не более трех лет. Но тут не было никаких фонарей, висящих на стенах, голов оленей или декоративных дверных молотков. Веранда скорее была похожа на отдельный маленький домик, который выглядел, как убежище для владельца. Мне с трудом верилось, что в этом месте и главном доме обитает один и тот же человек.

Майкл открыл ноутбук и включил медленную песню, приглашая меня на танец. Я засмеялась, и он прижал меня к себе, двигаясь под музыку.

— Не знаю, что выпустили сегодня в воздух, но я начал смотреть немного по-другому на наши с тобой отношения и обратил внимание не только на свое отражение.

— Сегодня утром я нашла в верхнем ящике порножурналы, — перевела я тему, все еще улыбаясь.

— Я не смотрю порножурналы, Эс.

— Знаю. Они мои. И я просто говорю тебе об этом, чтобы ты позавидовал.

— Боже, — покружил он меня. — Ты чокнутая.

Этой ночью мы снова занимались сексом. Да, именно сексом. С Майклом мы занимались любовью единожды, и исход этого — дочь. Говорят, от большой любви рождаются красивые дети, и я знаю, что моя дочь будет очень красивой, но большой любви у нас с Майклом так и нет. Я люблю его, но скорее умру, чем признаюсь. А я дорога этому мужчине, но его иллюзия любви ко мне раздражает. Майкл Вудс сердцеда. Но не такой, как Адам. Адам готов был остепениться, и сделал это, как только встретил Донну. Майкл же никогда не сможет довольствоваться одной женщиной, а я не буду с мужчиной и еще другими запахами. Я слишком сильно себя уважаю. Сегодня я в очередной раз убедилась, какой он хороший актер, и насколько у нас разное понимание «семьи».

Ночью я проснулась, чтобы переодеть и покормить Эстель, и на мгновение взглянула на Майкла. Он был так молод во сне, и мне все время хотелось к нему прикоснуться. Его телефон, лежащий на тумбе, издал сигнал смс, и я действительно ненавидела это, но все же взглянула на экран, прочитав имя «Хилари». Мне больше не нужно было никаких доказательств. Я устала от этого и хотела, чтобы все было, как раньше.

Замотавшись в простыню, я направилась в ванную, когда ребенок снова уснул. Включив душ, я стала под струи прохладной воды. Не прошло и десяти минут, как Майкл стоял напротив, водя руками по моему телу.

— Почему ты ушла?

— Майкл, этот секс был из жалости к моей вагине, благодарности тебе из-за дочери и любви к сексу.

— Это не правда, — ответил он со злостью.

— Правда, Майкл, — оттолкнула я его от себя, выключая воду и выходя из кабинки. — Раньше мы говорили, но ты не уважал меня. Ты был со мной только в хорошем настроении и чаще всего ночью. Я не искала отношений, но думала, что те куски сломанной жизни, которые есть у нас обоих, свяжут нас. Но все получилось совсем наоборот.

— Ты хочешь, чтобы каждый из нас жил своей жизнью?

— Я хочу один билет от всей этой херни, — вздохнула я. — Мы не можем быть вместе. И дело не в том, что я плохая или ты плохой. Просто есть люди, которые не могут быть вместе.

— Почему вдруг?

— Спроси у Хилари, — открыла я дверь, но Майкл потянул ручку на себя, захлопывая ее обратно.

— Между нами ничего нет, Эс.

— Я ненавижу тебя, — прошептала я тихо. — За все твое вранье ненавижу.

— Ты до сих пор держишь меня за руку.

— Давай мы договоримся кое о чем, — провела я большим пальцем по шраму на внутренней стороне запястья. — Мы не будем лежать утром в обнимку и наслаждаться вместе кофе. Я люблю Эстель, но несколько недель мне нужно ходить на работу. Эти дни я буду брать ее с собой, а затем нужно будет найти няню.

— Эс, она совсем крохотная, — злился Майкл. — Ей нужна мать.

— Ты думаешь, я не знаю? — повысила я голос. — Каждый раз, когда я засыпаю, я думаю о том, спит ли она. Просыпаясь каждую ночь по несколько раз, я иду поправлять на ней одеяло, понимая, что, возможно, в будущем придется поправлять целый ее мир. Но мне правда нужно это, и...

— В тебе есть хоть что-то человеческое? — спросил он с разочарованием в голосе, прежде чем покинуть ванную. — Хоть в микродозах?

— У меня не было такой привилегии, Майкл.

Глава 4

Прошел месяц. Мы практически не разговаривали. У нас был общий интерес — Эстель. Три дня в неделю с ребенком был Майкл, четыре — я. Мы не могли пойти на компромисс и все время спорили, поэтому проводили как можно меньше времени вместе.

Операция под прикрытием готовилась полным ходом, опаздывая по срокам окончательно, страх впервые парализовал меня. Мне было ради чего жить. Моя дочь сегодня была с Донной, и каждый день я благодарила Бога за нее и за то, что могу видеть ее по вечерам. Я понимала, что для того, чтобы сделать счастливой Эстель, сама должна наслаждаться жизнью, или надеть розовые очки и делать вид, что мы с Майклом семья. Но что-то, а врать самой себе я больше не собиралась.

— Капитан Фостер, — вошел один из солдат ко мне в кабинет с букетом разноцветных тюльпанов. — Вам посылка.

— От кого? — удивилась я.

— Тут не указано.

Я расписалась и положила цветы на тумбу. Я ненавижу тюльпаны. Прозвучал стук в дверь, и я оторвала от них взгляд.

— Входите!

— Стейси, — улыбнулся Вист, входя еще с тремя мужчинами. — Я кое-что принес, — сел он напротив. — Тебе нужно прикрытие. Вот фотографии, ты можешь сама выбрать себе страховку.

— Я иду с ним, — ткнула я пальцем на высокого bruneta с улыбкой на лице. — Он симпатичный.

Вист засмеялся и сказал парням выйти.

— Стейси, нам сегодня нужно поработать. Ты нужна мне.

— Разве что моя дочь будет со мной, Вист.

— Хорошо, — расстегнул он пиджак. — Хочешь, можем поехать за ней?

— Было бы здорово. Но через полчаса, мне нужно еще кое-что доделать.

Спустя двадцать минут я села в машину своего босса, и мы поехали за Эстель, которая уже сейчас была с Майклом. Он написал, что ему нужно уехать, и я ответила, что вскоре приеду и заберу ее. Вист ждал меня в машине, в то время как я вошла в дом.

Майкл стоял возле барной стойки, попивая коричневую жидкость в бокале.

— Ты прислал мне цветы? — спросила я, закрывая за собой дверь.

— Нет, — поднял он на меня глаза. — Какие цветы?

— Ты можешь хоть раз признаться в том, что прислал мне отвратительные тюльпаны?

— Это не я, Эс! — ответил он громче. — Если бы я хотел осыпать тебя цветами, то это были бы твои любимые розы, но точно не тюльпаны или что-либо другое.

— Я уезжаю на работу, — начала собирать я сумку. — Забираю Эстель, и потом нас привезут.

— Кто?

— Мой шеф.

Мне нравилось, что, несмотря на все недостатки Майкла, он знал обо мне детали. Знал о моей любви к розам, лошадям и гитаре. Знал, какую музыку я люблю и какую пиццу предпочту всем другим блюдам.

— Майкл, она такая милая, — услышала я женский голос за спиной.

Я развернулась и увидела высокую, стройную блондинку с моей дочерью на руках. Посмотрев на Майкла, я вложила в этот взгляд всю свою злость, на что он моментально отреагировал и забрал Эстель.

— Хилари, — сказала она, протягивая мне руку.

— Ага, — ответила я, направляясь в комнату, и открыв комод, взяла несколько ее вещей.

— Кто он? — вошел Майкл за мной в комнату.

— Кто?

— Тот, кто ждет тебя возле дома.

— Не важно. Даже если я с ним пересплю, он от меня отстанет, в отличие от тебя.

Я вышла из спальни и спустилась вниз, вешая на плечо сумку. Хилари сидела на диване и улыбалась.

— Вы и есть его бывшая жена?

— Нет, мы просто трахались, — ответила я, забирая у Майкла дочь. — Уверена, ты рада знакомству.

— Кажется, я что-то пропустил, — вмешался Майкл.

— Да, Майкл, — открыла я входную дверь, целуя дочь в лобик. — Смотря на нее, ты словно пропустил целую ступень эволюции.

Я вышла из дома и села в машину Виста. Драма в отношениях неизбежна, но я не хочу ее сейчас. Я хочу семью. Дочь, отца Эстель и друзей. Раньше мне помогала стрельба, ведь я была молода, и мне нужно было куда-то выпустить гнев, но сейчас это в прошлом. Люди всегда только гадали, что у меня внутри, но теперь я замечала, что многие читают меня по выражению лица и чувствам, которые на нем были написаны. Хотя я сама порой не знаю, что у меня внутри.

— У тебя замечательная дочь, — сказал Вист, улыбаясь мне.

— Я знаю.

Мы ехали в участок, и он все время наблюдал за мной. Порой я замечала, что он уделяет мне слишком много внимания, и меня это не радовало. Батлер не привлекал меня, как мужчина, но иногда я уже думала, что, может быть, со временем я привыкну? Он будет любить меня, а я лишь позволять ему это? Может, мне и нужны отношения, где мы будем вместе на работе и дома? Где он будет страховать меня и мою жизнь во всех ее смыслах? Где я буду уверена в нем? Но правда в том, что сколько бы положительных качеств не было у других мужчин, Майкл навсегда останется отцом моей дочери. Не только биологически для нее, но и психологически для меня.

Когда мы приехали, я положила Эстель на диван, перед этим покормив, и мы сели за работу. Я поняла, что, несмотря на все, хочу помнить всю свою жизнь. Каждый поступок, который я совершала, привел меня к тому, что я имею прямо сейчас. На самом деле взрослая жизнь не может быть простой и гладкой, но именно в этом ее прелесть.

— Ты когда-нибудь сможешь быть кому-то верна, Эс?

— Только если этот один меня потянет, — ответила я, как само собой разумеющееся. — Но моя мама говорила мне: «Не суй свои пальцы куда попало, особенно в обручальные кольца».

Вист засмеялся, и я снова обратила все свое внимание на работу. Я читала статью о Бостонском душителе, и у меня возникла идея.

— А что, если мы ищем не того?

— Что ты имеешь ввиду? — видела я его замешательство.

— Но ведь у него не сексуальный мотив. Он их просто душит, делая из их убийства «идеальную картинку смерти», — изобразила я кавычки в воздухе. — Человек, который имеет семью, тоже может стать убийцей, но мы почему-то всегда ищем одиночек.

— Я думал об этом, Эс, и узнал, что у другого моего личного подозреваемого есть дочь, а жена пропала без вести несколько лет назад. И у него много денег на адвоката.

— Кто его адвокат?

— Эмили Прайсон.

— Черт, — делала я очередную чашку кофе. — Эмили — моя подруга, и мне нужно ее защитить.

— Тогда тебе придется сказать, кто ты.

— Это давно нужно было сделать, — пролистала я несколько страниц. — Итак, мы знаем, кто это, мы знаем, что он предпочитает худых брюнеток, и еще что этот кретин проводит много времени возле моей подруги.

— Ты не можешь его просто убить, Стейси. Вспомни прошлый раз.

— Я Фостер. Я убиваю, прикрываю, наказываю и принимаю последствия. Но не в этот раз. Вспомни историю. Тех, кого мы пытаемся уберечь, обычно погибают.

Зазвонил телефон, и я сбила звонок. Увидев на экране фото Майкла снова и снова, я отключала звонки до тех пор, пока Эстель не начала плакать.

— Черт, — взяла я дочь на руки. — Тихо, малышка, тихо, — качала я ее, доставая подгузник, крем и салфетки из сумки. — Знаешь, она идеальный ребенок. Плачет только по причине, совсем не капризна и мало ест.

— Кто такой Майкл? — спросил мой босс.

— Это отец Эстель.

— Мне жаль то, что происходит между тобой и ним.

— Ничего не происходит, — покачала я головой, переодевая свою девочку. — И это не твои проблемы.

— Я знаю, Стейси, но, если ты хочешь, они станут моими.

Я со злостью посмотрела на него и все еще качала ребенка на руках. Я потерялась. Я просто не знаю, кто я и где мое место. Кем я должна быть. Я не готова к будущему. Не знаю, какую жизнь мне приготовила судьба, но билет во взрослое течение реки мне предоставили слишком рано.

— Эс, я чем-то тебя обидел? — спросил шепотом Вист.

— Нет.

— Со мной такое бывает. Просто я должен знать. И я плохо разбираюсь во всех этих чувствах, но, если нужно убить кого-то, чтобы ты не плакала, я готов.

Я подняла на него глаза, смеясь скорее с себя. На самом деле временами мне кажется, что всю свою жизнь я себе придумала. То, что я люблю холод, но в то же время часто хочу тепла. Боюсь высоты, но хочу побывать на облаках. Люблю скорость, но боюсь разбиться, наслаждаясь ею. И, в конце концов, как я могу требовать от

человека узнать мою душу, если я сама порой не могу разобраться в ней?

— Майкл хороший человек, и он хороший отец. Просто мы несовместимы, и нужно, чтобы Эстель повзрослела.

— Я надеюсь, ты проверила всю его подноготную, прежде чем встречаться с ним? — усмехнулся Вист, хоть я и знала, что он имеет ввиду то, что сказал.

— Не проверила, даже когда переспала. Я завтра поговорю с Эмили.

— Стейси, тебе сейчас нужно больше думать о деле, чем о подруге.

— Если он к ней хоть пальцем прикоснется, я его убью. Она моя семья.

— Если ты провалишь это дело...

— Я получу его любой ценой — перебила я его. — И любой, означает действительно любой, но моя семья не имеет цены, Вист. Ты можешь это принимать или не принимать.

— Мы раскроем себя! — повысил он голос.

— Мне похрен!

— Эс, ты была когда-нибудь вежливой?

— Да, в 1998, — пожала я плечами, не уступая ему. — Ужасный был год.

— Стейси, — вздохнул Вист. — Я просто хочу, чтобы ты была в порядке.

— И я буду, — поцеловала я в щеку Эстель. — Теперь я буду. Знаешь, я помню, как ты взял меня сюда. Я помню, как не имела шанса успокоиться и отдышаться хотя бы мгновение, а благодаря тебя, теперь у меня есть не просто шанс, а смысл жить. Благодаря тому, что ты дал мне, я начала подпускать к себе людей. Мужчин. И теперь у меня есть Эстель.

— Она похожа на тебя, — улыбнулся он. — У нее твои глаза.

— Ты прав, но на самом деле похожа она на Майкла. У нее его нос, и порой, когда я смотрю на нее, вижу в ее взгляде ее отца.

— Ты любишь его?

— Мы не будем говорить о чувствах, Вист, — возразила я. — Мы не можем любить. У нас нет такой привилегии.

— Ты любишь его? — все еще не отводил он взгляд от меня.

— Люблю.

— Тогда разлюби, Стейси. Ты была права, у нас нет такой привилегии.

— Ты предлагаешь всю жизнь быть одной?

— Нет, но тебе нужен тот, кто с тобой «одной крови». Кто будет понимать твои стремления и не будет осуждать.

— В этом и проблема, — пожала я плечами. — Майкл никогда не осуждает. И только потом я поняла, что он просто не любил.

— Ты знала, что 40% служебных романов заканчиваются браком?

— Никогда, — наигранно засмеялась я, понимая к чему он клонит. — Если нас таких будет двое, то мы оба поубиваем друг друга, а затем загремим за решетку.

— Мертвые?

— Да.

Мы смеялись и, кажется, идеально понимали друг друга. Боже, мы столько лет знакомы и столько пережили, но никто кроме Майкла так и не смог стать родным. Я люблю свою дочь и люблю ее отца, но мы так несовместимы. Каждый раз, когда мы вступали в перепалку, каждый из нас был абсолютно уверен в своей правоте. Словно мы до этого несколько часов разживались фактами и контраргументами и выпивали для храбрости. Но каждый проигрывал в итоге, сам того не понимая, как так произошло. Мы сражались за ни что. И были никем, но все же каждый раз понимали, что медленно забираем воздух друг у друга.

Мы молча сидели и делали бумажную работу. Писали отчеты и додумывали теории, описывая их на бумаге. Мне хотелось домой, и Эстель снова спала у меня на руках.

— Что-то меня подташнивает.

— Открыть окно?

— Нет, — закрыла я папку. — Просто уйди, чтобы и я могла уехать домой.

Батлер засмеялся и направился к дивану, собирая вещи в сумку. Затем взял их, и мы направились к выходу.

— Прости, что забираю твою жизнь, Эс, — спустились мы в холл. — Просто мне кажется, что, если вдруг ты уйдешь, все развалится на части.

— Так и будет, — услышала я сигнал машины. — Но это в любом случае произойдет.

Я посмотрела в сторону звука и увидела подходящего ближе Майкла. Он ничего не сказав, забрал дочь, а меня взял за руку.

— Что ты делаешь, Майкл?

— Увожу вас домой.

— Эс, если ты хочешь...

— Нет, Вист, — перебила я его. — Все в порядке. Нам и правда пора.

Я забрала у него сумку и направилась к Майклу в машину. Он ничего не говорил, и лишь когда я закрыла дверь машины, снова отдал мне ребенка, смотря с непониманием.

— Извини, что побеспокоила тебя, — сказала я. — Ты наверняка был на свидании.

— Я не забочусь о том, что у меня прямо сейчас должно быть свидание. Я забочусь о тебе, — завел он мотор, не обращая внимания на мой сарказм. — Я всегда приеду за вами двумя, даже на край света.

— Но я не просила об этом.

— А меня и не надо просить, Эс.

Мы ехали домой, и я почувствовала покой. В машине играла песня Eros Ramazzotti & Cher – Piu Che Puoi, а режим моего ребенка шел по наклонной. С Майклом я знала, что мы в безопасности. До сих пор я не могла до конца его разгадать. Не знала, какой он на самом деле. Думаю, он и сам иногда не знал. Этот человек обычно молчаливый, хоть и бывают моменты, когда он не может заткнуться. Его жестокости нет границ, хоть и порой он выглядит ранимым, как ребенок. Он слишком гордый, и ему трудно любить, но все же он рискнет жизнью ради тех, кого любит, даже не задумываясь.

Раньше были моменты, когда я лежала в постели, слушая музыку, и думала, а существует ли он? Человек, созданный специально для меня? Мой мужчина? Такой, чтобы замереть на мгновение и потеряться во времени

до конца жизни? Тот, ради кого я столько лет терпела неудачи и боль, надеясь, что однажды все это закончится и я просто стану счастливой. Женщина не может жить без любви, по крайней мере так говорят. Но я думаю наоборот. Она может жить без нее, пока не встретит ту самую любовь. Но если уж познакомиться с ней однажды, без нее уже будет невозможно.

— Ты замечал, что иногда она так смотрит, будто все понимает? — спросила я у Майкла, смотря на дочь.

— Да, — услышала улыбку в его голосе.

— Признайся, ты приготовился к ссоре, — усмехнулась я, на что получила в ответ очередную улыбку Майкла. — Нет, я, конечно, всегда пожалуйста...

— Вообще-то я хотел просто провести время с семьей.

У меня никогда не было места, которое я могла бы назвать домом. Где были мои вещи, там и был дом. Но сейчас все изменилось. Теперь мой дом там, где Эстель. И мне абсолютно все равно, будет это квартира Майкла или палатка в лесу. Материальные вещи стали бессмысленными с ее появлением.

— Запомни, Эстель, — прошептала я. — Ты должна быть быстрой. Быстрой в жизни, учебе и работе. Всегда выполняй то, что обещаешь. И самое важное, девочка моя, выход есть всегда. Люди просто не видят, а я научу тебя иначе смотреть на вещи. Научись искать ответы везде.

— Не сдавайся без боя и доверяй своим инстинктам, — добавил Майкл, паркуя машину.

— Мне нужно вам кое-что рассказать, — сказала я. — Сейчас.

— Хорошо, кому мне позвонить?

— Всем.

Я отдала ребенка Майклу, но она проснулась и начала плакать. Он поднялся с ней наверх, качая на руках, а я забрала вещи, закрыла машину и только потом направилась в дом.

— Эс! — крикнул он, когда я набирала воду для купания дочери.

— Раздень ее. Я набираю воду.

Майкл вошел в ванную и отдал мне Эстель, регулируя температуру воды. Затем забрал ее снова и опустил в воду ее крохотное тельце. Я стала под струи воды в душевой и смотрела, как он с ней возится. Раньше я думала, что знаю Майкла, но он оказался совершенно другим. Спустя все это время я начала понимать его, и главное — наслаждаться им. Я не хотела, чтобы Майкл сворачивал горы ради меня. Мне нужны были розы, чай и вечерние разговоры. Я не соглашалась на меньшее, и он понял это. Я так долго не позволяла себе любви, но он всегда был сознательней меня. Он выводил меня из себя, а в следующее мгновение приводил в чувство, охлаждая своей трезвостью ума. Он просит прощение, но никогда не доказывает свою правоту. Можно сказать, что я знакома в своей жизни не просто с представителем мужского пола, а с мужчиной.

— Майкл, доставай ее, — надела я халат.

— Я хочу провести время со своей дочкой, — улыбнулся он Эстель.

— Ага, еще сделай себе кружку с ее фото и напиши «папина дочка».

Майкл покачал головой, не переставая улыбаться и переводить взгляд с меня на нашего ребенка. Мы — женщины, подделываем цвет волос, ногти, грудь, но не поможем подделать равнодушие к мужчине.

— Я не люблю свой день рождения, — сказала я тихо, садясь на стул, рядом с ним. — Еще я ненавижу сюрпризы и, в принципе, «стечения обстоятельств», к которым не готова. Ненавижу пустые слова, глупые мысли и бессмысленные фото. Нет, правда, зачем делать фотки каждого своего шага и говорить свое мнение, когда всем на него глубоко плевать? Не люблю слабых людей и их слезы. Не понимаю непростительных поступков и не умею прощать. Не выношу людей не только без цели, но также и с глупой целью. И больше всего я ненавижу

людей без мозгов и сердца.

Майкл поцеловал Эстель в щеку, а затем на мгновение взял меня за руку. Он словно молча сказал, что не оставит. Я любила моменты наших с ним отношений, когда мы смотрели друг на друга, и нам не нужно было разговаривать. Наши взгляды всегда говорили за нас, и теперь мы лучше понимали, что чувствуем.

Затем прозвучал звонок в дверь, и Майкл укутал Эстель в полотенце и пошел с ней в комнату, а я — открывать дверь друзьям. Иногда я удивлялась тому, что они готовы сорваться с чего угодно, несмотря на время, и приехать. Сначала приехали Майколсоны, затем Эбби, Ева, Кристофер, Долорес, и последними — Прайсоны.

— Как мне нужно виски сейчас, — нервно усмехнулась я. — Но, думаю, Эстель не поймет.

— Не пытайся разрядить обстановку, Эс, — ответила Эмили. — Что случилось?

Я махнула головой в сторону гостиной, и мы прошли усаживаться за стол. Спустя несколько минут появился Майкл, здороваясь со всеми, и присоединился к нам. Я обвела взглядом свою семью, скрещивая пальцы и смотря на них, ища какой-то знак.

— Эс, пока мы есть друг у друга, все будет в порядке, — тихо сказала Ева.

Я качнула головой и опустила взгляд на свои ногти, начиная говорить.

— Он бросил не только маму, но и меня. У меня синдром покинутости, и я искренне верю в то, что все уходят. Как он мог бросить дочь? — появились слезы на моих глазах. — Но вместо того, чтобы сожалеть, я все обратила в злость. Я стала ненавидеть все, что связано с мужчинами.

— Мы всегда будем рядом, Стейси, — сжала мою руку Донна. — Мы поможем тебе, если нужно — спасем.

— Меня не нужно спасать, Ди, — покачала я головой. — Я сама разберусь со всем дерьмом. Мне просто нужно вам кое-что рассказать.

— Хорошо, — ответила Донна, смотря на меня растерянно.

— Фотография — мое прикрытие и хобби. Я люблю одиночество и тишину, которую сопровождает только любимая музыка. Я весь день могу читать и фотографировать. Когда я делаю свою работу, расслабляюсь. Я капитан ФБР, и я работаю под прикрытием с особо тяжкими. Я люблю свое хобби, но это лишь ритм жизни, и ничего более.

— То есть ты не просто фотограф, да? — в недопонимании спросил Майкл, смотря на меня.

— Боже, Майкл, как можно так медленно думать? — ответила я со злостью, затем перевела взгляд на подруг по очереди. — Я хотела перестать бояться и быть сильной. А теперь мне нужно защитить вас.

— Почему ты осталась там? — спросил Брайан.

— Мне было больно. Это мой способ самозащиты.

— Поверь, Стейси, — сказал Брайан. — Я понимаю тебя. Тебе нравится боль и контроль, и ты думаешь, что пистолет тебе поможет жить.

Я качнула головой, а Адам продолжил:

— Ты жалеешь о том, что убивала?

— Я отвечаю за свои убийства.

— Значит не жалеешь, — констатировал факт Адам.

— Не жалею.

Я отвела взгляд в сторону. У меня столько мыслей. Майкл присел напротив, и его рука скользнула по моей щеке. Только он может заставить меня замереть одним прикосновением.

— Мы семья, — прошептал он. — Мы всегда пойдем тебя и будем рядом.

— Надо же так любить секс, чтобы терпеть мой характер.

— Я люблю тебя, ясно? — сказал он со злостью, не отводя от меня взгляд. — Возможно, я себя иногда и веду, как козел, но, если бы у нас был шанс, я больше бы никогда не взглянул на другую женщину.

Я смотрела на Майкла, затем взяла его за руку. Его прикосновения такие манящие и нежные. Кожа Майкла всегда такая теплая. Я покрылась мурашками от прикосновений. Сейчас он не был удивлен, а скорее расстроен — сбитое дыхание, осторожные касания и сдвинутые брови.

— Эмили, мне нужно кое-что от тебя, — сказала я дрожащим голосом, переводя взгляд на подругу. Она качнула головой. — Все вы слышали о душителе в нашем городе и ты, Эмили, с ним связана.

— Я? — удивленно спросила она.

— Он твой клиент, — качнула я головой. — О том, кто я, вы знаете. О том, кто он, я вам расскажу, но я делаю это, чтобы защитить вас. Не нужно бежать в полицию или ходить за мной по стопам.

— Эс, — начала Донна. — Мы не глупцы. Эмили — адвокат, а наши мужья, в прошлом, такие же, как ты.

Я встала и достала документы из сумки, показав фото Эмили.

— Он? — прошептала она.

Брайан обнял ее за плечи, забирая фото.

— Ты завтра же говоришь ему, что вы не работаете вместе, и я делаю запрет.

Она качнула головой, а затем отдала фото мне, наливая бокал вина.

— Раз сегодня ночь новостей, — сказала Эбби спустя несколько минут тишины. — Я беременна.

— Что? — спросили мы все в унисон.

— А что вы на меня так смотрите? Я иногда и сексом занимаюсь, могу и забеременеть.

— Мы не это имели ввиду, Эбби, — сказала Ева. — Просто у тебя нет ни мужа, ни даже постоянных отношений.

— Или постоянного партнера хотя бы, — усмехнулась Долорес.

— Угмонитесь, — ответила Эбби, со злостью смотря на нас всех. — Серьезные отношения — это паршиво. Если серьезные отношения, нужно жениться, а если вы поженились, нужно разводиться, а развод — это паршиво.

— Развод — это суд, — сказала я. — А суд — это дорого.

— Это гениально, — засмеялся Брайан. — Но не все разводятся.

— Иногда у меня складывается такое впечатление, что я никогда не найду человека, с которым просто захочу состариться, — добавила Долорес.

— Так, это для меня уже слишком, — сказал Адам, вставая с кресла. — Идемте, погоняем шары.

Когда мужчины ушли, я посмотрела на всех своих подруг и остановилась взглядом на Долорес.

— Мужчины, — продолжила она. — Я встречаю их на каждом шагу — богатых и бедных, успешных и еще идущих к своей мечте, высоких и низких, накаченных и худощавых, в конце концов, красивых и симпатичных. Но почему-

то никто из них не трогает мое сердце. Что со мной не так? Может быть, я просто недостойна любви? Нет, я не хочу замуж или вроде того, даже кажется, я больше никогда не выйду замуж, но я хочу что-либо чувствовать. Почему, как только я начинаю строить с кем-то отношения, такое впечатление, что мое сердце где-то далеко? Ведь иногда я просто хочу сходить с кем-то в театр.

Больше никто не сказал ни слова. Долорес впервые заговорила о своих чувствах после того, как единожды рассказала свою историю. И ведь правда, что женщину можно искупать в море из алмазов, но запомнит она поцелуй в шею у костра. Долорес не была похожа на себя в последнее время. Она все время куда-то пропадала, и я больше не видела страха в ее глазах, а лишь воинственность. Она словно перестала искать утешение и нашла защиту.

— Он все еще любит тебя, Эс, — сказала Эбби.

— Пф, еще бы.

— Почему ты никогда не извиняешься?

— Потому что я никогда не виновата.

— Запомни, милая, — поднялась подруга с места. — Те, кто не верят в волшебство, никогда его не найдут.

— Это сказал Роальд Даль, — усмехнулась Донна, целуя меня в щеку. — Но Эбби права, тебе нужно просто верить.

Когда мои друзья ушли, я поднялась в комнату Эстель. Майкл что-то тихо говорил ей, пока она спала.

— Какие у тебя принципы?

— Пей только шотландский виски, — поднялся он с места, подходя ближе. — А у вас капитан Фостер?

— Заботься о прическе.

— Будь победителем. Всегда.

— Имей в запасе должников. Всегда, — повернулась я к Майклу, царапая ногтями его торс.

— Меняй правила, Стейси.

— Будь исключением из любого правила, Майкл.

— Ты всегда разрушала меня своим великолепным видом, юмором и умом.

— Я безупречна во всем.

Теплая рука легла мне на бедро, и я ахнула.

— Ты вернула меня к жизни, Стейси, — сказал шепотом Майкл, поворачивая к себе спиной. — Ты принесла счастье и хаос в мой дом. Ты позволила мне быть мужчиной, который достоин семьи. Который достоин вас. Боже, я так люблю тебя, Стейси.

Затем Майкл провел ладонью по моему животу, и я затаила дыхание. Он развязал мой халат, а другой рукой снял с себя брюки. Я повернула голову, наблюдая, как он проводит рукой по всей длине. Майкл снова развернул меня к себе и закинул мою ногу себе на бедро. Я почувствовала его твердый член, и мне нужно было лишь поддаться вперед, чтобы он заполнил мое тело.

— Тебе нравится, признай это, Эс.

Прежде чем мои губы смогли что-то произнести, Майкл резко вошел в меня.

— Можешь не отвечать, — прикусил он кожу на моей шее. — Я чувствую это.

Майкл мучительно медленно двигался, держа одну руку на моем бедре, а другую в моей ладони, соединяя наши пальцы. Он видится с другой женщиной — Хилари, и уже довольно долго, я знала это, но занимается сексом лишь со мной. Я закрываюсь, но только не сегодня. Я позволила ему влезть мне под кожу.

— Выбери меня, — зарычал он. — Я не успокоюсь, пока ты не будешь моей.

Он ускорял темп, все время ударяясь своей мошонкой об мои бедра. В комнате были только звуки его толчков и наше дыхание.

Я никому ранее не позволяла видеть себя грустной. Я была сумасшедшей, ненормальной и непредсказуемой. Не позволяла человеческим словам прикасаться к моему сердцу. Но когда оставалась наедине с собой, снимала маску и в очередной раз не чувствовала ничего, кроме боли и ненависти. Все свои чувства я хоронила. То, какая я наедине с собой и какая с другими людьми — разные личности. Словно каждый день я живу лишь половиной души.

— Мы сошли с ума, — прошептала я.

— Я отдаю тебе не только эмоции, сердце и кровь. Я отдаю тебе весь чертов мир, Стейси, — говорил Майкл мне в губы.

— Я не собираюсь за это расплачиваться, — усмехнулась я, вонзая ногти в кожу на его спине. — Мне нужно встретиться с Долорес, и убить ее мужа.

— Звучит немного странно, — увеличил он темп.

— В моем стиле.

Я смотрела в эти глаза, все время утопая в них без остатка. Взяла его лицо в свои ладони и прильнула к губам, почти болезненно. Майкл сильно сжал мои бедра, отвечая на поцелуй с такой же страстью. Я была прижата к двери, и эта боль в спине была чертовски сладкой.

Боль. Говорят, между болью и удовольствием тонкая грань, и это истина. Мне нравится, когда Майкл причиняет мне боль. Мои демоны вырываются наружу, и этот мужчина не борется с ними, он действует заодно со всей чернотой моей души. Я не расслабилась, как обычно, а совсем наоборот, чувствовала страсть и страх, жару и холод, его нежность и грубость, наслаждение и боль.

— Вот что ты делаешь со мной, — зарычал он мне в ухо. — Как только я увидел тебя, сразу захотел. Это грубо, зато правда. Я влюбился в тебя, как только ты посмотрела на меня. Ты не видела во мне миллионера или очередного любовника, но видела человека. У тебя был удивительный взгляд. Невинный, ранимый и в то же время страстный. Ты умеешь так смотреть, сама того не замечая.

— Майкл...

— Я никогда не буду относиться к тебе, как к кукле, по причине того, что я знаю тебя. Ты ненавидишь, когда тебе считают слабой, — покинул он мое тело и положив на землю, как куклу, снова заполнил до основания. — Знаешь, чего я хочу? Я хочу слышать твои восторженные крики, хочу, чтобы ты вскрикивала мое имя, понимая, что к тебе так никто и никогда не прикоснется. Я собственник, и ты моя собственность.

Услышанное меня чертовски завело. Я сжала его член в себе, а Майкл застонал, не отводя от меня взгляд. Мы утопали в прикосновениях, и желании не останавливаться. Мне не хватало, и он знал это. Он не разрешал мне расслабиться, и снова покинув мое тело, поднял меня на руки, словно я ничего не весила, и направился в спальню. Майкл привязал мои руки и ноги к кровати, положив меня лицом в подушку и обдал томным дыханием шеи, проведя кончиками пальцев по спине. Я выгнулась, после чего он почти вжал меня в кровать, молча приказывая не шевелиться.

Когда вы покупаете модель туфель, о которой давно мечтали, то желаете только одного — связанных рук. Это нужно, чтобы не скупить все, что позволяет голод и желания. То же самое я чувствую с болью. Когда впервые ее почувствовала, тогда мне нужно было связать руки. Но когда это сделали в буквальном смысле, мне понравилось, и с тех пор я нуждаюсь в ней.

Я почувствовала, как Майкл прорезал немного кожи на моей спине, и затаила дыхание. Чувствуя, как кровь стекает по моей спине, я получала чертово наслаждение. Когда я чувствовала его тело, мое — захлестывала волна вожделения. Мне казалось, что только от этого действия мое тело забилося в кратких судорогах, но Майкл медлил, наслаждаясь моим трепетом.

— Почему ты уехала? — прошептал он, слизывая кровь с моей спины.

Я застонала, закрывая глаза от наслаждения. Все еще продолжая молчать, почувствовала, как Майкл резко заполнил мое тело своей твердостью, снова проведя языком по порезу.

— Я хочу услышать ответ, — сказал он, медленно двигаясь внутри.

— Я подумала, — почти задыхалась я.

— О чем? — раздвинул он мои ноги еще шире, проникая глубже.

— Я думала о том, что кто-то может любить меня сильнее тебя.

Он резко вышел, и я почувствовала, что сейчас мне его чертовски не хватает. То чувство полноценности, когда мы занимались сексом или разговаривали, было идеально. Он словно был последней мозаикой моей жизни, которая делала это мир для меня лучше, ярче и полнее. Майкл всегда в такие моменты не сводил с меня взгляд, точно зная, что я нуждаюсь в том, чтобы на меня так смотрели — с вожделением.

— Ты можешь быть уверена, — прошептал он, забирая прядь волос с моего лица. — Сильнее, чем я, тебя любить никто не сможет. Пусть мы и не можем быть до конца вместе, но и не будем врозь, Стейси Фостер.

Я, наверное, сошла с ума. После того, как Майкл пошел в душ, я лежала еще несколько минут в постели и понимала, как мне не хватает его, когда мы далеко друг от друга. Боже, что я делаю? Он все время держит меня на расстоянии, но в то же время рядом. Но ведь и я так же. Этот месяц был каким-то сумасшествием, и я понимала, что буду лучше ругаться с ним. Я хочу ругаться с Майклом, но не смогу принять безразличие.

Я надела его рубашку и направилась на кухню. Я хотела есть, но еще больше хотела вина. В холодильнике были полуфабрикаты, и я положила их в микроволновку, понимая, что из меня никогда не выйдет хорошей хозяйки. Я совсем не подхожу для этой роли, наверное, как и для роли преданной жены.

— Где в этом доме лежит штопор? — спросила я со злостью, когда Майкл вошел в кухню лишь в полотенце на бедрах.

— В ящике справа от плиты, — ответил он, опираясь на входную арку.

— У меня в доме штопор всегда на видном месте, а тут, черт возьми, нереально что-либо найти.

Майкл не сказал ни слова, просто наблюдая за мной.

— Ты хочешь поговорить, Эс? — спросил он спустя несколько минут молчания.

— Ну и как я им должна что-либо открыть? — бросила я этот непонятный инструмент на стол. — Почему ты не можешь купить самый обычный штопор?

— Я куплю тебе такой завтра, — подошел он ко мне и открыл бутылку.

— Может, ты еще мне карту местности купишь?

— Я готов на все. Я тебе даже навигатор куплю.

Я усмехнулась, а Майкл обнял меня сзади. Правда в том, что я редко хочу кого-то узнавать. Мы встретились, переспали, разошлись и этого более чем достаточно. Но с Майклом все иначе. Мы до сих пор ругаемся, как подростки, и миримся, совсем как взрослые.

— Впервые, когда мы переспали, ты мне не перезвонил, — вырвались у меня эти слова прежде, чем я подумала об их исходе. — А потом пришел ко мне домой через несколько дней, и мы снова занялись сексом.

Майкл направился в гостиную, а после вернулся с телефоном возле уха. Мой сотовый зазвонил, и я засмеялась, увидев фотографию Майкла с Эстель на заставке.

— Встретишься со мной? — спросил он, стоя напротив и смотря мне в глаза.

— Я с дочерью, — ответила я.

— Я тоже.

Я положила телефон на стол и провела костяшками пальцев по его щеке. Он был слегка небритый и опять колючий. Любовь не только дарит счастье, она вдохновляет. Эмили говорит, что только любовь помогает ей писать и оставаться на плаву, когда жизнь подкидывает испытания. И несмотря ни на что, она идет вперед благодаря этому чувству к Брайану.

— Если бы тебе дали выбор, что бы ты во мне изменил? — спросила я.

— Ничего, — погладил меня по волосам Майкл.

— Во мне есть недостатки, и ты вероятней всего...

— Нет, — перебил меня он. — Если бы я менял тебя, то только на тебя две, и никаких полутоннов.

Я всегда возвращаюсь к нему. Я просто не могу не вернуться за частью себя, даже сквозь время, обиды и, кажется, даже через пространство. Но когда все это прекратится, я просто рассыплюсь на осколки.

Майкл сказал, что вскоре придет, и когда его не было более, чем двадцать минут, я хотела идти спать. Но проверить, что он в безопасности, было важнее, и я направилась в ванную, слыша оттуда шум воды. Открыв дверь, я увидела, что Майкл лежит в ванной и курит сигарету.

— Выбери меня, Стейси.

— Знаешь, в чем проблема? — не снимая его рубашку, присоединилась я к нему.

— В чем?

— Я не могу выбрать не тебя. И не только из-за дочери, но и из-за того, что я привыкла к тебе, — положила я голову ему на грудь. Майкл поцеловал меня в лоб, и я улыбнулась. — Сердце не умеет думать и не дает возможности выбирать. Это уже было сделано за меня.

— Ты любишь меня? — спросил он, сильно сжимая меня в объятьях.

— Что мы делаем? — ответила я вопросом на вопрос.

— Не знаю. Но уверен в том, что не хочу отпускать тебя.

Личная жизнь у меня была теперь на первом месте. Морально я не была к этому готова. Я хотела работать больше, но все мое нутро мне говорило «ты — не твоя мать», и я в очередной раз оставалась дома, любя свою дочь и мужчину, с которым жила. Так странно. Как один человек может изменить все? Всю мораль и всю жизнь в целом. Мое сердце не подпускает никого, но почему-то с радостью приняло Майкла. Я уставала от людей, но почему-то именно Майкл давал мне возможность отдохнуть. Жизнь потрясающая, и мир — волшебный купол. Печально, что мы не замечаем этого, или же не даем себе возможности обратить на это внимание.

— Чем старше я становилась, тем чаще замечала то, что не доступно моему разуму было ранее — мама всегда меняла меня на работу, — начала я тихо. — У нас был стандартный день — утро, садик, сон. И между утром и работой, как сном и утром мама сидела за телевизором или ходила на свидания. Она была хорошим советчиком, но вот выбрать хоть раз меня вместо работы не смогла. Спусти два года ее не стало. Я полтора года выживала в Нью-Йорке и, после некоторых обстоятельств, попала в ФБР.

— У тебя есть шрамы? — спросил Майкл, сидя возле меня.

— Да. Шрам на руке, — показала я. — На ладони и также на голове. Только его не видно под волосами.

Я умна. Наделена логикой и интуицией. У меня собственная точка зрения на все вопросы, но отстаиваю ее я только в споре с Майклом и своей семьей. Не вижу смысла сотрясать воздух и тратить калории, доказывая свою правоту человеку глупому и приземленному. Вся моя жизнь — это путь самосовершенствования. Я должна контролировать происходящее вокруг для сохранения порядка и гармонии в самой себе. И больше всего на свете я благодарила Майкла за то, что он давал мне эту возможность, хоть и скорее умру, чем признаюсь в этом.

Майкл взял мои руки в свои ладони, и мы пролежали так в ванной какое-то время, слушая лишь шум воды. Погрузиться в чувства с головой бывает опасно, особенно когда не имеешь представления, что из себя представляет это чувство. Кажется, что в этот самый момент мое сердце навсегда ушло к Майклу, и я смогла увидеть это в его глазах. У него такая сильная натура. Он познакомил меня с тем, чего раньше я и представить не могла. С нежностью, а не только сексом. Все так странно. Мы не хотим оба этих отношений, но делаем все, чтобы их удержать.

«Каждую ночь прежде чем уснуть, представляйте себе свой идеальный завтрашний день. Вы увидите, во многом так и будет». Брайан Трейси.

Глава 5

Майкл смотрел на меня, и мы разговаривали. Мы проговорили почти пол ночи, и как только я собиралась поцеловать его, проявив чувства, зазвонил мой телефон. Увидев на экране имя моего босса, я заметила, как напряглось его тело, хоть он и не подал вида.

— Слушаю.

— Открывай дверь.

Я отключила звонок и молча встала с кровати. Как только услышала голос Батлера, я поняла, что что-то произошло. Я считалась экспертом в двух областях — мести и распознавания языка тела и голоса. Зачастую я узнавала все, что мне нужно было, еще до того, как это говорили вслух. Все, что мне нужно было — это голос или едва заметный жест, и мои навыки меня неоднократно выручали. Майкл смотрел, как я одеваюсь, не говоря ни слова. И выйдя из комнаты, я так же молча отправилась открывать дверь.

— Какого черта? — увидела я своего босса на пороге дома.

— Мы ошиблись, — ответил он, проходя в кухню.

— Я никогда не ошибаюсь.

— Я ошибся, смотри.

Он положил папку на стол, и как только я собиралась ее открыть, заплакала Эстель.

— Я возьму ее, дорогая, — крикнул Майкл.

— Дорогая? — нахмурился Вист.

— Без комментариев, — начала я делать кофе. — Будешь?

— Тебе знакома фамилия Бекер? — отрицательно покачал он головой на мой вопрос.

— Да.

Я открыла папку и резко разорвала конверт с фото. Как только взглянула на содержимое, фото выпали из моих рук. Я села на диван, пряча лицо в ладонях.

— Эс, ты в порядке? — спросил Вист, лежа мне руку на плечо.

Я услышала голос Майкла, когда он говорил с Эстель, и подняла голову в тот момент, когда он с дочерью на руках вошел в кухню. Он со злостью стрельнул на нас взглядом и молча положил Эстель в ее коляску.

— Стейси, кто это? — не унимался Вист.

— Это муж моей подруги, — ответила я дрожащим голосом. — Мы все считали его мертвым.

Майкл подошел, отодвигая Виста, и обнял меня.

— Что случилось, милая?

— Она не твоя, — сказал Батлер.

— Ты ошибаешься.

— Да она даже боится ребенка с тобой оставить.

— Если ты не заткнешься, я позабочусь о том, чтобы из твоего рта больше не вылетело ни одного слова, —

ответил Майкл абсолютно спокойно, смотря на меня.

— Не вынуждай меня, — засмеялся Вист. — Ты потерял ее еще до того, как она стала твоей.

— У меня нет времени на разбор полетов! — вскрикнула я. — Я стойкая, и не нужно со мной сюсюкаться, Майкл. Пока можешь нянчить Эстель. А ты, Вист, в следующий раз вызывай меня на работу, а не приходи с утра ко мне домой.

Мой босс промолчал на мое хамство и, достав с кармана еще флешку, положил ее на стол и направился к выходу, закрывая за собой дверь. Боль всегда возвращается. Или, может быть, она никогда не покидает человека по-настоящему. Долорес была совсем девчонкой, когда сделала свой выбор. Давным-давно она выбрала любить его, и если я скажу, что всю жизнь она любила несуществующего человека, то вырву ее сердце. Судьба — странное стечение обстоятельств. И если она узнает, что все было кончено задолго до его «смерти», мы потеряем ее навсегда.

— Ты как оголенный провод, — сказал Майкл, готовя смесь для Эстель и наливая кофе для нас.

— Надень резиновые тапочки.

Майкл одной рукой взял фотографии, другой — Эстель. Она улыбалась и играла его волосами, выглядя при этом чертовски счастливой, выдавая звуки, от которых я улыбалась. Впервые за долгое время за завтраком я поняла, что бесповоротно люблю этого мужчину. Именно в тот момент, когда он кормил нашу дочь едой, которую приготовил сам.

— Моя красавица, — говорил Майкл, улыбаясь. — У тебя такие красивые ресницы, и твои глазки просто волшебны.

— Да, и у обычного человека в ресницах около двадцати пяти клещей, — поцеловала я носик своей дочери, забирая у него фото.

— Когда-нибудь я запрещу ей с тобой разговаривать, — засмеялся Майкл. — Расскажи мне историю Долорес.

— Я сама-то мало знаю, — покачала я головой. — Знаю, что они рано поженились, а потом он умер на войне. Она уехала из города и нашла тут семью, как и все мы.

— Почему тебе разрешают приходить на работу, когда ты хочешь?

— Когда я появилась там, то работала по сто часов в сутки. И сейчас, даже если я ничего не буду делать, никто не усомнится в том, что я все сделаю.

Когда Эстель поела, я забрала ее, чтобы поменять подгузник. Сегодня нужно было сходить с ней на прием к педиатру, а после погулять. Убирал дом обычно Майкл, как и закупал продукты. Мы привыкли оба к такой жизни, поэтому у нас не было разногласий по поводу самой большой проблемы у семейных пар — быта.

— Тебе чем-то помочь?

— Да. Не мешай мне.

— Я скоро начну курить, — усмехнулся он, доставая макароны для пасты, соус и курятину. — Ты курила?

— Нет.

— При такой работе?

— Не люблю от чего-либо зависеть.

— Ты боишься крови?

— Нет.

— Трупов?

— Конечно нет.

— Чего ты боишься?

— Потери.

Смерть — ужасное явление. И ничто не избавит от боли потери любимого человека. Я думаю, смерти нужно учиться. Я видела столько концов в своей работе, но все-таки до сих пор отдаю преимущество началу. Ребенок, затем человек и в конце милый старик или добрая старушка, которая однажды своими словами может изменить мышление человека, а этот человек — целую историю.

— Тебе нужно сейчас перезвонить ей, — сказал Майкл, заметив мою растерянность. — Она должна знать.

— Я не буду сейчас этого делать.

— Почему?

— Потому что не хочу.

Майкл посмотрел на меня взглядом жалости и даже сочувствия. Вот в чем вся правда — я люблю его, но не верю. И какие бы чувства он не пробуждал во мне, я всегда буду свободна. Я не знаю наверняка, что он чувствовал в этот момент, да и по большому счету я сейчас об этом совсем не переживала.

Этот день так и прошел. Майкл готовил и убирал, и я отправилась по врачам, а после за покупками. Я покупала вещи, которые не были нужны — рамки, подсвечники, новую посуду и красивые простыни. Я хотела чувствовать хоть что-то свое в этом доме. И хотела ему придать уюта для ребенка, а не практичности для нас.

Вечером, приехав домой, я сказала, что уеду на полтора часа, и Майкл снова не спрашивал куда.

— Позаботься о ней, пока меня не будет.

Он ничего не сказал, и я направилась на ипподром. Сев верхом на свою лошадь, я думала. Мы летели наперегонки с ветром, и в такие моменты я снова чувствовала, что я — это действительно я. Почему, как только мы дошли до какого-то понимания с Майклом, у меня случается что-то такое, что портит это? Миллионы людей сейчас живут своей собственной жизнью. Нью-Йорк не умеет поддерживать. Этот город умеет развлекаться и делает вещи, из-за которых мы потом уничтожаем себя. Особенно он хорош в любви и разбивании сердца.

Порой я сомневаюсь, что знаю Долорес. Она не говорит о чувствах, но на ее столе фото ее, как оказалось, живого мужа. Если я скажу ей, то разобью сердце, а если не скажу, потеряю доверие. Она ведь моя семья. Как так случилось, что у такой, как я, гипотетически с маленьким и деревянным сердцем человека, эти пять девушек текут словно по венам? Я готова за ними в огонь и воду. И в этот момент я дала себе обещание, что сделаю так, как бы поступила именно она.

— Как долго ты так можешь? — спросил мужской голос.

— Что ты тут делаешь? — остановила я лошадь, не поворачиваясь.

— Я должен узнать получше мать моего ребенка, — ответил Майкл. — Эстель с Максом, так что у нас много времени.

— Ты обо мне по большому счету ничего не знаешь.

— Я знаю, что ты работаешь под прикрытием. Я знаю, что ты совмещаешь свою работу с хобби. Знаю, что ты всегда выберешь свою семью, а не себя. Знаю, что ты скучаешь по своей матери и отцу. Тебе нравятся розы, и ты любишь зеленый цвет. И я точно знаю, что нашей дочери лучше с нами двумя вместе, чем по отдельности, — Я слезла с лошади и стала напротив Майкла. — Я не хочу прожить эту жизнь именно так, Эс.

Слезы появились в моих глазах и потекли по щекам. Майкл вытер одну большим пальцем, а затем притянул к

себе, сильно сжимая в объятьях.

— Я не знаю, что мне делать, Майкл. Я разрушу ее.

— Я верю в судьбу, Стейси, — прошептал он, поглаживая меня по волосам. — Все в жизни не случайно.

— Меня воспитывали, как парня. А парень сказал — парень сделал. Я не могу их защитить. — Майкл целовал мои волосы, и я сильнее прижала его к себе. — Мне нравится, когда ты целуешь меня ради поцелуя, а не ради секса, — подняла я на него глаза.

— Я бы не отказался от секса.

— У меня болит голова, — отошла я, погладив лошадь.

— Во время секса вырабатываются эндорфины, которые являются обезболивающими.

— Тоже мне всезнайка, — хмыкнула я. — Уезжай домой.

— Тебе нравится боль?

— Смотря кого.

— Ты никогда не учишь, ты проучиваешь. Ты такая сильная, и идеальное сочетание страсти и злости в тебе сводит меня с ума.

— Почему мы не можем быть как нормальные люди? — вздохнула я. — Влюбиться, жениться, родить ребенка, пить кофе по утрам и вино по вечерам?

— Потому что мы не такие, как все, дорогая, — легко поцеловал меня Майкл в губы. — Нам будет скучно, если мы будем верны себе, друг другу или кому-то еще. Нам нужно немного опасности и риска.

Я была не права. Майкл знал меня. Знал лучше остальных. Мы любили. Бросали, ловили, разрывались напополам и продолжали идти вперед, даже висая на волоске.

Телефон завибрировал в моем кармане, и когда я потянулась за ним, Майкл сжал мою кисть.

— Не бери.

— Забери руку, — ответила я ему с вызовом в глазах.

— Не поднимай в этот момент.

Я качнула головой, затем вырвалась, и вывернула его кисть, не давая ему возможности двигаться.

— Не забывай, кто из нас солдат, дорогой, — прошептала я, на что получила улыбку.

— Стейси Фостер, — сказал мужской голос в трубке, когда я отпустила Майкла.

— Кто это?

— Я встречал таких как ты.

— Не думаю.

— Если ты хочешь сохранить жизнь своей дочери и подругам, перестань искать меня.

— Как ты мог? — поняла я, с кем говорю. — Она любила тебя.

— Да и мне нравилось за этим наблюдать.

— Ты псих.

— Только сейчас поняла это?

— Попробуй тронуть кого-то из дорогих мне людей хоть пальцем, и ты останешься без конечностей.

— Стейси, ты хороша в стрельбе, но не в сострадании, а это лучшее оружие.

— Черт! —выругалась я, бросив трубку.

Я находилась в бешенстве. Мне негде прятаться. Я чувствую себя злодеем и чувствую голод по убийствам. Одно слово об угрозе моей семье, когда у меня возникает желание утолить этот голод.

— Я хочу, чтобы ты ушла из этой работы, — сказал Майкл.

— Что?

— Я хочу, чтобы ты ушла. Ты не можешь больше работать там. У нас семья.

— Я женщина, Майкл, кроме того, что мать.

— Ты женщина, даже когда...

— Да! — перебила я его. —Даже когда я буду забивать гвоздь, ловить серийного убийцу или всаживать кому-то пулю в лоб.

— Я не могу жить, зная, что тебя в один момент может просто не стать!

— Значит иди к Хилари! Она у тебя писатель!

— Заткнись!

— Пошел ты!

Я со злостью посмотрела на него и направилась в конюшню, ведя туда лошадь. Я почувствовала, как что-то ударило меня в спину, и я упала на землю от неожиданности. Майкл прижал меня своим телом, и теперь я не могла пошевелиться.

— Отпусти меня! — закричала я.

— Ты на меня кричишь, обижаешься и говоришь всякое дерьмо, но я люблю тебя, черт возьми, Стейси! И ничего не могу с собой поделать, — последнюю фразу он сказал шепотом и почти с мольбой.

С минуту мы пялились друг на друга и полностью потерялись в сюрреалистичности происходящего. Кажется, мою жизнь включили на быструю перемотку вперед, и я была неспособна изменить режим воспроизведения.

— Прости меня за все, Эс, — сплел он наши пальцы. — Пожалуйста.

— За все?

— Да.

— Очень удобно творить херню столько времени и попросить прощение однажды сразу за все.

Майкл поднялся на ноги и подал мне руку, которую я отвергла. Направляясь к своей машине, я злилась на самую себя. Ну и какой смысл злиться на него, если уже и так ничего не изменить? Он навсегда останется лучшим мужчиной в моей жизни по причине того, что он отец моего ребенка. Она всегда будет рядом со мной, а он рядом с ней, и я понимаю и принимаю это, как факт, но не принимаю его присутствия. Я словно ограждаю себя, зная, что из этого ничего не выйдет, вспоминая прошлое. Майкл не подпустит меня к себе до конца, как и я его, и мы оба никогда не будем лезть насильно.

— Поужинай со мной, Стейси.

— Какой в этом смысл, Майкл? — повернулась я к нему, повышая голос. — Мы оба знаем, что у нас нет будущего. Мы не разрешаем подступать к нам ближе кому бы то ни было по причине того, что так проще.

— А ты не пытайся искать смысл. Просто поужинай со мной сегодня вечером.

— Сегодня я не могу. Мне нужно поехать на работу и посмотреть несколько досье.

— Хорошо, тогда, когда ты будешь готова, — открыл он мою дверцу. — Просто скажи.

Я завела мотор машины и смотрела в зеркало заднего вида на стоящего Майкла. Он в свою очередь вскоре сел в свою машину, и когда я приехала домой, написал мне смс, что у него проблемы на работе, и он будет поздно.

Почему я ревную? Что за тупость? Как можно ревновать то, что тебе не принадлежит? Но с другой стороны, как можно говорить, что человек изменяет, если он тебя не любит. Измена — это лишь когда любишь, а все остальное даже и отношениями не назовешь.

Макс держал Эстель на руках, пока она спала, и в комнате мерцал лишь свет телевизора, звук которого был выключен. Макс был потрясающим парнем. Он был так похож на Эмили и в то же время полностью от нее отличался. В этом году он поступил в спортивную академию, и, как Эмили и хотела всегда, жил рядом с ней. Ее родители отпустили двоих детей, но теперь у них было время пожить для себя, хоть я и не представляю, как можно смириться с тем, что твой ребенок вырос.

— Спасибо тебе, — присела я рядом с ним, целуя Эстель в лобик. — Так мирно и спокойно она спит лишь у Майкла и у тебя.

— Она чувствует.

— Что чувствует?

— Защиту, Стейси. Пусть ты ее мама, и ты сильная, но она всегда будет хотеть рядом мужчину.

— Она совсем крохотная, — усмехнулась я. — И слишком маленькая для понимая всего этого.

— Сегодня я включил ей мультик о лошади по имени Спирит. И я знаю, что ей понравилось. Она смеялась и издавала разные звуки.

— Она так на него похожа. Ей нравится музыка, и она любит вымазывать руки в краске и рисовать, но лишь когда Майкла нет рядом. Мне кажется, она грустит в эти моменты, или даже злится.

— Может, мы все не правы, что дети не помнят? Может, именно так Эстель пытается заменить себе отца?

— Или запомнить его таким способом, — перевела я взгляд на стену перед собой. — Думаешь, я гублю свою дочь?

— Ей также нравятся лошади, — уловила я проблеск улыбки на его губах. — Она еще и твоя дочь, Эс.

Майкл так и не вернулся домой до самого утра, и у меня не было выхода, кроме как забрать дочь на работу. Она много спала или просто смотрела мультики, которые еще не понимала. Хотя теперь я и не была уверена в этом, послушав вчера Макса. Он ушел вскоре, даже несмотря на то, что я предлагала ему остаться.

Из-за постоянных нервов и напряжения у меня не было молока, и я кормила ребенка смесью. Никто не знал об этом, даже мои подруги, и я не считала это чем-то сверх удивительным. Я знала, кем работаю, и знала, что каждый, кто связан со мной так или этак страдает. Как бы я не хотела оградить своего ребенка, не смогу этого сделать, пока не уйду из этого дела навсегда. А для этого, наверное, придется умереть.

В конце концов, на работе я мало что смогла сделать. Эстель почему-то плакала все время, и я не могла понять причины. Ей было не холодно и не жарко, она не была голодна. Я сменила ей памперс и дала лекарство, которое

прописал педиатр.

— Тише, милая, тише, — шептала я, качая ее. — Что такое? Что ты чувствуешь?

Вист вошел ко мне в кабинет и посмотрел с явным раздражением.

— Ты хоть знаешь, что мы в здании ФБР, а не в детском саду?

— Спасибо, умник, — ответила я. — Но мне не с кем оставить ребенка. Майкл уехал на встречу со спонсорами, а няне я не доверяю.

— Мне плевать Эс, ясно? — зарычал он. — Ты на работе!

— Не ори, — ответила я со злостью, когда Эстель начала плакать еще сильнее.

Я положила Эстель в переносную коляску и, собрав ноутбук и кое-какие бумаги, направилась к выходу, игнорируя своего босса. Я спустилась по лестнице в гараж, все еще покачивая ребенка.

— Тише, солнышко, мы уже едем домой. Прости меня, что так мало с тобой, мне нужно закончить это дело.

Когда я уже была в подземной стоянке, услышала чьи-то шаги. Я натренированный солдат и привыкла замечать все до последней подробности. Быстро открыв машину, я положила туда коляску и вещи, заблокировав все двери.

— Прости меня, Эстель. Но я не знаю, кто к нам пожаловал.

— Умно, — сказал мужской голос. — Вот мы и встретились, Стейси Фостер.

Это был он. Муж Долорес. Человек, сломавший столько лет жизни одной из самых дорогих мне людей. Я взглянула на него и мысленно просканировала, а он в свою очередь молча наблюдал за этим процессом. У него была черная кожа, темные волосы и холодные зеленые глаза. Его руки по локоть были в татуировках, и я видела, как на шее начинается еще один рисунок.

— Ну говори уже, — усмехнулся он.

— Твоя кожа, — сказала я, напрягаясь всем телом, когда он начал подходить ко мне. — Ты темный, но она выглядит гораздо темнее обычного. Тебе негде мыться и жить. Ты бездомный. Твои глаза. Они пусты. Я видела их на фото раньше, и, судя по твоим зрачкам, ты принимаешь наркотики. Кости пальцев избиты. Тебе нравится причинять людям боль. Но также ты любил мою подругу, — начала я понемногу расслабляться, смотря на него с вызовом. — Значит, ты начал это делать скорее всего по принуждению, но сейчас это переросло явно в удовольствие. Я права?

— Права, — все еще видела я оскал на его губах. — Ты изумительна. А как на счет того, почему я тут?

— Ты не причинишь мне боль, ведь знаешь, что я могу постоять за себя.

— Твоя дочь.

— И за нее могу, — мы стояли напротив друг друга и не отводили взгляд. — Если ты хорошо выучил мою подноготную, то знаешь, что ради нее я найду твой сожженный пепел среди тысячи других, даже раньше высыпав его туда.

— А ты веселая, — засмеялся он.

— Зачем ты тут, зная, что сюда всегда может кто-то войти, и мы тебя арестуем?

— Арестуйте, — выставил он руки вперед. — У вас на меня ничего нет, и, кроме того, Стейси, — склонился он, шепча мне на ухо. — Ты не сможешь меня арестовать или убить, не поговорив перед этим с Долорес.

Телефон зазвонил в моем кармане и, когда я выключила звук, поднимая голову после, не увидела даже следа

этого человека. Он был словно тень. Я открыла машину, и, когда села в нее, плач дочери прекратился. Она лежала и смотрела на меня. Я тронулась с места, чтобы быстрее уехать от сюда.

Я смотрела на своего ребенка и чувствовала покой. Лучший день в моей жизни — ее рождение. Она была не просто моим ребенком. Эстель была моей мечтой, моим спасением и моим желанием жить и быть лучше. Я всегда буду с ней, даже если меня не будет рядом.

— Ты знала, что тут опасно, да, кроха? Все будет хорошо, мама рядом. Мама всегда будет рядом.

Это парадокс. Тех, кого мы пытаемся защитить, зачастую делаем им больно. Но так больше не могло продолжаться, так что я знала, на что иду, и знала, что теперь все изменится. Я набрала номер Долорес и включила громкоговоритель.

— Ты где? — спросила я.

— На работе, — ответила подруга с улыбкой в голосе.

— Я еду за тобой.

— Но...

Я не услышала следующих слов, заканчивая звонок, и тем самым предотвращая все возражения. Долорес не хочет поддержки, а я зачастую не умею поддерживать. Подъехав к ресторану, я посигналила. Долорес вышла на улицу, надевая очки и садясь в машину.

— Привет, Эс, — поцеловала она меня в щеку. — Здравствуйте, мисс Эстель Фостер-Вудс, вы прекрасно выглядите.

Долорес улыбалась, а я вцепилась в руль, так что костяшки пальцев побелели. Судьба может быть жестока. Но также она иногда дарит нам светлые моменты, когда мы встречаем кого-то очень важного. Самые случайные встречи не случайны, поэтому они настолько ценятся. И в этот момент меня осенило.

— Эс, ты меня слышишь? — спрашивала Долорес, выводя меня из транса.

— Да, да, я тут, Ди.

— Почему мы приехали к Эмили?

— У каждой из нас есть ее ключи, — ответила я, забирая коляску и сумку с вещами. — Эмили и Брайан сейчас на работе, и их не будет, как минимум, три часа, а сейчас нет более безопасного места, чем этот дом.

— Иногда ты меня пугаешь.

— Привет, Томас, — сказала я, вызывая лифт.

— Что случилось, Стейси? — спросила шепотом Долорес, забирая у меня Эстель.

Мы вошли в дом, и я заперла дверь на ключ. Долорес молчала, и когда я сказала ей сесть на диван, она так и сделала, держа моего ребенка на руках так, словно пыталась защитить от меня.

— Долорес, — вцепилась я в обивку дивана. — Я не умею говорить правильные слова, или поддерживать...

— Стейси, я знаю, — перебила она меня. — Я знакома с тобой не первый год и также осведомлена о твоих сильных и слабых сторонах.

— Ты скучаешь по нему? — спросила я шепотом.

— По кому? — в непонимании находилась подруга.

— По своему мужу.

—Так, что ты на самом деле хочешь?

— Долорес...

— Что ты хочешь?! — крикнула она, поставив коляску на диван рядом.

— Он жив, — ответила я, срываясь с места. — Извини.

— Что?

Эстель снова начала плакать, и я сорвалась с места, подбежав к холодильнику. Она не ела целую вечность, и я снова ничего не успевала. Долорес молчала, не сказав ни слова несколько последующих минут, пока я готовила смесь для ребенка.

— Искушение принимает различные формы, но он даже не пробовал этого сделать, — прошептала она, и я смотрела, как из ее глаз текли слезы. — Стейси, он бы не смог так поступить со мной. Я была любовью всей его жизни, понимаешь?

— Прости меня, — начала я кормить ребенка. — Я должна была сказать тебе. Я бы хотела, чтобы тут сейчас была Эмили для правильных слов и Ева для утешения. Я — плохая поддержка, но скажи, что я должна сделать, чтобы ты не плакала? Если нужно его убить, я убью.

— Нет! — прокричала она. — Не трогай его!

— Поговори со мной.

— Расскажи мне все, — ответила она отстранено.

— У нас появился маньяк, и потом мы узнали, кто это. Мы говорили со многими, и с некоторыми я говорила лично. Но дело в том, что именно твой муж — их главарь. — Я говорила с ним. Долорес, у него нет души. Он не тот человек, которого ты знала ранее.

— Ты не знаешь его, — посмотрела она на меня, и я увидела столько эмоций в ее глазах. — Мне всегда было трудно в отношениях с парнями. Я не была особой красавицей. У меня были проблемы с фигурой, и мое лицо было в пятнах, как и у каждого подростка. Потом парни часто приглашали меня на свидания, но я всегда считала, что достойна лучшего. Так что у меня до двадцати лет не было, как я считала, достойного меня. Зачем началась работа, карьера. И как гром среди ясного неба появился Джейс. Мы влюбились, как подростки, — засмеялась она со слезами на глазах. — И вот сейчас мне почти тридцать, а я одна с пониманием того, что такой и останусь. — Я положила спящую Эстель на диван и обняла Долорес. — Недостойные, как я считала, живут в браке счастливо в настоящей жизни, но это все не важно. Я люблю его. Мир застыл на нем, и моя жизнь зависла, когда мне сказали, что он умер. Я дышала им. Он стал для меня всем — любовью, другом, любовником, врачом, моим чудом, моим счастьем. Я обязана небесам за то счастье, что испытала с ним, и, если он жив, я попытаюсь его вернуть. Устроишь мне встречу с ним?

Ком в горле, который я не могла даже попытаться проглотить, почти заставил меня задохнуться. Я думала убить его. И я хочу защитить ее. В его глазах я не увидела жизни, не увидела ничего, о чем говорит моя подруга, но я устрою встречу. Если я не сделаю этого, она никогда меня не простит. Мы сидели, и я обнимала Долорес, а она плакала у меня в объятьях.

— Девочки, здравствуйте, — сказал Брайан, входящий в дом. — Как у вас... — Он замолчал, когда увидел наши лица. — С вами все в порядке?

— Да, да, — ответила Долорес, поднимаясь.

— Сядь, — сказал Брайан. — Никуда вы сейчас не пойдете.

Он налил 3 стакана виски и отдал нам по одному.

— Что случилось? — спросил он, садясь напротив.

Я чертовски уважаю мужа Эмили. Он воспитан, умен, красив, интеллигентный, заботлив, мил, и у него великолепная улыбка. А еще он всегда хочет защитить всех, кто его окружает.

— Ничего, — ответила Долорес, когда Брайан поцеловал Эстель в щеку. — Мужчина, которого я люблю больше жизни, умер, а теперь оказывается он жив. Видится со Стейси, и он маньяк, я ничего не упустила?

— Надеюсь, что нет, — растерянно сказала Эмили, стоя в дверях.

И как всегда ничего не осталось скрыто. Еще стояла Ева с перепуганным лицом и рядом Кристофер, физиономия, которого не выражала ничего, кроме бесстрастия. Они вошли в дом, и Эмили забрала у Брайана бокал, выпивая его залпом. Ева смотрела на Долорес, а Кристофер чувствовал себя не в своей тарелке, хоть и его лицо все еще было каменным.

— Что тут, черт возьми, происходит? — наконец задала вопрос Эмили.

Тишина наполнила комнату и все мы просто ждали дальнейших действий Долорес. Эстель проснулась и начала издавать звуки.

— Черт, детка, прости, — подняла я ее на руки.

— Дай ее мне, — сказал Брайан. — Мы как раз хотели поговорить с Крисом.

Весь этот спектакль был мне противен, но Долорес мало того времени, что я ей дала. Она столько лет жила с мыслью, что потеряла мужа, храня ему верность, и теперь весь ее мирок, который она построила, полетел в пропасть. Брайан с Кристофером ушли, а я первым делом открыла холодильник и достала молоко, разогревая его до нужной температуры.

— Эмили, у тебя есть бутылочка?

— Все необходимые вещи для Эстель в третьем шкафчике слева, — ответила она, что-то говоря Долорес.

Иногда я ею восхищалась. Эмили все могла предугадать и предусмотреть. Она никогда не винила судьбу за неудачи, а просто шла вперед, и всегда готова была помочь любой из нас. Я отнесла бутылочку с молоком Брайану и вернулась обратно. Мне интересно, осталось ли в нем хоть что-то человеческое? Хотя бы в микродозах?

— Моя жизнь отвратительна, — прошептала Долорес, которая проливала горькие слезы, а Ева обнимала ее.

— Зато твоя грудь — объект восхищения, — сказала я, садясь напротив.

— Не сейчас, Эс, — нахмурилась Ева.

— Прости. Долорес, хочешь поговорить?

— Нет, — поднялась она на ноги, мечась из угла в угол. — Отвлеките меня.

Ева посмотрела на меня и подперла подбородок локтем, что означало «Закрой свой рот».

Я была дилетантом. Дилетантом в поддержке или умении дать совет. Мне всегда было проще выслушать человека или спасти ему жизнь. Еще с детства чем чаще мои родители кричали и унижали меня, тем больше я к этому привыкала. И в конечном итоге начала считать это нормой. Я многое считала нормой из-за уличной жизни, а также жизни в ФБР.

— Я сегодня ехала на работу в общественном транспорте, — сказала Ева, пытаясь сменить тему.

— Что ты делала? — нахмурилась я.

— Не смотрите так на меня, — пожала плечами Ева. — Мне интересно наблюдать за людьми. И, кстати, я увидела парня, который уступил место пожилой женщине, помог ей сесть и всю дорогу держал ее сумку. Такое

сейчас редко встретишь.

— Он был красавчиком? — улыбнулась я, подмигивая.

— Да. Он был красив и учтив. Если бы он подошел ко мне, я бы с ним встретилась.

— В этом наша проблема, — добавила Эмили. — Хотя нет, не наша, а мужчин. Когда они видят красивую девушку, думают, что у нее кто-то есть, и никогда не подойдут. Хотя на самом деле чаще всего у нее недостаток мужского внимания.

Мы думаем, что спланировали эту жизнь от начала и до конца. И думаем, что, если следовать четким правилам, которые сами же установили, то все будет хорошо. Но потом что-то случается, и все летит коту под хвост. Мы не всегда можем предугадать жизнь. Судьба подкидывает сюрпризы, часто, правда, неудачные, но все же большинство из них нужны нам, по крайней мере судя по моему опыту.

— Что ты чувствовала, когда увидела его и когда говорила с ним? — спросила Долорес, смотря на меня.

— Ничего, — ответила я. — Первой моей мыслью было защитить вас, как и последней. Я хотела убить его и не один раз думала об этом.

— И что тебя остановило?

— Сначала ты должна была узнать, что он жив, — Долорес и Ева посмотрели на меня с ужасом, и только Эмили одобрительно кивнула. — Вы думаете, что я монстр, который ничего не чувствует, но по большому счету все, что я делала и о чем думала, так это все, что подсказывало мне нутро. Чувства, которые я испытывала раньше — защитить себя, теперь дочь и вас.

— Мы не считаем, что ты монстр, — начала Ева.

— Нет, считаете, — перебила я. — Ну да плевать. Это ваше право. Но да, если бы я могла выстрелить ему в сердце и перестала бы чувствовать вину за то, что все те девушки умерли, и ты, Ди, перестала бы страдать, мне не нужно было даже секунды на раздумья, я бы выстрелила.

Все затихли. Я могла сказать с идеальной точностью, сколько ударов в минуту стучали сердца каждой. Все в жизни возвращается бумерангом. И я сдерживалась еще по причине того, что не хочу, чтобы за мои собственные грехи расплачивался мой ребенок.

— Я бы тоже так сделала, — наконец сказала Эмили после удушающей минуты тишины. — Я бы тоже убила ради счастья или спокойствия каждой из вас. Идемте.

Эмили взяла бутылку шампанского, четыре бокала, и мы направились на балконную террасу.

— Сколько ты без него? — спросила я у Долорес.

— О такой цифре даже не говорят.

— Я хочу выпить за наших замечательных мужчин, — сказала Эмили. — Ведь как бы то ни было, мы все тут мужчины и женщины, но все же всего-навсего люди.

— За вас, неудачники! — вскрикнула Долорес, когда каждый забирал свой бокал от Эмили.

Я ненавижу секреты. Все время пытаюсь раскрыть тайны, но парадокс в том, что, чем больше мы скрываем, тем больше у нас секретов от нас самих.

— Ты что-то еще скрываешь? — прошептала Эмили мне на ухо.

— Почему ты думаешь, что я всегда что-то скрываю? — нахмурилась я.

— Потому что ты всегда что-то скрываешь, — покачала она головой, делая очередной глоток. — Стейси, мы любим тебя больше, чем ты нас. А ты в свою очередь нуждаешься в нас больше, чем мы в тебе, но это не важно.

Мы семья.

— Все изменилось, Эм.

— Кроме нас.

Глава 6

По дороге домой, я позвонила Донне, с которой у нас чаще всего совпадали мнения, и убедилась в том, что у меня есть душа. До сих пор.

— Они думают, что у меня нет моральных ценностей, Ди, — говорила я. — Все, кроме тебя и Эмили, так думают.

— Я сомневаюсь, что Долорес, Ева и Эбби так считают. Они думают, что ты другая, но все, что ты делаешь, это защищаешь тех, кого любишь. А любовь — это чувства.

Когда я входила в дом, держа коляску в руках, мне позвонил Майкл.

— Привет.

— Мои любимые дома? — слышала я улыбку в его голосе.

— Нет. Эстель дома, а твоя машина вместе с тобой.

— Эс...

— Я не хочу с тобой разговаривать, Майкл. Купи молоко, несколько упаковок подгузников, влажные салфетки, также несколько упаковок, и...

— Сменные пеленки, несколько упаковок.

— Точно, и еще, давай быстрее, я хочу отдохнуть.

— Уже еду, лакомый кусочек.

Я набрала ванную и, включив музыку, взяла на руки Эстель, окуная ее в воду. Она выдавала смешные звуки, а я смеялась, чувствуя себя такой счастливой. Она была моим светом, и единственной к кому я все время хотела прикасаться, чувствовать и обнимать. Я не могла понять, как родители могут оставить своих детей. Если бы она уехала, мое сердце разорвалось бы в клочья.

— Вы самое идеальное, на что можно смотреть, не переставая, — услышала я голос Майкла за спиной.

Эстель лежала в воде, играя игрушкой, а я смотрела на нее, сидя на тумбе.

— Я рассказала все Долорес, — прошептала я.

— И как все прошло? — спросил Майкл, присаживаясь рядом.

— Ужасно. Она плакала, и я не могла остановить поток слов и...

Я запнулась, понимая, что сейчас рассказываю о своих чувствах.

— Тебе нужно научиться доверию, Эс.

— Я очень долго училась недоверию.

— Доверие, — закутал Майкл Эстель в полотенце. — Самое трудное чувство. Трудно найти людей, которым можно верить, но даже если нашел однажды, люди могут предать. То же самое, что случилось с Долорес и, в конечном итоге ты понимаешь, что верить можно лишь себе.

— И что ты хочешь этим сказать?

— Я хочу сказать, что бутылка Каберне Совиньон 2000 года стоит на столе, красные розы в вазе, и иногда приятно поговорить с тем, кто не осудит тебя.

Он вышел из ванной, а я смотрела на закрытые двери, задумываясь над его словами. Ведь зачастую мы и правда не учимся доверию. Нам легче искать оправдание недоверию, нежели его причины.

Я направилась на кухню, усмехнувшись розам, а затем поднялась в детскую и увидела, как Майкл одевал Эстель.

— Куда ты ее наряжаешь?

— Пора ей познакомиться с бабушкой, дедушкой, дядей и домом, где вырос ее отец, — ответил он. — Одевайся на свой вкус.

Я улыбнулась, открывая шкаф Эстель.

— Одень ей эти джинсики и футболочку голубую, вот ту, — отдала я ему вещи. — Синий жакет, под ее глаза, и синие ботиночки. А ты надень синий галстук.

Я вошла в свою спальню и открыла шкаф. Выбрав синее платье-футляр до колен, я была воплощением элегантности и сдержанности. Обула туфли на завязку по всей длине от щиколотки до пальцев, и как всегда застегнула на правой руке браслет.

Все меняется. Все в мире очень относительно и временно. Донна говорила, что нужно самой стать счастливой, чтобы быть счастливой с кем-то. Ведь требовать от другого человека, чтобы тот сделал счастливой именно тебя, до тех пор ты несчастна — эгоистично.

— В каком районе ты вырос? — спросила я, когда мы ехали с Майклом к его семье.

— Бронкс.

— Бронкс? — удивилась я.

— Да, он мало изучен, но интересный.

Мы приехали в небольшой домик, вокруг которого росло множество цветов. Несколько садовых гномов и деревьев, которые украшали лужайку, и под навесом был столик и несколько стульев.

— А тут красиво, — сказала я, собираясь открыть дверь машины.

— Нет, сиди, — перебил меня Майкл, выходя из машины, и прежде чем забрать дочь, помог мне выйти.

Я усмехнулась ему, и одними губами прошептала «Воображала». Он ничего не ответил, и мы направилась к дому. Одно дело хотеть чего-то. Но как часто мы готовы чем-то пожертвовать, чтобы достичь этого?

Не успели мы позвонить в дверной звонок, как двери открыла женщина лет пятидесяти в брюках, блузке и черных лодочках. Наряд, когда она могла надеть что угодно, выбрала строгий, скорее всего, эта женщина занимает руководящую должность. На ее руках был идеальный маникюр, что доказывает то, что она редко делает какую-либо работу, но ее глаза засветились, когда она перевела взгляд на Майкла, затем на меня, а потом и на свою внучку. Это была мать мужчины, который являлся отцом моего лучшего произведения искусства — моей дочери.

— Входите, — сказала она через мгновение, приняв серьезный вид.

— Мама, — поцеловал Майкл ее в щеку.

— Миссис Вудс, — качнула я головой.

— Дайте ее мне, — сказала женщина.

— Мама, где отец и брат? — спросил Майкл, когда мы направлялись в гостиную.

Я чувствовала на себе взгляд этой женщины, и мой ребенок сейчас был у нее на руках. У меня складывалось

такое впечатление, что я попала в дом к англичанам. Тут все было слишком сдержанно, чисто и даже чуть вычурно. Жители этого дома определенно были педантами. На столе стоял поднос с чашками из фарфора, и эти странные бархатные шторы под старинку складывали впечатление, что я находилась в 70-х. Я посмотрела на Майкла, и он понял, о чем я думаю.

— Они уехали на футбол, — ответила женщина. — Мы не знали, что ты приедешь. Чай?

— Да, спасибо, — ответила я.

— Она похожа на вас обоих. Значит, у меня появилась внучка, а я об этом даже не знаю? — со злостью спросила леди. — И ты живешь с женщиной, у которой кости пальцев сбиты не один раз. Когда ты хотел мне рассказать об этом, Майкл?

Я думала, только моя мать была без материнского инстинкта, но, оказывается, мы так хорошо молчали с Майклом по причине того, что он понимал меня. Я взяла его за руку, а он посмотрел на меня с благодарностью.

— Это не прилично, миссис/

— Фостер, — ответила я. — Мы не женаты. Уверена, вы рады познакомиться.

— Вы живете вместе?

— Да.

— Вам не стыдно?

— Мама! — повысил голос Майкл. — Не начинай.

— Сколько времени моей внучке?

— Времени? — спросила я в непонимании.

— Ей полгода и четыре дня, — ответил Майкл. — И она живой человек, а не цветок, мама. Именно поэтому я и не привозил женщину, которую люблю, и нашу дочь.

— Ну в этом только твоя вина, сын. Ты ушел из дома, зная, как отреагирует твоя семья. Перед этим должен был жениться на женщине высокой морали, но ты...

— Хватит! — встала я с места, забирая у нее дочь. — Нам не нужно уезжать, и передавайте привет мужу и сыну. Майкл, на выход.

Он ничего не ответил, но сделал так, как я сказала.

— Я вижу вы очень воспитанная леди, мисс Фостер, — говорила она, следуя за нами.

— Так и есть. И судя по всему, следующий раз свою внучку вы увидите через восемнадцать лет.

— Но....

Мы покинули дом, и Майкл был зол. Я же была не просто зла, у меня было внутреннее бешенство. Мы сели в машину и несколько минут просидели в тишине, прежде чем тронуться с места.

— Извини за сцену, — сказал он. — Я не хотел...

— Ничего, — ответила я, целуя нашу дочь. — Извини, но твоя мать — та еще сучка.

Он засмеялся и поцеловал в щеку Эстель, а затем и меня.

— Как думаешь, что нас определяет? — спросила я, переводя взгляд на дорогу.

— Не знаю, — пожал он плечами. — Наше прошлое? Наш выбор?

— А если не помнишь прошлого, и у человека нет выбора?

— Тогда женщина.

— В каком смысле?

— С женщиной ты можешь жить в мире иллюзий, но в действительности в мире мужчины нет ничего более настоящего, чем женщина, которая трезво смотрит на жизнь.

Я улыбнулась, положив свою руку на его. Ожидание всей моей жизни — момент, когда я буду счастлива. Момент, когда моя семья будет рядом, любимый мужчина не сможет отвести взор, а самое большое сокровище, смотря на меня, будет улыбаться.

— Когда мы начали спать вместе, я и понятия не имела, что ты станешь еще и моим другом, Майкл Вудс. Что ты делаешь сегодня вечером?

— Ты же не разговариваешь со мной.

— А я с тобой и не разговаривать хочу.

Все чаще и чаще я вспоминала свое детство. Вспоминала свою мать, и каким ребенком я была. Отец. Мне всегда его хотелось. Хотелось того, к кому я смогу обратиться за помощью, кто защитит меня от себя самой и будет рядом, несмотря ни на что. Но со временем ты понимаешь, что не всем так везет. Любовь, как ракушка. Думаем, что слышим море, а это наша кровь, и если бы мы чаще прислушивались к нашему сердцу, возможно, слышали бы не только его стук, как жизненно-необходимого органа, но и его советы, которые всегда были самыми правильными.

— Стейси, иди к себе в комнату!

— Мамочка...

— Иди к себе в комнату!

Потом я получила пощечину от матери и снова увидела пьяную физиономию отца. Нормальное детство, нормальная жизнь, счастливые года студенчества — все это не про меня. Я была несчастным ребенком и никогда не любила помещение, которое, по воле судьбы, стало моим домом. Раньше я ненавидела каждую минуту своей жизни. Сейчас я все чаще и чаще прокручивала моменты в своей памяти о своих родителях, и понятия не имела, где сейчас один из них. Согласно искусству войны, главное знать врага. Но что если я сама себе враг?

Четыре часа утра. Я держала Эстель на руках, крепко прижимая к себе. Она плохо спала этой ночью, и я пыталась каждую секунду быть с ней. Я забросила чертову работу и не отвечала на звонки друзей последние два дня, пытаясь быть той матерью, которой не хватало мне.

— Почему ты не в постели?

— Тсс, — прошептала я, не оборачиваясь. — Она только уснула.

Майкл не ушел, а наоборот, сел в кресло рядом и показал мне жестом, чтобы я отдала ему ребенка. Я так и сделала, а после села на пол, смотря на свою семью.

— Мне не нравится этот дом.

— Ну тогда давай его изменим, — я промолчала. — Что происходит, Стейси?

— Не знаю.

— Знаешь.

— Мне не нравится этот дом.

— Мы его поменяем.

— Я не знаю, какой жизнью живу, Майкл. Иногда мне трудно.

— Когда на улице падает дождь, он меня успокаивает, — прошептал он, целуя нашего ребенка в лоб.

— Я хочу мстить. Во мне столько ненависти, что иногда я боюсь сама себя. И еще я не хочу, чтобы мои сны сбывались.

— Почему?

— Чаще всего мне снятся кошмары.

— Ты часто разочаровывалась в своих родителях?

— Мое максимальное разочарование, наверное, было уже в роддоме.

За годы работы у меня были свои рычаги давления, и я часто давила на самые больные места. Каким бы человек не был беспечным, он всегда будет бояться потерять родных, и самое страшное — своих детей.

На следующий день я пришла домой к детективу, ребенка которого несколько лет назад посадила за решетку. Не скажу, что ни за что, но он, скорее, сидит за ошибки своего отца, нежели свои.

— Что тебе нужно? — спросил он, как только я вошла в дом, который был пуст и пропах алкоголем и сигаретами. — Ты сделала достаточно.

— Сегодня я сделала больше, чем достаточно, — ответила я, сильнее сжимая ключи от машины в руке. — Мне нужна услуга.

— Проваливай!

— Не забывай о том, что только я могу вытащить твоего сына из места отдыха.

— Что я должен сделать?

— Мне нужна вся информация об этом человеке, — отдала я фото мужа Долорес. — Нужно знать, когда он ест, где бывает, и сколько ударов в минуту стучит его сердце.

— Ты же знаешь, что это невозможно.

— Возможно, — скрестила я руки на груди. — Каждый раз, когда думаешь об этом, вспоминай своего ребенка, и я уверена, что ты сможешь перевернуть мир.

— Зачем ты давишь на самое больное?

— Я знаю, что важно.

Затем я вышла из дома, села в машину и направилась в офис. Эстель была с Майклом, и я хотела сделать то, что и должна, чтобы жить дальше. Чтобы Долорес смогла жить дальше, даже ненавидя меня.

Наблюдать за внешним миром интересно. Смотреть, как люди живут собственными жизнями, не подозревая, что в столько всего делается без их ведома. Мне нужно сбежать. Мне нужна эта возможность в жизни. Майкл. Я устала от его постоянного общества. Я так редко бываю одна, но постоянно одинока, хоть и, казалось бы, как

человек, у которого столько друзей, может быть одинок? Но это истина и правило жизни. Я могу рассказать, что чувствую, но какой в этом смысл, если меня никто не поймет? Эмили и Донна живут своими жизнями, Долорес в попытке найти своего мужа, которого я ищу в попытке убить, Эбби ждет ребенка от случайной ночи, а Ева... В мире столько фальши, что мы перестали верить даже в доброту близких. И даже не знаю, что грустнее в жизни — то, что мне не давали шанса или то, что я даже не пыталась найти что-то другое, и им воспользоваться.

— Ты объявилась, — сказал Вист, входя в мой кабинет и закрывая за собой дверь.

— Вист... — начала я.

— Прости, ясно? — перебил он. — Я не буду говорить, что не знаю, что на меня нашло или что-то в этом роде, просто хочу, чтобы ты знала, что мне жаль.

— Ладно. Я по делам в офисе.

— Ты уйдешь, когда с этим делом будет покончено?

— Да, — ответила я, складывая документы в сумку. — Я еду на новое место преступления.

— С каких пор ты детектив?

— С тех самых, когда этот ублюдок начал угрожать моей семье. Мои подруги редко умеют выбирать хороших мужчин.

— А ты? — посмотрел он на меня, прищулив глаза, когда я открыла дверь.

— А у меня нет сердца, и я ничего не чувствую.

Одиночество ужасно. Ночью я оставила письмо Майклу, и тот свет, который теперь освещал наши жизни. Это письмо я написала, когда мне было семнадцать. Я верила в чувства и что когда-нибудь встречу мужчину, которого буду любить. Мужчину, который будет готов ради меня на все. И вроде сейчас все неплохо, Майкл сказал, что любит меня, у нас дочь с моими глазами, в которой он души не чает, но чего-то не хватает. Семья — это кольца, обеты и уверенность в человеке. Но Майкл был прав — мы не умеем быть верными, ни себе, ни друг другу. Я не смогу долго быть с ним, а он, в свою очередь, не будет верен лишь мне. Но и уйти не могу. Сейчас то уж точно.

— Какая ваша версия, детектив? — спросила я, приехав на место преступления.

— Вы кто?

— Капитан Фостер, ФБР, — показала я значок. — А теперь я хочу все, что у вас есть по этому делу.

— Я...

— Мне плевать как вас зовут, — перебила я ее. — Мне нужно дело.

— Хорошо, я вышлю вам.

— Нет, я хочу его и сейчас же.

— Это ровно девятое убийство, капитан Фостер. Он словно мстит за что-то.

— Или кому-то.

Затем я забрала у нее папку с документами и направилась в свой старый дом. Я просидела там до самого вечера, и когда на часах было уже десять, я все еще сидела в программах и составляла досье, ища информацию и делая пометки в своем блокноте. Я нарисовала карту его мест преступлений, и каждый раз он выбирал что-то, что легко найти.

— Как мы поступим с тобой, Джейс Бекер? — спрашивала я сама себя, сидя на полу.

Раскладывая перед собой все фотографии, я задумалась, с чего все это началось? Почему он предал любовь своей жизни ради убийств? Или это было ради мести?

— Прости, что не отвечал на твои звонки, — услышала я голос Майкла за спиной.

— Вообще-то я тебе не звонила.

— Вот именно, — сел он возле меня, не отводя взгляд. — Я думаю, это было ради денег.

— Что ты имеешь ввиду?

— Убийства или начало, я думаю это было ради денег. Или денег, которые, как он думал, ему нужны, чтобы удержать такую, как Долорес.

— Но она его и так любила, — покачала я головой.

— Мы в это не всегда верим.

— Ты сейчас о них или о нас?

— Думай сама.

— Вот что я думаю, Майкл. Тот, кто хочет мстить или убивать, должен все держать под контролем. А Джейс, похоже, его потерял.

— Ты кажешься самым одиноким человеком в мире, Стейси, — прошептал он. — Я прочел твое письмо.

— Не начинай. Это было ошибкой.

Майкл достал конверт и начал снова его читать, иногда поглядывая на меня.

— Я пишу это на случай, если ты захочешь прожить со мной свою жизнь. Я сложный человек. Перфекционистка в некоторых аспектах и часто даже идеалистка. Но если я все-таки решусь отдать тебе свое сердце, у меня к тебе будет просьба — не дай мне уйти. Если я уйду, то больше не вернусь. В этой жизни у меня очень мало людей, как и вещей, которые мне действительно важны. Даже если тебе кто-то и что-то не нравится, уважай мои интересы и желания. Никогда не унижай важных мне людей, потому что я перестану тебя уважать, даже если буду любить больше, чем себя. Не ври мне и ничего не скрывай. Я почувствую это, даже если промолчу, но в исходе перестану верить. Ты можешь редко говорить мне, что любишь, но чувствовать я должна это постоянно. Мне нужно чувствовать твой голод ко мне. Говори со мной. Я всегда буду за тебя, с тобой, но при условии, что ты будешь того стоить. Гуляй, встречайся с другими. Я не хочу быть твоей первой, но я буду только единственной. Не знаю, какая у меня идеальная жизнь, идеальный день, вечер и ночь, мне понадобится твоя помощь.

— Замолчи! — вскрикнула я. — Не хочу больше ничего слушать.

— Почему?

— Потому что я приехала сюда, чтобы побыть вдали от тебя.

Я встала с пола, направляясь на кухню. Майкл схватил меня за руку и прижал к стене.

— Отпусти меня.

— Ты имеешь ввиду сейчас или вообще?

— Какой смысл в этом, Майкл? — не могла я успокоиться. — У нас все равно ничего не выйдет. Мы хотим разного.

— Чего же ты хочешь? — был он зол. — Чего ты хочешь, Стейси?

— Я же говорила, — взяла я его лицо в ладони. — Мне нужна будет твоя помощь.

Он легко дотронулся своими губами к моим. Это было почти с благоговением, и после поднес мою руку к своим губам.

Я ненавижу сближаться с людьми. Я боюсь начать зависеть от разговора и запаха. Душа может быть временной. Чем больше мужчин влюблялись в меня, тем более одинокой я себя чувствовала. Думала, что никогда не смогу найти, в кого влюбиться.

— Я все держу в себе, потому что сложно найти того, кто поймет меня, — прошептала я.

— Никогда никого не осуждай, Стейси, и не делай преждевременных выводов, ведь ты не знаешь историй других людей, и через что они прошли на самом деле, — провел он ладонью по моей щеке. — Ну что, у нас еще есть проблемы?

— Единственная проблема сейчас — это твоя одежда на тебе.

— Мы едим к Прайсонам, — улыбнулся он, переплетая наши пальцы. — Готова?

— Нет.

— Там будет выпивка.

Я собрала вещи, и мы пока дошли до машины, моя помада была стерта. Казалось бы, что мы оба были безумно счастливы почти тридцать лет, пока не познакомились, но это была бы самая большая ложь из всех мною сказанных. Конечно, большинству хочется идеала, которые поможет, выслушает, подарит цветы, и будет просто рядом. Ведь если мужчина этого не делает, тогда женщина ищет другого мужчину, но у нас с Майклом все было по другому. Чем лучше он становился, тем больше я хотела сбежать в Мексику.

Эмили с Брайаном купили новый дом за городом, и в этот момент, когда играла музыка и я видела сочувствие в их глазах, понимала, почему всегда сражаюсь за семью. Майкл взял меня за руку, и я сильнее сжала его ладонь, взглядом говоря ему «спасибо». Когда подошла к ним, они все просто без слов обняли меня. Мужчины ушли жарить мясо, и мои подруги не требовали объяснений.

— Простите меня, — прошептала я. — Я ужасная сестра.

— Нет, Эс, — сказала Эмили. — Ты великолепная. Ты всегда будешь великолепной.

— Как ты? — спросила я у Эбби.

— Люди часто говорят, что у меня нет сердца, и мой мозг работает, как калькулятор, — прошептала она, смотря в даль. — Возможно, так и есть, но я часто закрываюсь вечером в комнате и реву, как обессиленная вдова. Мы с ним немного поговорили и две ночи провели вместе. И он уехал, даже не попрощавшись, оставляя после себя ребенка, который может быть копией своего отца.

— Кто отец твоего ребенка? — спросила Донна.

— Максфилд, и, пожалуйста, ничего не говорите.

— У меня не было отца, и отношения с мужчинами не складывались, — добавила Долорес.

— А я всегда была просто сукой, — хмыкнула я.

— Ты не сука, а просто умная женщина, и тебе не нужен идиот, — ответила Эмили, попивая вино.

— Почему ты не обратилась за помощью? — задала вопрос Ева.

— Она мне не нужна, — ответила я, смотря на нее.

— Это не идет тебе.

— Что?

— Твоя профессия, Стейси.

Немного помолчав, я обратилась к Донне.

— Как ты миришься с мужчиной в твоей постели, спальне, жизни и сердце?

— Знаешь, скорее он мирится со мной.

— Не поняла?

— Ну я не люблю готовить, и мы часто ходим в ресторан. Ненавижу убирать, и у нас есть помощница. Люблю гулять пешком, и Адам перестал все время ездить на машине. И в конце концов, я чаще молчу, и Адам слушает мое дыхание.

— Мне трудно бывает с этим, Ди, — посмотрела я на каждую из подруг.

— Любовь странная штука, Эс, — приобняла меня Эмили. — Никогда не знаешь, где ее встретишь. И если не пробовать, в чем смысл нашего сердца в груди?

— Девушки, за стол, — сказал Брайан, подходящий к нам. — Эс, ты потрясающе выглядишь.

— Врать, Брайан, ты не умеешь.

— Я хочу тебя, — прошептал мне на ухо Майкл, когда мы все сели за стол.

— Что, прям здесь? На празднике Прайсонов?

— Все в порядке? — улыбнулся он.

— Ты постоянно меня об этом спрашиваешь.

— А ты никогда не отвечаешь.

— Майкл, у меня вопрос.

— Я слушаю тебя, дорогая, — поцеловал он меня в щеку.

— Как преодолевать дерьмовые моменты нашей жизни?

— С помощью редких счастливых.

С Майклом за этот вечер мы не сказали друг другу ни слова, а приехав домой проговорили почти всю ночь, как раньше. Мы были свободны. Эстель была со своей бабушкой, которой Майкл дал второй шанс. Она спала спокойно и была счастлива, я чувствовала это.

— Прежде всего, Стейси, тебе нужно простить себя, — шептал он мне на ухо, когда мы встречали рассвет. — Несмотря на все, что ты пережила, чем живешь, мы живы и мы здесь. Я буду рядом, что бы ты не думала.

— Весь смысл жизни в том, чтобы любить, а я редко могу это делать.

— Пойдешь со мной на прием завтра вечером?

— Какой прием?

— Там будет много выпивки, — слышала я улыбку в его голосе.

— Перестань улыбаться, это бесит меня.

— Я счастлив, — перекатился на меня Майкл, овладевая моими губами. — Сейчас я во второй раз в жизни по-настоящему счастлив.

Я частенько не знаю, чего хочу, и еще чаще не знаю собственной души. Не могу замолчать, но бывают моменты, когда каждое слово, сказанное мною — боль. Моя жесткость и злость не имеют границ, но в то же время горечь и слезы часто душат мое нутро. Бывает, что люблю слишком сильно, но не могу показать даже малости. Я гордая и не умею прощать. Ненависти во мне за целый мир. Но в эту ночь и в этот момент я улыбнулась, поцеловав Майкла. Мы так уверены, что всегда нужно говорить правду, но всегда ли нужна эта правда другому человеку? Мы освобождаемся, говоря о том, что знаем, думаем или чувствуем, но не причиняем ли мы боли другому? Даже правда эгоистична.

Мероприятие ничем не отличалось от остальных. Женщины со счастливым выражением лица и пустыми глазами, и мужчины, пьющие бренди, не пропуская мимо ни одной юбки. Я редко уважаю женщин. Они позволяют мужчинам относиться к себе, как мусору, потом жалуясь, что те их не ценят. Да, буддизм превзошел все религии мира по числу последователей.

— Платок в кармане? — посмотрела я на Майкла. — Мило.

— Я ношу его для тебя.

— Думаешь, расплачусь от счастья?

— На всякий случай, — покачал он головой, передавая мне бокал с шампанским.

Я впервые в своей жизни проводила столько времени с мужчиной, учитывая, что он не убийца или мошенник, сбежавший из тюрьмы белых воротничков.

— О чем ты думаешь, Эс?

— О том, что тут достаточно выпивки, чтобы я это выдержала, и еще, давай уйдем и вернемся через год.

— Я оставлю тебя на несколько минут, — поцеловал он мою кисть и направился к мужчинам в таких же дорогих костюмах.

— Тестостерона хоть залейся, — сказала я сама себе.

Майкл пожимал мужчинам и женщинам руки, перекидываясь парой слов. Я не хотела, чтобы меня представляли, но что-то внутри сжалось от понимания, что он и не собирался этого делать. Хотя, как он меня представит? Я с ней спал, и у нас ребенок, а иногда мы разговариваем? У меня была чертова паранойя. И самое паршивое, что очень часто моя паранойя на самом деле оказывалась отменно работающей интуицией.

— Тебе повезло, Стейси. Многие мечтаю о нем.

— Я не мечтаю о нем, Хилари, он отец моего ребенка, и я с ним сплю, — ответила я, смотря на нее, как на глупышку.

— Боже, ты такая смешная, — начала хохотать она.

— Иногда у меня такое чувство, что тебе вырезали часть мозга при очередной подтяжке лица.

— И чем ты завоевала его?

— Сексом.

— Это невозможно.

— Ну попробуй пробиться к сердцу мужчины через желудок, и он рядом с тобой будет только периодически.

— С чего ты взяла?

— Для секса, а также для завтраков и ужинов у него будет другая, и потом он ее полюбит. С Майклом я никогда не отказываю себе в удовольствии поговорить и переспать.

— А потом ему твоё тело надоест, не думаешь?

— А ты попробуй ещё иногда с ним говорить.

— Самое важное, чтобы вы могли вместе выйти в свет и красиво смотрелись.

— Ты считаешь себя умной?

— Да, — ответила Хилари. — Я очень много пишу и ещё с детства веду дневник.

Мне стало интересно, как человек, который ведёт дневник, может быть таким отдалённым, а я наедине с собой однажды смогла бы стать великим писателем, выложив на бумагу собственную жизнь.

Я посмотрела на Майкла в последний раз и направилась на улицу.

— Ты потрясающе выглядишь, — сказал мужской голос за моей спиной.

— Ты решил окончательно испортить сегодняшний день? — спросила я, не оборачиваясь.

— Почему ты не пользуешься духами?

— Не хочу быть одной из тех женщин, которых узнают по запаху.

Джейс стоял рядом, смотря на фонтан.

— Эта жизнь не для тебя, не так ли, Стейси?

— Что? — взглянула я на него.

— Это не я убивал тех женщин. У меня есть информация, и я могу ею поделиться при условии, что ты защитишь мою жену.

— Твою жену? — хмыкнула я. — Ты испортил ей жизнь.

— Я защищал её.

— Нет, — прошипела я сквозь зубы, сцепив пальцами рубашку на его шее. — Ты себя защищал.

Каждый человек в состоянии тащить на себе определенное число неприятностей. Одну большую. Или даже десятки маленьких. Но потом предел. И если в этот момент кто-то попросит у него передать спичечный коробок, он тебя убьёт. И совсем не потому, что он слаб или просто больной. Просто вдруг слово «придел» приобрело смысл.

— Эс, все в порядке? — услышала я голос Майкла.

— В полном, — ответила тихо.

— На днях я свяжусь с тобой, — задержал меня Джейс.

— Имей ввиду, я не собираюсь расплачиваться.

— Вот как? — улыбнулся он. — Ты и так сделаешь все ради её защиты, а я просто дам тебе фору.

И он ушел. Люди, работающие в сферах побега или отслеживания, умеют исчезать, и не имеет значения, с

вечеринки или города. Что-то внутри говорило мне, что он пролил немало крови, особенно на этой бойне, но палачом Джейса я быть не могу. Удары ничто по сравнению с пониманием, что не можешь быть рядом с тем, кого любишь. Нет, мне не было его жаль, но, может быть, у него все еще есть душа и чувство меры.

— Стейси, я полностью твой, — накинул мне на плечи Майкл свой пиджак.

— А до того?

— Ты сейчас ревнуешь? — улыбнулся он.

— Упаси Господь.

— Мы говорили о новом проекте и его пиаре.

— И главный пиарщик у вас Хилари?

— Она — моя работа.

— О, поверь, я помню, — наигранно засмеялась я. — И много у тебя таких работников?

— Не больше, чем у тебя.

Я со злостью посмотрела на него, затем отдала пиджак. И когда Майкл схватил меня за руку, вывернула его руку, освобождаясь.

— Держись от меня подальше.

Я направилась к выходу, набирая номер Долорес. Я ненавидела его и любила одновременно. Он говорил правду, но снова тот же вопрос, всегда ли нужно слышать эту правду? Я знаю, что не была той, кто мог бы быть примером идеальной женщины, но слышать об этом лишний раз не хотелось.

— Привет, можешь говорить?

— Не уверена, — ответила Долорес, явно борясь с похмельем.

— Где ты?

— Понятия не имею.

— У скорби пять стадий. Какая сейчас у тебя?

— Шестая.

— Это как? — села я в такси.

— Всю жизнь жить в собственном заключении. Я уложила адвоката.

— И как суд присяжных?

— Эс, я сейчас не в состоянии шутить.

— Береги себя, Долорес, — прошептала я, затем положила трубку.

Нежелание ехать домой было словно живое. Высказываться я не хотела подругам, да и что я им скажу, так что, выйдя из такси в нижнем истсайде, я вошла в вагон метро. Шикарное платье было уже без какого-либо товарного вида, как и моя жизнь.

Влюбиться снова бывает порой сложно. Но я всегда считала, что Майкл, как автомат Калашникова 47, то есть если я его освоила, то и пистолет смогу. Но только со временем ты понимаешь, что освоить пистолет и стрельбу гораздо легче, чем человека. Влюбиться снова мне поздно с тех самых пор, как я узнала, что беременна. Этот

человек всегда останется отцом моей дочери и человеком, которого я полюбила или к которому привыкла.

Люди выходили, и я ехала одна. Со временем, когда утихнут страсти, я уйду. Заберу свою дочь и уеду. Но что потом скажет вселенная? Что жила женщина, которая не боялась крови, трупов и смерти, но входила в ступор об упоминании собственных полуротношений?

И он снова нашел меня. Я сидела спиной к Майклу, подгибая под себя колени, а он обнимал меня за шею, периодически вдыхая аромат моих волос.

— Ты снова пришел за мной, — прошептала я.

— Как и всегда, — обнял Майкл сильнее. — Я всегда найду тебя. Парадокс в том, что ты не сбегашь, Стейси. Ты уходишь гордо и смело, оставляя после себя запах опасности и желания завоевать твое сердце.

— Ты не сможешь этого сделать.

— Но я есть там, а для тебя это высшая степень любви, — вдохнул он запах моих волос. — Прости меня.

Вагон был пуст, не считая нас двоих, и мы говорили. Майкл был прав, приятно поговорить с человеком, который не осудит тебя. Теперь я особенно остро ощущала движения его пальцев скользящих по моей коже. Майкл был так близко, что я не чувствовала ничего, кроме тепла его тела. Я открыла веки, но сильно их не поднимала. Я лишь наблюдала за нашими руками. Желание. Я хотела чувствовала снова вкус его губ. Хотела знать, какие в этот момент они на вкус.

— Насчет того, что произошло, — начала я.

— Ты насчет того, чтобы я держался от тебя подальше? — обнял меня Майкл, смотря в глаза.

— Нет, насчет Долорес.

— А как насчет держаться подальше?

— Я рада, что ты здесь.

И как только я сказала это, то поняла, что это действительно было правдой. Я не говорила это из-за кого-то, а только ради себя. Я говорила это, потому что этот мужчина не просто отец моего ребенка, а тот, кто занимает часть моего сердца, и теперь совсем неожиданно пришла тишина. Я словно быстро постарела и без разговоров с собственной душой ранее начала ее понимать. Чувства — феномен. Я заметила, что чем больше мы говорили, тем меньше я думала о сексе. Тем чаще вспоминала о существовании собственной души, забывала о гормонах и физиологии.

Глава 7

— Нет ничего лучше утреннего кофе, — сказала я, проснувшись рядом с Майклом.

— Сейчас четыре часа дня, — засмеялся он, целуя мою ладонь.

— Нет ничего лучше утреннего кофе в четыре часа дня.

Ночью мы доехали до конечной станции, а потом обратно. После, гуляли по Нью-Йорку и разговаривали. Боже, мы столько разговаривали, и столько смеялись. У меня такое чувство, что я любила Майкла, даже когда не знала. Я знаю, что мы оба ушли, но лично я так хотела вернуться. Все это время я любила лишь единственного человека. Пусть были и другие, но я ни с кем так не смеялась. Ни с кем не чувствовала столько всего одновременно. Ни за кем не хотела наблюдать и не хотела, чтобы кто-то другой на меня смотрел. Не хотела, чтобы другие успокаивали. Не хотела, чтобы они держали или даже разбивали мне сердце. Всю жизнь все было против меня, и я тратила ее попусту со столькими людьми. А потом появился Майкл, и день за днем он собирал меня по крупицам заново. Мы любили и лишь насмехались друг с друга, наблюдая за глупыми попытками полюбить кого-то другого. Что бы я не делала, все это время во мне был лишь единственный человек.

— Знаешь, вчера я поняла кое-что, — смотрела я на Майкла. — Я вдруг поняла, что безумно рада, что ты есть у Эстель. Я знаю, что ты ее отец, но не у всех он есть, и, наверное, это глупо...

— Прости меня за мой кретинизм, — прервал он мой дурацкий лепет. — Я понимаю, что простить трудно, но попытайся, Эс. Просто попробуй. Я вел себя, как дурак, лишь потому, что боялся, а после потому, что думал, что мы так или иначе будем вместе. — Майкл легко дотронулся к моим губам, все еще не отводя взгляд. — И я тоже рад, что ты есть у нее.

— А теперь заткнись и просто дай мне поспать, — снова закрыла я глаза с улыбкой на лице.

— Ты теряешь время, а вместе с ним важные моменты жизни.

— Наслаждаясь сном?

— Именно. И чем раньше ты признаешься в этом, тем раньше поймешь, что это неизбежность жизни, а не слабость.

— Ага, — встаю я с постели, пока Майкл наблюдает за мной с улыбкой на лице. — Ты гребаный узурпатор.

— Я не забирал у тебя власть, — кричит он мне вдогонку, когда я направляюсь в кухню.

Я поставила варить смесь для Эстель и, открыв холодильник, уставилась на банку сока, словно в ней были все ответы на интересующие меня вопросы. Я слышала, как Майкл говорит что-то нашей дочери, а затем и услышала шаги его босых ног по полу.

Я иногда так быстро говорила, а порой молчала несколько дней подряд. Но Майкл был тем, кто понимал и мою болтовню, и мое молчание. Он смеялся, когда я смеялась, особенно когда мой смех становился истерическим из-за собственных шуток, которые на самом деле были невероятно глупы. Но из этого всего, что было в моей жизни, сильнее меня сместили лишь попытки полюбить кого-то другого, кроме него. Лучшим в мире был совершенно не его одеколон или улыбка, которая заставляла мое сердце трепетать. И не то, что он знал о моем предпочтении в розах и лошадях. И даже не то, что моя дочь будет похожа на своего отца. Лучшим в мире был именно Майкл, без всех дополнений и привилегий, которыми я пыталась оправдать то, что чувствую.

— Помнишь ты говорила о своем доме? — задал мне вопрос Майкл, на который я ничего не ответила, лишь посмотрев на него с непониманием. — Давай поедим сегодня?

— Судя по всему, ты утро начал не с кофе, а с виски. Или хлопья заливал водкой.

— Я думаю, ты не права.

— Мне плевать, что ты думаешь, — закрыла я холодильник, показывая ему средний палец.

— Это не правда. И ты можешь отрицать сколько угодно, но глубоко внутри ты знаешь, что в моих словах есть смысл.

— Возможно, — отдала я ему бутылочку с молоком для кормления Эстель. — Дай ее мне уже, я даже ударить тебя не могу.

— Думаешь, я этого не знаю? — усмехнулся он. — Почему ты не хочешь?

— Я боюсь потеряться, — прошептала я, собираясь уйти. — Я боюсь потеряться в себе.

— Я тебя никогда ни о чем не просил, Стейси. Но, пожалуйста, сделай это для меня. Сделай это для себя.

Не знаю, зачем я согласилась на все это, но он так смотрел на меня. Словно от ответа «да» зависела вся его жизнь. И мне захотелось сделать что-то для кого-то, кроме подруг, даже если это такая мелочь. Эстель осталась с Донной и Адамом, а мы отправились в Хэмптон.

Я не была в этом доме со времен своего детства. Я знала, что он мой, и помнила, где он, каждый вечер столько лет своей жизни слушая пустоту в нем. Знала, что можно вернуться и наконец-то встретиться с этими стенами. Но напоминать о себе и идти за тем, кто во мне никогда не нуждался — в этом искусстве я плоха.

Прежде чем открыть дверь машины и выйти во двор, я на мгновение закрыла глаза и вспомнила, сколько раз я говорила своей матери об отце и других мужчинах, которые приходили домой. И каждый раз она отвечала, что я никто, чтобы говорить ей, с кем она должна встречаться. Я действительно была никем. Лишь ребенком, который все время хотел уйти куда угодно, лишь бы не быть дома. Хотела семьи и нормального ужина. Хотя, я думаю, она считала, что делает все возможное для моего счастья.

— Расслабься, — открывает он дверцу машины. — Это просто дом.

— Ага, — бормочу я, когда он обходит ее и помогает выйти мне. — Спасибо, что напомнил.

Затем Майкл берет меня под руку, словно это самое естественное действие в мире. В этот момент я подумала, что, может быть, так и есть, особенно учитывая, сколько женщин было в его жизни, пусть он никогда и не озвучивал цифру.

Майкл достал ключи из кармана, и я даже не стала спрашивать. Этот дом научил меня быть одной. Я думаю, что вся моя жизнь раньше — это желание быть одной. Как я могла допустить, чтобы это случилось? Как я снова вернулась к нему и разрешила привести себя сюда? Как я столько времени злилась и ненавидела его, а теперь просыпалась в одной постели? Черт, это все так чертовски глупо.

— Держи меня за руку, — сжала я его сильнее. — Потому что, если ты меня отпустишь, мне кажется, я развалю этот дом.

Майкл открыл дверь, и как только я ступила на порог, то снова оказалась в своем детстве. В постоянных криках, которые начала воспринимать, как должное. В скандалах и нелюбви родителей. Как я могу быть хорошей женой, если никогда не видела нормальной семьи? Чем больше живу, тем больше понимаю, что меня нужно поместить в лабораторию. Я именно та женщина, которая убегает от семейной жизни и всех возможных зависимостей, начиная от сигарет и заканчивая любовью.

— Все возвращается, Эс, — прошептал Майкл. — Как добро добром, так и зло злом.

Несмотря на то, что желание Майкла стереть мои плохие воспоминания не имеют скрытого смысла, это причиняет боль. Я знаю, что имею право испытывать ее, но злюсь. Злюсь на себя за то, что спустя столько лет я все еще ее чувствую.

Но пройдя чуть дальше, я так же я вспомнила, как мама пекла мне блины и покупала мороженое. Как натягивала колготки, которые уже были малы, но все равно делала это ради меня. Я вспомнила, как она будила меня в школу, и махала рукой на прощание. Ее еда всегда была самая вкусная. Она оставляла мне банку любимого клубничного повидла, а я после мыла ее, говоря с улыбкой, чтобы она налила в нее еще. Моя мать улыбалась мне и всегда понимала до определенного момента. Она говорила со мной, и когда умерла, тоже говорила. Я

видела ее во сне. Она просила у меня прощение, говоря, что всегда думала, что знает, как обо мне заботиться. Или думала, что знала. Боже, я столько всего помнила.

— Ты был прав. Я скучаю по матери, — посмотрела я на Майкла с глазами, полными слез.

— А по отцу?

— Нет. Она не всегда была плохой, просто моя память запомнила слишком мало счастливых моментов. Она учила меня рисовать и любовь к природе у меня от нее. Она была очень красивой, — сжала я руки в кулаки.

Все стояло на своих местах. Так, как я это помнила. Я поднялась на второй этаж и открыла дверь в свою комнату. Есть те, которых мы всегда будем защищать только из-за того, что чувство их безопасности приносит нам безграничную радость. Это желание должно быть у матери. Оно может со временем поблекнуть, но не исчезнуть. И все же я думала, что боль притихнет, думала, что со всем справлюсь. Но воспоминания и раненое сердце сильнее. Я справилась, но так и не оправилась. Я стала сталью, но, в конце концов, с каждым новым вдохом в этом доме я утопала в воспоминаниях, которые оставили лишь раны.

— Привет, мам, — почувствовала я слезы на щеках. — Знаешь, теперь у меня тоже есть дочь. Ее зовут Эстель, и я стала такой непостижимо счастливой с ее рождением. Я люблю смотреть на ее улыбку и утопаю в ее глазах, когда она смотрит на меня. Мы словно в одном ритме. Я чувствую ее, мам. Знаю, возможно, ты подумаешь, что я сумасшедшая, но это правда.

Столько всего вспоминаешь, появляясь в месте, где была трагедия. Я вспоминаю момент, когда моей матери не стало. Все очень расплывчато, но я помню, как высокая женщина сообщила мне о ее смерти, и я тогда просидела во дворе несколько часов, не проронив ни слезы. Сейчас я пытаюсь дышать, преодолевая боль, но не могу. Не могу перестать вспоминать ту картину и взгляд ее последних дней, словно она смотрела сквозь меня, а не на меня.

Я вырвалась из воспоминаний, услышав шаги Майкла, и одернула руку от фотографии. Мое сердце билось с бешеным ритмом, и, посмотрев в его глаза, я заметила, как его брови сошлись на переносице, выражая обеспокоенность. Он прошелся взглядом по моему телу, и остановился на лице, мокрым от слез.

— Знаешь, предполагалось, что ты сможешь простить.

— Ты хоть раз лгал кому-то о чем-то важном? — спросила я, игнорируя его слова.

— Конечно, лгал.

— И жалел?

— О том, что люблю тебя? Никогда.

Я осознала, что предпочту, чтобы Майкл был в моей жизни в любом виде. Лучше пусть он будет хоть так неопределенно, чем чтобы его не было совсем. Я выдохнула, смотря на него с надеждой и даже благодарностью. Я не просто влюбилась в отца своего ребенка, а привязалась к нему. Он часто приводил меня в ступор и озадачивал. И мне нравилось, как он наблюдал за мной, когда думал, что я не вижу. Все внутри разрывалось. Я родилась копом. Я всегда ищу правду и ненавижу ложь. И теперь, как никогда ранее я понимала, что у меня нет больше права на ошибку.

— Поцелуй меня, — сказала я, шепотом. — Пожалуйста, поцелуй меня.

Майкл так и сделал. Следующее, что я осознаю, это то, что нахожусь в его руках, и он целует меня так сильно, и его язык переплетается с моим. Мне нравились его сильные руки и хриплый голос, когда он был возбужден. Я любила его задумчивым и даже злым. Прикусывая, а затем сладко облизывая мои губы, я погибала. Я растворялась в нем и терялась во времени. Мне нравилась такая погибель.

Я любила его. Я так сильно любила его. Он подарил мне надежду на сердце, на мою душу и на любовь. Майкл поднял меня в воздух, хватая за талию, а я обхватила ногами его бедра. Он делал меня такой восприимчивой и невероятно женственной.

— Где в этом доме чертова кровать?

— Нет, Майкл, — положила я руку ему на грудь. — Только не кровать.

Майкл сел на пол и посадил меня на свои колени. Убрав прядь волос с моего мокрого лица, он поцеловал мои щеки, а затем отклонился, не двигаясь. Майкл просто смотрел, а я изнемогала от желания дотронуться к нему.

— Что? — шепчу я, чувствуя, как неожиданно стянуло мою грудь.

Я даже не могу вспомнить, когда хоть кто-нибудь смотрел на меня так. Словно я — единственное, что важно, и самый главный приз. Мне нужно, чтобы он продолжал прикасаться ко мне и целовал меня. Не хочу, чтобы Майкл когда-либо останавливался. И я не помню, чтобы когда-либо была такой отчаянно нуждающейся в мужчине.

Я дотянулась к его поясу и медленно расстегнула его. Майкл снимает мою обувь и целует щиколотки по очереди, а затем прочь летит юбка и трусики. Он снова впивается в мои губы, и пока снимает с меня одежду, не прерывает поцелуй. Я нащупываю пуговицы на его рубашке, чтобы расстегнуть их. И расстегивая последнюю, скольжу по его твердой груди, снимая рубашку с плеч. Сжимая его бедра своими руками до собственной боли, Майкл хватается их, заводя мне их за спину, и сжимает запястья, заставляя задышаться от желания. Было такое впечатление, что моя кожа горела, и ощущения настолько опьяняющие и дразнящие, что я почти схожу с ума.

— Отпусти меня, Майкл, — молю я. — Просто сделай уже то...

Он заставляет меня замолчать проводя рукой по своему члену, который уже твердый. И когда я медленно опускаюсь на него, чувствую что-то близкое к блаженству, и Майкл не сдерживается, двигаясь быстро, словно я его воздух, и он не может остановиться. А он и есть мой глоток воды после долгой засухи.

— Время держать себя в руках подошло к концу, Эс, — прорычал он. — Я собираюсь оттрахать тебя как следует.

Затем он снова обрушивается своим ртом на мой, самым возбуждающим и ненасытным поцелуем. Издавая низкий стон, пальцами я цепляюсь за его волосы на затылке, сжимая их в кулаке. Он берет в рот мой сосок, кусая его до боли, и я закрываю глаза от наслаждения, вскрикивая. Я люблю свою жизнь в такие моменты. В моменты, когда счастлива и могу быть сумасшедшей. Абсолютная жажда. Она проносится сквозь мое тело, и я принадлежу ему, чтобы он ни делал со мной. Вокруг все исчезло, и я хочу лишь его. Еще никогда в жизни я не нуждалась в прикосновениях и поцелуях другого человека.

Я открываю глаза и вижу, что Майкл прожигает меня взглядом голубых глаз, пристально смотря и разрушая все барьеры. Я задыхаюсь, понимая, что день за днем становлюсь все ближе к нему. Он резко покидает мое тело и закидывает мои ноги себе на плечи. Когда его горячий язык скользит по моим складочкам, я со вздохом погружаюсь пальцами в его волосы и теснее прижимаюсь к его рту.

— Майкл, — бормочу я, сдавливая его плечи и откидывая голову назад.

Я разлеталась на мелкие осколки множество раз за эту ночь, и каждый раз после, чувствовала себя освобожденной. Я люблю его. Боже, как я люблю этого человека. Но не могу ему сказать об этом. Ведь как только я признаюсь, все станет реальным, и я потеряю его. Потеряю себя.

Я закрываю глаза и отталкиваю все мысли, фокусируясь на ощущениях, которые он дарит мне прямо сейчас.

— Почему ты не можешь пустить меня, Эс?

— Не важно.

— Важно, — берет он меня за руку. — И само собой, мне не все равно. Ты... — он обрывает себя, потирая лоб запястьем свободной руки.

— Слушай, ты мой любовник, Майкл, но мы больше не друзья, помнишь? Хотя я и хочу, чтобы ты был в моей жизни.

— Это не ответ, Эс. И причина того, что ты не можешь ответить, потому, что просто боишься. Ты чувствуешь и

где-то внутри души любишь меня, но просто не даешь себе возможности прочувствовать что либо до конца по-настоящему.

Я хочу уйти, но Майкл прижимает меня к себе сильнее, и я поднимаю на него взгляд. Как я должна отвечать? Рядом с ним мне всегда сложно сконцентрироваться, и его запах наполняет мою голову, и все мое здравомыслие катится к чертям.

Мы погрузились в тишину. Это кошмарная тишина делает все еще сложнее, чем уже есть. С момента знакомства у нас с Майклом никогда не возникало проблем с общением, но как только он затрагивает эту тему, у меня ступор. Я не знаю, что говорить и как себя вести.

— Боюсь — не то слово. Я в ужасе от того, что могу стать полностью открытой перед кем-то, кто может причинить мне боль, — наконец отвечаю я. — Я боюсь того, что это будет значить, и к чему приведет. И если ты будешь так давить на меня, я или разозлюсь и отдалюсь, или не буду отходить с каждым твоим шагом навстречу, по причине того, что просто не захочу.

— Мне нравилось раньше не спать по утрам. Рассвет слишком красив.

Я чувствовала теплоту его дыхания и стук сердца в его груди. Майкл все еще держал меня за руку, обжигая прикосновениями снаружи и проникая этим глубоко внутрь моего сердца. Мне было необходимо, чтобы он никогда не прекращал трогать меня, но в то же время порой я хотела, чтобы он перестал находиться даже рядом со мной.

— Я знаю, — ответила я. — Я с тобой потому, что жизнь слишком коротка, чтобы отказываться от ежедневного оргазма.

Майкл засмеялся, и я усмехнулась в ответ. У нас всегда была страсть, но такого сумасшедшего голода — никогда. Я вырвала свои запястья держа его за плечи, а Майкл обнял меня за талию, прижимая еще ближе к себе. И когда на этот раз я попыталась встать, он разрешил мне это. Так странно. Рядом с ним я не чувствую себя агентом, а просто женщиной, которая далеко не самая сильная, и порой даже слабее, чем все остальные.

Я помню, как соблазнила Майкла впервые. Мне это не стоило особых усилий, ведь я так делала всегда. До него. С ним что-то изменилось. Я не вступаю в отношения с кем-либо, ведь не могу посвятить себя всю, даже ненадолго. Я не могу уделить Майклу даже часть своего сердца до конца, и я не подходящий для него человек. Но. Боже, всегда это чертово «но». Мне стыдно, какой слабой я становлюсь рядом с ним. Как я хочу иногда быть с ним рядом, и понимание этого доводит меня практически до высшего предела паники.

— О чем ты думаешь?

— Я думаю, что, наверное, ты в моем вкусе.

— Единственные, кто всегда был в твоём вкусе, Майкл, — встала я с его колен. — Это блондинки с вагиной.

— Да, — поднялся он также. — Но теперь я уверен, что единственный человек в моем вкусе это — Стейси Фостер.

Он усмехается, и мне приходится сильно постараться, чтобы на моих губах не появилась улыбка. Нужно это прекратить. Все это в любом случае бессмысленно. Мы — другие. И просто не сможем быть вместе. Никогда.

— Я пришла в этот дом, чтобы вспомнить и отпустить ту часть души. И в эту дверь ты точно не приглашен.

— Просто расслабься, — чуть слышно прошептал он.

— Я хочу, чтобы наш ребенок был сейчас тут, — склоняю я голову набок, проведя кончиками пальцев по его щеке.

Майкл закрывает глаза, а когда открывает, убирает прядь моих волос с лица и легко касается своими губам моих. Я лишь мгновение смотрю на него, а потом обнимаю. Сильно сжимаю шею, а он держит меня в своих руках. Я молча говорила ему «спасибо» за то, что он сделал для меня. За то, что он заставил проглотить меня свою дурацкую обиду и гордость, которая к черту никому не нужна. Даже мне.

— Я сам привезу ее сюда. Я могу тебе доверять?

— Ты достал мне чудеса, Майкл.

Я стараюсь не напрягаться, но его близость и прикосновения сводят с ума. В нервных окончаниях нейроны активизируются, словно выстреливающие пули, пробуждая пожар, который не должен полыхать для него.

— Расслабься, Эс, — снова говорит он тихо, и это вызывает во мне лишь более сильную дрожь.

После того, как Майкл уехал, я открыла окно. Впервые за долгое время мне стало так легко дышать. Иногда у меня такое чувство, что мама наблюдает за мной. Что, несмотря на то, что она не проявляла эту любовь при жизни последние года, она защищала меня множество раз после самой смерти.

Я включила музыку и выкинула прочь все дверные замки. Я ходила босиком по старому дому, пол которого скрипел, и словно по взмаху руки уничтожала все плохие воспоминания, а вместе с ними расставалась понемногу с темными желаниями. Самое худшее — не знать, где правда, а где ложь. В этом доме я нашла старые альбомы и мои детские игрушки. Достав фотографии, я вышла во двор и села на садовые качели, просматривая свою историю. Каждую мою фотографию мама подписывала. «Сколько звезд в твоих руках», или «Нет больше таких же глаз». Я скучаю по ней. Я так хочу почувствовать ее тепло и услышать ее голос еще хотя бы раз.

— Надеюсь, я правильно поступила, что приехала сюда, мама.

— Ты прислушалась к своему сердцу, Стейси. Это всегда правильно.

Я могла поклясться, что слышала ее голос. Что встречала ее раньше, но просто не заметила. Мне всегда нравилась полная луна. Казалось, словно только она одна знает, о чем я молчу. Я скучаю, мама. По твоим глазам и возможности дотронуться. Я столько лет жила в обиде и ненависти, но, как только родилась Эстель, начала понимать, скольким она жертвовала ради меня. Хоть моя мать и убила во мне все счастье на многие годы, но именно она оставила мне самое нужное наследство — характер.

— Он иногда бывает тут, если ты все еще думаешь, что я приведение, — повернув голову, я увидела женщину лет сорока. — Твой отец. Я много лет жду тебя девочка, и сердца твоих родителей всегда были в твоих руках.

— Кто вы?

— Когда-нибудь ты откроешь его, и он многое скажет тебе, если ты верно его прочтешь. — Я взяла с ее рук конверт, все еще находясь в замешательстве. — Семья заботилась о тебе, а не о том, что ты могла сделать для нее. Семья всегда с тобой, в счастье и в горечи. Всегда. Она поддерживает тебя. Даже если тяжело.

Я закрыла глаза, отложив фотоальбом и конверт, и постаралась не думать больше ни о чем. Затем последовала тишина, которой я наслаждалась.

Раньше меня часто спрашивали, почему я задерживаюсь на работе, на что я отвечала, что дома меня никто не ждет. Я всегда была свободной, и все знали о моей независимости. Теперь мое сердце занято Майклом, но клеймо осталось. Что и сколько раз я должна потерять, чтобы оно осталось в моей жизни навсегда? Чтобы не было пропасти между мной и счастьем? Чтобы чувство, что земля уходит из-под ног, не прекращалось, и от понимания этого выросли крылья? В этот момент я понимала Эмили, Донну и Долорес. Мы все семья, но есть и мужчина, жизнь женщины без которого никогда не будет полноценной. Я не верю в моногамию. Нет, не потому что сама не могу быть постоянной, а потому что знаю реальность и побывала в самой жизни. Но даже если мы с Майклом снова перестанем засыпать в одной кровати, я всегда вернусь к нему. Эстель связала нас на все жизни во всех мирах.

Я увидела, как Майкл брал на руки из машины нашу дочь и целовал ее в носик. Впервые я задумалась о замужестве. В нем много недостатков, но он лучший отец, которого может хотеть женщина для своего ребенка. Я думала о домике на пляже, о семейном ужине, взрослении Эстель и словах «я согласна». Он также хороший мужчина и верный друг. Он любит меня, и я сегодня абсолютно точно, как никогда ранее, хотела сказать ему то же.

— Это лучшая ночь. Даже стыдно в этом признаваться, — улыбнулась я, забирая Эстель на руки.

— Мама, — сказал мой ребенок.

— Боже, боже, Майкл, ты слышал? Она сказала мое имя? — засмеялась я. — Она сказала мое имя.

Майкл не сводил с меня взгляд, улыбаясь. Когда наступил тот момент, когда я окунулась в него? Когда я поняла, что ему нет замены даже с пониманием того, что там есть множество других, с точки зрения науки, гораздо безопасней для моего сердца. Когда смотришь на улыбку этого мужчины, все расцветает внутри, и такое чувство, что он все время обнимает нас за плечи своими сильными руками.

Я впиалась губами в его губы, жалея, что сбежала. Голова шла кругом от нежности прикосновений. Он ворвался в мою жизнь не в баре, а в палате больницы, и я захотела, чтобы он остался навсегда. Я дышу им. Я так благодарна небу. Он стал моим спасеньем с самого начала. Начиная с Эстель, и заканчивая подведением черты прошлой жизни. Музыка играла, и на улице не было никого кроме нас. Я смеялась, а Майкл не сводил с меня глаз.

— Тебя не так зовут, дорогая, — сказал он.

— Так. Для нее мое имя всегда будет именно таким, как она сказала.

Мы сидели на террасе, и когда начался дождь, я сильнее прижала к себе своего спящего ребенка, укутывая в одеяло. На улице стояла теплая погода, и было слышно голоса птиц. Я бы хотела жить именно в доме. Пентхаус или просто большая квартира не для меня. Я бы хотела собаку и клумбы цветов, которые нужно было поливать в такой жаркий день несколько раз.

— Расскажи о своей работе, — сказал Майкл, смотря на меня.

Он сидел в брюках и расстегнутой рубашке. Летние ночи — лучшее, что может даровать нам природа. Дождь, который говорит, что даже небо способно быть слабым. Мне всегда нравилось смотреть на ночное небо. У каждой звезды своя человеческая судьба.

— Что ты хочешь знать? — спросила я шепотом, целуя Эстель.

— Что ты чувствуешь?

— Мне интересно, сколько в жизни я видела лиц. Знаешь, я всегда работала только с особо опасными преступниками, и не было никого, кого бы я посадила за решетку, кроме единственного человека.

— Что ты с ними делала?

— Убивала.

— Тогда у тебя совсем нет врагов.

— У меня их больше, чем ты думаешь. Ведь у них остались люди, которые их любили.

— Ты в порядке?

— Я в порядке.

— Эс, перестань говорить, что все в порядке, когда хочешь кричать от боли. Перестань отворачиваться от меня и своих друзей. Мы не будем вонзать в тебя нож, что бы не случилось. Чего ты хочешь?

— Я хочу быть с тобой, — взглянула я на мгновение на Майкла. — Но иногда я хочу быть одна.

Это был как удар молнии. Вот вчера я знала, что Эстель подрастет и я уйду, а сегодня, проснувшись, поняла, что хочу остаться. За год он стал мне гораздо ближе остальных.

Рассудок и здравый смысл — это хорошо, но не всегда полезно. Иногда лучше выпасть из реальности или просто

плыть по течению. Я впервые, наверное, ничего не контролировала, а подчинялась контролю и планам мира, с которым не была знакома.

— Трудно найти человека, который будет любить тебя, несмотря ни на что, а просто за то, что ты есть. А у тебя таких людей больше, чем можно желать.

— Ты, конечно, можешь попытаться зайти еще дальше в мое сердце, но тогда присядь и доставай деньги.

Он лишь засмеялся и обнял меня за плечи, прижимая к себе. Кажется, в эту секунду я была влюблена в свое собственное сердце. Я часто думаю, что жизнь, она где-то там. Она яркая и настоящая. Но на самом деле она тут и сейчас. Люди все время ищут, сами не зная чего, а нужно просто увидеть в сердце весну и понять, что все это зря.

— Мне передали конверт, пока я ждала вас.

— Кто?

— Какая-то женщина. Сказала, что если когда-нибудь я захочу узнать правду, то нужно просто правильно прочесть письмо.

— Теперь ты будешь ее преследовать? — усмехнулся он.

— Ты хоть знаешь, как трудно бегать на каблуках? — толкнула я его, смеясь. — Особенно по песку.

— Обычно ты клином выбиваешь клин. Мне стоит переживать?

— Нет, но ты же все равно не перестанешь этого делать.

— Вы — центр моей жизни, Эс. Самая главная девушка для меня — Эстель, но ты — центр моего мировоззрения. Люди хранят тайны. Это не случайно, просто иногда лучше не знать.

— Ты будешь так же думать, если я стану слабой?

— Ты самый сильный человек, которого я знаю, Стейси. А я знаком со многими.

Я ничего не ответила и продолжала смотреть куда-то в даль. Конечно, сейчас не так хорошо, как хотелось бы, но точно не настолько плохо, как могло бы быть. Я столько времени суежилась, но все равно промахнулась. Да, пускай «мой выстрел» попал не в того зверя, но это моя добыча, и может быть, если попробовать по достоинству оценить ее, все будет менее ужасным.

Майкл забрал у меня Эстель, и, войдя в дом, я сделала на диване для нее самодельную кроватку из одеял. После, направились на кухню, и достав пакеты из той же шифляды, в которой они лежали много лет назад, выбрасывала то, что больше не пригодится. Я оставляла лишь хорошие вещи, или очень памятные, но их количество было слишком маленьким, так что оставлять особо было нечего. Мамин фартук желтого цвета, и также я нашла еще одну банку варенья, которое выбросила, но прежде снова вспомнила его вкус, который был таким родным.

Когда кухня была убрана, Майкл сел на пол и улыбался.

— Черт возьми, никогда не думал, что мне может такое понравиться.

— Что ты имеешь ввиду?

— Смотреть, как ты что-то делаешь и устаешь. Мне нравится это.

— Ты скотина, Вудс, — засмеялась я.

Я подошла ближе к нему и села верхом на его колени. Впившись поцелуем в мои губы, Майкл сильно прижал меня к себе, сжимая до сладкой боли мои ягодицы. Мы целовали друг друга до истязания губ, и я получала такое наслаждение, висая на волоске, чтобы не потерять сознание.

Мне не читали сказки перед сном, и я не знала, что такое волшебство. До Майкла. По большому счету, все вопросы, которые я теперь задавала, были связаны с ним. И все же, каждый раз он молча давал мне ответ, убеждая в том, что он лучший из лучших. Майкл Вудс был источником моего удовольствия.

— Ты белоснежна снаружи, лакомый кусочек. Но внутри скала, — прошептал он, прикусывая мою губу. — Ты и сама знаешь об этом.

Его рука коснулась мокрой ткани моих кружевных трусиков, и я выгнула спину, поедая его взглядом. Что же он делает со мной? Как так случилось, что прелюдия и глаза в глаза мне нравится больше, чем сам секс?

— Я хочу, чтобы каждый раз, когда ты захочешь поговорить или поцеловаться, все дороги вели тебя ко мне. Чтобы я была единственной, кто был в твоей голове и сердце, — провела я рукой по его выпуклым брюкам и укусила за мочку уха. — Будешь хотеть меня так, как никого в этом мире. И когда ты придешь, я буду тебя ждать.

— Я всегда буду хотеть тебя, Стейси Фостер. Ты всегда будешь громче любого крика и ярче любой звезды, которая будет на небесах или за столиком рядом.

Затем Майкл разорвал мою блузку, давая мне то, чего я хотела. Кто бы что не говорил, а Нью-Йорк романтичный город. Столько людей приезжает сюда получить билет в жизнь, встретить любовь или вылететь из реальности. Этот город питается идеями и желаниями людей, а разве это не романтично?

Мы все думаем, что не способны на что-то, пока не сделаем это. Я начала прощать свою мать. Нет, я простила ее. Я нашла в себе свет, потому что в определенный момент поняла, что ненависть просто сведет меня с ума.

Я не могла уснуть в это доме и металась с угла в угол. Майкл слышал мои шаги ни свет ни заря, так что мы собрались и, сев в машину, направились домой. Я села на заднее сидение и хотела оставить хоть какой-то барьер между нами. Он посмотрел на меня с непониманием, но все же промолчал. Я почувствовала облегчение, хоть и не должна была чувствовать этого по отношению к Майклу.

— Я был таким идиотом, когда позволил тебе уйти? — спросил он спустя какое-то время молчания.

Слова были сказаны настолько глухо, что на миг я усомнилась были ли они действительно произнесены им.

— Ты уверен, что хочешь услышать честный ответ? — взглянул Майкл в окно заднего вида пристальным взглядом. — Майкл, если я узнаю, что ты был с другой, сразу уйду.

— Сможешь?

— Да. Ты только мой. Ты не будешь прикасаться к другой женщине, и не будешь любить другую.

— Ты ревнуешь?

— Нет.

— Нет?

— Нет.

Эстель начала плакать, и это был идеальный момент для ее слез. Я взяла ее на руки и повернулась, смотря на Майкла. Он не сводил с меня глаз, и было такое впечатление, что мы оба наконец-то поняли, что это по-настоящему. Что все это случилось, и мы вот-вот перестали летать с душой в неволе. Он стал чем-то, что бьется в моей груди.

Дни пролетали за днями, и недели за неделями. В очередную ночь я проснулась, посмотреть, как Эстель, и когда убедилась, что она мирно спала, подошла к окну ее комнаты. Дотронувшись к холодному стеклу, я смотрела на фонари, которые освещали ночную трассу. Сейчас три часа ночи, и Майкл спит в своей спальне, в которой я оставалась теперь каждую ночь. Но сейчас он спит, а я боюсь. Мои страхи растут все сильнее с каждым днем, и день ото дня я сражаюсь за сон. Я вымотана и истощена. Но не потому, что у меня дочь, а

потому, что отношения с людьми в моей жизни настолько напряжены, что я словно каждый день кому-то что-то доказываю. Я делаю вид, что все хорошо, но каждый раз понимаю, что мы не выдержим долго. И однажды наступит такое мгновение, когда мы развалимся, и склеить нас будет некому.

Я не была в церкви, наверное, с момента собственного крещения, и на следующий день сделала первый шаг в холл храма. Я села на скамью и снова услышала голос мамы. Теперь я даже чаще видела мир ее глазами.

— Зачем ты смотришь на меня? — подняла я глаза к небу. — Я знаю, что со мной нелегко. Прости, что не уберегла свою душу, и, к сожалению, назад ничего вернуть уже не смогу.

— Сможешь, доченька, — ответил ее голос в моей голове, и я закрыла глаза. — Если бы знала, как тебя любят, не ограждала бы так себя от мира.

— Ты меня любила? — скатилась слеза по моей щеке.

— Больше всего на свете, Стейси.

— Я люблю тебя. Этого никогда от меня никто отнять не сможет. Пусть этого никто и не слышит по причине того, что так безопасней. Не зная слабостей, нельзя сделать слабым.

Я вытерла слезы и вышла из церкви, оглянувшись. Иногда нам нужен бог, даже если он просто молчит. Почему-то именно в храме мне больше всего захотелось рассказать о собственной боли. И вот он парадокс — просим у бога, но никогда не благодарим, когда он что-то дает нам из-за любви.

Мой телефон зазвонил, и я подняла трубку, проведя пальцем по экрану.

— Капитан Фостер.

— Я слушаю, Вист, — ответила я, садясь в машину.

— Рад тебя слышать.

— Звучит почти искренне.

— У меня для тебя новое дело.

— Я что, теперь агент по вызову?

— Убитое тело, адрес высылаю.

У меня складывалось такое впечатление, что он просто не хочет меня отпускать к Майклу. Вист пытался загрузить меня каждый раз, как только я выходила на работу, или в любой другой момент, когда просто не успевала послать его к черту.

Приехав на место преступления, я надела перчатки и склонилась над мертвым телом.

— Гематома на суставах, и крови немного. Нет орудия убийства, да и сама кровь не свернутая, — подошла ко мне женщина судмедэксперт.

— Первое, что я могу сказать, это то, что мужчина был мертв, когда в него выстрелили.

— Рана вдоль голени, а не ноги. Должно было быть большее количество крови и гематом, капитан Фостер.

— Как я и говорила, он был мертв, — сняла я перчатки.

— Что вы тут делаете? Чем обязаны?

— Сама не знаю, — посмотрела я на женщину. — Нужен анализ крови.

— Люблю работать с умными женщинами.

— Могу сказать то же, доктор, — улыбнулась я и направилась к машине.

Слова мужа Долорес не давали мне покоя, и он до сих пор со мной не связывался, так что я не переставала копать. Приехав к детективу, я снова вдыхала отвратительный запах. Смотрела на жизнь человека, который потерял своего сына, а потом и себя из-за меня. Такой, как я, прощение не светит.

— Ты хоть когда-нибудь тут убираешь?

— Я конечно бы сказал, что хочу поболтать, но я тебя ненавижу, — ответил старик. — Вот тебе информация, отдай мне моего сына.

Я взяла конверт, открывая его и смотря на фото Джейса. Джейс Марк Бекер. 39 лет, вторая группа крови, родился в штате Огайо. Дети — не существует. Семейное положение — женат.

— Ты что, мать твою, издеваешься? — засмеялась я неискренне. — Такую херню я и без тебя знаю.

— Да, но ты не знаешь того, сколько шрамов у него на теле. И как ты сказала, сколько ударов в минуту стучит его сердце. Что он следит за тобой и ночует на крыше Долорес, — подошел он ближе ко мне. — Еще ты не знаешь, почему умерла твоя мать, и где сейчас твой отец. И пока мой сын не будет стоять рядом, ты ничего не получишь.

Я схватила его за шею, и он начал смеяться. Я понимала его. Сама бы сделала все, чтобы защитить Эстель. Я выругалась сквозь зубы, и отпустила его. Когда я стала таким чудовищем? Как я докатилась до такой жизни? Хотя, наверное, я просто люблю кататься.

— Отдай мне информацию, и я освобожу твоего ребенка.

— Так не пойдет, Фостер. Я тебе не верю. Мой сын рядом — информация твоя, иначе делай грязную работу сама.

— Прибереги конверт для меня, — вышла из дома и направилась к Эмили.

Из всех, я знаю, что именно она меня не осудит. Может быть, я немного сумасшедшая, слишком прямолинейная, но я люблю своих друзей. Я люблю свою семью. И они единственные кого я боюсь потерять, не считая Эстель. И это на самом деле важно для меня. Ведь с момента, когда умерла моя мать, мне стало плевать на все, что я теряю.

Эмили была именно той, кто в своем роде показал мне, что быть собой — это не плохо. Что не нужно пытаться быть кем-то другим, и так уж случилось, что я, черт побери, согласилась с ней. Я написала ей смс, что скоро буду у нее, и она ответила «ок», хотя, уверена, в этот момент она поднималась с цокольного этажа, держа телефон в одной руке, а вещи, которые достала из прачечной — в другой.

— Да, выгляжу я не очень. Но как человек я еще хуже, — смотрела я на Эмили, стоя на ее пороге.

— Как всегда, — она улыбнулась и обняла меня. — Представь себе, что есть ключ, открывающий самые темные уголки наших душ и выпускающий то, что каждый из нас так тщательно скрывает, — открыла Эмили холодильник и достала бутылку содовой.

— Я не готова стать самой собой даже на чертово мгновение, Эм.

— Люди проявляют слабость, и ты отворачиваешься от них. Не все такие, как ты, Эс. Людям свойственно ошибаться.

— Я от них отворачиваюсь, даже когда они не делают ошибок.

— Но не от нас.

— А вы не просто люди.

— Что тебя мучает, Стейси?

— Я многих убила, Эмили. Я посадила ребенка за грехи его родителя. Я влюбилась снова в Майкла и преследую мужа нашей подруги. И теперь я хочу встретиться со своим отцом, и во мне столько гнева. Моя мать умерла из-за него.

— Ты потеряла свою семью, будучи совсем ребенком. Ты хороший друг, Стейси, и хороший человек. Просто забудь о своей семье, ты не виновата.

— Ты бы забыла?

— Ты ведь и так знаешь ответ.

— Именно поэтому я пришла к тебе.

— Ты боишься собственной ненависти. Но мы не дадим тебе упасть, просто помни об этом. Что бы ни случилось, мы всегда рядом, и мы любим тебя, даже Долорес и даже сейчас.

— Эмили, ты нужна мне.

— Я с тобой.

— И сегодня ты мне нужна, как адвокат.

— Я сделаю все, что потребуется.

Возможно, мы и не заслуживаем оправдания, но каждый из нас заслуживает семью. Я наблюдала за подругой, и как она положила руку на живот и поглаживала его с легкой улыбкой на губах. Эмили была расслабленной, и даже когда мы говорили о совершенно посторонних вещах, она была сосредоточена на другом.

— Ты беременна.

— И сейчас ты права, — засмеялась Эмили. — Четвертый месяц.

— И ты все время молчала?

— Нет, просто ждала, пока ты наконец-то проявишь чудеса своей дедукции, и сама поймешь.

— И я это сделала.

— Как и всегда, — открыла она сок. — Как твоя работа?

— Я расследую несколько убийств, и каждый раз думаю теперь, прежде чем говорить. Я не хочу, чтобы Майкл разлюбил меня, и не хочу быть плохой матерью для Эстель. Она заслуживает лучшего.

— Есть хоть что-то, чего ты не умеешь? — склонила Эмили голову набок.

— Строить отношения.

Вскоре мы сели с Эмили в машину и отправились к судье. Я стояла на коридоре и ждала. Меня не особо волновала судьба этого парня, но меня волновала моя душа. Теперь волновала. Эмили взяла какие-то бумаги, и, выйдя из кабинета, мы направились в тюрьму.

— Я твой адвокат. А это значит, что я твоя семья, друзья и бог, — сказала подруга сыну детектива.

— Откуда ты знаешь моего отца?

— Я Стейси Фостер, — села я напротив. — А теперь напряги хоть раз свой мозг.

— Ты выйдешь отсюда. Уже вышел, — начала подруга.

— Как ты можешь защищать тех, кто убивал? — ворвался Вист в кабинет.

— Каждый имеет право на адвоката, — ответила Эмили.

— Заткнись, — сказала я своему боссу и посмотрела на парня. — И если ты будешь хоть в чем-то замешан, я посажу тебя в одиночную камеру, и выйдешь ты от туда только в гробу.

Я поднялась с кресла и открыла дверь. Батлер словил меня за руку, и я взглянула на него, предупреждая о собственной боли.

— Отпусти ее, — сказала Эмили, вырвав мою руку. — Не смей к ней прикасаться.

Вист смотрел на меня, и это был удар ниже пояса. Собственно, это и было то, к чему я стремилась. Только вот не была готова, что мне будет настолько паршиво видеть выражение боли на его лице. Я отступаю на шаг, создавая между нами расстояние, и понимаю, что мне пора уйти. Вскоре мне нужно уйти по причине того, что Вист заслуживает лучшего отношения и лучшего друга, чем я.

Мы вышли из кабинета втроем, а он остался сверлить нас взглядом.

— Я никогда не забуду этого, Эмили, — прошептала я, беря ее за руку.

— Конечно, ведь все хорошее мы всегда будем вспоминать.

Мы отправились к детективу, и Эмили не оставляла меня ни на минуту. Она была со мной и молчала, зная, как я люблю тишину.

— Я многое слышал о тебе, Фостер. И мне тебя даже жаль. У тебя нет семьи, а только дочь, которую ты уже оберегаешь с манией, — сказал детектив, когда мы вошли.

— То, что ты слышал обо мне, ничто по сравнению с правдой. Отдай мне конверт.

Он обнимал своего сына и плакал. Мне его стало жаль. Ведь я виновата в том, что он жил в собственном заключении. Он отдал мне конверт, и я забрала его, покинув дом. В конверте был только адрес. Я не успела ввести его в базу, как Вист снова позвонил мне.

— Фостер, мужчина, бродяга, рвота кофейной гущей, запах спиртного, кровь.

— Вист, ты хочешь, чтобы я заняласьдохлымалкоголиком?

— У тебя новый напарник, — отмахнулся он. — Приступай.

Я чувствовала себя не агентом ФБР, а каким-то патрульным, только что получившим первое задание. Он относился ко мне так с тех пор, как я выпроводила его, а после сегодняшнего, уверена, что он устроит мне ад. Я поблагодарила Эмили и, сев в машину, направилась на место преступления. Я не считаю, что агент, который столько работал под прикрытием, сейчас может заниматься тем, кто просто не умел пить. Нет, конечно, я за то, чтобы все докапывались до сути, но только пусть каждый будет в своем мире. И я точно не была из этого.

— Привет, Эс.

— Черт возьми, что ты тут делаешь? — спросила я, увидев Адама.

— Ну я любил свою работу, а чем быстрее мы откроем дело душителя, тем скорее ты выйдешь замуж за моего друга и займешься своей дочерью.

— Слушай, теперь ты мой напарник, Майколсон. Кто-то нацелит на тебя пушку, я его прикончу. Полезешь в драку, я тебя прикрою. Еще раз скажешь, что я выйду замуж за твоего друга, и я тебя убью.

— Я соскучился по тебе, — обнял меня Адам.

— Добро пожаловать домой.

— Сейчас кое-что случится, — сказал Адам, когда мы увидели машину Долорес.

— Это платье ты наденешь завтра, — подошла к нам Ева, отдавая мне длинное красное платье.

— И это тебе поесть, — добавила Долорес.

— Боже, это чистый шелк, Ева, — наигранно улыбалась Эмили, и я заметила, что ко всем присоединилась Донна. — И вырез просто потрясающий.

— Так, заканчивайте ваше шоу моды, мне нужно работать, — разозлилась я, смотря на них. — И кто вас черт возьми сюда пустил?

— Ты забываешь, кто мой муж, — подняла бровь Эмили.

— И ты вообще знаешь, кто мой муж? — обняла Донна Адама.

— Отличная фраза для решения всех жизненных проблем, — сказала я тихо. — Адам, мне показалось наше с тобой первое дело очень интересным.

— Мы оставляем тебе платье, — крикнула мне вдогонку Ева, когда я направилась на место преступления.

— Он алкоголик, — сказал Адам, надевая перчатки. — Зачем мы тут?

— Да. Зачем мы тут, черт возьми? — посмотрела я на него в ответ.

— Поговорить с родителями и убедиться, что это не убийство, — подошла к нам судмедэксперт.

— Отлично. Теперь мы самое слабое звено, — покачала я головой. — Поехали к родителям.

Сев в машину, я завела мотор и сразу увидела на экране телефона звонок от Адама. Включив громкоговоритель, я с самого начала знала, что это затянется надолго.

— Почему ты не подпускаешь его?

— Отвали, Адам, — отвечаю я слишком резко.

— Ты хочешь с кем-то поговорить.

— Ты ошибаешься. Я могу свитер из шерсти белого медведя связать за ночь и сварить плов из гномьей жопы. Но дело в том, что мне это не надо, и я не хочу. И то же самое относится к откровенным разговорам.

— Ты помнишь, за что полюбила его? — продолжал Адам, и я начала искренне сочувствовать Донне.

— Я буду тебя игнорировать, Майколсон.

— В семейной жизни есть одна проблема, о которой говорить не принято, — делал он то же самое в ответ, настаивая на своем. — Женщины жалуются на то, что мужчина с годами стал менее мужественным. Что его ничего не интересует, и он пьет и лежит на диване. Ты помнишь, за что ты полюбила его?

— Я не люблю его, идиот, — выехала я за город и, посмотрев в зеркало заднего вида, увидела, что Адам следует за мной.

— Зачем ты хочешь его приручить и воспитать, если и полюбила только благодаря его необузданности и непостоянству. Бесстрашию и, уверен, вдохновлялась бы его победам на кулачных боях. Тебе нравилась его жесткость, даже если твоя натура начинала внутри бунтовать. Ты чувствовала его силу изнутри и знала, что благодаря ей ты в безопасности.

— Ты думаешь, что каждая женщина ждет, что придет какой-то мужик и спасет ее от ответственности? —

разозлилась я. — Майколсон, угомонись! Я не жду, что меня спасут, потому что меня не нужно спасать. Я не ребенок и сама справляюсь со всем много лет. Не надо взбудораживать мой ум, и я не жду рыцарских турниров в мое имя. Мне не нужно, чтобы он менялся, но ты прав, я не смогу быть с ним до конца, потому что не верю. Ты не знаешь и половины нашей истории, и, поверь, это те отношения, о которых детям не расскажешь.

— Но ты...

— Нет, — перебила я его. — Я не собираюсь пилить и подавлять Майкла, но провоцировать его у меня выходит как-то само, и я сойду, если скажу, что не получаю от этого удовольствия. Мне нравится, какой он сейчас, но я знаю, что, когда все серьезно, все меняется. Я боюсь, какой могу стать я, и еще больше боюсь, каким может стать Майкл. Я не хочу, чтобы он прерывал отношения со своими друзьями, и не хочу, чтобы он чувствовал боязнь разбить меня. Но если он потеряет всю его страсть к тем вещам, которые нравятся мне, как женщине, и не нравятся, как матери, я не знаю, смогу ли дальше продолжать любить его. Если я поставлю ультиматум, он скорее всего согласится, чтобы не видеть слез моих и, самое главное, Эстель. Он сделает этот выбор. Трудный выбор для него, после которого будет глубоко несчастным. Тогда в чем смысл, Адам? Если мы не можем быть врозь и не можем быть вместе, как жить?

— Но он любит тебя, — сказал он тихо спустя несколько секунд молчания. — И ты полюбила его за что-то. Так не отнимай у него это «что-то», а просто добавь к своему.

— Я отталкиваю людей, Адам, — остановила я машину. — И изолирую себя от любви, потому что не хочу, чтобы кто-то ранил меня так, как это сделали мои родители.

Он ничего не ответил, и мы приехали в дом убитого парня. Адам постучал в двери, смотря на меня с опаской. Я знала Адама, и он был моим другом. Моей семьей. Но он не знал меня. Он знал лишь ту Стейси, которая защищает, а не делает больно.

Можно говорить так много всего, но в конечном итоге в словах совершенно нет смысла. Все, что с нами случается, так и должно быть. И все, что с нами происходит — опыт. Даже, когда все, что происходит — худшие вещи в жизни.

— Он совсем юный, — сказала я тихо.

— Да, ему всего девятнадцать.

Дверь открыл седой мужчина. Мы вошли внутрь и прошли в гостиную.

— Я выгнал его из дома. Спустя месяц он позвонил и сказал, что вернется. Я же ответил, что ему больше нет места в этом доме.

— Нельзя бросать детей, — смотрела я на фотографии девочек с родителями, не наблюдая ни одной фотографии сына.

— У вас есть дети, детектив.

— Откуда вы знаете? — задал вопрос Адам.

— Да у вас на лице написано. Ну так что, есть?

— У нас дочь, — не уточнила я, что у каждого своя.

— Вы ею гордитесь?

— Очень, — ответила я слишком грубо. — Она ведь мой ребенок.

— Так и должно быть. Но потом, когда ваш ребенок вырастает и разочаровывает вас, вы злитесь на него. Что бы сделали вы?

— Даже отдала собственную жизнь, чтобы спасти ее.

— Вы так думаете, пока молоды.

— Нет, — хотела я ударить его. — Я так думаю, пока я мать.

— Нам нужно, чтобы вы позвонили нам, если что-нибудь узнаете, — отдал Адам визитку мужчине, беря меня за руку и сжимая ее до боли, чтобы привести в чувство.

Мы молча покинули дом, и Адам все это время держал меня за руку. Для меня это было слишком сложно и болезненно. Мой отец меня бросил, мать отвернулась, и я презираю таких людей. Они не имеют права на жизнь, а тем более, на детей. Мы сели в машину, и я не смогла сразу тронуться с места.

— Знаешь, я не могу понять, как родители могут оставить своего ребенка, — прошептала я, смотря на Адама. — Я скучаю по Эстель, даже когда оставляю ее на пару часов с Майклом.

— Что у вас происходит?

— Ты хочешь говорить со мной о сексе?

— Нет, я хочу говорить с тобой о тебе.

— Я люблю его, Адам, но иногда он мне мешает. Ты меня понимаешь?

— Нет, но тебя бы точно поняла моя невеста. Я уверен, что тоже ей мешал, да и сейчас порой мешаю.

— Так вы выбрали дату? — улыбнулась я.

— Да. И ты бы знала об этом, если бы говорила со своей подругой.

— Ты пытаешься меня пристыдить?

— Нет, но тебе и так стыдно. Знаешь, когда-то мы станем другими. Мы станем старыми, и наши истории будут легендами. Мы станем родителями, затем бабушками и дедушками, но потом дети уйдут. И ты не сможешь всегда быть одна, Эс. Я люблю Донну со всеми ее недостатками. Вот смотрю на нее, люблю и жить охота. Она прекрасна. И она тоже часто хочет быть одна, и я даю ей эту возможность. Я чувствую ее. И когда она снова приходит ко мне, заставляет меня удивляться. Даже когда сейчас я видел труп, затем ненавистного отца, все равно думаю о ней. Я люблю ее больше всего на свете. И я знаю, что мы с Донной Картер — вечность. А какая вечность твоя, Стейси?

После, Адам вернулся в свою машину, а я еще какое-то время сидела в своей с заглушенным мотором. Я пытаюсь дышать, чтобы «отвести взгляд» от того, что вижу каждый день, но больше не могу. После рождения Эстель все изменилось. Я изменилась и не могу больше наблюдать за сценами, которые разворачиваются каждый день в жизнях других людей.

Я отправилась домой к своему ребенку и мужчине, по которому соскучилась. Может, Адам прав? Может, все устают друг от друга? Просто одним хватает ума уходить, и отдыхать, а потом возвращаться с улыбкой и душой, которая снова готова принять, а другие, каких большинство, терпят, считая это проявлением любви, сохнут от скуки и уходят уже навсегда без желания вернуться.

— Майкл, — крикнула я, когда вошла в дом. — Ты где?

— Мне нужна помощь с чертовым костюмом, любимая, — услышала я его голос. — Мы наверху.

Любимая. Одно слово, а сколько в нем чувств и привязанности. Слово «любимая» слишком сильно. Оно слишком глубоко. Мужчины не знают какую реакцию оно вызывает у женщин. Мурашки идут по коже, и мы внутренне не можем скрыть изумление от самих себя, каждый раз слыша это. Просто однажды мы находим того, с кем хотим быть рядом. Нет, не всегда, конечно. Но мы хотим быть с ним утром и вечером, и чтобы только этот человек делал чай и кормил ребенка.

— Как я тебе? — спросил Майкл, поправляя галстук, когда я вошла в его спальню. — Идеален?

— Ужасно, — покачала я головой, беря на руки Эстель, которая улыбалась, держа в руках игрушку. — Ты всегда выглядел великолепно в костюме, но сегодня хуже не придумаешь.

— Что не так?

— Носить галстук под рубашку с короткими рукавами так же нелепо, как надевать бейсболку под пальто, — ответила я, одной рукой срывая с него галстук и помогая снять рубашку. — А замшевые туфли — часть только вечернего гардероба.

Я смотрела на Майкла, а он явно удивлялся моим словам. Женщины гораздо лучше разбираются в мужской гардеробе, нежели в своем. И каждый раз говоря им об этом, мужчины удивляются, как впервые.

— Никогда не думал, что ты разбираешься в мужских костюмах.

— Во-первых я не слепая, а во-вторых ты никогда не спрашивал.

— Ладно, как на счет белой рубашки, синего костюма, лаковых туфель и заколки на галстук? — расстегнул он пояс, и снял туфли.

— Заколка на галстук выглядит старомодно, Майкл, — открыла я его шкаф, смотря на цвета рубашек. — Но ты можешь положить платок в карман пиджака, который всегда будет выглядеть сентиментально и по-мужски в то же время.

— Давай я куплю тебе что то, Эс? — схватил он мое запястье. — Самое дорогое платье или кольцо? Набор бриллиантов...

— Расслабь мне запястье, Вудс, — забрала я руку. — Меня не впечатляют дорогие платья или кольца. Если ты хочешь, чтобы я улыбнулась, расскажи мне о любимой книге или почему ты ушел из дома. Расскажи мне, где ты был и когда последний раз путешествовал. Поговори со мной о друзьях и о том, что ты любишь. Дай мне узнать именно тебя. Не надо учить меня по запаху узнавать размер твоего кошелька.

— Я снова в тебя влюбился, — взял он в свои ладони мое лицо, легко прикоснувшись к моим губам, и поцеловал в щеку Эстель у меня на руках. — Дашь совет на прощание?

— Следи за осанкой.

— Ты долго будешь издеваться? — засмеялся он.

— У меня сегодня много чувства юмора, — пожала я плечами.

Время знало, о чем я думаю, и я больше не прятала руки, и закрывала глаза, когда целовала Майкла. Сомнения со временем разрушаются, даже если некоторые вещи остаются недосказанными.

Майкл ушел, и мне как раз нужно было уйти без лишних вопросов. Я одела свою дочь, села в машину и поехала по адресу, который был в конверте. Я проехала четыре квартала. Взяла Эстель на руки и направилась к дому. Затем постучала в дверь и вздохнула. Я словно слышала голос матери и чувствовала запах ее духов. Дверь открыл мужчина лет шестидесяти и застыл, смотря мне в глаза.

— Стейси.

— Отец, — прошептала я. — При нашей последней встрече ты назвал меня дьяволом.

— Я в своей жизни только и делал, что ошибался, — отошел он в сторону. — Зайдешь?

— Нет. Я тут ради мамы.

— Я ничего не знаю, — покачал он головой.

— Врешь. Я всегда узнаю, когда ты врешь.

— Кто ты?

— Не задавай лишних вопросов.

— Не буду. Обещаю.

— Почему она умерла?

— Я не знаю.

Я покачала головой, с презрением смотря на него, а затем направилась к своей машине. На моих руках была Эстель, которая сидела на удивление тихо. Зачем я сюда приехала? Он оставил меня. Оставил мою мать, и все время жил тут, смотря, как она убила себя, и убила во мне ребенка.

— Стейси, стой! — крикнул он, подбегая ко мне. — Она отдала жизнь за тебя.

— Что? — сильнее прижала я к себе дочь.

— У нее твои глаза, дочка, — прошептал он, смотря на Эстель. — Ты помнишь, какой она была?

— Умной, красивой и немного грустной, — потекли слезы по моим щекам. — Я помню, как она улыбалась мне и учила рисовать. Но также я помню, как она кричала на меня, когда ты приходил поздно, или как она изменилась, когда ты ушел. И я ненавижу тебя за ее смерть.

— Я ушел от вас, чтобы не видеть смерть твоей матери, Стейси, — ответил он, когда слезы текли с его глаз. — Мать должна оберегать дитя от боли, а не говорить о ней. И Лейла любила тебя. И мне жаль, что ты помнишь ее такой.

— Что она сделала, черт тебя дерит? — закричала я, кладя Эстель в машину.

— Ты родилась с пороком сердца, и в четыре года тебе поставили диагноз. Мы ездили с тобой по врачам, но каждый раз нам говорили одно и то же, — затих он на мгновение. — Ты была обречена. И когда нам сказали, что нужна пересадка сердца, Лейла сказала, что не позволит, чтобы у ее дочери было сердце другого человека. Поэтому в твоей груди бьется сердце твоей матери.

Мои ноги подкосились, и я села на землю проливая слезы и крича от боли. Я совсем ничего не знала. Как я могла не помнить? Мне было десять, когда я оказалась в детском доме. И с тех пор я ненавидела каждое мгновение своей жизни. Почему моя память помнит так мало счастливых моментов? И почему я совсем не помню больницы? Чем больше я живу, тем больше вопросов у меня появляется о собственной жизни. Тем больше я понимаю, что меньше всего на свете знаю именно себя.

— Помнишь, что она говорила тебе?

— Будь дикой и беззаботной, — сжала я руки в кулаки. — Иногда немного странной. Помни, что твои странности — это твое очарование.

— Я хотел застрелиться, но револьвер дал осечку.

Я вытерла лицо и взглянула на него. В этот момент я подумала о Майкле. Мы столько времени провели вместе, но по большому счету, я и о нем ничего не знаю. Например, в каких женщин он влюблялся, и почему отношения заканчивались? Какие у него отношения с братом, и как звали его первую собаку?

— Знаешь, что странно? — прошептала я.

— Что?

— Пистолеты дают осечку, а револьверы — никогда. Дашь совет на прощание? — села я в машину, закрывая окно.

— Избегай любви, Стейси. Чего бы это не стоило.

Родители дают нам жизнь, но свой характер мы создаем сами. Просто однажды наступает момент, когда ты понимаешь, что все эти клубы, вечеринки и громкая музыка ничто в сравнении с человеком, который заберет тебя с работы и увезет. Увезет на ужин или домой, укроет теплым одеялом, включит любимый фильм, и вы уснете в сумерках утра.

Я не успокоилась, а еще больше запуталась. По пути домой я заехала в супермаркет и накупила продуктов, которыми, скорее всего, не воспользуюсь. Также я прикупила несколько новых вещей для Эстель, посетила отдел женской косметики и декора для дома. Вернувшись домой, посадила Эстель в ее стульчик и взялась готовить смесь. Я не верю в это. Я помню только плохое, а мать, которая отдала жизнь за своего ребенка, не могла быть плохой. Я не останавливала слезы, пока они текли, и мне хотелось плакать и кричать от безысходности. Я взяла Эстель и села с ней на качалку, начиная кормить.

— Я давно выбрала тебя, малышка, — шептала я. — И я не оставлю тебя. Я порву на части каждого, кто попытается причинить тебе боль.

Знаете, когда вы по-настоящему доверяете мужчине? Когда можете плакать при нем. При Майкле я не могла плакать и не могла ему всего этого рассказать. Мужчина, которого я любила, не был похож на остальных. Он не был непредсказуем, как Адам. Не такой откровенный, как Брайан. Далеко не Бог руководства, как Стивен. Не романтик, как Джаспер, и не умел влюбить в себя женщину при помощи одного приложения из пяти слов, как Кристофер. Майкл был хозяином. Сам себе хозяином. Он замечательный. Слегка грубый, но в то же время в нем присущи и откровенность, и сентиментальность, и способность удивлять. Майкл Вудс ставит перед собой цели, принимает решения и гарантирует лучший результат. Но при всем этом я хочу тонуть в себе, и никак не в мужчине. Даже будь он мной любим.

После, мы приняли ванную, и я закрыла дверь изнутри, понимая, что Майкл скорее всего вернется под утро. Я не звонила ему и знала, что этот барьер нам не преодолеть. Мы не задаем друг другу такие вопросы по причине того, что мы не принадлежим друг другу. И так будет всегда. Но лишь на мгновение сегодня я поняла, что, наверное, не прочь принадлежать ему хотя бы час в неделю. Душевно.

— Знаешь, ты единственная, с кем я хочу сейчас быть, — обняла я свою дочь, целуя ее. — Моя мать знала, что для меня хорошо, и я похожа на нее. Как и ты на меня. И твой папа будет рядом, Эстель. Но я всегда постараюсь быть ближе. Гораздо ближе к тебе и твоему сердцу. Я знаю, что ты не понимаешь меня еще, — засмеялась я, вытирая слезы. — Но ты обязательно поймешь, обещаю.

Глава 8

В дверь позвонили, и Эстель начала плакать.

— Черт возьми, — выругалась я, смотря на часы. — Тише, малыш, тише.

Я взяла ее на руки и направилась к двери, понимая, что проспала всего полтора часа. Если это Майкл, ему не поздоровится. И открыв дверь, я пошатнулась от неожиданности. Стоял Майкл, который явно был в пьяном угаре, и самое худшее — вместе с Хилари.

— Вудс, ты идиот? — смотрела я на него со злостью, когда Эстель увеличила уровень звука. — Какого хрена?

Он вошел в дом, обнимая ее, и она захихикала, когда он сжал ее задницу. Я пытаюсь дышать, убаюкивая ребенка, но ничего не выходит. Не могу отвести взгляд или просто уйти, чтобы не смотреть на сцену, которую на самом деле буду наблюдать всю свою жизнь, если останусь. Майкл наматывает ее волосы на свой палец, и она говорит ему что-то на ухо. Я закрываю глаза, моргая очень медленно, и когда открываю, вижу, что Майкл смотрит прямо на меня. Он знает, что причиняет мне боль, и самое ужасное — хочет ее причинить. Затем, он смотрит сквозь меня, словно меня тут нет, и это ранит даже больше, чем я предполагала.

— Почему ты не спишь? И успокой ребенка! — кричит он, от чего Эстель на руках начинает просто сходить с ума. — Это мой дом, помнишь?

Я делаю несколько шагов к нему и тыкаю пальцем в его грудь, вынуждая немного остудить пыл.

— Какого хера, Вудс? — также повышаю голос. — Это не ты! Ты не ведешь себя со мной как дерьмо! И не говоришь дерьма! А придя домой, приведя какую-то девицу, когда твой ребенок спит, и ты, зная это, будишь ее? У тебя есть совесть? Я заберу ее, и ни один закон не разрешит тебе ее видеть!

От моей ярости Майкл отходит назад, и на его лице буквально на мгновение появляется раскаяние, и он делает еще один шаг назад, пошатываясь, словно от удара.

— Господи, — выдыхает он, запуская руки в свои волосы. — Все идет не так, как я хотел.

— А как ты думал, все будет проходить, когда ты объявишься тут и будешь вести себя, как козел?

— Я не хочу ссориться, малыш, — приторно-сладким голосом говорит Хилари Майклу.

— Хилари, я расскажу тебе немного о себе, — поцеловала я Эстель в макушку и перевела свой испепеляющий взгляд на нее. — Я болезненно мстительная. Моя жизнь сделала меня такой. И я не играю по правилам.

— Я не спал с ней.

Слова были сказаны настолько глухо, что я усомнилась, произнес ли Майкл их на самом деле. Меня охватило ощущение облегчения, хоть я и не должна была этого чувствовать. Он пристально смотрит мне в глаза, и в его я вижу отчаянье и страх. Что-то внутри меня щелкает, и я понимаю, что мне становится больно.

— Я ухожу и забираю дочь, — вздыхая, я направляюсь в свою спальню.

— А я что?

— А ты вернешь свой дом и свободную жизнь, к которой ты привык, Майкл.

— Эс, я боюсь! — закричал он.

— Ты боишься? Ну теперь я уйду, и ты обретешь свободу. Былую свободу. Я не буду приходить домой и мешать тебе. Не нужно теперь покупать букеты и продукты. Теперь с тебя уйдут проблемы. Снова будешь ходить по клубам и веселиться.

— Но я хочу нас с тобой.

— А я больше нет, — повысила я голос, а затем снова прошептала: — Я больше нет.

— Стейси, ты и сама хотела быть свободной, — расслабил он галстук. — Ты устала от меня.

— Ты прав.

— Ты была рядом, но я не ценил этого, признаю. Я сделал ошибку, — начал он подходить ко мне. — Но я люблю тебя. Я люблю тебя одну. Мне нравится, когда ты поправляешь мне рубашку, и нравится просыпаться рядом с тобой, а после целовать по утрам тебя и нашу дочь.

— Ты не любил меня.

— Но тогда почему я в отчаянии, понимая, что ты уходишь?

Если бы я была нужна Майклу, он бы хотел, чтобы я чувствовала себя комфортно в жизни и наших отношениях. Доверять кому-то — вот основа отношений, и мужчина будет это понимать. Правильный мужчина. Без доверия нет ни любви, ни уважения. Он должен был хотеть понять меня, завоевать мое доверие и хотеть сохранить его.

— Если бы все расходились, как вы, — услышала я голос Хилари. — Я была бы без работы, и мне не о чем было бы писать.

По сути, мужчина никогда не позволит забыть вам, насколько сильно он любит. Я даже не могу сказать, как много разговоров у меня было с людьми, которые считают, что в их отношениях нет привязанности. В моих отношениях не было привязанностей. Мужчины в моей жизни никогда не заставляли меня чувствовать себя любимой, желанной или бесценной. Это важнейшая часть паззла — правильный мужчина всегда будет напоминать, как много ты для него значишь.

Я поднялась наверх и слышала, как у Хилари наконец-то появляются мозги, и она говорит Майклу о том, что стоит больше, чем лаваш в дешевом фаст-фуде.

— Мне надоело быть вторым голосом, понимаешь? — плакала девушка.

— В таком случае я распускаю хор и оставляю только сольный.

— И кто это?

— Им всегда будет Стейси, Хилари. Ты и сама это знаешь.

— Ты идиот! Зачем ты делаешь все, чтобы она ушла от тебя, если любишь?

Дальше я не стала слушать и захлопнула дверь, чтобы собраться с духом и уйти уже окончательно. Ничего не становится лучше. Люди не меняются, и такова жизнь. С этим просто надо смириться.

Я одевала Эстель, когда Майкл открыл дверь и стал наблюдать за мной, уже выпроводив Хилари. Затем, открыла шкаф и даже не стала говорить ему выйти. Я сняла с себя ночную рубашку и вошла в первые попавшиеся джинсы и блузу.

— Эс, я ушел от Хилари. Хочу жениться на тебе.

— Ты что? — была я просто шокирована его идиотизмом.

— Такой, как ты, больше нет, и...

— Мой ответ — нет, — перебила я его, выходя из комнаты с ребенком на руках.

— Почему?

— Потому что ты решил? А ты не хочешь спросить, что решила я?

— И что же ты решила? — направлялся он за мной.

— Не хочу я смс-ок и дурацких предложений. Мне не нужны письма и стихи. Нахрен мне в жизни член, слова которого ничего не значат? — открыла я входную дверь. — Хотя ты и слов правильных говорить не умеешь.

— Эс, не уходи, — произнес он, почти умоляя.

— Ты говорил, что любишь меня, — пелена слез затмила мой взор. — Но смотришь на других, и я сейчас этого не вынесу.

Бредя по улице следующим вечером, я достала свой сотовый и посмотрела на очередной пропущенный. Я разглядывала знакомые мрачные очертания Бруклина, и вдоль улицы располагались бары, стрип клубы, и тату салоны. Рестораны тут доставляли лишь китайскую и тайскую еду, и все здания использовались под участки и офисы еще, наверное, с 20-х годов. Я знала каждую трещинку на тротуаре и могла рассчитать, сколько шагов от одного офиса к другому.

Я заметила, что снова злилась. В тот момент, когда я уже собиралась вызвать такси и ехать к Донне, мои уши уловили звук заряженного пистолета, и я остановилась как раз в тот момент, когда пистолет приставили к моему затылку.

— Я бы на твоём месте этого не делала, — сказала я тихо. — Сейчас не самое лучшее время, если ты все еще хочешь жить.

— Я это слышу каждый раз, — ответил мужской голос.

Я резко обернулась и достала свой пистолет из кобуры, выпуская две пули в обе ноги нападавшему. Он упал на землю, и я знала, что он все равно выстрелит, так что я выпустила еще одну пулю, которая вонзилась ему прямо в шею, разрывая горло. Пистолет упал на землю, клацнув об асфальт. Я оттолкнула его ногой и проверила карманы. Забрав бумажник и сотовый, я сунула их в свою куртку.

Если честно, меня охватила такая злость, что я была разочарована, что наша «схватка» закончилась так быстро. Я пошла прочь, только не стала вызывать такси, чтобы успокоиться. Прозвучал сигнал телефона, и я увидела номер одного из местных полицейских.

— Да, — осматривала я себя на наличии брызг крови.

— Эс, есть еще один убитый ветеран.

— Ты где?

— В своем офисе.

Его «офис» — это тесная комнатуха размером с подарочную коробку в старом здании редакции, но с окном и дверью. Из мебели там были лишь письменный стол и столешница, на которой обычно стоял остывший кофе.

— Тогда я приду к тебе завтра.

Я отключила звонок, и направилась быстрым шагом к дому Майколсонов. Войдя во двор, я открыла дверь и почуяла запах мяса. Донна сидела с моей дочерью, и вчера ночью я приехала к ней. Не знаю, почему, просто не хотела ехать домой. Она ничего не стала спрашивать, когда я появилась на ее пороге, а лишь обняла и сказала: «Добро пожаловать». Это мне всегда нравилось в ней. Мы были похожи. Донна не лезла в душу по причине того, что не хотела, чтобы копались в ее.

Донна была в кухне, и прежде, чем пойти к ней, я зашла в уборную и смыла с рук запах смерти. Я умела это делать и была лучшей в убийствах, может быть, поэтому меня Вист и не хотел отпускать, а совершенно не из-за моей глупой иллюзии его чувств ко мне.

— Ди, — пошла я на кухню. — Когда ты удочерила близняшек, почему ты это сделала?

— Ты не представляешь, что делают детские глаза, — ответила она, словно ждала этого вопроса. — Как они

смотрят на тебя с надеждой на что-то лучшее и уже любят. Просто за то, что ты есть. Это то, что ты никогда не объяснишь.

— Знаешь, — налила я стакан воды. — За всю мою жизнь я встречала только двух настоящих мужчин.

— Майкл и?.. — улыбнулась Донна.

— Неа. Майкл не входит в этот список.

Она засмеялась и, подойдя ко мне, обняла.

— Хочу скорее Новый год, Ди, — вздохнула я слишком громко, на что услышала смешок Донны. — Хочу сидеть где-нибудь в горах в домике из дерева, есть мандарины, слышать смех дочери и смотреть, как нихера не меняется под красивое мерцание гирлянд.

— Получается, что мы хотим замуж за супермена, который покорит нас подвигами и отвагой. А жить нам удобнее с домашним рохлей, который занимается чем-то скучным и безопасным, моет посуду, пол и никому неинтересен. Даже нам самим. За удобство приходится платить уважением и собственным счастьем, Эс. Будь Майкл верен тебе и предсказуем, ты бы даже не посмотрела в его сторону.

— Получается, что я мазохистка, — прошлась я рукой по волосам. — Но, Господи, Ди, я так хочу, чтобы его член вставал лишь по любви.

— Зачем ты вызвала мастера? — вошел Адам к нам, и я видела, что он раздражен. — Я же сказал, что сам все почию.

— Ага, — ответила Донна. — Неделю уже прошу тебя.

— Я тоже много чего прошу, но не вызываю кого-то на замену.

— Даже знать не хочу.

— Тебе сказать?

— Ну ты и козел, Майколсон.

Сейчас будет сцена, а потом примирительный секс. Так что я поднялась с места и направилась к выходу. Донна крикнула мне в след, что Эстель ничего не ест весь день, и я лишь молча качнула головой.

— Привет, милая, — взяла я ее на руки. — Ты в порядке?

Она не улыбнулась мне, и я была уверена, что она все чувствует.

— Эстель, ты можешь обижаться, но, пожалуйста, поешь.

— Она не будет, — услышала я голос Оливии. — Она чувствует, что теперь будет одна.

— Она никогда не будет одна, Лив, — села я диван. — У нее есть семья.

— Но ей нужен папа, — пристроилась девочка рядом со мной. — Я помню, как полюбила Адама. Да, я знаю, что он не мой отец, но он мой папа. И я всегда выберу его. Он всегда со мной, и он понимает меня. Я знаю, что в безопасности рядом с ним, и он любит меня больше всего на свете.

— Мама тоже тебя любит. Любовь матери ни с чем не сравнить.

— Да, — коснулась улыбка ее губ. — Это так. Но моя мама отличается от других мам. Она любила меня долгие годы, и я знаю всю историю. Но как бы я ни любила маму, папа для меня на первом месте.

Затем она молча поцеловала Эстель в щечку и вышла из комнаты для гостей. Этот ребенок был удивительно умен. Она выглядела на 8 лет, как ей и было, но при разговоре у меня складывалось впечатление, что я говорю

на равных. Оливия озвучивала такие простые и банальные вещи, но в них была вся жизнь. Весь ее смысл.

Я купала ребенка и с большим усилием заставила съесть 3 ложки смеси. Если так пойдет дальше, мне придется все же звонить Майклу, чтобы он ее кормил.

Я скучала по нему. Скучала по тому, как он улыбался, заходя в комнату, и как каждый раз целовал меня. Я любила проявления его нежности, и всю его нежность в целом. Спрашивая себя сотни раз за день, почему я не ушла, если знала, что так и будет, я понимала, что получаю то, что заслуживаю. Он не ценил меня, но ведь и я не ценила его. Я всегда выбирала свою работу, друзей и дочь Майклу. Он по сути стоял на последнем месте по причине того, что я дурацки верила, что мы так или иначе будем вместе из-за Эстель. Но правда в том, что мы никогда не сможем удержать человека ребенком. Мужчина или женщина могут любить пятерых не своих детей, если любят их отца или мать. Но могут и вовсе ничего не испытывать к своей крови. Так почему же люди столько лет сгорают, не смея получить того, чего заслуживают, надеясь, что их партнер изменится? Я думаю, что большая часть этой проблемы заключается в том, что многие люди даже понятия не имеют, что значит здоровые отношения, или как себя должен вести человек по отношению к своему партнеру.

Мне не хватало вещей, и так как теперь я жила на свои сбережения, мне нужно было экономить. Я бы в жизни не сказала Майклу или подругам о деньгах, пусть и голодала бы неделями. Так что сегодня мне нужно было забрать вещи, и, буду совсем откровенна, хотя бы взглянуть на Майкла. Не знаю, что со мной происходило, но лишь при одном упоминании о нем, мое сердце колотилось с бешеной скоростью.

Я сидела в машине возле дома, надеясь, что его нет, и все же надеясь, что он там. Знаю, что это бы ничего не изменило, но я боялась увидеть Майкла, и еще больше боялась не увидеть.

У меня все еще были ключи, и, открыв входную дверь, я учуяла запах дыма. Пройдя дальше по коридору, вошла в комнату, и мир вокруг исчез. Майкл сидел, курил сигарету и смотрел на экран ноутбука. Подойдя чуть ближе, я увидела фото, где мы стояли около роддома. Его лицо выглядело таким измученным, таким бледным, и глубокие круги под глазами говорили о бессонной ночи.

— Ты вернулась, — прошептал он.

Он сказал это скорее утверждая, нежели спрашивая. Глаза Майкла смотрели словно внутрь меня, и сейчас я впервые увидела глубину его чувств. Отрицательно покачивая головой, я подошла ближе.

— Нет, просто нужно забрать вещи.

Он хмыкнул, и я не сводила с него глаз. Сейчас человек, которого я считала непроницаемым, оказался зависимым и слабым от этой зависимости. Майкл потерял заднюю часть своей шеи, и я знала, что это знак о том, что он нуждается в отдыхе.

— Знаешь, Эс, я всегда думал, что ты сильнее меня. Что ты была рождена, чтобы сделать меня счастливым, а после разбить сердце. Я знал, что так будет после нашей второй встречи. Ты всегда уходила, когда становилась хоть немного счастливой. И это снова был подсчет, — засмеялся он. — Простейшая математика.

— Ты пьян, — сказала я, держа руки в карманах, безрезультатно пытаюсь унять дрожь. Ведь я была уверена, что он не вспоминал ни разу обо мне и даже не задумывался о моем уходе.

— Да, немного, — смотрел он затуманенным взглядом. — Как наша дочь?

— Хорошо, но ты ведь и сам можешь прийти и узнать.

— И смотреть на безразличие ее матери, из-за любви к которой я съезжаю с катушек? — крикнул он.

— Майкл...

— Сядь возле меня. Пожалуйста, — теперь было отчаянье. — Потом можешь уходить и не вспоминать обо мне, но сейчас просто сядь рядом. — Я сдалась и сделала, как он сказал, и в следующее мгновение он пересадил меня к себе на колени, сильно сжимая в объятьях. — Как я соскучился по тебе. Прости меня. Я так виноват перед тобой. Я люблю тебя, Стейси, я так сильно люблю тебя. Я люблю нашу дочь. Я люблю нашу семью. И мне не хватает вас.

Я молчала, совершенно не чувствуя злости, хоть и в глубине души у меня был шрам на полсердца. Я многое вынесла. Но уход от Майкла был одним из самых ужасных поступков, из-за которых я чувствовала боль. Я всегда знала, что ему меня одной будет мало, но все же я любила его.

— Живите тут с Эстель. Я уйду.

— Не надо тебе никуда идти и ничего искать. Это твой дом, и ты можешь жить тут.

— Пожалуйста, не уходи. Я просто испугался того, что чувствую, — я встала с его колен, не обращая внимания на слова Майкла. — У нас семья.

— Черт возьми, Майкл, нет у нас больше никакой семьи! — сорвался мой голос на крик.

— Я знал, что ты уйдешь. Ты всегда уходишь.

— Да, и теперь можешь трахаться до тошноты с той, кого никогда не полюбишь.

— Эс, — поднялся он с места, еле держась на ногах. — Ты...

— Нет, — не выдержала я, бросая первую попавшуюся вазу об стену. — Нет! Не смей мне говорить, что я всегда ухожу! Я осталась. Впервые в жизни я хотела остаться. Мне нужен человек, которому я смогу верить. Я всегда осознавала, что люди бросают слова на ветер и не сдерживают обещания. Но это не заслуживает моего уважение. А я хочу уважать человека, с которым буду жить.

Я поднялась на второй этаж и начала собирать самое необходимое. Свои вещи, вещи Эстель. И взяла фотографии. Они были мне нужны, пусть я буду чувствовать боль. Еще я захватила переносную коляску и ключи от дома моих родителей. Когда я спустилась вниз, Майкл снова держал в руках сигарету и не смотрел на меня.

— Я люблю тебя, — сказал он слишком тихо.

Я обернулась в дверях, и слезы бесстыдно потекли по моим щекам. Я не останавливала их и чувствовала боль. Я всегда любила ее рядом с Майклом, но только вот я не знала, что она может стать душевной, а не только физической.

— Разлюби.

Затем я вышла из дома и, забросив сумки в багажник, завела мотор и тронулась с места. Все снова вернулось на круги своя, и мои самостоятельность и одиночество снова были рядом. Если честно, мне не хватало этого. Майкл был в моей жизни слишком долго. Каждый день. Я привыкла быть сама по себе. Самостоятельно принимать решения и самой решать, что лучше для тех, кто меня окружает. Мне так проще. Я могу есть одна, работать одна, не общаться ни с кем неделями, и у меня обычно не было нужды в ком-нибудь рядом. До Майкла. Я скучаю по нему, и один бог знает, как это исправить.

Вселенная словно насмеялась надо мной. Несколько дней подряд я слышала комплименты от Виста, и все мои прошлые связи начали напоминать о себе. И чем больше кто-то находился возле меня, тем больше я завидовала людям, которые видели Майкла каждый день. Он виделся с Эстель, когда меня не было, и мы не просто ограничили общение. Мы искоренили его, как прогнившее дерево, и сделали вид, что яблоки на нем никогда не были вкусными. На самом деле я устала от внимания со стороны мужчин, которые теперь были мне просто противны, и пыталась даже не работать днем, чтобы не встречать Батлера. Раньше я придумывала себе дурацкие отговорки, мол это родители и смерть, которая следовала за мной по пятам. Но все чушь. Отпечаток остается, но следы со временем смываются. И причина всегда была проста — не цепляет. Не искрит. Не трогает. И это все. Да, это на самом деле больше, чем все. Не трогает, когда думаешь о человеке, и не хочется дотронуться к нему, когда стекает дождь по вашим лицам, и вы на улице без зонта, чувствуя себя удивительно счастливыми. И как есть мужчины, которые не любят женщину, будь она хоть королевой красоты, так теперь я поняла, что этот «диагноз» не имеет пола. Он может быть каким угодно, красавцем с потрясающим чувством юмора, но это никуда. Ноль. Если ты просто чувствуешь, что тебя не цепляет. Я не хочу тратить ни на кого свое время и душу. Да, даже на Майкла не хочу, ведь знаю, что мы все равно обречены. Но будь я проклята, если смогу когда-либо разлюбить его. Я пойду пешком на Северный Полюс, если это поможет ему, а ради других даже не встану со стула. Вот — это и есть любовь. Желание двигаться, куда угодно, лишь бы быть счастливыми

людьми под дождем без зонта.

Я сидела на работе и рассматривала фотографии. Батлер скинул на меня еще несколько дел, и на самом деле я не была против. Я занималась еще серийными убийствами ветеранов, и сама для себя порой выстреливала педофилов. После рождения Эстель моя жажда к их смерти набрала немыслимых оборотов, и я практически жила необходимостью защитить всех детей.

— Ты когда домой? — вошел Вист в мой кабинет.

— Еще нужно поработать, — отмахнулась я, даже не поднимая глаза.

Он сел напротив, и у меня просто не осталось выхода, так что я взглянула на него. Вист был умен, и он знал об этом. На самом деле он был слишком хорош, в том числе и внешне. Мужчина был высоким с черными как смоль волосами и глазами, которые смотрели внутрь всех, на кого он только бросал свой взор.

— Тебе нужен друг?

— Нет, — сцепила я зубы, чтобы не сказать лишнего. — Я не вижу смысла в разговорах, и ты знаешь об этом.

— Знаешь, ты не должна плакать, Эс. Если твой мужчина знает, что ты часто плачешь, то ты должна задать себе вопрос: кто он в конце концов, мужик или ебанный лук.

Я усмехнулась. На самом деле этот человек, несмотря на его работу и ее опыт, очень редко матерился. Он умел выразить все свои чувства взглядом и мог переубедить кого угодно, говоря монотонно и расслабленно.

— А знаешь, мне нужен друг.

Сев в машину, Вист тронулся с места, и я бросила быстрый взгляд на него, пытаюсь увидеть хоть что-то. Это было бесполезно, и рев двигателя отзывался во мне дрожью. Я помню, как впервые села рядом с Майклом, и он повез меня на трассу. Мы катались, и он проделывал Ворм-ап, словно прогревал покрышки перед великой гонкой. Господи, как я скучала по этому. По сумасшествию, которое чувствовала рядом с ним, и эмоциям, которые он позволял мне испытывать, не пытаюсь выкопать из моей души то, что лежит там столько лет.

Мы поехали в бар под названием «Апартаменты Кемпбелла», который назван в честь одного из самых известных людей в период сухого закона. Этот бар до сих пор называют секретным, так как именно Джон Уильямс Кемпбелл в расцвет Сухого закона устроил в этом месте офис, превращавшийся ночью в закрытый клуб «для своих». Сейчас в подобные места, наверное, идут за тем, чтобы не просто пропустить по стаканчику, но и выпить весело, с выдумкой. Ведь даже найти один из таких баров бывает непросто. Вместо входных дверей в подобных заведениях раздвижные стены, телефонные будки, зеркала, старые игровые автоматы. Это все — часть развлечения, предшествующая распитию спиртного. Плюс — нужно зарезервировать место заранее, знать пароль, а потом, как правило, еще и подождать в очереди. Но наши значки давали нам возможности, которые забирали из нашей жизни последних два пункта.

Батлер пропускает меня вперед, и я ступаю внутрь. Мы вошли через центральный вход в вокзал и, повернув направо, поднялись по лестнице на третий этаж. Большинство выбирали лифт, но с Батлером мы больше доверяли своим ногам. Меня так и подмывало выйти обратно, чтобы убедиться, что я все еще в реальном мире. Создается впечатление, словно я очутилась в Нарнии, только без Аслана в этот раз.

Мы сделали заказ на пиво и мясную тарелку, к которой никто из нас в конечном итоге даже не притронулся. Вист закурил сигару, и какое-то время мы сидели молча. Меня это полностью устраивало и не создавало никакой неловкости.

— Может, поделишься мыслями?

— Нет, — ответила я, делая глоток пива. — Все, что мне нужно — это моя идеальная работа, как я уже поняла, и человек, который...

— Заменит отца Эстель? — перебил меня Вист.

— Такого человека просто не существует. Никто и никогда не сможет заменить Майкла для Эстель, — сказала я

и промолчала, что и для меня.

С ее рождением он изменился. Порой мне не хватало его прошлой необузданности, силы, дикости и опасности. Чтобы придя домой внезапно, он обнял меня так, что перехватило дух, а затем мы не вставали с кровати еще двое суток и вышли бы из дома лишь потому, что у нас закончился гель для душа и еда. Чтобы его глаза горели огнем силы и страсти. Но я все говорю, что он изменился, но ведь и я стала другой. Я стала более спокойной и все сильнее дразнила и провоцировала его, подливая масло в огонь. Мне нравилось, когда все было опасно. Когда каждый шаг мы не могли предвидеть. Мне не нужен домашний тюфяк, ведь он вызывает скорее жалость и презрение. Соответственно и уважать его тоже невозможно.

Я раздумывала о «высокой морали» своей «низкой жизни», как вдруг мое внимание привлек мужчина. Что он, черт возьми, тут делает? Я увидела Майкла в компании какой-то девицы, и это была пощечина. Видеть его в компании с другой напряжно. Она красивая. Слишком красивая блондинка прижимается к нему и кладет свою руку ему на грудь, тем самым завладевая его вниманием. Меня поражает насколько сильная вспышка ревности, проходящая сквозь мое тело, и мне понадобилось какое-то время, чтобы понять, что я беспокоюсь сжимаю и разжимаю руки в кулаки.

Вист повернулся и после несколько раз перевел взгляд с меня на Майкла, все понимая. А я лишь наблюдала за человеком, которого хотела убить и поцеловать. Я знала, что значит каждое его движение, и понимала, что сейчас, когда его руки в карманах, это верный знак того, что пора сменить тему. О чем бы сейчас эта кукла не говорила, Майкл не хотел отвечать, и я даже усмехнулась. И спустя несколько минут поняла, что он хочет уходить. Его ноги были направлены в сторону выхода, и он сканировал помещение взглядом, пока не остановился на мне. Его желваки заходили, и я также заметила, что руки сжались в кулаки, находясь все еще в карманах.

Затем я наблюдала за тем, как Майкл вытащил руки из карманов и взялся за собственный ремень, устремив взгляд прямо на меня. Он сейчас думал о сексе. Это я тоже знала, и я сжала ноги до боли, чтобы хоть на мгновение успокоиться.

Его красивые глаза излучали блеск даже на расстоянии. И когда он начал подходить ко мне, в его взгляде я читала одиночество и тоску. Словно он знал, что не сможет получить чего-то, чего искренне желает. На самом деле глаза Майкла для меня излучали невероятную доброту, но, наверное, это замечала лишь я.

— Стейси, — подошел он к столу, держа все еще одну руку в кармане, выглядя при этом расслабленно. — Надо же, кто это с тобой?

— Это мой шеф, — ответила я, смотря прямо на стену.

— То есть головорез, который научил тебя быть головорезом?

— Вы забываетесь, — зарычал Вист.

— А это беззаботная женщина, которой необходим был перерыв со мной, поэтому сейчас она тут.

— А ты мужчина, отягощенный обязательствами, — поднялась я с места, смотря прямо на него. — Потрясающее путешествие, красивый исход которого совершенно невозможен.

— Поэтому настолько и потрясающий, — притянул меня к себе за талию Майкл. — Чувствуешь себя лучше?

— Незначительно, — сказала я одними губами. — Чего тебе надо?

Его пальцы обжигали мое тело, и я чувствовала такой жар, который словно сжал в тиски каждую клетку. Несомненно, мне не помешали бы сейчас несколько минут под ледяной водой, чтобы прийти в себя. Но все же я не стала бы смывать даже толику его запаха с кожи. Его аромат был невероятно эротичный, и до Майкла я не ощущала ничего подобного.

Я закрыла глаза, и каждый дюйм моего тела ожил. Как я ненавидела себя за эти животные инстинкты. Но контролировать я их не могла — как, похоже, и Майкл. Я ждала поцелуя, но обманулась. Его губы скользнули к уху.

— Я хочу связать тебя и закрыть твой рот кляпом, — зарычал он мне на ухо. — Я трахал бы тебя сзади, не позволяя кончить, а потом, когда ты была бы на грани срыва, я сделал бы то, чего ты так сильно желаешь.

— Отвали от нее, — оттолкнул Вист Майкла. — И перестань...

— Батлер! — вскрикнула я, задыхаясь. — Пошли.

Когда он обдавал томным дыханием мое ухо и сжимал мою талию, я знала, что он сказал абсолютную правду. Знала, что Майкл сделал бы это, и понимала, что я так сильно хотела этого. И в это мгновение я почувствовала себя слишком неудовлетворенной.

— Ты понимаешь, что вы ведете себя, как...

— Как кто? — вышли мы на улицу, и прервала я злость Виста. — И не для протокола, — махнула я таксисту. — Это не твое дело.

Придя домой, я сразу направилась в спальню. Все мое тело чесалось, и мне хотелось содрать с себя кожу живьем. Чертовы нервы. Я теперь все чаще замечала это за собой, и порой не могла успокоиться часами. Приоткрыв дверь, я услышала разговор Оливии и Донны.

— Ты слишком много учишься, Лив, — слышала я улыбку в голосе подруге. — Оторвись. В конце концов, можешь ограбить в банк или хотя бы проиграть семейное состояние в казино.

— Очень смешно, мам, — ответила ей дочь. — Но я думаю, что лучше будет просто ходить в обычную школу, чтобы уметь общаться с людьми моего возраста.

Они начали напевать какую-то песню, и я улыбалась этому. Меня накрывало волной облегчения, хоть я и понимала, что так не может продолжаться. Я не могу скидывать своего ребенка на подругу и жить от работы до работы, чтобы забыться.

На мой телефон поступило уведомление от Майкла, и я снова невольно сжалась от необходимости оказаться рядом с ним.

«Почему я не могу отпустить тебя?»

— Потому же, почему и я не могу, — сказала я тихо, но так ничего и не отписала.

«Уважай себя настолько, чтобы не отдавать всех сил души и сердца тому, кому они не нужны и в ком это вызвало бы только пренебрежение». Шарлотты Бронте.

Глава 9

Я собиралась на работу и ждала Майкла, который должен был забрать Эстель. Я не знаю, что делала не так, но этот ребенок просто с ума сходил по своему отцу, и она практически не ела без него. Меня это злило и на самом деле еще больше разочаровывало. Я не понимала, почему она не смеется так часто со мной, как делает это с Майклом, и почему обыкновенный завтрак для них двоих был каким-то секретным ритуалом.

В дверь позвонили, и я как раз обувала вторую туфлю. Открыв дверь, я молча качнула головой Майклу в знак приветствия, и он, ответив «привет» направился к Эстель, которая держала в руках одну из своих игрушек. Как только он взял ее на руки, она начала выдавать разные звуки и улыбаться. Дочь смеялась лишь от того, что Майкл держал ее и целовал в пухлое личико. Черт, этот человек всегда знал, как о ней заботиться, и гораздо лучше справлялся с «обязанностями мамы», чем я.

Кто-то сказал: «Быть женщиной очень трудно, потому что в основном приходится иметь дело с мужчинами». На самом деле Майкла Вудса невозможно было назвать уродом, как бы не старался, во всех смыслах этого слова. Особенно, если учесть мнение самого Майкла, которое разумеется было несколько предвзятым. Он был слишком привлекательным мужчиной и знал об этом. Черные волосы, мужественные черты лица, рот, осанка и очарование, которое дано было ему от природы. И если добавить еще и костюм, который мог приобрести очень небольшой круг людей, в итоге каждая женщина, которая не любила своего мужа и не была лесбиянкой, становилась одной из его воздыхательниц.

— Ты что-то хочешь мне сказать?

— Не надо, Майкл, — перебила я его. — Правда. Я слишком понимающий человек, и у нас у обоих нет на это времени. Ты знаешь, кто я, и ты знаешь, что мое место не на кухне.

— Да, и из-за этого ты стала слишком понимающим человеком, — прижал он сильнее к себе ребенка. — Ты принимаешь любую информацию, какой бы дерьмовой она не была.

— Да, — вздохнула я, смотря ему в глаза. — Тебе просто надо было быть со мной честным.

— Ты очень красива, Эс, — улыбнулся он, смотря на меня с тоской.

Я уловила эту эмоцию в его глазах, но лишь на мгновение, а затем его взгляд снова стал непроницаемым. Я так скучала по нему, что порой задумывалась над тем, что держало меня на плаву на самом деле. Мы думаем, что знаем того, кого любим, но на самом деле у каждого есть свои секреты, и с каждой попыткой узнать их оказывается еще больше. Но у меня есть гораздо больше, чем у многих. У меня есть ребенок, а в жизни нет большего счастья, чем быть родителем.

— Ты путаешь красоту и хороший макияж.

Я начала собирать сумку, запихнув туда ноутбук и бумаги, которые необходимо было взять с собой. Майкл долгое время ничего не отвечал, и я уже думала, что, может быть, он ушел, не попрощавшись, пока не повернулась и не наткнулась на его сильное тело и синеву глаз, которая проникала в самое сердце. Мгновенно мой взгляд нашел нашего ребенка и снова вернулся к нему.

— Я наломал дров, Эс, — смотрел он мне на меня с необходимостью поверить ему. — Ты дорога многим, и я понимаю, что мне нужно отпустить тебя. Не забирай у меня Эстель, — я качнула головой, и мою грудь сжало от странных эмоций. — Береги себя, Эс.

— И ты, — сказала я тихо.

Майкл осторожно наклонился ко мне, словно боясь спугнуть, и когда я не отступила, он припал поцелуем к моим губам. Я положила руки ему на грудь, и он притянул меня к себе. От Майкла пахло свежестью и лосьоном после бритья. Все его тело было напряжено и сжато, как пружина. Все произошло так быстро, что я даже не успела опомниться, и это каждый раз преследовало меня, когда я была рядом с ним. Вот-вот я собиралась на работу и должна была целых два дня провести без Эстель, и вдруг — раз — и очутилась в его объятиях. Одна рука Майкла легла мне на шею, а вторая обхватила талию и, казалось, намертво впечатала меня в его тело. Его твердость уперлась мне в живот, и я прервала поцелуй, делая шаг назад.

— Не злись на меня, Эс, — слышала я и разочарование, и злость в его голосе. — Это глупо. Ты не можешь злиться на меня за то, что я не могу контролировать.

— Я злюсь не на тебя, — направились я к Эстель, пытаюсь сбежать. — Я злюсь на себя. — Поцеловала я ее в носик и щеки. — Я люблю тебя, малыш. Звони, мне если что-то не так или если нужно будет... — прервалась я на мгновение. — Что угодно, Майкл. Я приеду.

Он перевел взгляд с моего лица на ноги, а затем скользнул повыше — к шее. Затем его взгляд остановился на моих губах, и я страшно захотела, чтобы он их поцеловал. Прямо тут и сейчас, когда у нас столько недосказанностей и никакого нахрен будущего, но я так хочу постоянно целовать его. Черт, я словно не взрослая женщина, а какой-то влюбленный подросток. Майкл Вудс был экспертом по части поцелуев. Его губы были твердыми, но при этом восхитительно нежными. Он не шел напролом, но ясно давал понять, что хочет и всегда готов был к продолжению.

Когда я снова вернула свой взор к его лицу, оно уже было непроницаемым. Он взял на руки Эстель и сумку с ее вещами, и через несколько минут, я уже смотрела в зеркало заднего вида за их отъездом, находясь в машине. Потом положила голову на руль и вздохнула. Фрейд говорил, что у каждого человека есть желания, которые он не рассказывает другим, но есть и желание, в которых он не признается даже самому себе. Все было так сложно. Я любила смотреть в его глаза. Подолгу. Часами. Я подпускала Майкла к себе, и более того, мне нравилось это делать. В его глазах я всегда видела человека, который хотел быть героем для кого-то, но попросту боялся, а он в моих — маленькую девочку, которая не подпускала к себе никого так близко, как его.

Джозеф Конрад сказал: «Вера в сверхъестественный источник зла не нужна. Люди сами вполне способны совершить любое зло».

Сидя в своем кабинете, я смотрела на фотографию, которая не давала мне покоя. Все, кроме одного ветерана, были убиты, при чем зарезаны охотничьим ножом. Мужчина, который был последним, ничем не отличался от остальных по сути, но в этом и был парадокс — все убийцы в своем большинстве нормальны. Они выглядят как мы. Мужчина или женщина, или даже еще ребенок. У них не всегда есть ненависть или холод в глазах, и чаще всего у них обворожительная улыбка.

Судя по следам ленты на глазах, убийца закрывал их своим жертвам, значит ему было стыдно. Внешне он должен быть неприметен, и я уверена, что он психопат, а не психотик. Психиатрический анализ указывает на паранойю, возможно, из-за травмы детства или смерти близкого человека. Убийство дает ему чувство силы, поэтому я смогу найти только то, что он захочет, чтобы я нашла. Такие как он, чаще всего внедряются в органы правопорядка, чтобы контролировать ситуацию. Черт, как я сразу не догадалась. Его уже допрашивали и это главная зацепка.

Емерсон сказал: «Все загадка. И ключ к загадке — другая загадка».

Так же я открыла папку с делом Виста. Там были фото с пожарами, и у него уже были подозреваемые. Мотивы по своей сути очень просты, и по своей системе все сводится к наслаждению. Вист не мог понять, почему он поджог именно последнюю комнату на втором этаже. Я взяла ключи и направились на автостоянку, чтобы поехать на место преступления. Стоя на этаже жилого дома я смотрела на коричневые двери. Методы — разные, но питается он страхом.

— Что ты думаешь? — услышала я голос Виста.

— Откуда ты узнал?

— Ты открыла мою папку, — стал он рядом. — Ты всегда берешь мои дела, когда свои не складываются.

— Твой подозреваемый...

— Не он, — перебил меня Вист, и мы направились к выходу. — Я допросил его, и он отвечал с юмором, но серьезно. Его хобби не взрывы.

— Опять тупик, — выругалась я. — Ты пытался сложить бомбу?

— Да, но мне не хватает деталей, — показал он мне фото на телефоне.

Я посмотрела на фото и сделала вид, что понимаю его. У меня был подозреваемый, и, более того, я была уверена, что права. Получив несколько месяцев назад анализ из лаборатории по делу, в котором был замешан муж Долорес, я знала, что только он использует смесь нитрата аммиака, хлористый калий и порошок алюминия.

Я направилась в свою машину, но не стала заводить. Я не могла допустить, чтобы он появился в жизни Долорес. Снова. Учитывая, скольких людей я потеряла, мои друзья — это моя семья. И я защищу их любой ценой, даже если придется убить самого родного человека для одной из них. Телефон зазвонил, и на экране появился незнакомый номер. Я сняла трубку и почувствовала влажные ладони. Интуиция подсказывала мне, что он знает. Он знал, что я иду за ним, и я знала, что он сделает следующий шаг.

— Знаешь, реанимация помогает лишь в 7% случаев. И ты боролась, даже когда все перестали. Даже когда твоё сердце было в крови твоей матери.

Я сделала несколько вдохов и слушала голос Джейса, который был острым и холодным, как нож.

— Ты знаешь, что я слежу за тобой, и знаешь, что, если об этом узнает Долорес, она никогда не примет тебя, и это причинит тебе самую страшную боль, Джейс. Что бы ты ни говорил, все, что ты делаешь, это ради нее, — отвечала я спокойно. — Сначала, возможно, чтобы защитить, а потом, потому что тебе понравилось. Ты считаешь, что делаешь все в её имя, только правда в том, что ей плевать.

— Заткнись, — крикнул он. — Думаешь, я не выдержу?

— О, думаю выдержишь. Но нельзя быть одновременно двумя людьми.

— Не рискуй, Стейси Фостер. У тебя есть дочь, и она еще слишком мала.

Я бросила трубку, и как только собиралась свернуть и поехать к Майклу, зазвонил мой телефон, и я увидела имя Долорес на экране. Я сделала несколько вдохов и выдохов, чтобы успокоиться.

— Приезжай ко мне, — всего лишь сказала она. — Срочно.

Я уже была готова к крикам и ненависти с ее стороны, но она встретила меня с бокалом вина, и я уловила аромат духов Евы. Да, тут определенно был девичник, и совсем никакой драмы, как я себе представляла.

— Внутри тебя мой ребенок, — услышала я голос Адама.

— Непривычно? — засмеялась Донна.

— Да. Он шевельнулся. Ребенок шевельнулся.

— Дай мне руку.

— Ты уверена? — осторожно сделал он, как сказала его невеста.

— Он пока что не кусается.

— Боже, это невероятно.

Адам смотрел на нее с обожанием, и, встав в дверях, я увидела всех членов семьи. Я увидела свою дочь, и она, словно почувствовав меня, сказала «мама». Все радовались и праздновали, и, просканировав помещение, я поняла, что Адам и Донна поженились. Боже, они поженились, а я и не знала. Эмили также беременна, а я ни разу ей не перезвонила. Мой ребенок, моя дочь, ждёт отца, который, несмотря на свои недостатки, был лучшим отцом, которого можно желать. А я была лишь агентом ФБР, ужасной семьей и матерью. Боже, я настолько заиклена на мире криминалистики, что теряю собственную жизнь.

— Ну здравствуйте, мисс Фостер, — сказала Эбби. — Не ожидали?

— Я поздравляю вас, — подошла я к Донне и Адаму, обнимая их. — Поздравляю дважды.

— Спасибо, — ответили они в унисон. — Рада, что ты тут.

Затем я подошла к своей дочери и сильно сжала в объятьях. Мой ребенок. Боже, как она пахла. Ее вещи пахли такой нежностью и любовью. Она положила ручки мне на грудь, и я поцеловала их. Как я ее любила. Кто-то сказал, что нас может многое изменить, но наше начало и конец в семье. Только теперь я начала понимать, во скольких вещах я виновата, и что за все наши грехи страдают наши дети. Я больше не верила, что все случается по воли судьбы. Ничего не происходит просто так. Все — наш выбор. Точнее, неправильный выбор.

— Привет, моя радость, — целовала я ее личико. — Ты так подросла.

— Ты не видела ее всего день, — сказал Майкл.

— Но она все равно подросла.

Я смотрела на свою семью и понимала, что день ото дня я снова возвращаюсь в пропасть. Меня словно засасывает, и я чувствую страх. Да, всю жизнь я чувствовала злость, ненависть, обиду, презрение и жажду жить, а теперь все, что поглощает меня — страх. И он поглощает меня без остатка. И даже, когда я отключаю голову, чтобы просто почувствовать, то чувствую себя лишь идиотом, и ничего не выходит за границы этого.

— Теперь футбол будет лишь в следующем году, — сказал Майкл. — И я снова буду проводить время с Эс.

Я посмотрела на него, и все засмеялась.

— Я что-то не то сказал?

— Не важно, — все еще смеялся Адам. — Просто извинись и скажи, что тебе жаль.

— А потом помой посуду, — добавил Брайан, целуя Эмили в висок.

— Вы знаете, что я люблю вас всех, — сделала я безразличный вид. — Но прямо сейчас мне хочется любить вас издалека и на огромном расстоянии.

— Тяжелый день? — сочувственно спросила Эмили.

— Тяжелая жизнь.

Расслабиться у меня так и не вышло, но я была первоклассным лгуном и притворщиком, так что сделала то, что умела лучше всего — играла роль. Никто ничего не замечал, или все просто устали пытаться спасти меня от самой себя. Я понимала их. Я бы тоже устала и, честно, уже не хотела, чтобы меня спасали. Хотела лишь, чтобы помогли моему ребенку, и это сделает меня счастливой, несмотря на все остальное. Может, просто пора сосредоточиться на том, что можно изменить? Остальное встанет на свои места. Или если нет, можно сделать вид сумасшедшего, и многое уладится само собой.

— Ты будешь пить?

— Да, — ответила я Еве. — У меня нет молока, и я не кормлю.

— Эс...

— Я в порядке, Ева. Просто такое бывает.

— Знаешь, все изменилось.

— Что ты имеешь в виду? — нахмурилась я.

— Просто раньше мы защищали друг друга и отмечали праздники. А теперь мы тоже защищаем, но всегда при этом причиняя друг другу боль. — Я видела ее разочарование, и это было неприятно, учитывая весь такт этой женщины. — Каждый хочет знать, что он кому-то важен. А мы перестали испытывать это по отношению друг к другу.

«Все дело в мгновении. Оно определяет жизнь». Франц Кафка.

Это был обычный ужин, ничем не отличающийся. Донна и Адам давно были женаты, пусть и не на земле. У них было трое детей, и они ожидали четвёртого малыша. И вся их жизнь не крутилась вокруг убийств и прошлого. И я задавалась вопросом, как они смогли?

Иногда ты просто хочешь сфотографировать момент. Сфотографировать при свете дня и выслать. И хочешь, чтобы кто-то этого ждал. Но не ночью. Ночью все по-настоящему. Лишено цензуры и дневной искусственности. Но потом, когда ты видишь фото, где все настолько по-настоящему, не хочешь больше на них смотреть. Хочешь жизни и всей фотопленки наяву. Ты уже не можешь спать один, и вся жизнь в том, чтобы другой не был против.

Вскоре, мужчины пошли курить сигары, а я отправилась на кухню, чтобы приготовить смесь и покормить ребёнка. Я почувствовала присутствие еще одного человека, и это был не Майкл.

— Ты в порядке? — спросила Долорес.

— А ты? — повернулась я к ней.

— Я думаю о нем так часто, что ты даже представить не можешь, — грустно улыбнулась она. — И я знаю, что ты иногда говоришь с ним, и ты видела его, в отличии от меня. Но я не делаю этого и держу свои эмоции под столькими замками, что уже сомневаюсь, бьется ли моё сердце на самом деле, — подходила она ко мне все ближе, и я видела, что подруга на пределе. — Я записалась на тренировки.

— Какие?

— Учусь защищаться. Мыслить по-другому и...

— Убивать, — сказала я жестко. — Это не поможет тебе, Долорес. Боль не дает ничего, кроме боли, и...

— Не воспитывай меня, Эс, — перебила она меня. — Каждый справляется, как умеет, и я справляюсь так.

Долорес замолчала, и мы смотрели друг на друга несколько секунд, не отводя взгляд. Затем я сделала еще несколько шагов к ней на встречу и обняла. Долорес несколько секунд была все еще напряжена, а затем ответила на объятия, и я почувствовала капли слез на своих плечах.

— Просто бывают моменты, когда мне абсолютно безразлично, ошибаюсь я или нет, — прошептала она тихо. — Я хочу наконец-то успокоиться, но не могу.

— А меня пугает мое резкое безразличие к людям, — отклонилась я, держа ее за плечи. — Но ты не причиняешь боль другим, и это более важная часть тебя, чем гипотетический домысел ошибки.

— Знаешь, Эс, — вытерла она щеки, мокрые от слез. — То, что ты не осознаешь, какой ты на самом деле замечательный человек, одна из вещей, которые я люблю в тебе. Пусть ты и выглядишь почему-то несчастной.

— Потому, что я несчастна, — ответила я, и во взгляде Долорес появилось понимание. — И дело всегда не в других людях, а именно во мне. Я пытаюсь делать все правильно, но все равно в конце терплю поражение.

— Мне нужно вам кое-что сказать, — услышали мы Еву.

— Что произошло? — спросила Эбби.

— Кажется, у меня есть чувства к твоему брату.

— О боже, нет, — не подумав ответила она, и я услышала смешки Донны и Эмили. — В смысле, как интересно. Хочешь поговорить?

— Она хочет спросить, что ей делать, Эбс. Она не хочет портить с ним дружбу, и это так похоже на Еву, — поставила я бутылочку в холодную воду. — В отличии от меня. Я всегда все порчу, даже дружбу. И нашу пытаюсь с тех пор, как мы познакомились.

Все засмеялись, и я взглянула на Еву. Она боялась того, что чувствовала, и боялась все испортить. Я думаю, что Ева на самом деле никогда ничего серьезного ни к кому не испытывала, и когда это наконец-то произошло, она боится, что может все потерять. Так странно. Каждый из нас воевал за все, кроме мужчин, которые могли бы стать важными.

— Когда вы проводили время вместе?

— Несколько дней назад, — улыбнулась она. — Вы очень разные.

— Я люблю своего брата, — вздохнула Эбс. — Но дело в том, что он одиночка. Да, он душа компании, но если ему вдруг станет скучно, он встанет и уйдет. Джаспер никогда не будет извиняться и просто испарится очередной раз, когда снова поймет, что он не на своем месте. В мире просто нет женщины, которая смогла бы остановить его. Он ненавидит Нью-Йорк, и каждый, кто с ним общается, проигрывает вербально.

— Кроме тебя, — усмехнулась Эм. — И, по-моему, ты недооцениваешь своего брата. Мне кажется, он потрясающий. Он умный, веселый, добрый, харизматичный...

— И влюблен в тебя, — перебила его Эбби. — Эм, это видят все, кроме тебя. Мой брат глаз не сводит с тебя с тех самых пор, как вы познакомились. И приносил он кофе тебе лишь потому, что ему было не все равно. Ты была для него не просто другом, а женщиной, которую он хотел видеть рядом.

Все смотрели с удивлением и изумлением, и я видела, что Ева была не в своей тарелке. Да. Обычно так и бывает. Ты можешь уходить от отношений, и встречать моральных уродов без чувства юмора и мозга. И все они будут без ума от тебя, считая центром своего мировоззрения. Но как только нам встречается что-нибудь стоящее, оказывается, что у него уже вся жизнь за плечами, и в лучшем случае, просто ребенок от другой. Потому что гораздо хуже быть влюбленным в Эмили Прайсон.

— Я знала об этом, — прошептала Эм. — Просто думала, что, если это игнорировать, все пройдет.

— Так вот оно никуда не ушло, — открыла холодильник Эбс. — Боже, я поправилась на 5 фунтов за 2 недели. Если так и дальше пойдет, я рожу головореза.

— Как ты? — спросила Ева, явно скрывая свои эмоции.

— Я одинокая тридцатилетняя женщина, которая беременна, и не знает, что чувствует. С одной стороны, я не желаю своему ребенку такого детства, как у меня с братом, но с другой — я перестану быть одинокой.

— Ты не одинока, Эбс, — вмешалась Долорес.

— Одинока. Все мы одиноки, пока у нас не будет ребенка или хотя бы мужа. Как бы вы не любили меня, вы не будете ждать после тяжелого рабочего дня. И как бы я не любила вас и не хотела вашего счастья, ваша улыбка по-настоящему не делает мой день.

— Эстель — лучшее что случилось со мной, — наконец заговорила я, сглотнув ком в горле. — И я люблю ее так сильно. Но все вы знаете о Джейсе, — избегала я смотреть Долорес в глаза. — Он убил нескольких ветеранов и угрожал моей дочери, если я и дальше буду лезть в это дело, — подняла я наконец глаза, останавливаясь на каждой подруге на мгновение. — А я буду в него лезть, так что хочу, чтобы вы уехали. Уехали вместе со своими животами и мужьями, забирая моего ребенка подальше отсюда, пока все это не закончится.

— Я не дам убить его тебе, — сказала Долорес ледяным голосом. — Я не дам тебе этого сделать.

— Долорес, он погубил множество жизней, — в непонимании смотрела на подругу Донна. — Ты ведь понимаешь это.

— Мне плевать. Все могут исправиться, и я помогу ему это сделать.

Я не стала ей говорить, что жажду убийства невозможно искоренить. В конце концов, ей и так слишком больно.

— Чего ты хочешь, Эс? — спросила Эмили. — Мы умеем за себя постоять.

— Да, но вы трое беременны. И кроме того, мне нужно, чтобы вы забрали мою дочь, — сказала я шепотом последние слова. — Я не хочу, чтобы...

— Ты думаешь, Джейс бы тронул кого-то из нас? — повысила голос Долорес.

— Слушай, Долорес, я люблю тебя, — вздохнула я. — Ты его не знаешь. Просто он уже не тот, кого ты помнишь, и я не позволю ему зацепить кого-то из вас, а тем более, моего ребёнка.

— Мы сделаем это, — сказала Эмили громче, чем нужно было. — Мы сделаем так, как ты нас просишь, и заберем Эстель.

— Я никуда не поеду, — возразила Долорес. — Если вы хоть немного...

— Заткнись, — удивила меня Ева. — Правда. Ты любишь призрака, который убивает других людей. Как ты можешь вообще что-то чувствовать к нему, кроме омерзения?

— Просто он каждую ночь снится мне, — заплакала она, сев на пол. — Каждую ночь я вижу его лицо.

— И что ты видишь в своём сне? Что он говорит тебе? — спросила я.

— Не важно, но я не хочу просыпаться.

Чтобы вдохновить женщину, требуется делать то, что она внутренне желает. Чтобы вдохновить мужчину — интересно проживать свою жизнь и благоприятно влиять на жизни других людей. Энергия и амбиции влияют на людей, и они всегда следуют за своими увлечениями. По словам Долорес, Джейс заставлял ее чувствовать себя красивой, и она на самом деле стала красивой. Он не просто говорил ей это, но и смотрел и прикасался к ней так, что у нее не было поводов усомниться в этом хотя бы на секунду. Замечал любые изменения во внешнем виде, и даже в улыбке. Так странно. Раньше я всегда пыталась нравиться Майклу. Я следила за своим внешним видом и не позволяла увидеть ему меня в спортивных штанах. Но лишь со временем ты начинаешь понимать, что на самом деле внешний вид совсем не гарантия симпатии, счастья и тем более любви. Долорес знала, что совершенно не важно, в спортивных штанах она или в вечернем платье. Он просто любил ее, и все, что было связано с ней в тот момент. Когда она появлялась, все было прекрасным.

Она чувствовала, что и она, и ее сердце в безопасности, и мне всегда было интересно, как это. Как это — признаться кому-то, что, несмотря на свою слабость, ты чувствуешь защищенность. Я поняла, что не важно, насколько мужчина привлекателен, веселый или сколько денег зарабатывает. Если женщина рядом с ним не может спокойно спать ночью, то когда-нибудь все, что вы построили, развалится к чертям.

И конечно, в каждом отношении есть проблемы. Но когда появляется недоверие, не поможет ни чтение мыслей, ни умение видеть желание по глазам о новой выставке, ни даже умение решать все проблемы. Все заключается в мелочах до тех пор, пока есть доверие.

Перед тем как уйти, я решила поговорить с Майклом. Он имел право знать, и я так же отчаянно хотела защитить его, как и других. Может, даже больше, если быть совсем откровенной. Мы оба были ранены, и хоть я и не знала, что произошло с ним, но каким-то странным образом мы оба излечивали друг друга.

— Майкл, — вошла я в гостиную. — Можно тебя на минуту?

— Да, — направился он ко мне, и мы вышли на балкон, закрыв за собой дверь.

— Знаешь, отчасти я рада, что не общаюсь с некоторыми людьми, и я говорила, что вернулся Джейс.

— Эс...

— Нужно, чтобы ты уехал и увез ее, — почувствовала я невыносимой холод. — Пожалуйста, просто увези нашу дочь.

Я сжала руки в кулаки, и Майкл прижал меня к себе за плечи, смотря в глаза. Я не знаю, увидел ли он правду, но как только я оказалась в его объятиях — заплакала. Действительно зарыдала, держась за него, как за

воздух. Я устала все время воевать и выживать. Я бы хотела жить обычной жизнью, воспитывать дочь и иметь обычную работу, которая не отбирала бы у меня собственную жизнь.

— Пожалуйста, Майкл, — взяла я в ладони его лицо. — Увези её, иначе я просто не смогу никому помочь, защищая вас.

— Почему он это делает? — снова прижал он меня к себе. — Ты говорила с ним?

— Да, говорила, и да, у меня есть догадки. Но дело в том, что модели поведения никогда не бывают одинаковыми, как и мотивы.

— Ты не думала, что у вас есть предатель?

— Нет, — отклонилась я. — Но знаешь, работая в ФБР, я поняла, что они лучшие в мире лгуны.

— Нужно отправить нашего ребенка подальше и сделать то, что нужно.

— Нет, Майкл. Нужно, чтобы ты также уехал.

— Нет, Эс, — взялся он за поручни балкона. — Я никогда не оставлю тебя.

— Учитывая выдержку, умение выживать и стрелять, из нашей семьи я могу доверять лишь Адаму и Брайану. Но дело в том, — повернулась я, смотря на город. — Что их жены сейчас беременны. Следовательно, я могу верить лишь себе.

— У нас тоже есть дочь, — повысил он голос. — Я не могу....

— Можешь, — перебила я его. — Можешь и сделаешь. Потому что так будет лучше, и ты это знаешь.

— Эс...

— Пообещай мне кое-что, — взглянула я на него буквально на мгновение. — Пообещай, ладно?

— Что ты хочешь?

— Если со мной что-нибудь случится...

— Блять...

— Если со мной что-нибудь случится, — продолжила я, заметив боль в его глазах. — Говори ей, что я любила ее. Я любила ее больше всего на свете. И не делай такое лицо, — провела я ладонью по его щеке. — Это моя работа, и люди умирают каждый день. Я не хочу, чтобы она знала об этой моей стороне, и хочу, чтобы она росла с женщиной. Хорошей женщиной, и пусть она будет в безопасности.

— Черт, — выругался он, стукнув кулаком по перилам. — У тебя вообще есть моральные ценности?

— Нет. Я же отдаю свою дочь.

— О твоём материнском инстинкте я не спрашиваю, — схватил он меня за руку. — Мне интересно, ценила ли ты хоть что-то в этом мире, кроме своей работы и эго, обретенного на ней?

— Я не помню, Майкл, — забрала я руку. — Я уже не помню, какой была. Рядом с тобой я отдыхала душевно и разрешала себе быть просто женщиной. Но это неправильно. Я привыкла к работе, и она не сможет без меня.

— Такого не будет, — услышала я голос Брайана. — Если ты хочешь, чтобы Эмили отпустила меня, уехав из этой страны, она не оставит тебя без нашей защиты.

— Брайан, ты знаешь, я ни за что...

— Знает, — добавил Адам. — И мы можем сделать все это вместе.

— Долорес, детишки, — хмыкнула я. — Пусть она ненавидит лишь меня.

— Ты его посадишь, Эс, — смотрел на меня Майкл. — Она не будет ненавидеть тебя.

— Ты забыл одну деталь, Майкл. Я не умею сажать, и, если мне придется нажать на курок и убить того, кого больше всего на свете любит Долорес, я сделаю это. И пусть она будет ненавидеть меня, но я сделаю все ради ее защиты.

— В этом вся ты, Эс, — обнял меня за плечи Адам. — Твоя любовь, как и ненависть, всегда в десятикратном размере возвращается. И все, что связано с тобой, всегда чересчур.

Майкл ударил кулаком об бетонную стену, и я знала, что говорить ему что-либо бессмысленно. Будь я на его месте, я бы реагировала так же, и это всегда трудно принять, если вообще возможно. Я не хочу умирать и совру, если скажу, что не боюсь смерти, но в конце концов я просто хочу быть готовой.

— Держи себя в руках, — сказал Брайан.

— Не говори мне, что делать, — не сдерживал Майкл свою злость. — Я всю жизнь пытался не быть, как ты. И все равно оказался в заднице. Ты стреляешь, как серийный убийца, — теперь говорил он мне. — Вычисляешь и смотришь на трупы, как на картины Боттичелли, зато покормить ребенка не в состоянии, — на последнем слове его голос сорвался.

Брайан и Адам осуждали его. И хоть я знала, что он прав, слышать это все равно было больно. Раньше я подшучивала, что женщина во время беременности передает свой мозг ребенку, а остатки уходят во время родов с плацентой. Потом, чтобы его восстановить, она начинает поедать мозг мужа, и если мужик умный, то за год они оба восстановятся, а если нет, то семья развалится.

Я сделала два шага вперед, чтобы оказаться к Майклу впритык.

— Во мне много недостатков, — ответила я слишком спокойно. — Но ты не смеешь мне говорить о нелюбви к моей дочери. Да, мы вынуждены отдать ее на какое-то время, но только чтобы защитить. Я всегда делаю все, чтобы защитить своих родных. Я знаю ее на 9 месяцев больше, чем знаешь ты. Я даже знаю другой вкус во рту, который появлялся во время беременности от ее злости, — показала я кавычки в воздухе. — Так что ещё раз...

— Эс, прости...

— Мне нахер не нужны твои извинения, — перебила я его в свою очередь. — Все, чего я хочу, это чтобы теперь ты пробыл ей родителем на 9 месяцев больше, чем я, и мы квиты.

Вскоре мы с Майклом и Эстель ушли, попрощавшись перед этим со всеми. Я держала Эстель на руках, сильно прижимая к себе. Только теперь у меня было, что беречь, и я так боялась уйти, так и не увидев ее взросления. Так боялась, что не увижу первый класс и выпускной. Так далеко заглядываю, что аж смешно. Я ведь могу даже не услышать «я люблю тебя», учитывая, что отпускаю ее. Я настолько хотела заплакать, что с трудом сдерживалась, держа свою слабость и отчаяние при себе. Я знала, что моя дочь будет плакать без нас. Знала, что будет искать нас взглядом, и я буду держать ее вещи, не стирая их, чтобы те сохранили запах, присущий только ей. Мое сердце словно держали в ладонях и сжимали, не чувствуя ко мне жалости.

Мы ехали в полной тишине, и я, не удержавшись, сказала вслух то, что так долго держала в себе.

— Я отдаю ее, и она, возможно, начнет ходить без меня и, нарисовав первый шедевр, покажет его не мне.

— Ты не доверяешь Донне, Эбби и Эмили? — спросил Майкл.

— Я не доверяю никому до конца, Майкл. И дело не в других людях.

— Знаешь, — остановились мы на светофоре. — Я понимаю. Правда. Ты не доверяешь, потому что каждый раз, когда что-то случалось, ты все проходила в одиночку. Ты не признаешься, что тебе больно, и даже будешь до конца отрицать, что способна чувствовать боль. Но я хочу, чтобы ты знала, — снова тронулся он с места. — Ты можешь доверять мне. Во всем, Стейси. Каким бы ужасным человеком ты меня не считала, и что бы ни думала о

всех остальных, я просто хочу, чтобы ты знала и помнила, что всегда можешь довериться мне, и я не подведу.

Я ничего не ответила, но, Боже, все внутри меня сжалось. Я так хочу и правда поверить в эти слова, и мне так нужно хоть кому-то наконец-то довериться до конца. И как бы мы с Майклом не ругались и на каком расстоянии не находились, он был мне самым близким человеком на всем белом свете. И он знал, что я всегда буду с ним в каком-то смысле. Что бы ни случилось, я буду защищать его и оставаться рядом до конца, хоть и сохраняя свое сердце при себе. Я никогда не смогу уйти или разлюбить его. Он нужен мне, и важен настолько, что я готова отпустить, чтобы просто защитить.

Приехав в квартиру Майкла, я знала, что сплю последнюю ночь за длительный период времени со своим ребенком. Я почти не сомкнула глаз, смотря на нее все время, проливая слезы, как будто они что-то бы изменили. Я понимала, что, как мать, должна всегда быть со своим ребенком, а выходит, что я ничем не лучше своих родителей. Я тоже бросаю ее, и обстоятельства не имеют значения. Мать не должна никогда причинять боль своему ребенку, будь то ментально, эмоционально или физически, но дело в том, что я не хороший человек. Хороший человек по определению никогда не позволит себе жестокое отношение к окружающим его людям. Когда появляется ребенок, то ему нужно дарить любовь и заботу. И не существует никаких отговорок или обстоятельств. Будут как хорошие времена, так и не очень. Будут возникать проблемы и неожиданные ситуации. Но родители всегда должны быть рядом. Таков закон, и мы не вправе его менять.

— Ты гораздо сильнее нас с твоим папой, малышка, — шептала я тихо. — Ты лучше. На самом деле ты не похожа на нас совсем. Ты сама себя вырастишь, если мы не сможем, и вырастишь во многих отношениях. Всего сама добьешься, как это сделали мы. В тебе есть свое собственное чудо. И каждый допускает ошибки, но ты не будешь Эстель. Прости, что я отпускаю тебя, и прости, что не знаю, смогу ли вырастить и сказать, какая ты потрясающая. Прости, что так и не дам возможности тебе полюбить свою мать.

В конце концов, я сомкнула глаза лишь на несколько часов, все время просыпаясь, целуя головку своего ребенка. Я приняла душ, когда было всего пять утра. Сделала кофе, покормила Эстель, которая плакала последние полчаса, не переставая, и в конечном итоге бонусом разбудила Майкла. Спустя час войдя в его спальню, я смотрела как он собирал вещи и о чем-то думал. Я видела это по его взгляду, и Майкл словно не был в этой комнате, находясь в своих мыслях. Я поехала на работу, пообещав вернуться до их отлета, чтобы не сделать то, о чем потом буду жалеть.

— Что такое, Вист? — услышала я звук открывающей двери без стука, как только села за рабочий стол.

— Я видел отчет по трем последним осужденным, Эс, — бросил он мне папку на стол. — Педофилов, которых мы поймали на прошлой неделе.

— И что?

— Только ты одна знаешь, что там произошло, и я принял то, что они убиты сокамерниками, но я давно работаю и замечаю напряжение.

— Не все вокруг преступники, и я не...

— Будешь, — повысил он голос. — И пойдешь. Иначе ты знаешь, что будет.

Он знал правду, но я бы никогда не признала этого вслух. Вист знал, что они не были убиты сокамерниками, и знал, что моей вины никто не докажет.

— Это он, — бросил он мне вторую папку на стол. — Вчера мне в голову пришла мысль о том, что он слишком долго живет, и я взял ордер и обыскал его дом. Я нашел нож и выбил из него признание.

Я смотрела на фото мертвых ветеранов и увидела мужчину. Единственного живого из всех них.

— Это не он.

— Откуда ты знаешь?

— Просто знаю, — чувствовала я злость. — Верь мне.

— Я не могу верить тому, кто постоянно чего-то не договаривает.

«На месте преступления есть улики, которые по самой их природе нельзя забрать и изучить, как собрать любовь, ярость, ненависть, страх». Джеймс Риз.

Приехав к Майклу, я увидела всех друзей. Они были готовы улетать, и я не спрашивала, куда именно. Я не хотела знать в случае, если меня попробуют вынудить говорить. Майкл держал Эстель, и Брайан с Адамом носили сумки.

— Дай я с ней попрощаюсь, — сказала я, протянув руки к дочери. — Заботься о ней. Если что-то нужно будет, проси помощи у Донны или Эмили. И Майкл... — я заметила, что все стали суетиться или просто отводить взгляд. — Что не так?

— Давай ее мне, — взял ее на руки Адам. — Вам нужно поговорить, и мы скоро придем.

— Я никуда не еду, — сказал Майкл, когда друзья покинули дом. — Я остаюсь с тобой, и мы будем разбираться с этим вместе.

— Нет.

— Да.

— Нет, Майкл. Тебе грозит опасность...

— Почему? — разозлился он. — Почему ты думаешь, что я вообще ему нужен?

— Потому что ты важен мне. Потому что он знает, что ты моя ахиллесова пята, а ты, дурак не понимаешь этого.

Я сказала все на одном дыхании, и мне вдруг стало очень холодно. Он знал это и просто хотел услышать эти чертовы слова, из-з которых я, произнося вслух, чувствовала отвратительную слабость и беспомощность.

— Идем попрощаемся с нашим ребенком, — взял он меня за руку. — Нам предстоит много работы.

Мужчины о чем-то разговаривали, а я сильно прижала к себе свою дочь. Честно говоря, я не надеялась, что они уедут, пусть и не все. Но была несказанно этому рада.

— Эс, — услышала я голос Эмили. — Запомни, каждый может быть рядом в солнечную погоду. Но настоящим испытанием на верность в вашей жизни станут дни шторма.

— У нас с Майклом не бывает ничего, кроме шторма.

— Он сможет стать твоей опорой Стейси, — добавила Донна. — Но только если ты дашь ему шанс. В свою очередь не пренебрегай им, не лги и не дурачь его. Не предавай его доверие в надежде, что он будет рядом, несмотря ни на что.

— И в конце концов, — приобняла меня Ева. — Если он старается быть лучше с тобой и для тебя, то дай ему знать, как сильно ты это ценишь. Для вас обоих выражать свои эмоции, признавать страхи и рассказывать о самых сокровенных желаниях — тяжело. Но если ты покажешь ему, что согласна идти на компромисс, ему открывать эти двери будет намного проще.

— Я не поняла, — все еще целовала я личико Эстель. — У нас тут прощание или бесплатный сеанс психоанализа?

— Комфорт в отношениях начинается со способности быть откровенным и честным со своим партнёром, — улыбалась Эбби. — А эта способность в свою очередь начинается с понимания, что тебя не осудят. С ним ты всегда самая подлинная версия себя.

— Я люблю тебя, малышка, — не ответила я подругам, смотря лишь на своего ребенка. — Я люблю тебя так сильно, что попытаюсь сделать все, что в моих силах, чтобы ты вернулась домой. Я надеюсь, что это будет в близком будущем, и ты будешь жить в безопасности, имея рядом лишь семью, которая будет любить тебя,

несмотря ни на что. — Эстель начала плакать, и я отдала ее Донне. — Я люблю тебя, милая. — Они начали уходить к машине, и мой голос сорвался. — Я люблю тебя больше всего на свете.

«Материнство, конечно, дает невыразимое счастье, но это счастье в любви или браке надо выкупать такой ценой, что я бы никому этого не посоветовала». Жорж Санд.

После того, как все отправились в аэропорт, я поняла, что ближайшее время мы будем жить впятером — Адам, Брайан, Долорес, Майкл и я. Это были те, кто просто не мог уехать, и я приняла это, пусть и не сразу.

Я включила воду в ванной и закрыла двери. Долорес искала что-то в интернете, сидя в своей комнате, а Адам и Брайан ушли во двор жарить барбекю на ужин. Я не плакала по своему ребенку, но это был худший день моей жизни. Я словно чувствовала физическую боль от ее отсутствия и не хотела делать ничего. Даже дышать.

Когда прошло какое-то время, я надеялась лечь в постель и пролежать так сто лет, как минимум. Майкл открыл дверь и, закрыв ее за собой, смотрел на меня. Он был измучен, и, смотря на мое тело сейчас, у него не было желания. Впервые, наверное, его глаза видели во мне человека, а не объект желания. Мы не отводили взгляд друг от друга, и он, сняв с себя рубашку, прикрыл мою наготу. Гораздо легче обнажать тело, чем душу. Почему я стала такой? Черствость, тело без души и неумение проявлять слабость стали моими вечными попутчиками.

Я наклонила его к себе, и нашла губами его губы.

— Эс...

— Ты хочешь меня, — прошептала я. — А я хочу тебя.

Я хотела поцеловать его. Чем больше я сдерживалась, тем сильнее мне этого хотелось. Майкл каким-то образом стал мне настолько близким, что я уже и не представляла, как жила без него ранее. Как я встречала столько людей с которыми смеялась, и не встречала его? И самое главное — с появлением этого мужчины я поняла, почему ни с кем ранее ничего не получалось.

Кто-то сказал, что, если долго всматриваешься в пропасть, она начинает всматриваться в тебя. Впившись грубым поцелуем, Майкл рывком подхватил меня за бедра и прижал к себе. Я застонала, и ногти вонзились ему в спину. Острая боль почище любой ласки подтверждала силу нашего влечения. И я просто надеялась забыться, или еще хуже — вспомнить все, что было до начала темных желаний.

Глава 10

«Брак — это пожизненный контракт. Пока человек не поймет своих глубинных желаний, он не может пойти на подобный шаг. Я все еще познаю саму себя. Я еще многого не знаю, но обязательно узнаю. Вот почему я не хочу быть связанной с чем-то или даже с кем-то».

Многие женщины считают, что, сказав эти слова, Одри Хепберн была легкомысленной, самовлюбленной и инфантильной. Но она прожила счастливую жизнь. У нее было то, что есть лишь у немногих — она занималась тем, что любила, и делала это настолько хорошо, что стала иконой на множество веков для женщин всего мира.

А я не знаю, чем хочу теперь заниматься. Быть мамой, конечно, это главное. То, что мне нужно, и то, что я хочу, но дело в том, что я нуждаюсь в каком-то деле. Хобби. Страсти. Но, кроме дивана, у меня нихрена не складывается.

— Ты собираешься выйти отсюда? — вошел Вист в мой кабинет.

— Нет, — ответила я, не поднимая голову. — Чего тебе?

— Вудс рвет и мечет, — открыл от снова дверь, чтобы выйти. — Там внизу.

Черт. Я не поднимала трубку и не отвечала на сообщения несколько дней. Ночевала на работе, питалась пиццей и другой едой на вынос, и дышала только ради ребенка. Ее не было рядом, и как бы я не доверяла своей семье, этого не было достаточно. Я пыталась сделать все, что в моих силах, и даже больше, но ничего не получалось, и каждый раз я снова и снова оказывалась в тупике.

— Ты знала, что цель сообщения — это получить быстрый ответ? — спросил Майкл, как только я спустилась вниз. — Если бы я хотел столько ждать, написал бы тебе письмо и отправил бы голубем.

— Зачем ты сюда пришел, Майкл?

— Очень мило, Эс. Наш ребенок далеко, наши друзья пытаются сделать хоть что-то, чтобы помочь тебе. А ты сидишь на работе и закрываешься от всех, кто тебя окружает.

Майкл взял рукой за подбородок, но не осуждал и даже соглашался. Я знала, что на самом деле он сомневался и просто не хотел сделать хуже. Хоть и мы оба знали, что хуже некуда.

— Я знаю, что ты сомневаешься в том, что я справлюсь, — чуть слышно прошептала я. — Ты просто не говоришь мне об этом.

— Он был ночью у нас дома.

— Что?

— Адам заметил его и выстрелил. Но куда попал, не знает. И не видел, куда он направился. Его забрал черный джип и пропал в ночи.

Страх словно парализовал меня, и не помогал даже ночной воздух, который попадал в здание с открытых окон. Я понимала, что он прав, и что, возможно, это ничего не изменит, но все же ничего не могла с собой поделать. Пытаясь заглушить панику, единственное, что я представила — лицо своей дочери. Сейчас я была на удивление одиноким человеком. Еще более одинокой, чем всю жизнь до этого, хоть и частенько моя душа могла захлебываться от переизбытка чувств.

— Почему ты мне не сказал?

— А что бы это изменило, Эс? — схватил он меня за плечи. — Что, если все к черту? Если мы все-таки рождены, чтобы быть родителями Эстель и быть вместе, несмотря ни на что? Ты — единственное, что мне суждено было полюбить.

— А как же Эстель?

— Я любил ее всегда.

«Пусть все случайны связи твои с переплетениями судеб, снова докажут, что лучше меня нет никого. Не было. И не будет». Есенин.

Мы приехали в дом и, не включая свет, прошли в комнату Эстель. Майкл взял меня за руку, но я отдернула ее, и он принял это как ответ. Я заметила, что некоторых вещей не было, когда лунный свет освещал комнату. Я села в кресло качалку, в котором держала ее так часто, и обняла плед, который до сих пор хранил запах моего ребенка. Все, что от нее осталось, это запах и Майкл, который на самом деле не знаю как, но держался. Все, что так просто мы находим, так же просто теряем.

— Они уехали к Прайсонам, — прозвучал его голос слегка приглушенно. — Тут находиться больше небезопасно.

— Долорес знает?

— Да.

— И?

— Ничего, — стал он напротив окна, держа руки в карманах. — У тебя есть десять минут, Эс.

— К чему?

— К выходу. Пора убираться. Забери то, что имеет для тебя ценность, и мы уезжаем.

— Майкл...

— Нет, — перебил он меня. — Лишь несколько вещей, которые ты сможешь взять в руки и унести сейчас. Остальные воспоминания мы купим в будущем.

Почти все вещи Эстель я собрала ей с собой. Остались лишь несколько фотографий, плед и запах. Так что я унесла и это. Я спустилась вниз и, открыв входную дверь, услышала странные звуки за спиной.

— Что ты делаешь? — спросила я, находясь в замешательстве. — Зачем ты разливаешь бензин?

Он молча продолжал это делать на кухне, а затем поднялся на второй этаж, исчезая на несколько минут. Я услышала звук полыхнувшего пламени, а затем Майкл бросил зажигалку на пол кухни, разливая за собой остатки горючего. Мы вышли из дома, и стали возле машины, смотря как сгорает вся история жизни нашей дочери.

— Что ты делаешь?

— Сжигаю этот дом.

— Но это твой дом, Майкл.

— Я бы сжег каждую частичку этого мира, чтобы защитить тебя, Стейси, — ответил он, не смотря на меня. — Никогда не сомневайся во мне.

Затем он сел в машину, и когда я сделала то же самое, тронулся с места. Я прижимала к себе рамки и плед, не понимая смысл его действий. Я привыкла к тому, что все время что-то скрываю от него, но сегодня все было наоборот. Это произошло впервые, или я впервые это увидела, и это было что-то новое. Оно вызвало во мне чувства, которых я не испытывала ранее. Это было изучение чего-то совершенного. Новых навыков, и лишь в этот момент я поняла, что на самом деле лишь он держит меня в тонусе. Жизненном тонусе. Будь у нас нормальные человеческие отношения, мы не сдерживали бы свои чувства, понимая, что это не должно вызвать разочарование или напряжение. Но тем не менее, у нас общего было гораздо больше, чем личного, даже если мы не озвучивали этого вслух.

— Почему ты до сих пор не оставил меня? — спросила я слишком тихо, когда мы остановились возле дома.

— Я никогда не смогу бросить тебя Эс. И чувства и вся эта херня тут ни при чем. Даже Эстель тут ни при чем, на самом деле.

— А в чем причина тогда?

— Я верю в тебя. Верю по-настоящему, и этого достаточно, для того, чтобы сделать для тебя все, несмотря ни на что.

— Помнишь, однажды ты сказал, что если я захочу пойти с тобой на свидание...

— Помню, — перебил меня Майкл, повернувшись ко мне.

— Я хочу пойти с тобой на свидание.

Я вдруг задумалась над стычками знакомых мне пар. Эмили и Брайан совещались. Донна и Адам ссорились. Но мы с Майклом всегда переворачивали мир вверх дном, просто выбирая цвет нового кухонного сервиза. И конечно, я понимала, что никакой рай мне не светит, ни в этой жизни, ни в следующей, но раз уж и быть легендой, то так же в обоих мирах, пусть из-за грехов. Женщины стали настолько самостоятельными и независимыми, что мужчина ей нужен только в том случае, если она его любит. Если же нет, люди просто мешают друг другу жить. Отсюда и возникают вопросы у людей, которые хотят созависимости: «Что же этот человек делает в одиночку, и зачем вообще дышит, если он один?»

Войдя в дом, я увидела Долорес, которая сидела за ноутбуком. Она подняла на меня глаза и улыбнулась. Теперь, когда я сообщала ей что-то, (чтобы хоть немного успокоить), кажется, она больше не была удивлена. Джейс был для нее словно болезнь. Как будто в глубине души она всегда знала, что если «болезнь» и отступила, то это ненадолго, и на самом деле никогда не собиралась уходить навсегда. Или может быть, совсем наоборот. Долорес до сих пор была в шоке, хоть и ощущения «болезни» были ей уже знакомы. Боль уже не пугала ее, и не имело значение, с чем она столкнется в будущем. Она была в ужасе лишь от незнания, а я — от нехватки времени. Как долго продлится следующая передышка, пауза или атака? И потребуется ли когда-нибудь снова контролировать каждый шаг? И самое важное, сможем ли мы все снова вернуться к нормальной жизни?

— Джейс звонил тебе?

— Да, — подошла я ближе.

— Позвони ему, пусть встретится со мной.

— Долорес...

— Пожалуйста, — сказала она твердо. — Мне это нужно.

Я достала телефон и начала пролистывать набранные. Да, Долорес знала, что я это сделаю, и она знала, что я всегда подумаю сначала о ней, а потом о себе. Такова моя суть, и я не могу, да и не хочу этого менять. Затем дверь снова открылась, и Майкл без лишних разговоров поднялся наверх. Я нашла номер и несколько секунд просто смотрела на него, ища в себе смелости и терпения в одно и то же время нажать на вызов. Как раз, когда я собиралась это сделать, Майкл снова спустился вниз с дорожной сумкой в руках. Он качнул головой Долорес и, поцеловав меня в щеку, прошептал на ухо:

— Я пришлю за тобой машину через два часа. И пожалуйста, — взглянули мы друг другу в глаза. — Не передумай.

— Ладно, — усмехнулась я, а затем перевела взгляд на Долорес. — Мы сделаем это попозже.

— Эс, — крикнула она мне в след, когда я начала уходить. — Ты не сможешь вечно убегать от меня.

Нет, не смогу, лишь подумала я. Но пока буду в состоянии, не остановлюсь. Все было именно так, как сказал Майкл. Машина приехала через 2 часа, из которых час я смотрела на свои вещи, надеясь, что появится каким-то волшебным образом какая-то идеальная вещица. Затем я приняла ванную, высушила волосы и уложила их наверх. Надела черный костюм, который состоял из боди на тонких бретелях с глубоким v-образным вырезом

спереди и шифоновой юбки-макси с высокой посадкой, украшенной гипюром. Каждый раз мой взгляд падал на рамку с фотографией моей дочери, и у меня словно забирали силы, и я не хотела никуда идти. Ни ради нее, ни ради себя, ни ради Майкла. Нам нужна была эта ночь. Обоим. И несмотря на то, что я любила чувствовать себя красивой, сейчас делать что-либо для этого мне было физически трудно.

Многие женщины делают ошибку — перестают следить за собой после рождения ребенка. Им не нужно «покорять мужчину своей красотой» после родов. И я понимаю, что у меня не совсем обычная ситуация с Майклом, но каждый раз я хочу, чтобы он хотел меня. Чтобы говорил, какая я красивая, и восхищался мной. Может быть, когда мы будем восхищаться друг другом, мы сможем и наслаждаться лишь друг другом.

Шофер открыл дверцу и помог выйти мне из машины. Я почувствовала, что мои ладони увлажнились от волнения, как у семнадцатилетней девочки на первом свидании. За эти два часа я потеряла способность думать о чем-либо другом, кроме Майкла.

Меня проводили в ресторан под названием Grazie на 86 St. Внутри жизнь кипела, заполняя пространство. Официанты пританцовывали вокруг посетителей, ловко маневрируя между столами. Их подносы были нагружены горячей едой или пустыми тарелками. За столами сидели влюбленные парочки или семьи с двумя, а то и тремя детьми. Этот безумный хаос, который раньше мне так нравился, сейчас лишь сильнее отделял меня от окружающего мира. Я чувствовала себя, как манекен среди живых людей.

Я села за столик, и официант усадил меня в удобное кресло рядом со стеной вина, сказав, что мистер Вудс скоро подойдет. Правда «мистер» как-то не сочеталось с тем человеком, которым на самом деле он являлся. Нет, Вудс не был плохим или хорошим. Он был просто другим. Этот человек вел себя не так, как все остальные. Я словно почувствовала, когда двери открылись, и он вошел внутрь. Крепкие плечи слегка вздрагивали в такт шагам, глаза не сканировали ни зал, ни людей, а были прикованы лишь ко мне. Было такое впечатление, что, если бы Майкл захотел вышвырнуть из помещения всех, он так бы и сделал, и не имело значения, что он не был в физической форме, которая оправдывала мои слова.

Кажется, я натолкнулась на него, когда пребывала в какой-то странной непонятке и потерянности. Все было стремительно и быстро, но с Майклом я совсем не чувствовала страха и непонимания. Он подарил мне чувство насыщения. Насыщения самой жизнью. Мы столько смеялись, танцевали и пили ночи напролет. Я понимала, что он очень нужен будет мне, просто сначала не могла признать в этом ему, а затем и себе. Да, себе было всегда тяжелее. Но сейчас, я вдруг поняла, что не хочу отпускать его, пока седина не затронет моих волос.

Он подошел ко мне и запечатлел легкий поцелуй на моих губах.

— Ты так прекрасна, — сказал он почти с благоговением. — Как и всегда.

— Что ты видишь в моих глазах? — спросила я, когда Майкл сел напротив.

— Что не заслуживаю тебя.

— Ты все, что мне нужно, Вудс, — усмехнулась я, наблюдая удивление на его лице. — Как бы банально это не звучало. Так что не смей бросать меня.

— Ты сама меня бросила, — уже лицемерила я улыбку на его лице.

— А ты не слушай меня.

— Ну как же, — махнул он рукой официанту, все еще не отводя взгляд. — Я люблю тебя, Стейси, ты ведь знаешь это? Не смотря на все, что мы делали друг другу, мы все еще вместе, и мы не можем друг друга отпустить.

— Я помню, как смотрела на тебя, запечатлевая некоторые моменты в своей памяти, и ты мне казался безумно прекрасным. Когда ты собирал вещи Эстель, в момент, когда я выдохлась, или когда вел машину, или даже когда ел. Все эти незначительные действия казались лучшим зрелищем, которое я видела.

— Говорят, что счастье — это состояние разума, — сел он возле меня, обнимая за талию. — Все зависит лишь от точки зрения.

Несмотря на то, что в этом месте была как пицца, так и черная треска, мы заказали мясной рулет с обжаренными солеными грибами в красном соусе, и это было одно из лучших блюд, которое я когда-либо пробовала. Сладкие листья салата были слегка сбалансированы с голубым сыром, и этот вкус почти перехватывал дыхание. И да, лучшая часть еды — это томатный компот и свежее испеченный хлеб.

Это было относительно совсем небольшое место, но очень удобное и просторное. В целом у Нью-Йорка много достоинств, и одно из главных заключается в том, что этот город — мировая столица искусств. Только на Манхэттене работают более 500 частных арт-галерей, и каждый год здесь проходят сотни выставок, тысячи художников мечтают проснуться знаменитыми, миллионы туристов штурмуют коридоры Метрополитена. Здесь сосредоточены крупнейшие музеи мира — Метрополитен, сравнимый по богатству только с Лувром и Британским Музеем. Музей современного искусства, где хранится наиболее полная в мире коллекция произведений современного искусства. Здесь проходит крупнейшая в мире ярмарка изобразительного искусства Artexpo, революционная Armory Show, чрезвычайно модная в арт-среде Frieze Art Fair. В общем, всего не перечесать.

После ресторана мы отправились в Метрополитен, и я наслаждалась выставкой. Сейчас на часах было уже двенадцать ночи, и учитывая, что музей сегодня работал до девяти, я была польщена. Возможно, он сделал один звонок или сотни, но он сделал это для меня. И мне не нужны были мосты, усыпанные розами, или машина, которая еще не вышла в продажу, а лишь музей, где я смогу расслабиться и на минутку забыть о реальности и своей дочери. Держа Майкла под локоть, я улыбалась, а он рассказывал мне истории картин, большинство из которых я и так знала. Но мне были приятны его касания, взгляд, внимание и чувства, которые я испытывала. Майкл не говорил каждое мгновение, что я нужна ему, но несмотря на это, я чувствовала. Я была влюблена в то время, что мы проводили вместе. В каждую его минуту.

— Как часто ты посещала это место? — находились мы в зале, где показаны реликвии Египта.

— Единожды, — ответила я тихо. — Знаешь, наверное, когда ты живешь в этом месте, ты редко замечаешь его красоту. В этом проблема человечества. Мы привыкли к вечным пробкам и такси. К огромному количеству туристов, а также к Дню Благодарения и Starbucks. И Метрополитен в том числе воспринимаем, как должное.

Произведения искусства в коллекции музея представлены на выставке в более чем четыреста пронумерованных галереях. Одним из самых ценных разделов музея можно назвать «Секцию Американского декоративного искусства», в ней почти двенадцать тысяч шедевров искусства, расположены в пяти огромных залах. Здесь можно посмотреть коллекцию стекла, самую большую в мире. Любопытна коллекция серебра, в которой представлены изделия работы Ревеке и Tiffany & Co. В отделе картин и скульптур расположено более тысячи картин, около шести сотен скульптур и более 2,5 тысяч рисунков американских художников. Коллекция Ближнего Востока просто огромна, семь тысяч экземпляров от неолита до сегодняшнего дня. Все ушедшие цивилизации Востока, такие как шумерская или вавилонская, широко освещаются в экспозиции. Здесь можно ознакомиться с оружием и броней со всего света, начиная с первых веков до девятнадцатого столетия. Украшения, выполненные из иголок дикобраза, изделия из различных драгоценных металлов. Количество экспонатов столь велико, что площадь, где они расположены, занимает почти четыре тысячи квадратных метров. Искусство Азии тоже очень широко представлено в музее. Многие экспонаты уникальны, здесь можно увидеть огромную коллекцию предметов, привезенную из Тибета и Непала. Коллекции китайской каллиграфии, живописи и изделий из нефрита принесли музею мировую известность. Но самым любопытным экспонатом данной секции по праву считается сад двора Династии Мин, это точно воссозданная копия сада в Китае. Конечно же, есть коллекция Древнего Рима и Древней Греции, одна из самых богатых и обширных в музее. Но да, больше всего времени мы провели, именно просматривая коллекции Египта, которая выделена в отдельную экспозицию. Здесь почти 36 тысяч экспонатов, найденных во время археологических раскопок. Эти деревянные фигуры из могильника в Дей эль-Бархи, и спасенный, совершенно уникальный, храм Дендур.

«Лучше изливать свою печаль перед картинами Делакруа, Рембрандта или Ван Гога, чем перед рюмкой водки или в окружении бессильной жалости и злости». Эрих Мария Ремарк.

— Когда ты на работу? — спросил Майкл.

— Завтра. Они ничего не смогут сделать без меня.

— Ты настолько самовлюбленная, — засмеялся он.

— Это чисто из соображений психологического комфорта, — пожала я плечами. — Было бы неудобно прожить всю жизнь с нелюбимым человеком.

Уведомление пришло мне на телефон от Адама, в котором говорилось приехать в его прошлый дом. Я сказала об этом Майклу, и он лишь качнул головой и, нажав кнопку на телефоне, сделал так, что через несколько минут прибыла машина, и мы, спустившись вниз, сели в нее и тронулись с места.

— Как ты думаешь, в чем дело? — спросил Майкл.

— Я не знаю, — покачала я головой. — Но я верю Адаму.

— Я думаю, что вы просто поражены одинаковым недугом, — показал он кавычки в воздухе. — И только поэтому вы оба понимаете друг друга.

— А с тобой? — посмотрела я на Майкла. — А с тобой мы понимаем друг друга?

— А мы с тобой, как футбольные комментаторы, в идеале для меня, — увидела я проблеск улыбки на его лице. — Идет игра. И чтобы не происходило во время нее, не имеет значения. Просто в конце мы оба говорим, что вот такая вот игра, — пожал он плечами. — И только мы оба знаем, сколько дерьма пришлось вытерпеть, чтобы услышать свисток, говорящий всем, что уже конец и можно расслабиться.

— Но все это оставляет послевкусие.

— А так и должно быть. Только представь себе, что ты что-то делаешь, с кем-то общаешься или целуешь меня и после не чувствуешь ничего. Ни радости, ни злости, ни обиды, ни изумления. Ни-че-го, — сказал он по слогам. — Какой смысл во всем этом? Ведь на самом деле самое важное — это именно послевкусие.

И больше до конца поездки мы не проронили ни слова, и Майкл держал меня за руку. Приехав, он помог мне выйти, и когда я набрала номер Адама, услышала шаги из заднего двора, и он махнул нам рукой.

— Их трое, — сказал Адам, закуривая сигарету. — Но в каждой группе есть иерархия. Альфа, так же преданный альфе, и третий, может быть просто пешкой, и вообще ничего не знать о конечном результате или об исходе действий двух предыдущих субъектов.

— Да, — сосредоточилась я на экранах. — Но, когда иерархия группы начнет разваливаться, пострадает самый слабый, как и жертвы, которые у них уже есть. Эти люди всегда попадают под перекрестный огонь.

— Но у них никого нет, — возразил Майкл. — Мы всех увезли. Никто из нас не знает, где они. Мы все можем за себя постоять.

— Кроме Долорес, — впервые высказался Брайан. — Проблема в Долорес. Она не будет и не захочет защищаться. Она уйдет с Джейсом, даже если это будет стоить ей жизни.

— Черт возьми, я не понимаю, что она в нем нашла, — открыла я его фото со слезки на экранах. — Конечно фильмы, музыка и страсть вырабатывают определенные надежды на секс и отношения, но на самом деле такие парни безнадежны, когда дело доходит до женского оргазма.

— Что ты имеешь в виду? — засмеялся Майкл.

— Они были так молоды, когда поженились. И в такие года они учатся всему лишь при просмотре порно, где цель — работа на камеру, и всем приходится притворяться и в чувствах, и в оргазме.

— А вдруг после он понял, что она для него весь чертов мир, — смотрел на меня Майкл. — И однажды в два часа ночи он не стал звонить и говорить об этом, зная, что она крепко спит, но потом утром стоял у ее окон и наконец признался в этом ей и самому себе.

— Да ладно, — вели мы уже перепалку. — Спустя какое-то время, парень, который не видел в своей жизни ничего кроме насилия, понял, что в этой девушке все, чего ему раньше не хватало. Глаза, в которые он мог смотреть вечно, — изобразила я кавычки в воздухе, говоря с ноткой сарказма. — И руки ее, лежащие на его шее, наполняли его жалкую жизнь смыслом. И смех ему тоже нравился, когда он пытался шутить неумело, и все, что было связано с ней, стало домом.

— Почему ты настолько цинична, Эс? — в замешательстве смотрел он на меня. — Просто иногда люди любят друг друга, и им обоим дико приятно это осознавать. Не всех передергивает от объятий, и после они хотят остаться друг с другом навсегда.

— Может потому, что мы редко можем позволить себе, чтобы из-под ног уходила земля?

— Ты говоришь о них или о нас?

— Без разницы, — отмахнулась я. — Просто кажется, что все эти моменты из фильмов, когда женщина переводит взгляд на губы и медленно приближается, и они оба не в силах сопротивляться — чушь. Полная херня. Настоящее, оно здесь. Не в фильмах, книгах, музыке и даже порно, как считают как мужчины, так и женщины. Мужчины в своем большинстве думают, что секс — это и есть любовь, а женщины — так это, что после секса они обязательно поженятся и будут жить долго и счастливо.

Я смотрела в омут голубых глаз и могла поклясться, что не раз замечала, как они искрятся в темноте. Этот цвет глаз Майкла словно вытекал из них, и я, раз за разом ныряя в этот омут все сильнее, чувствовала, что слабею, но в то же время он нравился всему тому, что происходило внутри. Да, именно так. Он нравился моим чертам.

«Я могу без Вас. Я ни девочка, ни женщина, я обхожусь без кукол и без мужчин. Я могу без всего. Но, быть может, впервые я хотела этого не мочь». Марина Цветаева.

Каждый взял для себя задание, и спустя сорок минут мы с Майклом уехали. Водителя не было, так как мы вроде как пытались сохранять «тайнственность», следа которой на самом деле не было. Майкл сел за руль машины Брайана, и я, пристроившись рядом, расстегнула заклепку, пригладив пальцами волосы. И было спокойно. Ночь была тихая, и мне нравилось, что за городом был порой совершенно другой мир.

— Ты как? — спросил Майкл.

Я почувствовала, как его взгляд переметнулся в мою сторону, и я, откинувшись назад, улыбнулась. Потом Майкл переключил передачу, надавив на газ, и машина понеслась вперед. Я, повернув голову, всматривалась в каждое его движение, двигатель ревел, и за окном все сливалось в одну темную стену. Автомобиль двигался все быстрее и быстрее, и Майкл полностью контролировал его, плавно вписываясь в повороты. Когда он начал притормаживать, я положила руку на его крепкое бедро, и не было никакого колебания. Музыка сменялась и каждый раз заполняла пространство машины оглушительными аккордами. Майкл снова рванул вперед, унося нас на безумной скорости по бесконечному пустому шоссе.

Я опустила окно, впуская внутрь холодный воздух. Сильный порыв ветра развеял мои волосы, и я начала смеяться, услышав даже нотку истерики в собственной голосе, не прекращая несколько минут подряд. Когда машина остановилась, Майкл прижался к моим губам, и я почувствовала, как обмякла в его объятиях. Жар прошел по всему телу, и я прижалась к его груди. Я вцепилась в его плечи в глупой попытке влезть ему под кожу.

«И я касался ее. И сам себе не верил. И мир как будто наполнился смыслом». Стивен Чбоски.

Я думала, что наконец-то получу разрядку, но с этим мужчиной что-то, мать его, произошло, и все, что позволила ему его «распушенность», это раздеть меня, укрыть одеялом и обнять. Я терлась об его член, который был твердым, но он, черт возьми, держал себя в руках, и я свернулась в изгибе его руки. Подняв голову к Майклу, я смотрела на него, а он лишь поцеловал мой лоб и прошептал:

— Спи, милая, — еще один поцелуй, прижимая меня к своей груди. — Я буду просто обнимать тебя. Это все, что я собираюсь делать.

Я вспомнила, когда мы только начали познавать сексуальные предпочтения друг друга. Да, именно сексуально узнавать, ведь на психологическом уровне это происходило лишь сейчас. У нас почти не оставалось времени на сон, а лишь на работу и секс. Мы хронически страдали недосыпанием, но это было лучше, чем неудовлетворенность. Я мечтала избавиться от вечного сексуального голода по Майклу, но сколько бы мы не были рядом, все время было мало.

— Да где, черт возьми, твои яйца? — пыталась я отодвинуться, но он не отпускал меня. — Где Майкл, который срывал с меня одежду на каждом шагу? Который ненавидел нижнее белье, потому что оно отнимает время?

— Все это никуда не исчезло, Эс, — усмехнулся он. — Я до сих пор так же схожу с ума от твоего запаха и вкуса. Хочу, чтобы ты разваливалась на части, но оставалась целой. Хочу, чтобы лежала подо мной голая и мокрая, и такая же верхом на мне. Но именно сегодня я хочу впервые раствориться в тебе без секса.

С улицы отбивался свет, который попадал в комнату, и спустя несколько минут я обняла Майкла за талию, и вскоре он уснул. Тихо. Везде было так тихо. Слишком тихо. Я хотела разбудить его и сделать так, чтобы этот чертов девственник перестал играть со мной в недотрогу, но в конце концов я сконцентрировалась на его дыхании, пытаюсь в то же время выровнять собственное.

Когда стало совсем темно, и свет погас, через несколько секунд мое зрение стало адаптироваться, и я решила немного успокоить свое беспокойство. Я схватила джинсы, футболку и пистолет, и, выйдя из комнаты, оделась, а после отправилась изучать лес позади дома, луг справа, улицу перед домом, и особенно насколько хороши замки и сигнализация во всех возможных входах в сам дом. Температура на улице упала, и я все равно продолжала все просматривать, понимая, что хожу по кругу, и Брайан наверняка все сделал это до меня раз пять. Я проверила мобильный. Тот работал и звонок был включен. Как раз в этот момент мне пришло смс от неизвестного номера.

«Она нарисовала. У меня ее первый рисунок».

«Эмили».

«Это одноразовый мобильник. Просто подумала, что ты захочешь знать».

Когда я перезвонила на этот номер, он уже был отключен. Я лишь сказала спасибо губами, и слеза скатилась по моей щеке. Я снова пошла в обход по первому этажу, и после так и не смогла уснуть, смотря на экран телефона. Я набрала ванную и пролежала в ней словно целый век. После, спустив всю воду, я наслаждалась холодным воздухом, который охлаждал мое тело. Я задумалась о том, возможно ли повстречать своего «героя»? Я ушла по собственной воле, но что было причиной, что я дала доступ другому человеку к своему сердцу? Я поняла, что, несмотря на все, что было между нами, я стала единственным возможным выбором Майкла. Кто-то может сказать, что это несусветная глупость и чушь, которая у меня появилась от недостатка или переизбытка любви или чувств в целом, но на самом деле это единственное, что для меня важно. Это чувство нужности и важности было моим единственным желанием всю мою жизнь, и оно наконец-то сбылось. Только теперь не только я, но и он был готов, и отказался от всех женщин и желаний мира, чтобы быть со мной рядом. Он менял свои принципы и идеалы. Нарушал правила и действовал лишь инстинктами. Майкл никогда не сказал: «мне пофиг». Я вдруг поняла насколько это важно. Для него важно все, что связано со мной. Моя работа, друзья, счастье, улыбка, но также ему важно мое недовольство, истерики, слезы и плохое настроение. Раньше я ждала чувства, когда увижу этого человека очередной раз и не почувствую ничего. Но теперь я не хотела этого. Я хотела, чтобы он был рядом, ведь начала чувствовать себя в безопасности рядом с ним. А что может быть важнее?

— Почему ты не в постели? — спросил Майкл, войдя в ванную.

Я подняла на него глаза, и появилось это странное чувство. Словно должно произойти что-то непоправимое, и это обязательно задокументируется.

— Знаешь, я помню, как укладывала Эстель себе на плечо и каждый раз благодарила тебя за нее. Я столько времени думала, что с тобой теряю свою жизнь, но этот ребенок изменил все. Мы подарили жизнь, и я хочу просто сказать тебе спасибо.

— Я искренне тронут, Эс, — присел он рядом, беря мою руку и целуя ее. — Я тронут, когда смотрю на нее и вижу в ней тебя. Мы оба видим в ней друг друга, и этого не объяснить. Может, нам суждено Богом, дьяволом, или чертовой вселенной. Или наоборот не суждено, но...

— Не продолжай, — перебила я его. — Давай попробуем говорить что-то без «но». Вдруг у нас выйдет что-то по-настоящему прекрасное.

«Я не знаю, куда ведет мой путь, но мне легче идти, когда моя рука сжимает твою». Альфред де Мюссе.

И если я уж сама предложила, тогда мне и начинать. Майкл заказал суши, и когда я вышла из ванной и одела топ и шорты, еда была уже на столе. Но мы всегда были слегка теплыми на всю голову, так что выбрали пол

кухни, который был с подогревом, ели суши и запивали эту еду богов белым вином. Все это происходило в тишине, но я хотела начать говорить. Хотела, чтобы он знал не смотря ни на что.

— Когда ты привез меня в дом моих родителей, я встретила женщину, которая знала меня. И она отдала мне конверт. Сказала, что я прочту его однажды и все пойму.

— Я не буду спрашивать, почему ты мне не рассказала ранее, ведь и так знаю ответ. Но ты читала его?

— Нет. После я узнала, где живет мой отец, — заметила я усмешку на лице Майкла, словно он и так знал, что я это скажу. — Не будь засранцем.

— Эс, не будь я таким засранцем, ты бы умерла от тоски. Ты бы все время сидела в долбанных ресторанах, от которых тебя тошнит, ела устрицы, которые терпеть не можешь, и красила волосы в цвет, который презираешь. — Я наигранно изобразила удивление, на что получила очередную улыбку. — И еще, не будь я таким засранцем, ты бы подо мной так не стонала. Я знаю, что тебя это заводит. И я имею ввиду не только свой член, но и свой мозг. Будь он хоть не унцию меньше, ты бы вылезла мне на шею и свесила свои сексуальные ножки. И не думай, что я этого не знаю.

— Да, — сглотнула я, находясь в секундном оцепенении. — Вышло неплохо.

— У нас всегда и входило тоже замечательно.

— Ты засранец, Вудс, — засмеялась я. — Но ты прав. Мой характер слегка сахар со стеклом, но мы оба научились с этим жить.

— Ну так что сказал твой отец?

— Он сказал, что она отдала мне свое сердце.

— Ты же понимаешь, что это полная херня. Сколько тебе было, когда она умерла?

— Шесть, — сделала я глоток вина. — И да, я понимаю, что это было бы невозможно. Кроме того, я подняла свои медкарты, у меня все в порядке с сердцем. И никакая пересадка органов мне не требовалась.

— Тогда я не понимаю, — был он в замешательстве.

— Ей требовалась, — откинула я голову назад, смотря на него. — Когда ей было шестнадцать, ей сделали пересадку сердца, и все было хорошо, пока она не узнала, что беременна. Сердечницам надо регулярно наблюдаться у профильного врача и часто принимать сердечные препараты. Посещать врача в первые 20 недель нужно раз в месяц, затем — каждые 2 недели, а последние 2 месяца — еженедельно, а при проблемах — ещё чаще. Ей сказали уйти с работы, чего она не сделала. Принимать препараты, но она боялась, что повредит плод. Отдыхать, гулять на свежем воздухе, правильно питаться, и самое главное — избегать стрессов. Но мой отец нервничал, ведь он все время был наготове к ее госпитализации.

— Но ты была ребенком, Эс, — взял Майкл меня за руку, поцеловав ладонь. — Невинным ребенком.

— Я была смертью для женщины, которую он любил. Вот почему он сказал, что во мне бьется ее сердце, — вытерла я слезу, которая скатилась по щеке. — Сегодня при многих кардиологических проблемах женщины благополучно рожают. Кстати, даже во время беременности можно успешно проводить хирургические операции — например, по поводу восстановления митрального клапана. — Я хотела высказать все, и Майкл, поняв это, еще сильнее сжал мою руку. Я позволила ему это, я продолжила говорить: — Однако есть патологии, при которых врачи будут возражать против материнства. Разумеется, насильно никто не будет толкать женщину на аборт — решение всегда за пациенткой. Но все же трезво оценить степень риска очень важно, ведь при некоторых патологиях летальный исход при беременности, а ещё чаще во время или сразу после родов очень велик.

«Когда человеку больно, он причиняет боль другим. Я понял это, понаблюдав внимательно за собой. Если я был жесток или приносил кому-то боль, то лишь потому, что глубоко внутри страдал сам». Фредерик Бегбедер.

— Ты винишь себя? — спросил он тихо.

— Возможно. Она ведь выбрала меня, хотя он так и не смог. И потом она умерла, а после он так же душевно умер, а я превратилась в циничное чудовище, которое умеет стрелять лучше, чем любить.

— Я выбираю тебя, Эс, — взял Майкл меня за плечи. — И я выберу тебя. Снова, и снова, и снова. Без всяких пауз, сомнений, колебаний, угрызений совести, лжи, отговорок и прочей херни. Я всегда буду выбирать тебя.

— Знаешь, — обняла я его, дав волю горьким слезам. — Я ведь тоже человек. И мне бывает больно.

— Наша жизнь все больше напоминает научно-фантастический роман. Людям пересаживают чужие лица, в лабораториях выращивают искусственные органы и ткани. А любви так и не учат. Но ты умеешь, Эс, — гладил он меня по волосам. — Ты представить не можешь, как ты умеешь любить. Сколько любви в каждой твоей жесткости к людям, о которых ты заботишься. Когда я заставил тебя жить со мной, это было не от недоверия, а потому, что я хотел каждый день видеть тебя. И я скорее бы умер, чем позволил бы к тебе прикоснуться кому-нибудь другому.

Боже, его любовь доводила меня до сумасшествия, но именно любовь Майкла была самым красивым в моей жизни. Я почувствовала, как волна облегчения, подобна наркотику, прокатилась по моему телу, и сразу сдавило горло от нарастающих эмоций. Я покинула его объятия и направилась в свою временную спальню, не проронив ни слова. Взяла конверт, затем снова спустилась вниз. Майкл ждал меня. И моих слов. Я села на пол и впервые открыв конверт начала читать:

«В твоих глазах я нашла ответы на все свои вопросы. Моя Стейси. Я надеюсь, что буду любить тебя до самой смерти, ведь теперь все чаще и чаще чувствую конец. Когда выяснилось, что я жду ребенка, все врачи настоятельно рекомендовали прервать беременность, ведь роды казались просто безумием. У меня была рестриктивная кардиомиопатия. При этой болезни сердце постепенно утрачивает эластичность, развивается сердечная недостаточность. С ней не то что родить — жить проблематично. Но я смогла. Мне сделали пересадку сердца, и совсем мало времени прошло, когда я узнала, что стану матерью. Я не жалею, что родила тебя. Не жалею, что пожертвовала своей жизнью ради твоей, ведь я получила то, чего так хотела — своего ребенка от мужчины, которого любила больше всего. Все было хорошо, но, когда тебе исполнилось пять, у меня был очередной приступ и остановка сердца. Так что я знала, что умираю, но, если честно, не была к этому готова. Никто не готов, особенно когда у тебя на руках маленький ребенок и мужчина, слезы которого ты видишь каждый день. Твой отец умолял меня на аборт, чтобы сохранить мне жить. Он всегда хотел защитить меня, а я хотела — тебя. Прости меня, что была так слаба, никчемна и жестока последнее время с тобой. Когда он ушел, ведь больше просто не смог выносить моей постоянно боли, я поняла, что какая-то часть внутри меня уже мертва. Он перестал дарить мне цветы, и я в тот же момент поняла, что больше не хочу делать прическу и красить губы губной помадой. Прости своему отцу его гордость, пусть он и задел твою на всю оставшуюся жизнь. Ведь я буду век ему верна. И если ты все-таки сможешь его простить, не слушай, что в твоей груди бьется мое сердце. В твоей груди бьется твое сердце, сила которого настолько велика, как и в глазах, которые я всегда буду помнить. Не будь чьей-то, но будь с кем-то. Одиночество не украшает никого, а тем более женщину. Тебе принадлежит весь мир в любом случае, Стейси. Моя маленькая Стейси. И наконец-то, я люблю тебя. Я люблю тебя больше всего на свете. Ты самое лучшее, что было в моей жизни. Твоя мама».

Глава 11

«Ваша память — это монстр. Вы забываете, она нет. Она все копит в себе. Она сохраняет все это для вас, она прячет это от вас, — она сама решает, когда излить на вас все, что накопила. Вы думаете, вы имеете память, — нет, это она имеет вас». Джон Ирвинг.

Проснулась я от поцелуев Майкла. От поцелуев моим губам. Половым губам. Да, он вернулся. Мне этого, черт возьми, не хватало. В моем горле зародился звук, который заставил Майкла поднять голову и посмотреть мне в лицо. Его глаза сверкали, и он остановился буквально на миг, чтобы облизать губы, прежде чем продолжить. Он провел языком по складочкам, заставив мое тело дрожать.

— Майкл, черт возьми, — вскрикнула я. — Трахни уже меня.

Он последний раз всосал в рот нежную кожу и резко перевернул меня на живот. Войдя в меня двумя пальцами, он поцеловал мое бедро и нижнюю часть спины. Медленно и мучительно я проживала каждую секунду. И когда Майкл наконец проник в меня своим членом, заставив закричать, я почувствовала блаженство. Его тело с силой ударялось об мое, и он схватил руками мою талию, чтобы удержаться. Скользящее движение заставило нас обоих застонать, и Майкл снова и снова заставлял меня тонуть в ощущениях. Казалось, этой истоме нет конца и края. Если бы мы только могли не останавливаться. Он уперся кулаками в матрас по обе стороны от моих плеч, и вознес меня до небес. Я дико закричала, кончая. Майкл снова погрузился внутрь, в тот момент, когда я повторяла его имя, впиваясь ногтями в его ладони.

Он никогда сразу не останавливался, и я чувствовала, как вскоре снова буду близка к этим эмоциям. Я испытывала не первый оргазм, содрогаясь в конвульсиях. Всеми чувствами я ощущала каждую клеточку в его теле так же, как и каждый мощный толчок. Майкл поднял меня на руки и повернул лицом к себе, впиваясь в меня губами и снова проникая до основания. Он кусал их и ласкал язык, а я в свою очередь не могла перестать все сильнее пускать его в себя в прямом и переносном смысле.

— У меня никогда не будет другой, — сказал Майкл, уткнувшись в мою шею. — Никого, кроме тебя.

Тело Майкла содрогнулось, и все его мышцы напряглись. Я обхватила ногами его бедра, стараясь еще глубже вобрать его в себя. Хотела, чтобы он остался там навечно. Открыв глаза, я увидела, что взгляд Майкла был затуманен. Я провела пальцами по его лицу и улыбнулась.

— Кажется, я только что поняла, что ты мне нужен.

— Лишь из-за секса? — засмеялся Майкл.

— Только из за него, — притянула я снова его к себе для поцелуя.

— Ты местами такая сумасшедшая, но, кажется, я долбанный фанат этих мест.

Майкл покинул мое тело и лег рядом, сплетая наши пальцы. Я раскинула ноги, словно у меня не хватало сил свести их вместе. Мне кажется, что я всегда встречала бы Майкла с улыбкой на лице, будь даже больна или истощена. Он не знал о моем сердце наверняка, и мне нравилось это. Я не хотела, чтобы он думал, что я слаба или, еще хуже, начал жалеть. Этот человек хотел меня снова и снова. Прямо сейчас. И завтра. И всегда. Но теперь все было по-другому. Теперь были чувства, и мы оба испытывали их. Во мне бушевал такой дикий голод, словно я не видела его месяцами.

— Сумасшедшие обычно очень умные люди, ты знал? — спросила я с улыбкой. — Поэтому они и скрывают свой диагноз.

Я повернула голову к Майклу, и он не отводил свой взгляд. Впервые в жизни он смотрел так на меня. Словно не сквозь очки или пелену, а лишь на меня без каких либо полутонов. Я почти на мгновение перестала дышать, всматриваясь в его глаза, и заметила в синем омуте переливающие серебристые радужки, обращенные на меня. Настоящих глаз будто не было, только эти серебристые точки, и в них чувствовалась теплота.

— Знаешь, Эс, — поцеловал он мою ладонь. — Иногда встречаешь человека, и понимаешь — мой.

— Да, — закатила я глаза наигранно. — Рабство, конечно, клевая штука.

— Ты все шутишь.

— А ты все настолько серьезно воспринимаешь жизнь.

— А что серьезно воспринимаешь ты?

— Воду.

— Что?

— Воду, — чуть усмехнулась я. — Вода является важнейшим элементом в жизни человека. Потому что без воды не получится приготовить кофе. А кофе — это важно.

«Нет лучшего приворотного зелья, чем обычный кофе, сваренный собственноручно. Когда мужчина его попробует, он уже никуда не денется». Софи Лорен.

Спустившись в кухню, я была счастливая. Мои волосы находились в беспорядке, и я собиралась принять ванную сразу после того, как выпью кофе. Долорес сидела и искала что-то в ноутбуке, и как только увидела меня, закрыла крышку, и я заметила нервную улыбку на ее губах.

— Доброе утро, — поцеловала я ее в лоб. — Как дела?

— Доброе оно только у тебя.

— Знаешь, — включила я кофеварку. — Ты безумная, но хорошая.

— Я ретроградный оптимист.

— Пила кофе? — тихо засмеялась я.

— Да.

— Ты одна?

— Конечно, — усмехнулась Долорес. — Кому я нужна безработная?

— В смысле?

— Я уволилась. Не могу делать что-то в то время, когда мои мысли постоянно о Джейсе. И еще сегодня вечером я встречаюсь с ним.

— Это что, комеди клуб на выезде?

— Нет, я серьезно.

— Ты не пойдешь к нему.

— Пойду, — видела я внезапную нервозность. — Ты не моя мамочка.

— Долорес, ты знаешь, что если я захочу запереть тебя, то сделаю это.

— Ладно, — сделала девушка несколько вдохов, подойдя ко мне. — Что, если ты пойдешь со мной и будешь неподалеку. Может быть, я что-то узнаю и докажу тебе, что он не плохой.

— Долорес...

— Ради меня, — перебила она тихо. — Пожалуйста. Сделай это ради меня.

— Ладно, — вздохнула я, и она сжала меня в объятьях. — Только я буду рядом. И любой его закидон я...

— Да, — снова перебила она меня. — Любой его закидон ты будешь пресекать.

«Очарование — это невидимая часть красоты, без которой никто не может выглядеть по-настоящему красивым». Софи Лорен.

Прежде чем поехать, я нашла Адама и рассказала ему, на встречу с кем я еду. Он не отреагировал хорошо, но и запретить мне не мог.

— Он был взволнован каждый раз, когда ты встречалась с ним?

— Даже не шелохнулся, — ответила я.

— Он знает, где мы живем, и что ты будешь там рядом с Долорес?

— Ты что думаешь, что я ему об этом рассказывала за чашкой чая?

— Ты собираешься его допрашивать?

— Нет, но я буду следить за ним. Если я начну это делать сразу, то он почувствует себя главным, так что я подожду информацию, и это будет мой допрос.

Долорес привезла меня на какой-то заброшенный склад. Пока мы ехали, кажется, ее руки побелели от боли и напряжения, с которым она держала руль, но я так и не смогла себя пересилить и поддержать ее. Я была зла и раздражена. И еще я не знала, могу ли доверять ей. Долорес была тем человеком, который пожертвует нами ради Джейса. И, возможно, с какой-то точки зрения это и правильно, и я даже ее могла понять на долю секунды, но это все равно не могло заставить меня хоть на мгновение расслабиться.

Мы вышли из машины, и я достала из кобуры пистолет. Долорес взглянула на меня осуждающе, но я лишь пожала плечами, давая понять, что мне плевать. Я сюда приехала именно за этим. И оказалась тут из-за большой любви к человеку, который, по-большому счету, большинство времени со мной толком и говорить не хочет. Я не увидела еще Джейса, но уже почувствовала его. После, повернувшись, я видела, как он приближался к нам с полной уверенностью того, что все под контролем, и ему ничего не угрожает. Он был одет в черные шорты, и я поймала себя на мысли, что они отражали цвет его глаз. Татуированные узоры на шее и руках словно светились от фар, и он потерялся где-то в своих мыслях.

Я видела, как Долорес хотела кричать, но лишь молча стояла, пока слезы стекали по ее лицу. Но также я видела, как отчаянье сменилось на злость и даже презрение.

— Ты пропустил наш развод, придурок, — ударила она ему пощечину, как только он подошел. — Ты как всегда праздновал его в баре?

— Долорес... — я видела, что он почти задышался от необходимости обнять ее, но она оттолкнула его, что, не буду врать, меня позабавило.

— И как прошел развод? — спросила я.

— Первый муж всегда комом.

— Да, — наиграно рассмеялась я. — Люди всегда разводятся, потому что поженились.

— Помнишь, ты говорила, что я не могу быть идиотом? — спросил Джейс.

— Все хоть раз в жизни ошибаются.

В ее голосе было столько разочарования, что он этого просто не выдержал. Джейс схватил ее и прижал к себе крохотное тельце Долорес. Это как сидеть на Бруклинском мосту в четыре часа утра по причине того, что твоя сумочка слишком розовая, и мужчина, который приезжает за тобой и увозит домой, думает: «Да, эта долбанутая моя, но я все равно ее люблю, хоть и придется купить сумочку оттенка чуть светлее».

— Ты думал обо мне? — спросила она голосом, полным скорби.

— По сто раз в минуту, родная, — взглянул он на меня. — Каждое чертово мгновение, что бы я не говорил. Ты всегда для меня была миром.

— Ты не понимаешь, — вглядывалась она в его лицо. — Увидеть тебя — это как снова начать дышать. Пусть это звучит, как самая дурацкая вещь на свете, но, когда я узнала, что ты жив, во всем остальном не было больше смысла. И я так рада, что ты вернулся.

Долорес сама не была уверена во что себя втягивает. Она жила лишь сердцем, и я не могла понять этого, если говорить честно. У них словно не было этапа «притирки». Люди обычно раздражают друг друга, чувства пропадают, как у меня порой с Майклом. Мне его становится много, даже если на самом деле он ограничено мало участвует в моей жизни. И пропади он на столько лет, я бы забыла о нем. Я могу любить только того, кто рядом со мной. И единственное исключение — мой ребенок.

— Я не могу сейчас вернуться, — провел он рукой по ее щеке. — Я кое-что покажу тебе...

— Если ты сделаешь хоть одно резкое движение, — перебила я его, — я убью тебя, и ты даже глазом не моргнешь.

— Успокойся, Робин Гуд, — засмеялся он. — Ты не настолько страшна в глазах других, как думаешь.

— Послушай меня, придурок, — подошла я к нему впритык. — Я сейчас выстрелю тебе в ногу, а затем возьму это ДНК и дам понять всему миру, кто ищет тебя, что ты в Нью-Йорке. И ты побежишь вместе со мной, куда я скажу уже. Потому, что я просто так не бегаю. Ненавижу бег. И увидев его, ты будешь нестись как угорелый, понимая, что происходит какая-то хрень, от которой нужно сваливать.

— Эс, — повысила голос подруга. — Seriously, заткнись. Я просто хочу побыть с ним, и Джейс ни в чем не виноват. Скажи ей, Джейс, — смотрела теперь она на него.

— Мне нравится ночь, любовь моя, — впервые увидела я проблеск его улыбки. — Это больше, чем время суток. Это иной мир. Отличный от того, где мы обитаем днем. Мы и сами отличны от тех, кем являемся днем.

— Знаешь, я хочу, как раньше, Джейс. Не хочу спрашивать где ты был и во что ты втянут. Почему ты меня бросил. И думать почему мои друзья ненавидят тебя настолько, что человек, стоящий рядом, хочет тебя убить. Я просто хочу взять машину, подушку, термос, одеяло и ехать. Ехать долго, несколько дней, возможно. С ноутбуком на коленях, музыкой, и говорить с тобой обо всем. Останавливаться на заправках, покупать там кофе и стоять, сжимаясь от холода и ночи, смотря в небо.

После этой встречи я поняла, что потеряла ее задолго, как нашла. Придя домой, мы поругались с Майклом, и он ушел, надеюсь, для того, чтобы не сказать лишнего. Приехав на работу, я решила просмотреть камеры, и, сделав это, поняла, что еще одна из нас была втянута в это. Я понимала, почему Стивен ушел. Я смотрела, как Эбби стояла на берегу реки Гудзон, а Стивен звал ее. Я видела, что, несмотря на его силу, он не давил на нее, и она крикнула, что не хочет быть в мокрой одежде, а он вместо того, чтобы сказать ей: «Да похер, будешь у меня и без одежды», лишь подал ей руку, и она оба ушли. В этом моменте я увидела, что в их отношениях было словно два шага вперед, и один назад. Но тогда, вложив свою ладонь в его, она словно впервые приняла решение слушая биение собственного сердца, а не звуки разума. Я стала искать последующие дни, и следя уже за Максфилдом, поняла, что он на самом деле замешан в этом деле больше, чем Джейс. И в последний день, прежде, чем он уехал, Стивен следил за Эбби. Я давно знаю, что ей требуется время. Время на все. Она не поддается импульсу. Ей требуется хотя бы пять секунд, чтобы все взвесить. Порой, правда, и пять дней, и потрясающе, что не пять лет. Я никогда не знала кого-то настолько осторожного ко всем. То, что всегда было во мне, имею ввиду импульсивность, вспыльчивость, непредсказуемость и даже сентиментальность, никогда не было в Эбби. И просмотрев еще несколько файлов, я поняла, что, несмотря на все, он не оставил ее. Стивен до сих пор следил за каждым ее шагом и участвовал в ее жизни больше, чем кто-либо другой.

Придя домой, я обошла дом и достала из сумочки только что купленную пачку сигарет. Да, я закурила. Люди часто говорят, что им помогает, и я решила, вдруг и мне поможет. Ведь поняла, что у меня просто нет других вариантов. Каждый раз я понимала, что все валится к чертям, и я просто не знала, чему верить. Я села за домом и сделала первую затяжку.

Боже, как я скучала за ней. Как мне не хватало моего ребенка. Мне было интересно, что она делает. Как спит. Выросли ли у нее волосы, и сколько набрала в весе. Я хотела почитать ей сказку и рассказать, как прошел мой день. Теперь я невыносимо скучала за тем, что сидела с ней по ночам, когда она никак не могла уснуть, несмотря на то, что была сонной. Она истезала меня временами, но теперь я поняла, что она вырастает без меня, и в ее сердце может совсем не остаться для меня места.

Я тихо стала напевать песню, которую исполняла лишь для Эстель, играя на гитаре.

— Тик-так часики стучат, звезды на небе горят. Спи. Усни моя душа, очень важен сон для малыша. Чтобы выросла большой, папа с мамой — твой покой. Будут верно охранять, чтобы ты могла спокойно спать, — стекла слеза по моей щеке. За ней еще одна, и через мгновение я уже не могла остановиться, но все равно продолжала говорить эти слова. — Будь счастлива и умна, будь красива и нежна. Чтоб тебе всегда везло, я тебе дарю свое тепло. Лучик солнца золотой, мне подаренный судьбой. Прижимается ко мне, главный человечек на земле.

— Эс, — услышала я голос Брайана.

— Я не стану извиняться, — ответила я, выбросив сигарету.

— А я и не жду, — сел он рядом. — Я ставлю черную стирку. У тебя есть что-то?

— Да, постирай мои черные будни.

— Знаешь, она в порядке, — вздохнул Брайан. — И часто зовет тебя.

— Ты хочешь сделать еще хуже? — нахмурилась я.

— Нет, просто хочу, чтобы ты знала, что она не забыла. И не забудет. Ты ее мать, Стейси. Для нее твой запах — самый родной, как и ее для тебя. Она также чувствует.

— Ты теперь большой знаток детей?

— Да, — засмеялся Брайан. — Я все читаю, чтобы быть готовым быть лучшим отцом в мире.

— Знаешь, она такая смешная. Ее улыбка была лучшим, что происходило со мной в жизни. Каждый ее проблеск и момент. Ее ладонки я могла держать часами, просто наблюдая за ее еще такими милыми вздохами. Она словно знала гораздо больше, чем я. И я любила это. Я безгранично любила это, — надорвался снова мой голос. — А теперь ее нет, и мне кажется, что она забудет меня.

— Она не сможет, — притянул он меня к себе. — Тебя просто невозможно забыть. Ты все время выкидываешь то, что не может никого заставить забыть тебя.

Мэрилин Монро сказала: «Я согласна жить в мире, которым правят мужчины, до тех пор, пока могу быть в этом мире женщиной».

— Я хочу пожелать тебе маленьких радостей, — усмехнулся Брайан, вытирая слезу на щеке. — Чашку кофе, сваренного кем-то для тебя. Неожданного телефонного звонка, от которого на твоих губах заиграет улыбка. Зеленых светофоров. Всегда. И не имеет значения, ты пешеход или едешь за рулем. Никакой политики, бывших, убийств, слежки и кошек. Я хочу пожелать тебе счастья и приятных мелочей. Хочу, чтобы твоя душа ожила.

— Наверное, именно это Эмили и полюбила в тебе, — обняла я этого человека. — Она полюбила в тебе противоположность всех нас. Мы ее семья, но в тебе она нашла дом. Она ушла от нас к тебе, и стала счастливой так легко. Мы все были поодиночке, но Эмили захотела быть счастливой, — отодвинулась я, смотря ему в глаза. — А мы так легко смогли отдать ее тебе, продолжая дальше смотреть на беспросветную тьму. Сажая себя в добровольную тюрьму лишь по причине одиночества, не веря никому, и никого не подпуская, каждая из нас уничтожала себя сотни раз за день. Но в ее жизни появился ты, и, наверное, также сказал ей что-то похожее на слова, которые только что сказал мне. И она полюбила. Да, — истерически засмеялась я, снова прикуривая сигарету. — Именно в этот момент она полюбила тебя и больше не смогла остановиться.

— Эс...

— Нет, — перебила я его, показывая всю серьезность каждого своего слова. — Не переживай. Я не сошла с ума. Если бы я только знала, что вся эта суета напрасна, и мое сердце вновь забьется.

— Ты имеешь ввиду Майкла?

— Да, имею ввиду, — качнула головой. — Кажется, я буду любить его, пока чертова луна не устанет светить. Как бы банально это не звучало.

— Это хорошая банальность, Эс. Ты чувствуешь. Ты должна что-то чувствовать, кроме ненависти и удушения собственных дыхательных путей.

— Мы, как старушки сплетницы, ей Богу, — засмеялась я. — Черт, это была паршивая идея. С какой стороны ни глянь.

— Ты о разговоре? — поднялся он с места.

— Я об откровении.

— Будь осторожна Эс, — поцеловал он меня в лоб и направился в сторону дома. — А то еще живым человеком станешь.

Я пошла на кухню и попыталась что-либо приготовить. Боже, я совсем не подходила на роль жены. Я не умела толком готовить, никогда не убирала, не знала, какое средство для посуды лучше, и какие ароматизированные свечи успокаивают малышей. Нет, правда. Я не знала ничего из того, чем владела каждая женщина при наличии мужа или ребенка. Все, чем владела я — это пистолет и сарказм. При чем что то, что другое могла использовать как к преступникам, так и к близким.

Я так и не дождалась Майкла и в конечном итоге уснула в кухне на диване. Проснулась утром от звука двери, затем от кофеварки и дыхания, которое меня раздражало.

— Доброе утро, — улыбнулся Майкл, наливая две чашки кофе. — Хочешь, я мусор вынесу за то, что разбудил тебя?

— Мусор у нас и так вывозят, — протерла я глаза.

— Хочешь, я намусорю и вынесу?

— Ты козел, — взяла я чашку кофе, давай Майклу возможность поцеловать меня в щеку. — Нахрена ты приперся в шесть утра?

— Я деградирую.

— Чтобы деградировать, надо сначала развиться. Если ты сразу туповат, это не считается.

Сегодня я вдруг поняла, что хочу уехать. Я устала от Майкла. Вчера мы сцепились с ним после того, как я вернулась домой, и он ушел, чтобы не трепать нам обоим нервы. Очень умно уйти, чтобы не говорить о проблемах. Кроме того, по его мнению, у меня недостаток проявления чувств. Мы поменялись ролями. Теперь Майкл сходил с ума от глупой привязанности, а я хотела убежать. Мне его стало слишком много. Возможно, из-за длительного одиночества, даже несколько часов в неделю кажутся мне вечностью, или я просто не создана для отношений. Также мы заговорили о детях, и он сказал, что раньше никогда не хотел детей, до Эстель, самой собой. И сейчас, после ее рождения, очередной раз повторил, что второго ребенка не планирует. Но пусть это звучит глупо и слегка инфантильно, но разве мужчина не хочет детей от женщины, которую любит? Тут ведь дело не в деньгах, как у большинства семей, и не в недостатке времени из-за работы. А в его эго и амбициях, которые ему в какой-то степени придется перечеркнуть, правильно расставляя приоритеты. И с одной стороны я понимаю, что и сама все еще ищу что-то для себя. Для своей души. Какого-то дела, которым могла бы заниматься всю жизнь. Но слышать это все равно странно, ведь, наверное, однажды я захочу еще детей, пусть даже сейчас и не уверена в себе, как в матери.

— Ты хочешь кого-то другого?

— Я думаю, что заслуживаю кого-то другого. Но я всегда хотела тебя, — повернулась я к нему. — Но ты замечаешь, что как только все начинает налаживаться, сразу появляются те подводные камни, о которых мы не знали, и что-то внутри меня, говорит, что все это глупо, с какой стороны не глянь.

«Она принадлежит мне, а я ей. Наша разлука, ссоры, охлаждения — всего лишь узоры на фоне вечной любви». Герберт Уэллс.

— Эс, я, блять, скоро буду красить стены в цвет твоего маникюра, — видела я его злость. — Тебя хер поймешь. Ты каждый раз хочешь чего-то другого, и я просто не успеваю.

— Знаешь, мне звонили уже кроты.

— Что? — нахмурился он еще сильнее.

— Говорили, чтобы ты поднял свою самооценку, а то она пробила им потолок.

— Знаешь, ты просто ненормальная, — провел он рукой по волосам. — Когда ты проявляешь хоть какие-то чувства, и я начинаю проявлять их в ответ, ты сразу пугаешься и убегаешь. Я просто устал, Эс. Ты думаешь, что я не чувствую всего того, что тут происходит? Отсутствия ребенка, твоя отдаленность, слезы, сигареты. И я понял уже, что ты будешь очень мило улыбаться, даже можешь быть спокойной, но я не нужен тебе. Тебе никто из нас всех, кроме Эстель, не нужен.

«Равнодушие и есть наивысшая жестокость». Митчелл Уилсон.

Самым лучшим, что произошло за всю эту неделю, было то, что она наконец закончилась. Утро началось с подлости в лице телефона, ибо пока я ночью злилась, просыпалась и снова засыпала, он разрядился, и будильник так и не прозвенел. И проснувшись от ярких лучей солнца, я поняла, что мое утро началось намного позже, чем планировалось с самого начала. Я быстро приняла душ, чтобы ускользнуть из дома прежде, чем встретиться лицом к лицу с Майклом и видеть взгляды всех остальных живущих в доме. Я была как не своя. Везде. Они помогали мне, но и мешали. И каждый раз я знала, что они чувствуют то же самое по отношению ко мне. Схватив сумку с дезодорантом и спреем для тела и натянув джинсы, футболку и Найки, я молниеносно вышла за дверь. Как на зло, Брайан заблокировал мне выезд, и пришлось ловить такси. Но словно весь город был настроен против меня, и автобус застрял на зеленом светофоре передо мной, и таксисту пришлось ударить по тормозам, сочно поцеловав задницу этой рухляди. Я покинула такси, заплатив ему еще и за моральный ущерб, и пошла в участок пешком.

— Эс, ты чего такая злая? — увидела я Батлера.

— Одичала, — продолжала я идти.

— Пошли поужинаем?

— Нет.

— Почему?

— Потому что хватит бросаться в руки всем неудачникам мира. Несмотря на то, какими привлекательными, сексуальными и восхитительными они были.

— Что случилось?

— Министерство не твоих собачьих дел.

— Пошли, — молча взял он меня за руку, и повел на автостоянку. — Все, что ты делаешь, надо делать хорошо. Даже если ты совершаешь безумства.

Я села в его машину, и он тронулся с места.

— Знаешь, сколько времени живут козлы?

— А тебе что, нездоровится? — съязвила я.

— Очень смешно, Эс. На самом деле представь, что твои чувства — это козел, который в среднем проживет максимум 10-15 лет.

— То есть, десять лет потерянной жизни — это немного?

— Для опыта совсем нет.

— А потом я буду той стереотипной английской старухой, которая будет добавлять бренди абсолютно во всю еду и напитки.

— Позволю мне напомнить тебе, Эс, — остановился он на стоянке. — Тебе нужен тот, кто регулярно рядом и заставляет чувствовать себя красивой, интересной и желанной. Мудак у тебя уже был.

Мы явно выехали за город и зашли в какой то бар, где сидели любители кантри. Там играли музыка, и шляпа была обязательным атрибутом каждого присутствующего.

— Ты будешь слушать мое нытье? — спросила я, сделав заказ.

— У меня нет на это времени.

— Как это у тебя нет на это времени? Планируй свой день лучше и вставай на час раньше.

Да, я была занозой. Многие называли это очарованием, но на самом деле я уничтожала все хорошее, что случалось со мной ранее. Я все ждала момента, когда проснусь в 12 часов дня с любовью всей моей жизни, сделаю кофе, несколько блинов, и все будет в порядке. Любовь появилась, но «всей жизни» так и не было. Хотя я и была благодарна, что порой мое холодное сердце согревало некоторых людей.

Я проснулась от дикой головной боли и сухости во рту. Боже, как же я ненавидела себя в этот момент за то, что напилась вчера до чертиков. Пора было бы уже выучить, что пить мне нельзя, а если и можно, то очень мало. Когда я аккуратно перевернулась, чтобы не вызвать новых болевых ощущений, меня накрыла паника. Я была не дома. От резкого прыжка в кровати незнакомая обстановка в комнате закружилась перед глазами. Пришлось застыть на месте, чтобы эта карусель остановилась, и после остановки мои глаза еще раз смогли, на этот раз внимательнее, рассмотреть интерьер. Я осознала, что сижу на кровати огромных размеров и однозначно в мужской спальне. Вот же дерьмо! Какого черта я натворила?

В то долгое время, пока мозг наворачивал круги воспоминаний, моя голова медленно приходила в себя. С кем я уехала прошлым вечером? Смутно и неуверенно всплывали в голове скудные отрывки: вот я рассказываю Висту о всем дерьме, потом он говорит, что отвезет меня, а потом... О боже, что же я натворила? Я не могла сделать это... или могла? Мои глаза еще раз прошлись по комнате. Она была чисто убранной, и тем не менее, очевидно, что это была мужская комната. Мебель была из темного дерева. Деревянные жалюзи на двух окнах обрамлялись серыми занавесками, хорошо сочетавшимися со стеганым одеялом, в которое я была завернута.

Я посмотрела по сторонам в поисках своей одежды, и у меня не было ни одной идеи, где я могла ее оставить. Не придумав ничего лучше, я встала и пошла исследовать это место.

Из холла внизу доносились тихие звуки включенного телевизора. Батлер сидел и читал какие-то бумаги, и, повернувшись на скрип лестничной клетки, он ответил спокойно:

— Ты вырубилась в машине. Я пытался тебя разбудить, но ты не реагировала, и поэтому я привез тебя в свою квартиру.

Переварив его слова, я представила, как он на своих руках несет меня от машины в квартиру. Да, можно было бы умереть от унижения прямо здесь.

— А что с моей одеждой?

— Ты говорила, что одежда была грязной, — сказал он с намеком на улыбку.

— О, она была.

— Сейчас она в сушилке.

— Мы переспали?

— Почти, — дал он мне какие-то две таблетки и стакан воды. — Но потом мы выпили еще несколько стопок, и уже никто не думал ни о каком сексе.

— Какое позорище, — вздохнула я, садясь на кресло. — Прости меня.

Вист приблизился ко мне, забирая стакан и поставил его на стол.

— И ты меня.

Когда он страстно впился губами в мои, я на мгновение почти задохнулась. Но целовать его — это как... я даже не знаю с чем это сравнить. Когда я целовала Майкла, то знала, что это очень хорошо, и ничего подобного в своей жизни я не испытывала. Но Вист делал это явно умело, то ли из-за большого опыта, то ли природного дара.

Он скользнул рукой по стороне моего лица и пальцами отбросил мои волосы за спину. Убрал одеяло и поднял на ноги, ощущая мое голое тело. И, когда он на мгновение остановил движения рук, его язык скользнул по моему с глубокими медленными касаниями. Зубы впивались в опухшие от желания губы настолько эротично, словно мои губы — единственная жаждущая часть на всем теле.

Его руки нежно зажимали мою полную грудь, что заставляло бежать томные мурашки по всему телу. Я настолько утонула в ощущениях, что едва почувствовала, как его рука скользнула между моих ног.

Я потерялась. Взрывные фейерверки вспышками горели в моей голове. Где-то в глубине сознания проскочила мысль, что я как раз собиралась все это прекратить. Ничего не было плохого в том, что мы делаем сейчас. Это было так хорошо. Это просто добровольный секс между двумя взрослыми людьми. Кто, к черту, беспокоился об отношениях? Я могла бы пойти на это.

Я не хотела увлечься еще одним мужчиной. Это была плохая идея. Стон вырвался, когда его губы засосали мою правую грудь. Она была глубоко между его губ, пока язык играл с чувствительным соском. Вист оторвался от горячего соска и пожирал меня глазами. Я охотно раскрыла бедра и почувствовала, как его палец проник в меня.

— Стейси, ты такая мокрая, — прошептал он напротив моих губ.

Я ответила, но не словами. Движения моих бедер говорили сами за себя. Как только он сказал это, еще один палец скользнул внутрь меня, и теперь я громко стонала. Мы нашли общий ритм, и я чувствовала приближающийся оргазм. Это настолько правильно ощущалось, но было совсем не натурально. Но к черту. У нас с Майклом все равно ничего не получится, кроме того, у ночи нет памяти. А сейчас я сама поверю в то, что ночь еще не закончилась.

— Ты хочешь меня, Эс?

Его язык жадно искал мой, что невозможно было и слово проронить. Когда его тело отстранилось от моего, мои ноги дрожали так сильно, что было сложно устоять. Задышавшись, я смогла ответить.

— Да, я хочу!

— Ты хочешь что? — сказал он с ухмылкой.

— Я хочу тебя!

Я хотела его тут, или на кафельном полу кухни, гранитной столешнице. Неважно, я просто хотела его. Он мог бы прижать мой зад к стальному холодильнику и взять меня прямо там, я бы не возражала.

— Ммм, это хорошо, — говорил, дразня круговыми движениями пальцев внутри меня.

Его другая рука крепко сжала мой зад, и он жестко толкал мои бедра в его. Я чувствовала, каким он был твердым, его член натягивал ткань джинсов, умоляя вырваться наружу.

Когда он достал пальцы из меня, мои ноги пробивала мелкая дрожь. Вист поднес кончики пальцев к своим губам и слизал с них мой вкус. Я расстегнула его ремень и сорвала молнию, после чего сдернула его джинсы на пол. Также удачно он снял белую футболку, и мы стояли напротив друг друга, почти задыхаясь.

— Скажи мне остановиться, если у тебя перед глазами другой человек.

Я откинула свои волосы в сторону и, проведя языком по его скуле, сжала в руках уже твердый член. Я не говорила ни слова, этого просто не нужно было. Мы оба знали, что для меня это лишь секс, и судя по всему, Вист не особо возражал. Одной рукой он продолжал игры с сосками, а другой раскатывал по пульсирующей эрекции презерватив, который неизвестно откуда взялся.

Я была готова. Больше, чем готова, и Вист посадил меня на мягкое кресло, поднимая ноги вверх. Когда он резко ворвался в меня, мой крик, кажется, оглушил нас. Он позволил своему члену раствориться во мне по всей длине и после вышел наружу. Затем снова вошел, рыча, когда я толкнулась ему навстречу. Он выходил и входил снова и снова, пока я встречала его собственными толчками. Гортанным голосом до неузнаваемости я прорычала: «Сильнее».

Он издал еще один рычащий звук и отдался мне. Его руки до боли обхватили мои бедра и теперь это был действительно жесткий трах. Его тело звонкими хлопками билось напротив моего, и наш пот скатывался по коже. Правой рукой он скользнул выше груди и взял меня за шею, удерживая, пока левая так же жадно держала мое бедро. Я оказалась полностью в его плену, не в силах хоть как-то пошевелиться, и я должно быть сумасшедшая, раз хотела этого так сильно. Он имел полную власть надо мной сейчас. Я закричала, чувствуя, как на мгновение умерла, и даже не почувствовала, как Вист кончил.

Он обрушил на меня долгий и томный поцелуй, а после упал передо мной на колени. Подняв одну из моих ног, он расположил ее на своем плече и без предупреждения обрушился языком в жестких толчках на мой изнывающий клитор. Я ахнула, когда его два пальца вошли в меня снова, пока язык продолжал ласкать жадный бугорок. Опустив глаза, я наслаждалась зрелищем, как он ублажал меня своими прекрасными губами и языком. Он зажимал мой клитор губами и закручивал язык вокруг в тугую петлю, заставляя сорваться на крик... но как только его зубы сцепились на вершине, возможно, я и кричала. Мое тело затряслось, когда мышцы на моей киске сокращались в бешеной пульсации. Он нырнул языком глубоко в меня, и я могла чувствовать его лицо напротив моего клитора. Мои бедра безостановочно заходили вверх-вниз, взад-вперед по его языку, пока, наконец, очередной оргазм не разорвал меня на части. Я впилась глубоко ногтями прямо в кожу на его плечах и теперь кричала так громко, что, наверное, слышали соседи.

После осталась лишь неловкость. Вист настаивал отвезти меня домой, но я ответила, что сама справлюсь. И тогда он положил ключи мне в руку и сказал, что он ничего не требует и просто хотел моей близости. Это звучало так смешно. Потому что я на данный момент просто хотела, чтобы он держался от меня подальше, в том числе и от моего сердца.

Сев в машину, я тронулась с места. Мне хотелось побыть одной. Ни с кем не разговаривать и оставаться в тишине. Да, секс был умопомрачительный, но отношения у меня не складываются. Кажется, я просто не создана для них. Может быть, потому, что я толком не была знакома с теми мужчинами, с которыми встречалась. Я всегда знала только либо очень хорошие, либо очень плохие стороны. А это только усложняло жизнь для меня в любом случае. Вечная тоска не характерна для нормального человека. Я словно магнит для мужчин, которые утопали в проблемах. Честно говоря, я не начинала отношения, собираясь исправлять мужчин, но как только погружалась в это, находила их по какой-либо причине невозможными, начинались терзания, приводящие к сложному разрыву. Возможно, мне не было бы так грустно, если бы хоть раз я смогла похвастаться историей о счастливом конце, хотя бы для моих бывших. Нет, каждый раз мы просто оба ломались под весом всех трудностей, и все заканчивалось.

Приехав домой, я твердо решить не раздувать из этого проблему и пошла в душ. Но это не сработало. Я думала о Майкле после душа, думала о нем, пока одевалась. Наливая чашку кофе, я снова и снова думала о нем. Пока готовила тост, мысли мои были о нем, это становилось все более невыносимым, хотя, возможно, Майкл и не вспоминал обо мне. Почему я чувствовала вину? Он встречался с женщинами, когда я вынашивала нашего

ребенка. Спал с ними после рождения Эстель, а у меня не выходит из головы единственный секс после ночи пьянки. И чем больше мои мысли возвращались к Майклу, тем больше была надежда на то, что он тоже ощущал такую вину по отношению ко мне, но просто не мог остановиться. Пока я пребывала в стране грез под названием «Майкл Вудс», машина привезла меня в мою старую квартиру, но дымка мечтаний так и не рухнула.

Несколько дней назад:

— Да ладно вам, ребята. Вы побудете немного вдвоем. Эс приготовит ужин.

— Пустые угрозы, Адам, — наигранно засмеялся Майкл. — Она не умеет готовить.

— Это камень в мой огород?

— Камушек милая, — забрал Майкл пистолет у меня из кобуры. — Маленький камушек.

Так странно. Но это я любила в наших отношениях больше всего. Смех. Шутки, которые были понятны лишь мне. Кажется, я любила в нем все, и поэтому вина съедала меня еще сильнее. Надо было ему все рассказать. Майкл предавал меня, но всегда был честен. И я, как минимум, ему должна. Мне никогда не проходило в голову, что любовь может быть чем-то иным, кроме такой всепоглощающей. Даже будучи ребенком, я хотела, чтобы было все или ничего. Никаких полутонов. И ничего меньше, чем «любовь» по-настоящему.

«Осторожно с надеждами, они проводят к разочарованиям». Алексей Пехов.

На парковке было полно полицейских машин. Пришлось остановиться на самой проезжей части, потому что на площадке не было даже свободного сантиметра. Когда я выбралась из машины и стремительно приблизилась к зданию, мои глаза не смогли поверить происходящему передо мной. Два огромных окна на фасаде были вдребезги разбиты. В шоке ноги повели меня ко входной двери, но полицейский преградил мне путь.

— Прошу прощения, мисс, но вы не можете зайти внутрь.

— Я здесь живу, — опешила я и также вытащила удостоверение. — И работаю.

— Эс, — услышала я голос Адама. — Тут был...

— Джейс, — договорила я за него. — Тут был Джейс.

— Да, но вот в чем дело, — продолжил друг. — Майкл пропал. Камеры записали, как они дрались, а потом о чем-то говорили. И они ушли.

— Что?

— Эс, все не так, чем кажется.

— А чем это кажется? Что Майкл все это время был не за нас? Что человек, который был нашей семьей, на самом деле предатель и просто держал нас рядом для информации?

— У Долорес есть другое мнение.

— Блять, Адам, незнание Долорес — это не мнение. Мнение должно основываться на фактах, понятиях, знаниях и понимании. Слепо верить и вести себя, извини, как дура, — это не мнение.

Я думала, что играла роль. Нет, все это время играл Майкл. И я не могла понять причины. Он был идиотом порой, но искренне любил свою дочь, хоть и предал меня. Но ничего не изменилось. Я по-прежнему хотела провести с ним всю свою жизнь.

Глава 12

Полтора года назад.

— Я веселый человек. Я почти всегда шучу.

— Ага, — смеялся Майкл. — Всегда, но про смерть.

— Знаешь, моя мать говорила, что я должна решать свои трудности, а не двигаться дальше.

— В чем смысл стоять на месте, Эс? — спрашивал он меня, когда мы сидели в Старбаксе и пили кофе утром в воскресенье.

— Жизнь сама по себе полна сложностей, и вызов придется принимать регулярно. Если начать убегать с самого начала, не просить о помощи и не думать головой с самого первого раза, тогда так можно действовать всю жизнь и потом понять, что на самом деле ты не сможешь выстоять даже против сильного ветра, не то что самой жизни.

Майкл на мгновение задумался, а потом «чокнулся со мной» стаканами кофе.

— Умная у тебя мама.

Тогда я промолчала, что ее давно нет в живых. Мы редко говорили. Обычно мы смотрели фильмы, занимались сексом и пили. Много пили. Я знала себе цену, но забывала о ней рядом с Майклом. Мне просто было настолько хорошо с ним, что он в каком-то смысле оказался лучшим, что со мной случилось за последнее время. Да, нельзя соглашаться на мизер, ни в работе, ни тем более в любви. Человек должен хотеть быть лучшим и выбирать лучшее, но рядом с ним с первого дня я слушала то, что внутри меня, и казалось, это что-то было гораздо умнее, чем я сама.

«Если завтра ты наберешь мой номер.

И не захочешь никого другого.

Я снова прыгну в твой тихий омут,

Здравствуйте черти, я дома».

Наши дни.

Часы показывали пять утра, и я продолжала смотреть в окно, сидя в машине и любясь сменой декораций. Я проезжала Манхеттен, смотря на небоскребы процветающих предприятий и, приехав в Бруклин, наблюдала за витринами дерьмовых магазинов и разваливающихся домов. Это была реальность: суровая, холодная, пустая и несовершенная. Обычно это не беспокоило меня. Но сейчас она ощущалась, как удар в лицо. Он предал меня, и я просто не знаю, как смогу объяснить это Эстель и самой себе, что, на самом деле, еще сложнее.

Было еще темно, когда я заметила миниатюрную фигуру. Это была темноволосая девочка, которой было не больше пятнадцати, и, казалось, она спешила, идя вниз по пустому тротуару, сжимая лямку рюкзака и каждые пару секунд оглядываясь через плечо. Я проследила за ее взглядом, и мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять, в чем дело. Парень в толстовке следовал за ней по пятам, находясь на расстоянии полуквартала. Так же, как и девушка, он быстро шел, чтобы догнать ее.

Я начала барабанить пальцами по рулю, но взгляд все равно оставался на девушке. Когда она завернула за угол, скрывшись из виду, я почувствовала, как холод пробежал по спине. Парень в толстовке, набирая темп, также завернул за угол, исчезнув из поля зрения. Дерьмо. Гребанное дерьмо. Улицы были пусты, и это типичный район, в котором все спят, чтобы остаться в живых. Куча безработных наркоманов и ублюдков, подобных ему.

Я нажала на газ, и мой седан помчался по улице, повернув за тот же угол, что и девочка. Я крепко сжала руль,

не уверенная в том, что обнаружу, когда доеду. Меня почти затрясло, и внутренности словно провалились в ледяную яму. Рюкзак девочки валялся на земле, и она была в нескольких метрах от меня, прижатая спиной к груди парня. Девушка не издавала ни звука, и я сочла это странным, пока парень не повернулся в мою сторону, и я не увидела руку возле ее рта. Он утаскивал ее в соседний переулок.

Недолго думая, я открыла бардачок и вытащила пистолет. Не заглушая мотор, я вышла и поспешила в переулок, в котором они находились. Я замедлила шаг, когда приблизилась и всмотрелась в темноту. Он ударил ее лицом в стену, и она укусила его за руку.

— Перестань дергаться, — прошипел парень, снова толкнув ее к стене.

— Да пошел ты.

— Не сопротивляйся. Просто не дергайся, и все закончится.

Я вдруг с ужасом представила, если когда-нибудь случится такая ситуация с моей девочкой. Она будет совсем беззащитной, и в этот момент мне еще больше, чем в остальные, захотелось избавиться от всех ублюдков на планете.

Гнев затуманил мой разум, и я приблизилась к ним, снимая пистолет с предохранителя. Все произошло быстро. Я схватила парня за капюшон, оттянув его от девочки. Он все еще держал ее за волосы, и, падая назад, потянул за собой так, что она свалилась прямо на него. Она изо всех сил пыталась освободиться, когда я присела, и приставила пистолет к горлу парня, заставляя его полностью застыть на земле.

— Отпусти ее, — потребовала я у этого куска дерьма.

Парень сразу же повиновался, а сбитая с толку девочка отползла к стене, чтобы отдышаться.

— Я отпустил ее, — сказал он мне, в знак поражения подняв руки вверх. — Конец истории. Я пойду.

— Я, блядь, так не думаю.

Я поставила парня на ноги и схватила его за волосы. Тот сопротивлялся, но сдался, когда я подвела его на то же место, где он разбил лицо девушки.

— Тебе нравится делать больно? — спросила я его, а затем перевела взгляд на испуганного ребенка. — Иди в мою машину. Сядь и не двигайся.

Она сделала то, что я сказала, и этот мудака вскрикнул, прежде чем его лицо врезалось в стену, и кирпич окрасился кровью. Не останавливаясь, я снова ударила его, теперь уже сильнее. После пятого удара его тело обмякло, и я выстрелила ему в шею, радуясь глушителю. Тот рухнул на землю, и шум от злости в моих ушах постепенно прекратился. Я перешагнула через его труп и направилась к машине. Девочка сидела и смотрела на меня пустыми глазами. Я наблюдала за ней. Она была молоденькой, с угольно-черными волосами и темными глазами. Увидев кровь на ее лице, я закрыла дверь машины и достала из бардачка салфетки, также вернув туда пистолет.

— Ты убила его? — спросила она тихо.

— Ему не было больно, — дала я ей бутылку воды. — Если тебя это волнует.

— Не волнует.

— Есть хочешь?

— Да.

Я тронулась с места и отправилась в Whitehall. Бар, который находится на Манхеттене. Гамбургеры здесь в лучших традициях Америки. Мясо маринуют в фирменном соусе, отчего оно получается очень мягким и сочным, сыр закупают в лучшем магазине сыров, овощи доставляют с фермерского рынка, свежие и без добавления всякой химии. В общем, я очень полюбила это место, когда была беременна, и благодаря полезности продуктов

меня тут знали в лицо и по имени. Я сделала заказ на бургеры, картошку, овощи и сок, а себе заказала кофе, и мы сели за столик, смотря клипы певцов и завтракая в полной тишине. Я хотела спросить, но вспомнив себя в ее возрасте, понимала, что ей это нахер не нужно.

— Ты даже не спросишь, как меня зовут? — задала она вопрос спустя несколько минут, поглощая еду.

— А ты хочешь, чтобы я знала, как тебя зовут?

— Почему ты помогла мне?

— Хочешь поиграть в десять вопросов?

— Я — Кетрин, — усмехнулась она. — И я сама могла за себя постоять.

— Определенно, — не стала я спорить. — Знаешь, тебе, конечно, плевать, но когда-то ты вспомнишь мои слова. По своей природе люди больше склонны к добру, чем ко злу. Но это не значит, что весь мир складывается только из добрых людей. Тебе будут обязательно встречаться те, которые будут совершать неправильные поступки, и те, которые будут делать больно, и, в конце концов, подлость можно встретить на каждом шагу. Но хочу, чтобы ты помнила, что у каждого человека есть шанс на исправление. И каждый считается невиновным, пока не доказано обратное.

— Ты будешь меня учить? — откинулась она на спинку стула. — Нахрен не нуждаюсь.

— Конечно, — скептически взглянула я на нее. — Но с чего ты взяла, что лучше остальных? Ты не лучше людей, которые управляют автобусом, ремонтируют обувь или убирают улицы. Независимо от того, чего ты добьешься, ты должна уважать других, как минимум из-за того, что сейчас, смотря на тебя, я могу сказать, что ты не владеешь ничем, не считая слабенького уровня сарказма.

— Как тебя зовут? — сделала она глоток сока, не сводя с меня глаз.

— Стейси, — ответила я, чуть усмехнувшись.

И вот с этого дня началась еще одна история. Я увидела в ней себя, лишь с одним отличием — я была более агрессивна. Взаимность — это, наверное, самое лучшее, что может произойти с человеком. С тех пор, как это произошло, прошло несколько недель. Эта девочка стала мне нужна в какой-то степени, и я, кажется, к ней привязывалась. Порой она спала у меня в квартире, в которой я теперь проводила много времени, а когда ее не было, я не задавала лишних вопросов, и, кажется, мы ладили отлично. Долорес почти не появлялась, и я не могла ее винить. Ведь теперь, когда Майкла не было рядом, я по-настоящему поняла, что тоже ушла бы вслед за ним хоть на край света. Я боялась его увидеть. Я боялась, но так ждала.

«Трагедия жизни не в смерти. Трагедия жизни в том, чему мы позволяем умереть внутри нас, пока мы живы». Норман Казинс.

Пока я гналась за Джейсом, Вист вызвал Стивена на допрос, и я хотела поговорить с ним. Поговорить о подруге, которая никогда не признается мне в том, что скучает по нему. Поговорить о том, что у него будет ребенок, а он об этом даже не знает. В общем, я хотела поговорить с ним обо всем, кроме причины, почему мы оба сейчас находимся в участке.

— Пусти меня к нему, — сказала я Висту. — Мне просто нужно поговорить с ним.

— Не вмешивайся в это, Эс.

— Не позволяй себе этого. Я не держусь за эту работу, как за деньги. А лишь потому, что хочу защитить близких. Но если ты начнешь перекрывать мне кислород, я выйду за эту дверь, и ты больше никогда меня не увидишь.

— Не шантажируй меня, Эс, — видела я как его жевалки заходили от злости.

— А ты не пытайся меня контролировать.

Я вошла в кабинет и закрыла за собой дверь. Стивен сидел полностью в расслабленном состоянии, словно сейчас должны показывать футбольный матч.

— Стейси, — поднял он на меня глаза. — Знал, что это будешь ты.

— Откуда ты знаешь меня?

— Я знаю всех, кто хоть раз встречался с...

— Эбби, — перебила я его. — Ты знаешь всех, но не знаешь ее. Как иронично.

Он поставил руки на стол и всмотрелся в мои глаза. Он был слишком сильным. Сильным во всех смыслах этого слова. Огромный, как шкаф, и когда он складывал руки, рубашка натягивалась, и я совру, если скажу, что это не было сексуально.

— Может, ты лучше спросишь, где сейчас Майкл?

Мое сердце забилося чаще, и я сжала кулаки до боли от ногтей. Я хотела врезать ему или сделать больно психологически. Хотела найти его слабость и воспользоваться этим. Но сдержалась. Мне нужна была информация, и я согласна была играть по его правилам.

— Я думаю, он сейчас в Лас-Вегасе играет в карты, проигрывая все деньги, и проводит каждую ночь с другой. Все в стиле Майкла, — показала я кавычки в воздухе.

— Ты не идиотка, Стейси, а если веришь в это, то это банально, даже для Вудса.

— Я просто женщина.

— Вот тебе раз, — засмеялся Стивен наигранно, хоть и его глаза оставались ледяными. — Из всех вещей, о которых следует волноваться, ты переживаешь по поводу полуголых девиц, фланирующих вокруг него? Брось, девочка. Разве ты никогда не просыпалась посреди ночи от мысли, какого хера ты делаешь в мире, где он такой идеальный бизнесмен без прошлого? Разве ты никогда не хотела узнать, почему он ушел из дома и больше не возвращался? Откуда его стартовый капитал?

— Да, — честно ответила я, чувствуя, что сама втянула себя в этот разговор. И мне нужно было с кем-нибудь об этом поговорить. — Бывало, я каждую ночь думала об этом. Все время сомневалась в своем здравомыслии, ведь была уверена, что это моя жизнь полна дерьма. Задавалась вопросом, как я могу любить кого-то настолько сумасшедшего, того, кто никогда не будет любить лишь меня, и никогда не сможет быть постоянным, но потом вспоминала некоторые вещи, которые совершала, пока выросла. То, чем я не горжусь, или выбор, о котором жалею или не жалею. И я поняла, что, возможно, мы все немного сумасшедшие.

— Майкл убивал людей.

— Я тоже.

— И все равно любишь его?

Я кивнула, глядя в его серьезные карие глаза.

— Да. Это неправильно?

Мгновение он не отвечал, а потом усмехнулся.

— Дорогуша, какого хера я могу знать о том, что правильно или неправильно? Я рос в этом мире. Я не самый подходящий человек, чтобы ответить на твой вопрос.

— Я по-прежнему хочу знать твое мнение, — надавила я.

Он помедлил, удивленный моей настойчивостью.

— Да, — наконец, ответил Стивен. — Это неправильно. Но иногда неправильное не так уж плохо. Иногда бывает, что именно это и нужно человеку.

— И если ты не поможешь нам, — ворвался в кабинет Вист, — смертей может быть гораздо больше. Может пострадать не только Стейси, но и Эбби.

И в этот момент произошло что-то нахрен страшное. Как в замедленной съемке, Стивен поднялся с места и устремил свой дикий, наполненный ненавистью взгляд в моего босса, который сейчас был, откровенно говоря, полным идиотом.

— Подойди ближе и повтори угрозу ее жизни еще раз, — злобно прорычал он. — Ты сейчас тут, а через час будешь лежать в реке с пулей в башке. Открой рот и расскажи о том списке людей, которые могут быть мертвы, если я там тебе чего-то не расскажу. И тогда дай мне повод перепрыгнуть через этот стол и воткнуть нож тебе в горло. Скажи это еще раз. Я, блядь, разрешаю тебе!

Мое сердце подпрыгнуло к горлу, а желудок рухнул вниз. Я вытаращила глаза на них обоих, и понимала, что кто-то из них проиграет эту схватку только ногами вперед. Вист крепче сжал пистолет, пристально наблюдая за движениями Стивена, который сохранял непроницаемый вид в тот момент, когда единственной подвижной его частью были глаза. Такой реакции только после звучания одного имени я еще не видела. Я задумалась, если все зайдет далеко, на чью сторону я стану: Виста, который много лет назад дал мне смысл жить, или Стивена, который определенно знает, где сейчас находится человек, который и является этим смыслом.

От крови нас спас лишь адвокат Стивена, который забрал его из комнаты из-за того, что не было причин держать его тут дальше. Сразу после этого я поехала в дом Адама и пыталась найти еще хоть одну запись из камеры, но все было тщетно. Не было ни одной записи и никакого следа. Вернувшись в свою старую квартиру уж поздно вечером, я увидела Кетрин, спящую в кровати. Я легла рядом и по какой-то причине была рада, что она тут. Я подняла ее досье и знала, что она сидела на амфетамине, и, кажется, в шутку, в местном участке уже была камера с ее именем. Все это случилось после смерти ее родителей, которые разбились в аварии полтора года назад. Боль заставляет совершать нас ужасные вещи, и можно было бы сказать что-то типа: «Потерпи». Кажется, что все проходит, и можно сказать, всего один год, и все будет как раньше. Да, людей не будет рядом, но ты будешь в порядке. Но все это херня. Чушь собачья. Иллюзия. Ничего не проходит, пусть боль и не вечна. Ничто не вечно.

И когда в очередную ночь очередной кошмар настиг мои мысли и отогнал сон, я выскользнула из постели и неслышно подошла к окну. Я оглядывала пустынные улицы, и у меня была чертова паранойя. Мне казалось, что кто-то следит за мной, и казалось, что я обречена на такую жизнь. На улице и в округе все было спокойно, и лишь случайная машина проехала по улице, осветив ее ненадолго, после чего скрылась. Через некоторое время по тротуару прошла компания пьяных мужчин, взрываясь смехом в паузах между невнятной речью. Потом снова тишина. Тишина была обманчивой и не нравилась мне. Я взяла ключи от квартиры, одевшись перед этим, и поцеловав Кетрин в лоб, заперла дверь и вышла из здания.

Я сидела в машине наблюдая за окружением, и музыка сменялась одна на другую. Я не вслушивалась в слова, и тем более не стала вникать в их смысл. В бесконечности всех событий я просто устала. Я молилась теперь за Майкла, и лишь о нем были мои мысли. Я любила его до безумия, и мы оба это знали. Между нами было даже больше, чем любовь. Это были те чувства, о которых говорить стыдно людям вроде меня. Но в эту секунду и в этот момент он был мне так нужен. Между нами происходило что-то, даже когда его не было рядом. Я так хотела, чтобы он был в порядке и хотела его найти. Но это было чисто из эгоистичных помыслов. Мне просто легче, когда Майкл был рядом, и было легче, когда он каждый раз пытался удержать меня. И только когда он пропал, я поняла это.

Я любила смотреть на него после секса, или еще лучше, во время. Любила видеть отражение эмоций на его лице. Его губы становились нежными, а глаза любящими. Он ласково целовал уголок рта, и взгляд его голубых глаз теплел. Майкл смотрел на меня, будто я так много для него значила. Словно я была целым миром и солнцем, вокруг которого он вращался.

Он сжигал меня. Прожигал. Охлаждал и заставлял чувствовать себя живой. Я хотела, чтобы он сказал сейчас, что любит, и что вся его нежность существовала не только в моем воображении и воспоминаниях. Что это действительно правда, и мы стали реальностью в какой-то момент. Что он уехал на поиски дочери или преступника. Но только не лгал. Я так отчаянно желала, чтобы между нами не было лжи.

Дверь машины открылась, и я даже не успела достать пистолет, как мои руки были сжаты. Я повернула голову и увидела Стивена, который покачал отрицательно головой, давая понять, что ему нужна тишина.

— Что ты, черт подери, тут делаешь?

— Мне показалось, что тебе нужна помощь.

— А как же, — почти выплюнула я слова. — Вали нахер от сюда.

Мое сердце колотилось со скоростью сто миль в час, и я просто знала, что дальше не будет ничего хорошего.

— Ты когда-нибудь думала, как бы сложилась твоя жизнь, будь тогда на месте Майкла другой?

— Да, — ответила я честно.

— Когда-нибудь представляла, что могло быть дальше, будь там человек, без демонов, который отдал бы тебе все, но также сильнее тебя? Тот, кто смог бы обуздать тебя?

Я уставилась на блеск его глаз в тусклом свете и умом понимала, что он играет со мной, и он человек, которого любит моя подруга. Но в нем было что-то смертельно опасное и притягательное в то же время. Вот почему мне нужен кто-то рядом. Я должна знать, что ему я нужна больше. Майклу нужна больше, чем Батлеру или даже играм Максфилда.

— Какой бы дорогой я не шла в этом мире, она непременно приводила меня к Майклу, и сейчас все остальное не имеет значения.

— Мне нравится сладкое, но я не ем по кусочкам. А лишь весь торт.

— Весь торт? — нахмурилась я. — Ты не будешь меня ни к чему принуждать.

— Если я просто сделаю то, что понравится нам обоим, это не будет принуждением, — усмехнулся он, и я увидела впервые, что и его глаза излучали улыбку.

— Ну это будет изнасилованием, Стивен, — достала я пистолет. — Самым, мать его, что ни на есть, настоящим изнасилованием.

— Тебе стоит быть намного осторожней, потому что ты определенно влюбишься в меня.

После он лишь отдал мне видеокамеру и ушел, на прощание подмигнув. Он был определенно больным идиотом. До безумия опасным и сексуальным идиотом. Мое сердце колотилось, и он просто исчез так же быстро, как и появился.

— Не реагируй, — убеждала я сама себя. — Играй по его правилам.

Я открыла камеру и нажала воспроизвести. На камере был Стивен, Джейс и Майкл. Само видео было больше часа. Они говорили о деньгах, сроках, правилах работы какой-то сделке, о картеле, сбывающем наркотики и обо всех гребаных незаконных вещах, существующих на свете. Я находилась в состоянии шока, желая отгородиться от их слов, уплывая в свои мысли. Но у меня не получалось этого сделать. Я слышала каждую деталь, о которой они говорили. Достаточно, чтобы узнать о совершенных всеми ими нескольких скандальных сделок на стороне. Начиная с отмывания денег, как бы от выручки ресторана и заканчивая акциями фирм, которые на самом деле были фикцией.

А еще Майкл отмывал деньги. Я соединила все детали мозаики сама только потому, что Джейс пытался привлечь его к соглашению. Сначала Майкл отказался, сказав, что деньги его не интересуют, что, кстати, неожиданно поразило меня. Он отмывал свои собственные, чтобы скрыть их происхождение. Это объясняло, почему он владел таим количеством недвижимости. Единственная вещь, которая не обсуждалась — как Майкл сделал первоначальный капитал. Видимо, чужие секреты уважались. И ни с одной стороны не возникла жажда раскрыть их. Майкл выглядел напряженным: челюсти сжаты, взгляд тяжелый. Думаю, его действительно осенило понимание того, что он только что сделал. Он согласился испариться, передав все, чем владел для отмывания денег, из которых вытекало множество трупов по причине защиты меня и Эстель. Джейс со

Стивеном просто не оставили ему выбора, и Майкл не верил, что я смогу сделать что-либо, и согласился на все, просто чтобы защитить. Майкл выглядел там, как мужчина, только что продавший душу дьяволу. И чувство, что я всему причина, и во всем этом виновна, не покидало.

Затем прозвучал голос Стивена, и я увидела его самодовольное лицо, но все еще непроницаемые глаза. Он оставил свою почту и номер телефона, и последнее, что сказал, было:

— Итак, детектив Стейси Фостер, чтобы раскрыть серию жестоких убийств и найти любимого, обращается за помощью к опасному преступнику. Каждый раз он будет просить что-то взамен, но что, если цена будет слишком высока, Стейси? Но ты все равно попросишь.

Что же ты натворил, Майкл? Я говорила лишь в своей голове, и мне нужна чертова тишина с голосом Майкла. Или хотя бы запахом. Что угодно. Я поняла, что даже секунды с ним сейчас, назову собственной победой.

Мне не хватало нашей близости. Да, конечно, дело было в сексе. Но у нас был не просто трах, это я поняла лишь сейчас. Он мог довести меня до оргазма просто имитируя, что проникает в меня, и я чувствовала это каждой клеточкой своего тела. Я чувствовала его, и я любила то, как он смотрел на меня в моменты нашей близости. Это всегда было так чертовски потрясающе, что именно по этому я скучала больше всего.

Вист приглашал меня на ужин раз за разом, понимая, что никакой завтрак нам больше не светит. Он словно увидел зеленый свет, когда Майкл пропал. Жизнь — это коктейль, в котором смешивались обыденность и пиздец, но тем не менее, рядом с Майклом это не ощущалось неподъемной ношей. Мне не нужно было меняться. Ничего доказывать.

И приехав домой около трех часов, я еще долгое время лежала с открытыми глазами. Я не могла уснуть, и когда уже собралась встать и заняться чем-нибудь, что отвлечет меня, зазвонил мой телефон. Номер был неизвестный, и я на мгновение подумала сбросить вызов, но голос внутри, который кричал: «Возьми чертову трубку», — победил.

— Эс, — услышала я голос Майкла. — Я люблю тебя. Я люблю тебя, и нихера у меня без тебя не выходит.

— Где ты?

— Выйди на балкон.

Я сорвалась с кровати и набросила на себя одеяло. Я цеплялась за чертову ниточку, которая была как воображаемый мною горизонт. Майкл стоял на балконе, словно просто вышел покурить. На секунду я поверила, что это мое воображение. Он смотрел прямо на меня, наблюдая. Я никогда не видела никого, похожего на Майкла. Он буквально был прекрасен. Я попыталась что-то сказать, но не смогла.

— Ты веришь мне? — спросил он.

— Нет, — приближалась я маленькими шажками.

— А хотела бы поверить?

— Больше всего на свете, — стояла я настолько близко, что чувствовала тепло его тела. — Помнишь меня? Я была твоим лучшим другом, и ты мне доверял.

— Да, и мы все время ссорились.

— Нас с тобой больше всего ссорят дни, проведенные друг без друга. Но плевать, — взяла я его за руку. — Пойдем, уложим тебя в кровать. Ты ведь устал. Поговорим завтра, когда твои мысли прояснятся.

Майкл схватил меня за плечи, крепко сжав их.

— Эс, ты что, не видишь? Мне придется заниматься этим всю мою жизнь.

— Тогда остановись, — ответила я, не отводя взгляд.

— Я не могу взять и остановиться. Люди вроде меня не могут. Я увяз в этом, и стоит мне отвлечься, и я труп. Ты труп. Наша дочь, — видела я боль в его глазах. — Она погибнет, Эс. Все, что я делаю, ради вас двоих. Ты слышишь меня?

— Я слышу тебя.

— И ты все еще хочешь положить меня в свою постель? Все еще хочешь быть с чертовой мишенью всю свою жизнь?

— Майкл...

— Ответь мне!

— Да! — вскрикнула я, когда чувствовала, что вот-вот сорвусь.

— Почему?

— Потому что я люблю тебя!

Майкл прервал меня жестким поцелуем. Он схватил меня за волосы, притягивая к себе, и я почувствовала, как сильно он нуждался в этих словах. Ему нужно было знать, что его любили. Боже, в этот момент я поразились, сколько же ужасов ему пришлось пережить, чтобы так хотеть услышать это. Когда его губы оторвались от моих, он прижался своим лбом к моему и с грустью заглянул мне в глаза.

— Я не могу так больше, Эс. Думал, что смогу ничего не чувствовать, но сегодня ночью после каждого удара, нанесенного другому, я чувствовал, как внутри что-то разрывается. Я чувствовал боль, от которой не могу избавиться. Я убиваю, хороню, смываю с рук кровь, и я вижу красный повсюду. Я не могу остановиться.

Его лицо побледнело, и я сняла с себя одеяло и обернула его вокруг Майкла. Его кожа была совершенно холодной, словно на улице был мороз, и он был лишь в шортах.

— Я хочу увидеть самую разрушенную часть твоего сердца, Майкл, и тогда я буду знать место, откуда начинается мое уважение к тебе, а с этого и любовь.

Глава 13

Кто-то сказал: «Норма — это иллюзия. Что норма для паука, хаос для мухи».

Когда я проснулась, Майкла уже не было. Я знала, что так будет, и пусть я и переживала, мне было чем заняться. Он оставил мне письмо, которое я, конечно, отложила в долгий ящик.

Я села в машину и поехала к своему отцу. Боже, что я делаю? Я ненавижу его, и он хотел, чтобы я умерла. Но что-то тянуло меня к этому месту, и я просто хотела узнать. Я припарковала свой автомобиль и направилась во двор. Я была уверена, что мой отец живет где-то в частном районе Хьюстона, за огромное преимущество — отсутствие людей. В Хьюстоне тишина и спокойствие, по сравнению с Нью-Йорком, и это был бы рай для отца. Но на самом деле он жил слишком скромно. Никакого белого забора, достроенного гаража и фигурок на улице, которые бы украшали двор. Никто бы не обратил внимания на этот дом, и, возможно, в этом и был смысл. «Ему нужно обзавестись питомцем», — подумала я, все еще направляясь к дому. Я хотела познакомиться с ним. Как глупо, что я так и не смогла смириться с потерей семьи. Я подумала о том, что любила свою квартиру, в которой жила ранее, хоть она была холодной и неприветливой. Возможно, как и я сама. Мой дизайн был очень современным: темно-красные стены и черная мебель.

— Здравствуй, — сказала я, когда отец открыл дверь.

— Здравствуй, Стейси.

Я махнула головой на скамью около дома, и он последовал за мной. Я достала пачку сигарет, сняла пиджак и поставила сумку на землю. Дрожь пробежала по телу, и я зажгла сигарету, сделав первую затяжку. Человек, сидящий напротив, сделал тоже самое. Уильям смотрел на меня несколько минут, молча наблюдая за каждым движением.

— Когда ты начнешь покупать подарки?

— Я покупаю подарки, — ответила я. — Но только себе.

— Где ты была?

— Много где, — докурила я первую сигарету и взяла вторую. — Была в интернате, потом в нескольких приемных семьях.

— А теперь ты где?

— Здесь, — слишком громко вздохнула я. — В Нью-Йорке. Не заметно?

— Ты все шутишь?

— Не хочу воспринимать эту жизнь всерьез.

— Ты очень похожа на свою мать. У тебя ее глаза и ее улыбка. Ее фигура, но с одним отличием — она гордилась тонкой талией и всегда носила платья, а ты, как я вижу, все прячешь под штанами.

— Я не буду обсуждать с тобой свою фигуру.

— Ей приходилось делать все возможное, чтобы включить меня в программу, когда она забеременела. Я не мог перестать пить, а твоя мать начала изучать проблему алкоголизма и пыталась поделиться со мной своим знанием, чтобы потом я мог заботиться о тебе. Она исследовала множество программ, а я был не в состоянии даже просто услышать ее. Потом она осознала, что у меня абсолютно нет желания вступать в какую-либо программу или даже клуб, и ее борьба закончилась, — слеза скатилась по его щеке. — Все ее попытки оставались для меня пустым звуком. Но и уйти из ее жизни просто так я не мог, ведь любил ее больше всего на свете. Я ушел, она плакала, и я каждый день мозолил ей глаза, ошиваясь у вашего порога. Я плакал и умолял, чтобы она сделала аборт, а когда она отказывалась — обвинял и ругался на нее, а затем снова плакал и умолял.

Я пыталась сдержаться, но не смогла, и спрятав голову в ладонях, горько заплакала. Я хотела забыть все, что в прошлом ранило меня, хоть и не пыталась забыть, чему оно меня научило.

— Когда ты выходишь замуж, Стейси? Когда свадьба?

— На горизонте, — вернула я себе самообладание и поднялась с места.

— А что такое твой горизонт? — спросил у меня Уильям, когда я начала уходить.

— Горизонт — это воображаемая линия, которая удаляется от нас по мере нашего приближения.

— Когда ты стала такой бездушной? — вскрикнул он мне вдогонку, когда я открыла дверь машины. — Ты не могла такой родиться, ведь у твоей матери было доброе сердце.

— Да, — лишь прошептала я сама себе. — Доброе сердце, которого не было у тебя, а я больше похожа на тебя, чем на нее.

Человеческая душа неосязаемая вещь. Да, кажется, она такая же продажная, как и вещь в настоящее время, но иногда люди сохраняют ее, даже на немного. Я не продала свою, но и не могу сказать, что сохранила. Мы никогда не думаем, почему падаем именно в тот день, в который падаем. Разгоняемся до скорости, на которой ни разу не ездили, также в определенный день. Почему? Нет, правда? В жизни мы не замечаем, что разгоняемся или падаем в этот день, потому, что нам это нужно. Парой мы хотим упасть, и иногда — это лучшее, что с нами случается.

Я сидела вечером возле камина с бокалом вина и слушала какую-то старую музыку, которая играла из колонок. Брайан что-то мастерил во дворе, а Адам помогал ему, попивая пиво. Они выглядели расслабленными, и я знала, что они постоянно говорят со своими женами. Разговоры успокаивали их, и им они могли доверять. Но не мне. Я сама не могла себе доверять. Когда я легла в кровать, в жалкой попытке уснуть, то думала. Мои мысли все время сопровождали меня, и я все ждала момента, когда они исчезнут. Мой телефон завибрировал на тумбе, и я, увидев незнакомый номер, подняла трубку.

— Привет, ты спишь? — услышала я голос Майкла, и электрический ток прошелся по моему телу.

— Да.

— Я скучаю по тебе.

Я не произнесла ни слова, хоть и собиралась сказать целую тираду. Собиралась сказать, что мне не хватает его объятий, когда у меня болел живот. Или неожиданных приездов, когда я всем своим видом играла ненависть. Что я всегда была такой: не слушала историю до конца, но все равно продолжала играть. И наконец, что, когда он позвонил, у меня сложилось такое впечатление, что зацвели первые бутоны, и мое сердце снова начало биться.

— Все стало слишком реальным? — снова заговорил он. — Я стал слишком реальным для тебя?

— Просто не говори мне всего этого дерьма, Майкл, — начала я злиться.

— Но я чувствую все это.

Я снова ничего не ответила. А что собственно я могла сказать? Что чувствую то же самое? Что скучала каждый чертов день, не смотря на все? Все его слова были правдой, и меня это злило еще больше.

— Тебе будет легче завоевать страну, чем мое доверие, — наконец произнесла я. — Ни в чем больше нет смысла. Ты не захотел остаться, и не остановил меня, когда я уходила.

— Потерпи, — слышала я какой-то шорох на заднем плане, о котором хотела спросить, но заткнулась. — Еще неделю. Месяц, а может быть год. Но все пройдет. Все всегда проходит, и ничто не вечно, Эс. Тебе будет грустно долгое время, а потом возможно станет все равно, и это будет лучшее чувство в мире.

— Ты в порядке? — не сдержалась все-таки я. — С тобой все в порядке?

— Детка, я перечислил тебе деньги на счет, созданный на твое имя вчера ночью.

— Мне не нужны деньги.

— Конечно нужны, и ты их возьмешь, — я собиралась возразить. — Пожалуйста.

— Зачем ты это делаешь? Ты же ушел из моей жизни.

— Я надеюсь, что ты запомнишь меня как мужчину, который прожил бы с тобой всю оставшуюся жизнь, будь у него такая возможность.

Затем он пожелал мне спокойной ночи, и я как по чертовой команде уснула даже спустя не десять минут. Я успокоилась немного. А затем была бесчисленная череда звонков с разных номеров. Майкл звонил мне несколько дней подряд с одноразовых телефонов. Разговоры у нас не всегда клеились. Мы говорили о разных мелочах, но только не о важном. Да и когда? У нас не было времени. Майкл позвал меня на Гавай. Сказал, что частный самолет будет ждать меня в аэропорту через два дня, и он дает мне это время, просто по причине, что оно мне нужно. Мне всегда нужно время, и я сейчас просто не могла оставить Кетрин или Долорес. Да, это был бы возможно лучший отдых и лучшие дни в моей жизни. Они были бы наполнены любовью, сексом, страстью и Майклом. Целиком. Слава небесам, у меня были эти два дня, чтобы подумать.

Я размышляла, что хотела бы такой любви, как у знакомых мне пар. Такой большой и преданной. Чтобы мы сидели порой где-нибудь в парке, а Эстель бегала и смеялась. Да, моя жизнь была полна разных эмоций, которые снова каждый раз я не хотела испытывать.

Он так часто делал мне больно, что я и сбилась уже со счету, за что его прощать. Но правда в том, что тем, кого мы любим, прощаем все, что угодно. Мы готовы планету перейти, а затем назвать ее их именем, только чтобы почувствовать еще что-то. И пусть я понимаю, что с Батлером все будет спокойно и размеренно. У меня будет постоянство и он даст мне полную свободу и гарантии, но выбирая между любовью и стабильностью, к черту прекрасную жизнь.

«Ее судит толпа
и считает слегка странноватой,
а она так упрямо
живет в ожидании счастья,
у нее между ребер,
наверно,
прослойка из ваты,
а иначе бы сердце
давно разлетелось на части».

Я сказала Висту, что беру несколько выходных. Находясь в его кабинете под изучающим взглядом, я чувствовала себя школьницей, которая врет и пытается избежать наказания. Я всегда себя так чувствовала рядом с ним, особенно когда он пытался меня «отругать», и я знала, что виновата на самом деле. Вист был старше меня на шестнадцать лет, и он был все еще потрясающе красив. Он был надежен, спокоен, и с ним я бы не переживала о том, что в одно мгновение он может пропасть. Он бы никогда не предал меня и не ушел, не дав мне гарантий и возможности с комфортом жить дальше. И все, что мне нужно было, это согласиться. Но я не могла. Я держалась за последнюю ниточку, связующую меня с Майклом, просто чтобы прожить еще хотя бы несколько лет, испытывая эмоции, которые дарил мне только он, просто находясь рядом.

— Зачем тебе эти дни?

— Я хочу отдохнуть.

— Не хочу упускать тебя из виду, Эс, — вздохнул он. — Я хочу быть рядом.

— Почему ты заботаешься обо мне? — посмотрела на него в упор.

— Не знаю. Почему-то хочу этого.

Когда я промолчала, Вист встал напротив меня, и его аромат укутал. Да, пах он до неприличия хорошо, но этот запах не вызывал у меня мурашек по коже, и мне не хотелось облизать его шею, просто чтобы еще сильнее окунуться в него.

— Ты чувствуешь что-то ко мне, Эс? Ты любишь меня хоть какой-то любовью?

— Наверное, — сделала я два шага назад. — Но его я люблю больше, Вист. Всегда буду любить больше.

— Ты любишь призрака, — процедил он сквозь зубы. — Понимаешь это? Вы никогда не будете вместе. Ему не позволит его раздутое эго, а тебе — твоя гордость.

— Ты не думал, что я просто убегаю, черт возьми? — смогла я наконец-то это произнести. — Мне стало тебя слишком много. Тебя как раз было в меру, а теперь переизбыток. Это как сладкое в детстве. А позже наступает момент, когда ты понимаешь, что больше любишь воду, чай без сахара, и вместо того, чтобы взять заварное пирожное, выберешь овсяное печенье.

— Я принимаю тебя целиком, Эс. Правда. Майкл — твоя первая любовь, и я готов ждать. В конце концов все равно ты вернешься ко мне быстрее, чем я смогу полюбить кого-то другого. И это все твое, Стейси, — направился он за свое рабочее место, словно говорил о каком-то деле, а не признавался, что любит меня. — Мое сердце. Мое тело. Мои руки, губы, язык, член, мысли. Теперь все это скорее твое, чем мое. И да, — не поднимая глаз, сказал он тише: — я отпускаю тебя на столько, насколько тебе необходимо.

Я все-таки приехала в аэропорт. Я знала, что бросаю всех и дело, которое делаю ради того, чтобы побыть рядом со своей девочкой, но понимание того, что я могу провести еще хоть немного времени с Майклом, заставляло мое сердце биться чаще, и я устала постоянно упускать возможность. Как только такси привезло меня в аэропорт, я прошла с небольшой кладью в зал ожидания и огляделась в поисках чего-либо. Я не успела купить даже бутылку воды, как ко мне подошел человек и передал мне телефонную трубку. Я приложила телефон к уху и услышала голос Майкла, который говорил: «Просто делай, как он говорит». Затем все было по схеме — я села в самолет, где была единственным пассажиром, пристегнулась и сказала, пусть принесут бутылку вина. Оно было хорошим. Отличным, если быть точной. Вино вероятно лучшая когда-либо созданная вещь в мире, особенно когда понятия не имеешь, в какое дерьмо опять вляпалась.

«Только в тот момент, когда ты начинаешь путешествовать по миру, ты в полной мере понимаешь, что именно не так с тем местом, где ты родился и вырос». Ирвин Уелм.

Я вышла из самолета и понятия не имела, где оказалась. Был лишь запах соленой воды, и понимание того, что весь перелет я пила и спала. Я увидела его, как только вышла, и все остальное перестало иметь значение. Казалось, что я ждала этой встречи всю свою жизнь.

— Привет, незнакомка, — сказал он, приближаясь. — Как тебя зовут?

— Проваливай, — наигранно разозлилась я, прижимаясь к Майклу всем телом, захватывая в плен его губы.

— Странное какое-то имя, — улыбался он. — Но я ждал тебя, несмотря даже на это.

Он начал танцевать со мной, и я почти улыбнулась в ответ. Я не могла отвести от него взгляд, и все мое тело было напряжено. Что-то было не так, и как бы я не хотела забыться в этом моменте, не смогла. Та Стейси, которая жила во мне, говорила мне быть на чеку, и я решила послушать ее хотя бы для самосохранения.

Майкл кивнул в сторону своего внедорожника, и когда я пошла вместе с ним, он открыл дверь со стороны пассажирского сидения. Он находился так близко, что я чувствовала запах его духов. Я побыстрее забралась внутрь, пытаюсь скрыться от этого, но это была моя самая глупая идея. В салоне он был повсюду. Я разозлилась. Он, кажется, наслаждался жизнью, полностью забыв обо мне, о ребенке, о семье и просто уехал, чтобы пересидеть. Но даже понимая все это, все, о чем я могла думать, это, чтобы уткнуться головой в его шею и вдохнуть запах. Почувствовать тепло его тела рядом с моим. Хоть на мгновение. Я хочу испытать все это до того, как он снова уйдет.

— Почему ты тут? — спросила я, не выдержав молчания.

— Ты имеешь ввиду в Ханалеи? — усмехнулся Майкл.

Ах, да. Я оказалась на Гавайях. Точнее в городе, который находится в штате Гавайи. Какого хрена? Что с ним вообще не так?

— Тут мало людей, ты заметила? — продолжил он. — И еще песня — «Puff, the Magic Dragon» (перев. Затяжка, Волшебный Дракон) в исполнении трио «Peter, Paul and Mary» имеет интерпретацию, связанную с Ханалеи, где «Затяжка» — метафора марихуаны, «Хэна Ли» — созвучен названию «Ханалеи», которая славилась своей марихуаной, а «Дракон» указывает на утёсы со стороны пляжа, которые напоминают дракона. Потом тебя к ним отвезу.

Да, Вудс был идиотом. Идиотом, которого все время хотелось любить. И даже убежав из Нью-Йорка, причиной он назвал песню, о которой реально помнит сто человек во вселенной.

— Ты хоть понимаешь, что я пережила, думая о том, что ты мог сделать?

— А ты сомневалась во мне?

— Да! — вскрикнула я. — Конечно, мать твою, я сомневаюсь в тебе! Я не знаю тебя, Майкл. Я не знаю, почему ты ушел из дома. Какого хера ты отмываешь деньги? И ты был человеком, который пытался держаться от всего подальше. Ты был тихой гаванью, — сорвался мой голос на последнем слове.

— Нет, Эс, — отвечал он все так же спокойно. — Ты знала меня тихой гаванью. И если бы ты не узнала этих деталей моей жизни, я бы никогда тебе не рассказал.

— Почему? — чувствовала я обиду и подступающие слезы.

Он взял меня за руку и сильно сжал ее, положив наши сплетенные руки себе на колени.

— Я буду лелеять тебя, пока у меня будет такая возможность.

И до конца поездки, которая длилась еще минут десять, мы больше не сказали друг другу ни слова. Мир — опасное место. И, конечно, я бы захотела однажды человека, который смог бы защитить меня. Но не Майкл. Он был чем-то тихим и уютным, даже когда был ужасно несносным.

Майкл занес мои вещи в домик, который находился практически не берегу океана, и я поняла, что он по факту просто стоял и смотрел на то, как я уходила, и не остановил меня, думая, что я вернусь. Но я так и не вернулась, и когда он снова меня позвал, я сделала это, хрен знает зачем.

Вода — одна из трех вещей, которые я люблю. Она меня не раздражает и мне не хочется убежать в отлучии от остального, что я вижу каждый день. Я могу смотреть на воду часами, и тишина со спокойствием, которые следуют от нее, умиротворяют. Только в такие моменты я понимаю, что не лишена чувств.

Передо мной появилась чашка с кофе, пока я сидела, уставившись на волны, разбивающиеся об песок. Откинув голову назад, я посмотрела на Майкла. Он был тихим, пусть и звучал для меня громче всех остальных.

— Остановись, Эс. Хватит волноваться по пустякам.

Майкл притянул меня к себе и обнял, целуя в лоб. Я всегда так любила, когда он делал это. Я чувствовала себя такой защищенной в этот момент. Боже, как я боялась потерять его. Как я боялась, что он исчезнет, и я исчезну вместе с ним. От меня не останется ровным счетом ничего. И пусть у меня есть дочь, этого не будет достаточно. Потеряв Майкла последний раз, я поняла, что моя жизнь пуста без него. В ней нет никаких улыбок и счастья, несмотря на весь мир, который сохранился таким, какой был прежде.

— Знаешь, я слышал историю об одной паре. Женщина была экстрасенсом.

— Я не верю в это, — ответила я со скептицизмом.

— Предсказывая будущее посторонних людей, девушка увидела скорую смерть своего любимого. Она жила с осознанием того, что его жизнь скоро оборвется. Это было не знание, а тяжкий груз. Как жить, когда ты знаешь, что скоро потеряешь того, кто стал твоей частью, что судьба разведёт вас навсегда, и ты не вправе это

изменить? Как жить, зная, что ты последний раз обнимаешь его, последний раз говоришь «прощай», последний раз говоришь «люблю»? Как жить с осознанием того, что скоро твоя жизнь без него потеряет смысл? Какую железную, каменную силу воли надо иметь, чтобы знать это и пройти до конца? И она смогла, хоть и разделила вместе с ним судьбу.

Я смотрела на Майкла и поставила чашку кофе на песок, который вскоре впитал в себя именно этот разлитый кофе. Кто-то сказал: «Парадокс чтения: оно уводит нас от реальности, чтобы наполнить реальность смыслом». Он услышал это и, рассказывая мне, понятия не имел, что я также каждый раз думаю о том, что потеряю его. Я настолько сильно обняла этого человека, что казалось, у Майкла по меньшей мере хрустнула кость одной ключицы. Он не ожидал этого от меня. Да я и сама не ожидала этого от себя, но эти несколько дней мы провели в любви. В любви, которой иные люди не испытают за всю свою жизнь. Мы завтракали, «сражаясь вилками» за последний кусочек, потом ходили босиком по берегу моря, держась за руки и разговаривая о всякой ерунде. И на каком-то подсознательном уровне я постоянно держала в своих руках его ладонь, смотря на линию жизни. Он читал мне отрывки из книг в то время, как я лежала на его плече и держала другую руку. Наверное, у каждого есть такой человек, с которым все планировалось, но не случилось, с которым загадывали, но не сбылось. С Майклом мы никогда не планировали. Не планировали дочь, любовь, семью и нас. «Нас» в самом потрясающем смысле. Он каждый раз приходил ко мне в один и тот же сон. И если я буду жить, я знаю, что эти несколько дней буду помнить до последней седины. До последнего дня, в котором вспомню именно эту часть своей жизни.

— Приготовь запеканку, которую ты раньше делала, — сплел он наши пальцы. — Я любил ее.

— Я ужасно готовлю, — засмеялась я.

— И мне нравилось, что ты не пыталась превзойти мою маму, сестру, первую любовь в первом классе и соседку Медалин.

— У тебя нет сестры, — не могла я уже перестать смеяться. — И не было любви в первом классе. Твою соседку зовут Аврора, и она никогда не готовила такую запеканку, иначе ты сказал бы мне об этом минимум миллион раз.

— А моя мама?

— Какой смысл? У меня все равно ничего не получилось бы. Даже если самое сложное блюдо, которое освоила твоя мама, — это бутерброд с колбасой, у меня не было бы с самого начала никаких шансов. Что уж говорить о таких высотах кулинарного искусства, как запеканка?

— Ты сейчас издеваешься? — не мог уже перестать смеяться Майкл. — Почему ты так думаешь?

— Потому что ты мужчина, и это твоя мама. А я женщина, у которой есть мозги. И даже если я попыталась бы переплюнуть твою мать, все, что из этого бы вышло — ты бы соврал, что получилось вкусно. Но в этом забеге, я всегда была бы вторая. Собственно, твоя мать никуда и не бегала бы ни разу. Каждый раз она ждала бы меня на финише «с кастрюлькой», — показала я кавычки в воздухе. — Это факт, который, к сожалению, не принимают все женщины.

За четыре дня, проведенные рядом с Майклом, мы ни разу не занимались сексом. Конечно, все изменилось, и мы неоднократно пытались заниматься любовью раньше, но всегда получался секс. Хоть я и не жаловалась. И в конце концов, если мы знаем, что обречены на смерть, почему же нам сейчас не пожить в свое удовольствие?

— Если я умру, как сильно ты будешь по мне скучать? — спросила я, наблюдая за тем, как Майкл все таки принялся за готовку.

— Очень мило, что ты думаешь, будто смерть может помочь тебе прекратить наши отношения.

Я засмеялась и налила себе бокал вина. Майкл готовил, и пусть я слышала запах, который точно говорил о том, что это не совсем удачно, я улыбалась. Затем спустя минут десять молчания и ругани Майкла, я встала с кресла и выбросила черную сковородку в мусор.

— Пахнет довольно интересно.

Майкл поцеловал меня в лоб и усмехнулся.

— Я знаю, что это отвратительно.

— Не все так плохо, — открыла я шкафчик и достала хлопья.

Также я поставила тарелки, и, насыпав хлопья в миску, Майкл подал мне бутылку с молоком, которое сразу заняло свое место в тарелке, топя хлопья.

— Спасибо тебе, добрая женщина, — поставил он обе тарелки на стол. — А теперь ты будешь добавлять в тарелку вино?

— Обычно я сделала бы именно так, — на мгновение я взглянула на него с тоской.

— Но что-то пошло не так?

— С тех пор, как вымерли динозавры, все пошло не так.

Я снова пошла плавать и лежать на пляже (что оказалось потрясающим, и почему я не делала этого раньше). Волны разбивались об берег и я окунала ноги в воду в то время, как мурашки пробежали по моей коже. И нет, не от запаха речной воды, которая позже окажется в океане, а от чувств. Хотела бы я прожить так всю жизнь, пусть и умереть в сорок от скуки. Я днями наблюдала, как лучи солнца падают на воду, и корабли плывут в ночи. Пляжи и луну, висящую над водой. Наблюдала за рыбаками поздним вечером и моллюсков ранним утром. Я поняла, что мне приятно быть жителем прибрежного городка. И так я полюбила эту речку, море или океан. Я считала эту реку в любом случае частью океана, и именно так я и влюбилась в него. Нет, скорее в ощущение океана. Его присутствие. Все эти рыбные рестораны и особенно рыбные рынки. Запах моря и сардин, готовящихся на открытом огне в маленьких ресторанчиках на берегу. Колоритные горожане приморских городков, ночные кинотеатры на пляже. Вот этого всего мне будет не хватать.

И сегодня я впервые за много лет взяла в руки книгу, в которой не рассказывали об очередном убийстве. Повествование романа «Женщины» Чарльза Буковски строится вокруг описаний многочисленных сексуальных партнерш, с которыми у главного действующего лица, Генри Чинаски, строятся отношения — по большей части мимолётные интрижки, реже — длительные романы. Особенно меня зацепила там фраза(не в хорошем смысле): «Сколько хороших мужиков оказалось под мостом из-за бабы».

Начинается роман с исторического экскурса в жизнь Генри Чинаски, где он описывает последние пятнадцать лет своей жизни — четыре года без секса, частые занятия онанизмом, неудачную женитьбу, единственную любовь своей жизни и шестилетнюю внебрачную дочь. В первой главе появляется первый персонаж женского пола — Лидия Вэнс. Точного времени герой вспомнить не может, но утверждает, что они познакомились около шести лет назад, когда рассказчик бросил службу на почте. Знакомство с Лидией произошло на первых поэтических чтениях в одном книжном магазине Лос-Анджелеса, а отношения завязались несколькими днями позже, когда писатель заехал с визитом домой к Вэнс.

Описание романа Генри и Лидии — бурного, полного секса, скандалов, многочисленных расставаний и встреч — занимает практически треть книги. В ходе развития их отношений, впрочем, половая активность главного героя не ограничивается только одной Вэнс — в его постель попадают еще шесть женщин. В сюжетной хронологии это Лиллиан, одна из слушательниц с поэтических чтений, Эйприл — случайная знакомая с очередной квартирной попойки, Ди Ди Бронсон, давний друг Генри, писавшие герою любовные письма Николь и Минди, а также Лора Стэнли, с которой герой встречается на вечеринке после выступления со своим литературным материалом в Хьюстоне. Возвращение с чтений обратно в Лос-Анджелес для Чинаски означает окончательный разрыв с Вэнс — многочисленные скандалы приводят к желанию Лидии уехать в Финикс к сестре и длительные отношения с писателем завершаются.

В конце концов после еще одного романа, Генри снова оказывается наедине со своим одиночеством и пьянством. В повествование попадает Тэмми, двадцатитрехлетняя наркоманка, а вслед за ней еще несколько девушек. И после там все еще бесчисленное количество женщин, с которыми он знакомится, пьет и спит. И заканчивается роман тем, что Генри звонит одной из женщин, которая запала ему в душу (ее имя Сара), и та, примирившаяся с изменами возлюбленного, соглашается приехать вечером. Чинаски произносит фразу, подводящую итог его обильных любовных походов: «Мужу нужно много баб, только если они все никуда не годятся. Сара заслуживает гораздо большего, нежели я ей даю. Теперь все зависит от меня».

У главного героя, Генри Чинаски, по большей части негативный взгляд на женщин. Для него все они — хищны и вероломны, их привлекают деньги и ничего, кроме денег. Реальные же причины разрывов всех его отношений надуманы самим Чинаски. Это просто способ поддерживать ложное представление, что все они — агрессивные и вероломные шлюхи.

Спустя часа четыре я направилась в домик, прежде чем пойти искать Майкла. Я сделала кофе, достала кубики льда и вишневый сироп. Еще несколько дней назад, приходя домой, я находила там себя. Я сидела на диване, пила пиво, грызла ногти, а рядом со мной лежало четыре воображаемых кошки. Да, именно кошки, ведь представителей мужского пола я не хотела видеть вовсе. Я смотрела в зеркало и видела в нем какую-то другую женщину. Двойника. Она что-то там говорила, что-то там ела, готовила, но не взаимодействовала. Порой вечерами мы разговаривали. Она говорила, а я не перечила.

— Ты — не я, — говорила я ей. — Но я — это ты.

— Почему ты думаешь, что мы разные, и ты лучше меня? — отвечала мне двойник. — У меня хотя бы цель есть — быть тобой, а ты и без этого живешь.

Тогда был тот самый момент, когда ты глубоко вдыхаешь и выдыхаешь несколько раз подряд, прежде, чем заплакать. Ты дышишь часто, пытаешься этого не делать, но этого уже не остановить. Я представила себе реакцию Майкла, когда осознаю ему, в том, что изменила ему. Ни одно оправдание не было достойным. Попытка замены, одиночество, грусть, желание в конце концов, — все это не имело значение. Играло роль лишь сам факт измены, но я все равно продолжала думать, что люблю его. Даже если его нет, и меня нет, а лишь мой двойник, и нет наших жизней ни на одной вселенной, я все равно люблю единственного человека, которого теряю каждый раз.

Майкла в доме не было, так что я вышла на террасу, чтобы сесть за столик вместе со своим напитком, когда увидела его, колотящего грушу. Так странно. Никогда не думала, что Майкл будет одним из тех, от кого мама в детстве говорила держаться подальше. Он был одет в зеленые шорты и боксерские перчатки. Пот стекал по его торсу, и он колотил эту грушу явно с желанием, чтобы это был человек.

— Ну что? — задержала я грушу. — Ты готов?

— К чему? — появилось непонимание на его лице.

— Драться.

— С тобой? — был он слегка обескуражен.

— А ты еще кого-то видишь?

— Да ладно, Эс, — улыбнулся он. — Я не бью женщин.

— Ты же понимаешь, что тебе будет трудно меня ударить, и совсем не потому, что я женщина? — заметив, что он много думает и начинает сомневаться, я решила дать ему «мотивацию», выгодную для себя. — Если выиграю я, ты ведешь меня в ресторан.

— О, — засмеялся Майкл. — А если выиграю я, тогда мы переспим.

— По рукам, — сняла я с него перчатки и развязала лямки купальника.

Итак, драка началась. В конечном итоге мы оба знали, что пойдем в ресторан, а потом будем всю ночь заниматься сексом. Я надела белый сарафан и босоножки, которые завязывались на шнуровке. Теперь с шеи я не снимала цепочку, в которой был портрет Эстель, и больше на мне не было ни одного дополнения, кроме, конечно, обаяния.

Майкл ждал меня на пляже, одетый в белые льняные брюки и такую же рубашку. Цепочка средней толщины красовалась на его шее, и браслет с кожаным ремешком, обрамленный золотом, также приковывал внимание. Он перестал носить часы, и я подумала, что время перестало иметь значение для него. Это было так банально, впрочем, как и наша первая встреча. Это как сюжет бульварного романа, в котором был секс и вспыхнувшие чувства после.

— Вина? — спросил Майкл, когда мы сели за столик.

Я лишь кивнула и подумала, что могла бы провести так всю свою жизнь. Играла тихая музыка, пары танцевали и смеялись, и лишь шум воды мог уловить не каждый слух. Голос Майкла был слегка хриловатым, и я, выйдя из задумчивости, вскинула голову, встречаясь с насмешливыми глазами, сверкающими синевой.

— Чаю? — задаю я ответный вопрос.

В приглушённом перешептывании его смех настолько приятный и родной, что я не борюсь с желанием засмеяться в ответ. У Майкла всегда все было проще, или же мне так лишь казалось. Но пусть тут на удивление хорошо, идеально даже, но противоестественно для меня. Мы сидим друг напротив друга, упершись глазами, и я до сих пор отчаянно желаю сократить расстояние между нами. И я знала, что это потрясающе неправильно, но я находилась тут, чтобы побыть с ним рядом еще совсем немного.

— Мы с тобой когда-нибудь перестанем спорить и ссориться? — спрашиваю я, просматривая меню.

— Только когда потеряем друг к другу интерес, — небрежно отвечает Майкл. — Когда больше не будет слов, которые могли бы ранить друг друга, и когда это желание исчезнет. Каждая темная сторона жаждет тебя, а светлой у меня отродясь не было.

Когда с самого утра я проснулась, Майкла рядом не было. Я надела на себя шаль и, выйдя из бунгало, заметила Майкла, который стоял и смотрел на воду. Он был в белой футболке и шортах цвета хаки, и сегодня поднялся ветер, слишком холодный для купания. Майкл смотрел на воду и слушал крик чаек.

— Я хочу плавать, — сказала я, обнимая его сзади за талию.

— Мы в одежде, — усмехнулся Майкл, хоть и его глаза оставались грустными.

— Ну так давай снимем ее.

— Тебе пора уезжать, Эс. Вскоре, я думаю, Эстель вернется обратно, и все будет хорошо.

— А как же ты? — обошла я его, чтобы видеть его глаза.

— А я буду оберегать вас издалека.

— Я не понимаю.

Осознание того, что я люблю его больше, чем себя, пришло, как удар исподтишка. Я знала, что разлука будет невыносимой. Я знала, что снова буду говорить сама с собой, думая, что вижу синеву этих глаз, и буду спрашивать: «Как прошел твой день?» Первое время иногда я спала в вещах Майкла, просто чтобы быть ближе к нему. Раньше я лишь смеялась над людьми, которые умирали от тоски к другому человеку, а сейчас я кажусь из-за понимания этого еще большей душой. Он каким-то образом сумел заполнить собой всю мою жизнь. Мы по сути не изменили свои характеры, но мы изменили свои идеалы, свои принципы и все понимание любви.

Я помню, как хотела, чтобы он уехал, чтобы уберечь его. А оказывается, он все это время также защищал меня. Тогда я просто не понимала, что именно благодаря ему жила, когда Эстель пропала.

— Как считаешь, — потекли слезы по моему лицу, и я не пыталась их сдержать. — Черная полоса в моей жизни когда-нибудь закончится?

— Конечно, — обнял он меня за плечи. — Жизнь не вечна.

— Знаешь, — закричала я наконец-то. — Я отвыкаю от тебя. Я люблю, но день за днем отдаляюсь. Я ищу теперь не отца Эстель, а человека рядом для себя.

— Эс, мы...

— Нет, — перебила я его. — Я переспала с Вистом. И знаешь, я буду с ним. Потому что меня, твою мать достало,

что ты постоянно далеко. И я уже хочу быть с кем-то рядом наконец-то, — мой голос сорвался, и мы стояли, смотря друг на друга несколько минут.

— Ты все равно моя! — взял он меня за плечи, сильно сжимая. — И ты знаешь это. Со сколькими бы ты ни была, ты всегда будешь моей. И ни один член в тебе этого не изменит.

— Пошел ты, — отошла я от Майкла. — Я уезжаю. И с этого момента я больше не с тобой.

— Но ты моя! — крикнул он мне вдогонку. — Ты моя, Стейси! Я люблю тебя!

И она сказала — не всерьез
вполухутку, полувиновато:
«Только разве кончики волос
помнят, как ты гладил их когда-то»
Отводя сближение, как беду,
крик внутри смогла переупрямить:
«Завтра к парикмахерше пойду-
вот и срежу даже эту память».

Я прибежала в бунгало и начала собирать вещи. Я хотела закричать, но просто не могла показать ему свою слабость. Он схватил меня за талию, и я попыталась выдернуться. Я ударила его ногой в колено, и Майкл зарычал от боли, толкнув меня на кровать. Я начала брыкаться, как чертов маленький ребенок, а он сел на меня, пытаясь успокоить, и сильно сжал мои руки, с душераздирающим криком:

— Успокойся, Эс, — обнял он меня, прижимая к себе, чтобы я не могла двигаться. — Пожалуйста, — шепотом. — Просто успокойся.

— Я не могу так, — закричала я, пытаюсь снова вырваться, хоть это и было тщетно. — Я не могу так больше.

Весь день мы провели вдвоем, не вставая с постели. Мы разговаривали. Мы вставали лишь поесть и в душ. И в одежде пролежали почти сутки, периодически засыпая. А на следующий день Майкл попросил меня поговорить, и я не ожидала, что это будет чертов психолог, который вывернет мою душу наизнанку.

— Вспомните, Стейси. Как это было? Как умерла ваша мать?

— Я не помню.

— Помните, — настаивала она на своем, а Майкл смотрел на меня с удивлением. — Расскажите.

Он не понимал, почему я не признавалась в этой части моей жизни. И я не помнила, но почему-то начала рассказывать то, что было внутри моего сознания. Я старалась забыть, но оно не забывало.

— Я помню, как мою маму везли в операционную, а я бежала за ней. Я помню, как кричала ей, а она лишь помахала мне рукой, измучено улыбаясь, словно знала, что видит меня в последний раз.

— Что ты еще помнишь, Стейси? — прозвучал голос Майкла, и он сжал мою руку. — Вспомни то, что ты прячешь.

— Она говорила мне, что ей нужно уехать, — текли слезы по моим щекам. — Она говорила мне, что ей нужно уехать к врачу, и чтобы я не плакала. Что я буду жить у ее кузины, и она скоро вернется. Я плакала и знала, что она больше не вернется. Что она уедет, и я больше ее никогда не увижу.

— И что было потом?

— Я выросла и трахалась со всеми подряд, пытаюсь заполнить хоть что-либо в своей душе. И когда у меня спрашивали не хочу ли я чего-то, я отвечала, что просто не знаю, как это хотеть. Не знаю, как это быть подружкой, иметь нормальные отношения или иметь семью. Я ничего не знала о нормальном, и со временем все ненормальное стало обыденным.

— И они тебе не нравились?

— Нет.

— А что случится, когда встретишь того, кто понравится? — не отводил свой взгляд Майкл.

— Наверное, ты пожалел, что встретил меня, — чуть слышно прошептала я. — Сто раз пожалел.

— Знаешь, Эс, — сильно прижал он меня к себе, целуя волосы. — Не все, кто тебя любят, тебя бросят. Все, что я делаю, — защищаю тебя. Но я люблю тебя больше всего на свете, и ничто этого не изменит.

И когда я улетела обратно в Нью-Йорк, он положил мне в сумку конверт, и когда я открыла его, там было всего несколько слов и запах его духов. Я знала, что сохраню эти слова навеки, даже если и Майкл на самом деле уйдет.

«Сколько бы времени не потребовалось. Твой Майкл.»

И когда через семь часов я была дома, и раннее солнце, пробудившись сквозь горизонт, пробилось в мое окно, я не захотела открывать глаза. Я знала, что этот день повторится, и он будет, как другие. Так что, когда я открыла глаза и направилась босиком на кухню, впервые в жизни меня не привлекал запах кофе. Тишина. Все, что я слышала, была тишина. Но это была не та, которая наполнена сладостью прошедшего дня или ночи, с желанием нести что-то в этот мир. Это был ядовитый шум, который отталкивал, и от которого не убежать.

Когда лучи солнца добрались до моего лица, прозвенел дверной звонок. Я накинула на себя халат, думая, что это Кетрин. Я открыла дверь, улыбаясь, хоть это счастье быстро пропало с моего лица. Кетрин была, но также рядом был Джейс. Я задержала дыхание. И когда совсем рядом послышались шаги, и я встретила глазами с Майклом, я поняла, что это не романтический визит.

— Отпусти ее, — сказала я. — Отпусти ее, и я пойду с тобой.

Я не смотрела на Майкла, и Джейс определенно заметил это, на что усмехнулся.

— Надо было лучше прятаться, чем в своей старой квартире.

— А знаешь, — только теперь посмотрела я в глаза человеку, которого любила. — Я и не пряталась.

«Только прекрасное питает Любовь. Но Ненависть может питаться чем попало». Оскар Уайльд.

— Я заставлю вас страдать, обещаю, — сказала я переводя взгляд с одного на другого. — Отпусти ее!

— Не могу, — и прозвучал звук. Он выстрелил ей в шею, и ее тело обмякло. Я упала на колени, чтобы помочь ей, но Майкл забрал ее.

— Отпусти меня! — кричала я. — Я распишу твоей кровью мир!

И затем мое тело начало обмякать. Я перестала чувствовать конечности, и думала лишь о том, что больше не увижу своего ребенка.

Когда теряешь кого-то, то в любом случае начинаешь сходить с ума. Задыхаешься в чувствах и воспоминаниях. Я начала снова ненавидеть этот мир. Она все время в моих воспоминаниях, и я за секунду сошла с ума от понимания того, что Майкл позволил этому произойти. Это мог бы быть наш ребенок, и он позволил умереть девочке, о которой я заботилась. Она теперь будет жить только в моем сердце, которое уже вскоре, думаю, биться не будет. Она будет жить в картине, которую я закажу, если выживу. Когда Кетрин упала на холодный пол, а Майкл смотрел на это, я в тот же момент пыталась вычеркнуть его из сердца. Но только потому что до боли, до сумасшествия хотела, чтобы он был рядом. Был рядом тот, кого я знала ранее.

Глава 14

«Я всё соврал.

У вас обычные глаза,
И голос ваш такой же как у многих,
Я врал, что всё хотел вернуть назад,
Сплетая воедино две дороги.

И ваши безмятежные черты
Ничуть меня не душат среди ночи.
Да и в объятьях ваших глубины,
Мне кажется, не больше, чем у прочих.

Ещё я врал,
что шёл за вами по пути,
Что выдержал разлуки еле-еле.
Я так же врал, что вас когда-нибудь любил.

Я врал себе.
но так и не поверил».

Я — хищник. Сколько бы я не пытался скрывать свою сущность от человека, которого полюбил больше всего на свете, я все равно остаюсь пещерным человеком, который пойдет на все, чтобы защитить свое. Я скрыл свой характер за завесой этикета, и люди, которые со мной знакомы, думают, что я джентльмен. Я проницательный и опытный, но далеко не джентльмен. Я забираю жизни, ломаю правила, и законы не распространяются на меня. Но даже у худших из нас есть то, чему мы принадлежим. Я никогда не думал, что этим «кем-то» станет женщина, которую я должен был уничтожить. Моя дочь от этой женщины, которую я люблю так сильно, и по которой ночами на пролет тоска разрывает меня на части.

Я не заходил к Стейси на протяжении двух дней. Двух долбанных долгих дней. Она отлично своим молчанием справилась с тем, что я поклялся себе никогда больше не повторять — заставила меня потерять контроль. Ужасные вещи происходили, когда я выходил из своего королевства ненависти и самоконтроля. Я причинял людям боль и имел свойство ломать все, что принадлежит мне. И все пошло определенно не по плану, когда я вышел из своей комфортной зоны арктического льда.

Была причина тому, почему люди называли меня необычным и проницательным — тщательно проработанная и продуманная репутация. Быть жестоким, но в то же время сочетать это все со стальной невозмутимостью было идеальным решением, которое несло в себе спокойствие, что смягчало мою жесткую жизнь. Я слишком долго жил в этом, поэтому тишина и контроль стали частью меня. Но на данный момент все это забрала и разрушила женщина, которая незапланированно родила мою дочь, которую я полюбил больше всего на свете, как и саму женщину, по которой скучал, словно ненормальный.

Те два дня были чертовой отсрочкой. Не для меня, для нее. Для каждой проклятой души, которые жили со мной, и которые забрали душу у меня. Она думала, я монстр, что позволил убить девчонку, к которой она привязалась? Но я выбирал между ней и Эстель, и, буду уж до конца честным, мне было плевать, кто умрет, лишь бы Эстель была в безопасности.

Я смотрел второй день, как Стейси истерзала свое тело в знак протеста. Я наблюдал за ней из-за стены и по камерам, которые были установлены, и кроме того, я знал, что теперь все кончено. Как только все закончится, и я перестану защищать Эс, а она — всех, кого любит, она уедет и больше никогда не вернется. Она заберет нашу дочь, и я буду участвовать в ее жизни лишь по фото, не имея права винить ее в этом. Ей нужно было поесть, чего она не делала. Поспать категорически отказывалась, и перестать молчать — чего я боялся больше всего.

В конце концов я сделал ей нормальный кофе, и пока не было Джейса, хотел поговорить с ней. Конечно, он знал, что я против него, но он не знал, что я периодически и против Стейси.

Пожалуй, впервые в своей жизни я по-настоящему одинок. Каждый вечер я спускался в мексиканский ресторан и звонил на старый номер Стейси. Я оставлял ей голосовые сообщения, на которые она бы никогда мне не ответила, и как-то раз я даже позвонил матери, которая спросила, как я отдыхаю, развлекаюсь и с кем

общаюсь. От этого мне стало еще тоскливее. Она даже спросила, как малышка, и я просто попрощался с ней.

— Я принес тебе кофе, — открыл я дверь, которая автоматически заблокировалась, когда я вошел. — Хотя я знаю, что тебе нужно поспать.

Она даже не взглянула на меня, и я поставил чашку на тумбу возле ее кровати и сам сел на стул у окна. Это была обычная комната, в которой была кровать, стул, стол, тумба, телевизор и груша для битья, которая использовалась Стейси больше всего остального. Так же была маленькая кабинка с душем и туалетом, в которой не было камер и желания сразу заходить туда.

Я вытянулся и уставился в потолок. Белая люстра, белые стены и мебель никогда не позволяли забыть, кем я был. Я лишь исполнял приказы, пытаюсь выжить, а теперь, чтобы выжили те, кто мне дорог.

— Ты должна поесть, — сказал я. — Хотя немного. Будешь слушаться, все будет хорошо, и вскоре ты выйдешь отсюда.

— Я никогда не буду подчиняться тебе, — лишь прошептала она. — Что бы ты ни сделал, за ее смерть я буду ненавидеть тебя до конца своих дней, и сделаю все, чтобы твои страдания были живы до последнего моего вдоха.

— Ты думаешь, я монстр? — от моего ледяного тона она даже на мгновение взглянула на меня. — Ты не видела монстров, Эс. Ты видела лишь мертвые тела, а не сам процесс. Ты видела испорченных людей, а не процесс их уничтожения. Ты ничего не знаешь об этом мире, несмотря на твою силу. Ты не умела никогда контролировать свои эмоции, а я мог. Ты ничего не могла прочесть по моему...

— В начале отношений, — перебила она меня шепотом, который был громче любого крика. — Думаешь, ай, немного повеселюсь. А потом проходит немного времени, и ты понимаешь, что он если сейчас уйдет, ты сдохнешь. Вот и повесилась, сразу думаешь.

— Эс...

— Не называй меня так. Ты потерял это право.

Я вышел за дверь так же тихо, как и вошел. И так же, как и следующих два дня она не притронулась к кофе или еде, а лишь пила воду, чтобы не умереть. Да и делала Эс это не ради меня, а ради дочери. Ее слова пронзали меня, как нож, и я верил каждому слову.

Разразилась война. Много жизней было потеряно с обеих сторон, и я точно знал, что уж за Кетрин она не простит.

Из-за этого у меня не было выхода. Она не говорила со мной, и я просто не смог объяснить ей, почему так нужно, и мне пришлось брать силой, враньем и ее слабостями. Я вошел в комнату и бросил ей сумку со всеми принадлежностями на кровать.

— Одевайся.

— Пошел ты, — почти выплюнула она мне эти слова в лицо.

— Ты хочешь по-плохому? — и лишь сказав это, я понял, что по-хорошему с ней и не выйдет.

Я нащупал в кармане пиджака шприц и сел рядом с ней. Она лежала ко мне спиной, и уж точно не ожидала такой подставы, так что сделать это не забрало у меня сил. Я воткнул в ее белую безупречную кожу на ее бедре шприц, и она зашипела. Хватая ее за руки и выгибая их другой рукой, заметил, что Стейси смотрела на меня, понимая, что это все наконец по-настоящему. И это только начало. Я одел ее, причесал волосы, а она не двигалась. Просто не могла. Я ненавидел себя за то, что причиняю ей столько боли, но у меня не было выхода. Я по большому счету также не двигался, лишь делал механические движения, хоть и производил впечатление надменного, раздраженного, равнодушного и наконец спокойного. Казалось, меня ничего не интересовало. В тот же час Стейси не проронила ни слова, пока я вел ее по мосту к самолету. Она спокойно ехала к аэропорту, спокойно шла по самой дороге и для постороннего человека выглядела совершенно нормальной. Возможно, немного усталой и замкнутой, но довольной и ни в коем случае не обеспокоенной. Это и было чудодейственным

свойством того укола. Внешне Стейси Фостер, как и всегда, выглядела безупречно. Ее мозг был освобожден от мыслей, но вся моторика сохранялась. И она ничего не могла с этим поделать.

Нежно поглаживая ее руку, лежащую на моем предплечье, я провел ее в бизнес-класс. Указывая на ее место у окна, я подождал, пока она удобно усядется. Потом пристегнул ремень. Ее дыхание сохранялось размеренным и спокойным, когда я сел рядом, взял ее за руку и повернул ее лицом к себе. И тут в ее глазах я увидел, что она знает правду.

Она знала. Всё. Отбросив ее волосы, я склонился и прошептал ей на ухо:

— Кое о чём я должен тебя предупредить. Теперь есть лишь мы, и я контролирую все, что с тобой происходит. Не пытайся это изменить, и мы выживем.

Говоря это, я пальцами прошелся по ее шелковистым прядям и придвинулся к ней ближе так, чтобы смог быть ей хоть какой-то опорой, как бы по-идиотски это не звучало. Молчание было ужасающим. Шепот был устрашающим. Но страшнее всего была сказана правда. Ее грудь продолжала подниматься и опускаться, не было вздрагиваний или всхлипывающих звуков. Но в ее взгляде я видел борьбу с нежеланным наркотическим эффектом. Она смотрела в иллюминатор, пытаясь прорваться через внутреннее сопротивление и перестать в него погружаться.

Я знал, что, если бы я все объяснил, Стейси бы поняла. Она все сделала бы ради Эстель, но я не мог. У меня не было возможности ей довериться, и было проще просто заставить. Приземлившись в Мехико, мы так же покинули самолет и сели в машину, направляясь в новую клетку. Я купил Эс вещи. Много вещей, хоть и знал, что ей это будет до лампочки. На самом деле у этой женщины был потрясающий вкус, и я был рад, что Эстель он так же будет дан. Мамам девочек обязательно надо учить их одеваться. Это ошибка думать, будто женщина от природы знает, что правильно надеть, как краситься или причесываться. Поэтому да, я был готов пожертвовать своими отношениями с Стейси, чтобы сохранить их для Эстель.

Когда я заметил, что Эс начинает возвращать себе контроль над телом, сильнее сжал ее локоть и прошептал:

— Не рыпайся. Я не хочу делать тебе больно.

Она не ответила ничего, но смотрела на меня непередаваемым взглядом ненависти.

Черный внедорожник, в котором мы ехали к месту прибытия, остановился перед огромной аркой. За аркой было поместье огромных размеров, и герб, который висел, сверкал, благодаря освещению. На нем была изображена женщина, тело которой было лишь обычным черным пятном, но она была одета в потрясающее длинное черное платье, и руки были расставлены в приветствии. Не знаю я куда впутал нас, мне было бы даже интересно узнать, кто тут живет.

Переводя взгляд на Стейси, заметил, что она сузила глаза, пытаясь разгадать. Думаю, она задумалась о том, сколько людей пережило тут что-то такое? Сколько выжило? И ответила — ни один.

В ее взгляде в самолете горло разрывалось из-за крика, и она почти была готова умолять, но я этого не слышал из-за того, что дал ей. Поездка разорвала и мое сердце в клочья. Во всем, что мы делали, была борьба, и каждый вдох, который она делала, причинял ей боль. Я был готов умереть, чтобы только она пережила это и не сломалась. Все ее уничтожение и опустошение проходило в абсолютной тишине. Я был ублюдком, который сидел рядом, держал ее за руку, стискивая ее сильнее, чтобы просто уговорить замолчать, и кивал стюардессе, когда та говорила, какая мы изысканная пара. Я позволил ей тонуть в страданиях. И она увидела монстра, которому доверяла свою жизнь.

— Добро пожаловать, — услышал я голос женщины, которую видел лишь на фото.

Когда я пожал ей руку, а она оставила сочный поцелуй на моих губах, я невольно перевел взгляд на Стейси. Она права, мой язык не поворачивался назвать ее «Эс». Я больше не заслуживал этого. Я попытался отодвинуть от незнакомой мне женщины, но она сжала мою руку, при этом выглядя безупречной фарфоровой куклой. Все было также украдено и у меня. Мое осязание, возможность говорить, способность двигаться, бежать.

Когда я посадил Стейси на диван, она не смотрела на меня. Пусть она и не переставала бороться, но меня, как человека, с которым стоит вести борьбу — свела на нет. Кажется, жизнь проста. Живешь себе, да и живи. Но

потом ты поскользнулся в ванной и упал. Или тебя случайно сбила машина. Или ты пришел к человеку, которому верил, и встретив там не тех людей, оказался мертвым холодным трупом, которого даже не похоронит этот нужный человек. Минуту назад ты жив, а теперь уже нет. Осталась простынь на которой ты спал, пепельница и только что открытая пачка сигарет. Деньги, которые вчера снял, чтобы пойти сегодня в бар, и даже компьютер стоит на спящем режиме. Тебе могут писать сообщения и звонить важные и неважные, хоть это уже совершенно не важно по сути.

— Мы должны сделать перевозку кристаллов через порт, и все должно пройти чисто, — вошел в комнату Джейс. — И так как Стейси стояла бы поперек горла, она нам нужна для прикрытия.

— Я говорила ее убить, — пролепетала эта дурочка. — Но ты против, дорогой.

— Лейла, — вспомнил я ее имя. — Будь осторожней. Она мать моего ребенка.

— А чтобы у нее не было желания помешать этому всему, — видел я злость в этой женщине. — Вот, — ткнула она фотографией всей нашей семьи на каких-то островах мне в лицо. Я заметил, как задрожало тело Стейси, и вырвал фотографию из рук этой суки.

— Если с моей дочерью хоть что-то случится, если хоть один волос упадет с ее головки, я сожгу все, что ты строила, — почти выплюнул я ей это в лицо. — Мне терять уже будет нечего.

— Майкл, — нервный голос Джейса звучал предупреждающе. — Ваши комнаты на втором этаже. Отведи туда женщину.

Я взял Эс за руку, и мы поднялись наверх. Как только дверь за нами закрылась, она упала на пол, и, прикусив свою ладонь, чтобы не проронить ни звука, горько заплакала. В своей жизни я видел столько крови и слез, но ничто и близко не ранило меня так сильно, как слезы Стейси. Я опустился перед ней, но она оттолкнула меня. Когда я снова попытался, Стейси ударила меня в лицо кулаком, а затем еще несколько раз.

— Я тебе не враг! — зарычал я, хоть она меня и не слышала.

Я перевернул ее на пол и сел сверху, поднимая руки над головой. Но Стейси была сильнее. Она была сильнее, особенно в моменты борьбы за ребенка, и я знал, что потерплю поражение.

— Убирайся! — успокоилась она, смотря на меня пустыми глазами. — Убирайся и не смей никогда сюда приходить. Я ненавижу тебя. Ненавижу все, что с тобой связано. Ненавижу за то, что не могу быть со своим ребенком, и я ненавижу тот день, когда встретила тебя.

Да, я снова ушел. Всегда давал ей пространство в два дня. Это был оптимальный вариант для этой женщины, даже если она не была согласна со мной. Я знал, что с Эстель все в порядке, и знал, что Стейси живет. Она практически не ела. Я следил за ней по камерам, как и по им следили за мной. И сегодня я просто захотел взглянуть на нее вживую. Она вышла на балкон, который был в ее комнате, а я смотрел на нее из своего, который находился в том же крыле и на том же уровне. Она сидела под золотистым полумесяцем луны, обхватив руками грудную клетку, как будто хотела не допустить, чтобы ее жилистое стройное тело потеряло скудное тепло, что исходило от нее. Ее бледная кожа светилась в темноте ночи, превращая ее в тень, делая ее частично похожей на приведение, а частично на женщину. Я ожидал, что Стейси либо провалится в глубокий сон, либо просто-напросто потеряет сознание. Я хотел укутать ее теплом и забрать обратно в ее покои, где она могла бы найти некоторое подобие жизни и спокойствия. Со мной. Я хотел оставить поцелуй на ее ледяных губах и провести кончиками пальцев по ее холодным рукам. Я хотел быть для нее необходимым теплом и забыть все представления о том, что сам являюсь ледником.

— Тебе нужно заткнуть ее, и чтобы она подписала документ о допуске.

— Стейси никогда не пойдет на это, — ответил я Лейле.

— Думаю, пройдет, если придется выбирать...

— Заткнись! — закричал я. — Не переходи границы, Лейла, понимая, что ты зависишь от меня.

— Дорогой, — лизнула она мою шею. — Не забывай, что фактически лишь я сжимаю твое сердце в своих

ладонях. Нет ничего худшего, чем иллюзия безопасности.

Я понимал, что мне нужна чертова подпись от нее. Чтобы переправить груз, нужно было много всяких бумаг, но главная подпись нужна была от представителя правоохранительных органов, который работал на той или иной нужной территории порта. Подпись Стейси приняли бы даже в аду, она заслужила это, и именно по этой причине она так же рыла могилу нашему ребенку. Да, моя девочка определенно не должна была родиться. Ее никто не планировал, но она принесла смысл в мою никчемную жизнь. Она и стала смыслом моей никчемной жизни. Ее улыбка всегда освещала мой день, и я никогда не смогу бросить ее, даже если не буду рядом. Ей нужно будет меня лишь позвать, и я прибегу, остается лишь сохранить ей жизнь до этого момента.

Войдя в комнату Стейси, я увидел, что она сидела на диване и смотрела в стену. Это было так непривычно — ее молчание, что практически причиняло боль. Некоторые люди никогда не поймут, почему ты совершаешь те или иные вещи, которые они считают аморальным уродством всего человечества. И это нормально. Наверное. Я понял, что мне не нужно оправдываться или защищаться, ведь на самом деле в этом нет смысла. Я не хочу больше радовать Стейси, а лишь хочу просто защитить. Истина состоит в том, что у всех разные приоритеты, и если каждый будет придерживаться нормы, то мы просто не сможем выжить. Если Эс делает добрые дела и истребляет ничтожество, чтобы защитить нашего ребенка, то я и есть то ничтожество, которое делает такие вещи, но также по причине защитить самое дорогое, что у меня есть.

— Подпиши бумаги, Эс, — она даже не обратила на меня внимания. — Пожалуйста. Если ты это сделаешь, я переправлю груз, и нас отпустят. Ты сможешь забрать Эстель и больше никогда меня не увидишь.

— Это все, чего я хочу для нас обоих в этой жизни, — лишь ответила она и вырвала бумаги у меня из рук.

— Ты изменилась, Стейси.

— Ты помог, — да, ее презрение определенно больно било по моему самолюбию.

— Ты думаешь, что я ничтожество...

— Да, — перебила она меня. — Я думаю, что ты самый паршивый человек, которого я когда-либо встречала. Ты предал своего ребенка, накачал меня наркотиками. Боже, Майкл, у меня в голове не укладывается. Как ты мог? Ты хотел, чтобы тебе было легче?

— Нет, я хотел, чтобы легче было тебе, — отдал я ей ручку и наблюдал, как ей было плевать, где ставить подпись. Она просто была согласна на все, лишь бы защитить Эстель. — Ты что, думаешь, что я не хочу увидеть, как она вырастет и будет набираться потрясающих историй из собственной жизни? Я хочу, чтобы она пела и исследовала этот мир. Она лучшее, что есть у нас двоих, Эс, и я просто согласен погубить весь мир, только чтобы вы были живы, — я, блять, заплакал. Да, это был предел, пусть даже у беспредела. — Я всегда буду вас любить, даже зная, что никогда больше не увижу.

Следующих два дня я занимался перевозкой кристаллов и даже не смотрел за Стейси. В пять утра я спустился вниз, и в доме было тихо. Тише, чем обычно, ведь все были заняты крупной партией, которая была практически бесценной. Это были розовые бриллианты по двадцать карат. Боже, это были такие деньги. Эти камни были практически бесценны, хотя, конечно, им также находили цену.

— Почему ты не спишь? — услышал я голос Максфилда.

— Какого черта? — выругался я. — Ты должен быть...

— Нет, ты думаешь, что я должен быть, Майкл.

— Ты можешь всю жизнь делать это, ища себя и великий смысл жизни, но это не даст тебе ничего. Не принесет тебе счастья. Ты смеялся, когда узнал о моих слабостях, но эти слабости — люди, которые заставляют меня смеяться больше всего на свете, и мне есть ради чего сражаться. А чего стоишь ты, Стив?

— Ты забываешь, кем ты был до рождения Эстель, — сжал он кулаки. — Ты забываешь, что ты был тем, кто это делал. Ты все это начал, а потом ушел, не имея желания закончить. Но ты забыл, что у каждого из нас есть родные, и когда ты закончил, нам не дали уйти.

«Каково это — иметь возможность каждый день гулять по берегу океана и ценить самые простые радости, которые может предложить жизнь?» Николас Спаркс.

Раньше я думал, что главное — это не озлобиться от разочарования и научиться забывать о прошлых ошибках. Жить настоящим. Но да, Стивен прав. Я был тем, кто начал это, и когда я ушел, потому что мог себе это позволить, были и те, кто не мог просто уйти. И вышло, что я подставил всех, а затем эти все подставили все самое дорогое, что у меня было — мою дочь.

Я быстрым шагом направился в комнату Стейси, и после ввода пароля на двери, тихо закрыл ее за собой. Боже, как она была мне нужна. Мне нужен был мой лучший друг, который так сильно ненавидел меня, что я больше и не узнаю, что такое сочувствие, любовь или понимание.

— Эс, ты нужна мне, — смотрел на женщину, которая явно не слышала меня во сне. — Как друг. Хотя бы на час. Мне нужно что-то от головы, блять, — выругался я, присаживаясь на пол и опираясь спиной об кровать. — Для головы. Не знаю, что угодно. У тебя всегда выходило. Раньше я думал, что ты была бы идеальной, если бы умела готовить и побольше молчала. Но плевать. Только теперь я понял, какая ты идеальная для меня, только потому, что умеешь говорить и не боишься сказать правду.

Прошло несколько минут прежде, чем я услышал:

— Море.

— Что? — был я больше удивлен, что она проснулась и не набросилась на меня с кулаками и словами ненависти.

— Море. От головы и для головы. Так всегда говорила моя мама.

— Знаешь, мне на самом деле жаль, — вздохнул я, понимая, как мне нужно это сказать. — Я очень хотел бы сказать Эстель, что каждый ее день будет солнечный. И когда она будет теряться в темноте, я буду показывать ей звезды, ведь они лучше видны именно в ночи. Что это звезды всегда приведут нас домой. Что совершать ошибки и спотыкаться — это нормально, и величайшую награду приносит именно то, что нас больше всего пугает. Но это все скажешь ей ты. Я не смогу выбраться отсюда, но ты сможешь. Ты и Эстель будете жить в уверенности, что с вами ничего не произойдет. А все, что случится, будет во благо.

— Ты скажешь ей это сам, — сказала она, не испытывая жалости. — Не сбрасывай на меня свои обязанности. Проблемы — неотъемлемая составляющая личности роста, и не имеет значения, ты растешь как юрист или как убийца.

— Эс, у меня не было выбора, понимаешь? Ты бы так же пожертвовала мной ради Эстель.

— Да, — ответила она, не пытаясь спорить, а я хотел, чтобы она воевала и сражалась. — Тобой и собой — да, но только не другим ребенком. Я сделала бы все, чтобы оставить ее в живых, потому что именно в ней я видела себя. В ней был ребенок, которому ты не дал возможности вырасти. У каждого человека есть недостатки, Майкл, и, да, у мужчин в том числе. Однажды кто-то сказал, что нельзя быть одновременно богом и мужчиной, но как бы эта женщина не была слепо влюблена, она также замечала недостатки этого человека, просто медленно привыкала к ним. Как к яду. У некоторых взрывной характер, другие не говорят комплименты, третьи не дарят цветов. Еще некоторые не понимают, что вызывать такси, покупать билеты и оплачивать ужины они обязаны. По факту, если я могу оплатить всю свою жизнь, зачем мне мужчина? Без него весь мир, как шведский стол, а он лишь забирает у меня кислород. Да, скупость — самая худшая из черт. Она отталкивает так, как не отталкивает даже непредсказуемость, которая совершенно не должна быть присуща мужскому полу. Но также после встречи с тобой все, во что я так свято верила, разлетелось на мелкие кусочки. Нет, ты никогда не был непредсказуем, говорил комплименты, дарил меня цветами, и я не знала, что такое покупать самой платье, оплачивать отдых или покупать себе чертов кофе и продукты. Но ты убивал. Хоть я и знала, что скорее прощу тебе смерть незнакомого человека, чем скупость, которая будет применена ко мне, но ты убил не просто человека. Ты убил ребенка, и я больше никогда не хочу знать ни тебя, ни того, что связано с тобой.

И снова появилось неприятное чувство. Неприятное чувство, что она права. И забавно, насколько ты по-другому начинаешь смотреть на мир, осознавая, что твоя смерть близка. Смерть в психологическом смысле, что гораздо хуже, чем сразу умереть физически.

Глава 15

— Ты должна пойти туда, и улыбаться. Делать вид, что ты с нами.

— Я не буду этого делать, — ответила я, смотря на Майкла. — Ни за что на свете.

— Будешь, — открыл он двери, переставая держать меня под замком. — Эстель у них, и я уверен, что ты еще хочешь увидеть ее живой. Нам больше не нужно держать тебя взаперти, ведь у них и так есть все для того, чтобы ты продала собственную душу. И ради бога, — направился он к выходу. — Поешь и умойся. Ты ужасно выглядишь.

Мой разум был заполнен мыслями о предательстве, планами мести и паутиной интриг. Жизнь с этим «чокнутым семейством» была утомительной. Каждый день был наполнен новым испытанием в попытке отличить правду от лжи в моей собственной голове. И не важно, насколько усердно я старалась преуспеть в этом, я никогда бы не смогла отличить реальность от вымысла. Майкл одержал победу. Все они. Мне пришлось выпить аспирин, затем кофе, потом пойти в ванную, приведя наконец в порядок свое тело, и поесть. Да, я потеряла, наверное, фунтов пятнадцать за эти дни, и удивляюсь как я смогла продержаться практически без еды. Но в тоже время и я получила то, чего так желала после рождения дочери. Я стала такой же холодной и беспощадной, какой была. Такой же, как Майкл. Моя кожа была льдом все эти дни, и я боролась с яростью настолько сильно, что меня не покидало чувство, что земля под моими ногами может разверзнуться и поглотить меня.

Мои зубы болели от того, насколько сильно я их стискивала, а глаза щипало от непролитых слез. Я дышала жадной мести. Я насыщала свое тело мыслями о возмездии. Все, что я могла видеть, была чистая ненависть.

Как могла существовать во мне доброта к некоторым людям, когда все, чего я желала, было четыре могилы — по каждой для мужчин, в том числе и Майкла, и одной суки, которая однажды сказала имя моего ребенка? Как я могла верить и добро и зло, когда все, чего я хотела с неистовой страстью, чтобы их жестокие сердца валялись кровоточащими у моих ног, и все это полыхало синем пламенем?

Но нужно было начинать. Я открыла шкаф, который был заполнен одеждой. Необходимо было выбрать наряд на чертов вечер, а любой наряд может рассказать о человеке намного больше, чем он сам хотел бы сделать. Еще Ив Сен-Лоран подметил, что водолазка с высоким горлом замечательный выход из любого щекотливого положения. Она красиво обтягивает и подчеркивает грудь, при этом скрывает подробности от посторонних. В моем примере это были синяки и слишком худые руки. Так что я надела черную водолазку с небольшим вырезом и красную юбку миди, которая скрывала ноги с тем же недостатком худобы.

Когда дом начал наполняться напитками, едой и гостями, Майкл зашел за мной в идеальном костюме. Как и всегда. Он был ухожен, и казалось, я съедаю себя изнутри, в то же время, когда он наслаждался жизнью.

— Ты должна улыбаться и говорить, что понимаешь, что делаешь. Должна вести себя, как...

— Как твоя жена, — договорила я за него.

— Да. Ты — моя жена.

— Брак — это как долгий разговор. При вступлении в него нужно ставить себе простой вопрос: полагаешь ли ты, что до старости сможешь хорошо беседовать с этой женщиной.

— И ты думаешь, смогла бы беседовать со мной всю жизнь? — вытащил он руки из карманов.

— Никогда, — взяла я его под локоть, надевая улыбку. — Наши разговоры закончатся в Колумбии.

Этот вечер был поводом, чтобы посетить встречу наркоторговцев. И люди, которые были здесь, были наделены особыми правами и не имели ни одной обязанности. Я выглядела как трофей, который забрал Майкл с собой. Конечно, я убивала, но это была моя работа, а все остальное — никогда. Я не нарушала закон и четко установила дополнительные правила для себя. Мне так было проще. Но он снова забрал у меня и это. И улыбаясь натянутой улыбкой, подписывая документы, которые разрушат жизни многих людей, я понимала, что пойду на это еще сотню раз, чтобы спасти Эстель.

Они разделяли штаты между собой, и в этот вечер это произошло — они засыпят пол мира наркотиками и кровью. Да, я улыбалась. Все было именно так, как и обещал Майкл, я выглядела не как заложница, а как соучастница. После этого паршивого вечера я решила пойти в ванную и смыть с себя грязь этих взглядов.

— Эс, — вошел Майкл в ванную, пока я стояла, наслаждаясь ледяной водой.

— Тебя не учили стучать? — уронила я душевую насадку на пол, испугавшись.

— Не важно, что произошло Эс. Несмотря на все, мы погрязли в этом вместе.

— Так думаешь лишь ты.

Майкл наклонился и поднял душевую насадку с пола. Его волосы защекотали нижнюю часть моего живота, его рот находился в непосредственной близости от моей киски. Выпрямляясь, Майкл поместил душевую насадку в держатель и вместе мы продолжали стоять под потоком капель, оба промокая, но в то же время отогревая мои замерзшие мышцы. Без единого слова он потянулся к крану и закрыл воду. Тишина.

Мы не двигались, и я была полностью обнаженной, когда мощное тело Майкла придвинулось ко мне ближе. Его одежда прилипла к телу так, что это было практически недопустимо. Его член был твердым, футболка обтягивала его рельефный пресс и выпуклости. Я сглотнула, когда потребность получить освобождение нахлынула на меня с сумасшедшей силой. Мои глаза скользнули вниз по его телу, устремляясь к его твердой длине.

— Я мечтаю убить тебя, — сказала я чуть слышно.

— Ты в силах сделать все, о чем мечтаешь, Стейси. Никогда не подозревай другого.

— В тебе больше нет высоты. Высоты, которую я видела раньше в твоих глазах. Теперь они похожи на Safari, в котором открыто двадцать пять вкладок, играет фоновая музыка, и ты скачиваешь фильм через ужасный Wi-Fi, который находится через три квартала от дома. Все вкладки не отвечают, а я хочу переключить песню, но не знаю в какой именно играет музыка.

— Если ты постоянно будешь проводить время в ожидании увидеть что-то другое во мне, кроме того, что видишь сейчас, ты позволяешь мне контролировать твою судьбу. Я отбираю все твое время, а должна — месть к нам всем. Не живи на остатки моей любви, иначе всю жизнь будешь голодна. Живи на остатки своей любви, и будешь испытывать хоть какую-то стабильность. Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на постоянную грусть, Стейси. Тебе не нужен повод, чтобы включить музыку и танцевать. Твоя мама прошла через девять месяцев ада и была готова пройти еще восемнадцать, чтобы вырастить тебя. Она не заслужила смотреть на то, как ты истязаяешь себя в поисках кого-то или чего-то для кого-то другого. Даже если это спасение. Важна только ты. Твои эмоции. Пусть кто-то посчитает их неразумными, но они все равно ценнее, чем что-либо в этом мире, — провел он подушечкой большого пальца по моей щеке, вытерев слезу. — Ты не идеальна для других людей, но это не дает им повода использовать это против тебя. Перестань извиняться за то, что любишь или считаешь правильным, или за себя, в конце концов. Неси ответственность за свои поступки, чтобы заслужить уважение, а не комплименты.

Майкл направился к выходу, а я так и осталась смотреть ему вслед, не имея возможности пошевелиться. Он словно прощался со мной, давая не советы, или наставления на жизнь без него. Я не допустила бы сейчас его к себе, но, господи, я любила его. Я так сильно любила его и понимала, что, когда в конце концов все это закончится, то буду с ним. Каждый день. Каждую минуту, ведь он все равно остается Майклом. Человеком, которому я все прощаю. И чтобы он ни делал в прошлом, это не изменится. Когда ты любишь, тебе настолько все не нужно, кроме этих чувств.

— И еще, — добавил он прежде, чем уйти совсем. — Возможно ты и неидеальна, но для меня ты совершенство. Никогда не сомневайся в этом.

Ни с кем мне не было так спокойно, ни с кем я не чувствовала себя такой защищенной, ни к кому так неистово не хотела, и ни по кому так не тосковала с такой силой. Только глядя на Майкла, в моих глазах загорался целый пожар, и рядом выстреливали салюты праздника. И все это происходило, лишь глядя на него одного.

Я вернулась обратно в комнату и вспомнила момент, когда могла спокойно сесть в машину и уехать, куда сама

хотела. Завтра должен был быть мой день рождения, но его не будет. Я вспомнила, когда мне исполнилось двадцать два и я сидела с Батлером на заправке в Германии, попивая пиво. И все, о чем я думала: «Тебе 22, Эс. Ты стала снова старше». И в этом не было негатива или потерянности, ведь у меня и не было семьи до того момента. Это просто был очередной день, в который родилась девочка двадцать два года назад. Но тогда он отличался от других. Потом были мои подруги. И я не занесу его в десятки лучших, но тот день рождения определенно я занесла бы в историю собственной жизни.

Я почувствовала какие-то прикосновения. Уже и забыла, как это. Но это не был Майкл. Кто-то другой. Другой запах и другие касания. Я резко открыла глаза и ударила того человека ногой в голову. Он зарычал, и я скатилась с кровати и стала на ноги. Затем взяла кресло и начала бить его по телу. Он упал, и я села на него, собираясь задушить, как открылись двери и включился свет. Подо мной лежал какой-то сукин сын, которого я видела тут впервые, и я определенно хорошо его поколотила. В дверях стоял Джейс, который точно был зол. Он подал мне руку, сказав:

— Встань дорогая, — я устремила на него свой взгляд. — Я бы никогда не разрешил этого, и он будет наказан. Обещаю.

Оказывается, Джейс говорил на испанском, и этого мудака забрали буквально спустя минуту. Джейс ушел вместе с ними. Через несколько минут двери снова открылись, и он вернулся с чашкой в руках.

— Возьми, — отдал он ее мне. — Это хороший чай, и извини за это.

— Ты убил ребенка и просишь прощение за то, что какой-то мудака хотел меня ударить или изнасиловать? Ты серьезно, мать твою? Я агент, он знал, что у него нет шансов, и пришел сюда точно не по собственному желанию. Или вам нужно другого менеджера по набору персонала.

— Знаешь, Стейси, ты мне нравишься, — сел он на пол рядом. — Ты честна и умна. А теперь пошевели своими умными мозгами и подумай, хотел ли я убивать девчонку, которая мне ничего не сделала на глазах у семьи женщины, которую любит моя жена.

— Бывшая жена, — смотрела я на него с ненавистью. — Слава богу, она развелась с тобой. Ты ужасен. Ты не похож на человека. Люди, которые делают ужасные поступки, просто ужасные люди, и не ищи себе оправданий.

— Сосредоточься на том, что у тебя есть, а не на том, чего нет. Ты — это тот человек, которым ты являешься сейчас. Тебе нужно отыскать какой-то свет во всем этом, который будет давать тебе вдохновение и силу, и поможет двигаться дальше. Держись за этот свет как можно крепче.

— Тебе этот свет помог?

— С годами я понял, что не бывает умных женщин без внутренней трагедии. И чем умнее женщина, тем она несчастней.

— Ты думаешь, я несчастна?

— Я думаю, что порой нам больше везет именно тогда, когда мы не получаем желаемого. И на самом деле, Эс, — поднялся он и направился к выходу. — Тебе есть, за что благодарить судьбу.

Безвыходным мы называем положение, выход из которого нам не нравится, и причина, по которой я так сильно люблю не спать допоздна, заключается в том, что между первым часом ночи и пятым мир тих и никто ничего не требует от меня. Я могу пялиться в свою стену четыре часа и никаких последствий не будет. Так тихо и спокойно, и я люблю это. Я могу плакать по своему ребенку, по своей семье, по своим друзьям и по любви, которой не суждено жить.

Все любят красивые истории, потому что себя находят в главных героях, и мечтают о такой же жизни. Человек ждет чуда, а не подарка. Что кто-то придет и по взмаху волшебной палочки изменит всю жизнь. В реальности такого нет. Ты борешься за каждый кусочек своего счастья и за каждого нужного человека. И я знаю, что завтра подпишу очередные бумаги и закрою всю свою жизнь. Мне придется жить в бегах и оберегать свою семью ценой собственной жизни, но все таки как много хорошего было.

И будет еще. Я точно знаю, что один неудавшийся день или месяц — не повод думать, что теперь всегда будет

так. Ожидание — не смысл жизни, но это и есть жизнь. Если мы ожидаем, то скучаем и, значит, чувствуем. А это много. Равнодушие рушит все, но, если кто-то на мгновение уходит, жизнь не рушится. Даже если уходит на совсем, она идет дальше. Я сбилась со счета, сколько событий воспринимала, как катастрофу, все из которых сейчас потеряли значение. Через год все будет по-другому, и важными будут совершенно другие вещи. Не пойди я на эту работу, которая сейчас всему причина, я не познакомилась бы с подругами, и так бы не узнала, что такое семья. Я не познакомилась бы с Майклом и не родила бы свою дочь. Не познала бы такой сильной любви.

— Собирайся, — вошел в комнату Максфилд. — Через десять минут мы уезжаем.

— Я подпишу бумаги и уеду? Я больше никогда вас не увижу. Боже, как я хочу забыть все ваши лица.

— Ты правда так думаешь или тебе сказали так думать? Неужели ты и правда думаешь, что отсюда кто-то уходит? Майкл создал это с нашей стороны. Это он все создал: поставку, переправку, контрабанду, убийства. Он знал тебя до того момента, Стейси. Ты стала важной, только когда родилась Эстель. А до того момента ты была просто очередным оружием.

Я позволила себе расклеиться. Я поняла, что не обязана всегда быть сильной и притворяться, что мне все равно. И хотя трагедии — это плохо, они дают нам возможность стать сильнее.

— У меня такое неприятное чувство, что ты прав, — прошептала я сама себе.

Я вспомнила одно из дней, когда Майкл пропал. Я сидела на улице в Starbucks, и кругом меня находились люди и магазины. Да именно находились. Казалось, магазины были живыми, а люди мертвыми. Меня окружали банки и булочные. В кафе напротив, где продавалось мороженное сидели люди, хотя мне казалось, что на улице слишком холодно для него. Да, в тот момент я подумала о том, что не разрешила бы сейчас Эстель есть его. Столько всего меняется с приходом одного человека в твою жизнь. Как и уходом. Раньше каждое воскресенье у меня было по плану. Но нет, в хорошем понимании слова «план». Я любила это слово, и оно мне было чаще всего нужно. Утром я просыпалась и завтракала, потом шла в спортзал, душ, снова еда, а затем было самое важное в этой неделе. Мы с Майклом устраивали свидание. Каждое воскресенье, пока все не пошло коту под хвост, это был наш день. Мы смеялись, ели в ресторане, смотрели фильм, все, что угодно, но мы уделяли время лишь себе. Позже с Эстель были наши друзья, мама Майкла, или же мы брали ее с собой. Она нам не мешала. Она добавляла красок в нашу жизнь, и каждому воскресенью я была благодарна за его существование. Никогда ранее я не чувствовала такого одиночества, как в то утро. Я всегда была для себе всем миром, но сидя в очередное воскресенье совсем одна, я хотела тех дней. Тех воскресений, в которых я была счастлива, и план этого дня делал мою жизнь потрясающей. Наверное, именно в какой-то такой момент ты понимаешь, что все это по-настоящему. Майкл стал настоящим, только когда он исчез, а не появился. И тогда я даже в мыслях не могла его отпустить.

Около часа спустя Майкл вошел за мной в комнату и протянул мне руку, смотря прямо в глаза. У него был цветок в руках, и он начал вплетать мне его в волосы. Его ласковый взгляд всегда был таким особенным.

— Ты очень красивая, Эс, — шепчет он тихо. — Все меняется, милая, но солнце все так же встает каждое утро.

Его голос словно из разных инструментов вливается мне в разум. Дальше он говорит, что я похожа на картину, и жизнь является моим самым неповторимым художником. Его губы говорят слова надежды, и еще он говорит, что ничего не потерянно, и все ответы я найду в себе. Он — это я, а я — это он. Он поражается моей силе и стойкости, и когда-нибудь все это мы сможем преодолеть.

Да, идеальных отношений не существует. Разве что в романах. Хочешь идеальных отношений? Научись справляться с шероховатостями и собственной глупостью. Именно это и делает их идеальными. В отношениях всегда имеет значение самое начало дня. Обнять, поцеловать и весь день ходить с нежностью в сердце. Любовь начинается с утра. Это я и сделала. Может быть, это был наш последний день.

— Со всей любовью, — прошептала я в его щеку. — Твоя Стейси.

— Я мечтаю прочитать твои мысли и узнать, кто я для тебя.

— Не делай проблему больше, чем она того заслуживает, — я не могу отойти от него. Мне нравится его запах и нежность в грубости.

— Пошли, — чуть слышно шепчет Майкл, и легко сжимает мою шею.

— Куда?

— Разве это важно?

Моя мама говорила, что самый ценный диалог, это диалог, который мы ведем сами с собой. Все остальные не ведут никакого смысла.

— Какой был твой самый большой провал, Эс?

— Однажды я влюбилась, — пожала я плечами. — И вот теперь я тут, в заложниках, моя дочь далеко от меня, так что да, думаю, это был мой самый большой провал.

— Не бойся, Стейси, — обнял Майкл меня, сильно прижимая к себе. — Я не позволю, чтобы с тобой что-то случилось.

— Это так странно, — отошла я от него. — Я всю жизнь оттачивала мастерство похуизма, а теперь мне реально страшно.

Прежде, чем выйти из комнаты, Майкл дал мне нож, и я засунула его в ботинок. Он сказал, что мне это не пригодится, но пусть будет на всякий случай. Когда мы направились к выходу, он снова отделился от меня, а я вспомнила, что на мгновение забыла о ненависти к нему. Так странно, когда любишь человека, забываешь, как его ненавидишь. Когда за мной закрыли дверцы фургона, я обнаружила там девочку. Боже, меня словно преследовали дети. Но я больше никого к себе не подпущу. Это я знала наверняка. Все, кто сближается со мной, оказываются в опасности или умирают.

Господи, как я хочу открывать утром занавески и пить кофе. Смотреть в окна, и порой обжигаться кипятком. Наблюдать за своим смеющимся ребенком и вдыхать холодный воздух. Читать маленькие книги на ночь и прикрывать глаза, представляя себя частью большого и живого. Представляя себя частью нашей совместной жизни с Майклом. Я научилась вбирать в себя книги, цитаты писателей и картины художников в детстве. Запоминать фразы на французском и цитировать Блока на русском. Наверное, это и есть настоящая жизнь. Но у меня — лишь наслаждение абсурдностью этого мира, и, наверное, было бы гораздо больше удовольствия в жизни, чем у других. У меня была любимая работа, и на самом деле я получала наслаждение от того, что делаю. Потому что на самом деле никто не любит то, чем занимается. Это иллюзия и игра на публику, и все люди в мире научились в нее играть.

— Сколько тебе лет? — спросила я тихо.

— Мне тринадцать, — ответила она тихо. — А ты кто?

— Я друг.

— Моей мамы? — чуть ухмыльнулась она. — Она тут главная. И она не разрешает мне красить губы губной помадой.

— У тебя еще своя красота.

Я удивилась, как мать может все это показывать своему ребенку. Еще и девочке. Я бы в ад спустилась, чтобы никогда не показать Эстель ничего из своего мира. И как люди могут жить с пониманием того, что их дитя растет точной копией их, и тут нет ничего из раздела комплиментов.

— Знаешь, — натянула я улыбку, предаваясь воспоминаниям. — У меня в школе однажды учитель запретил мне красить губы красной помадой. И на следующий день каждая девочка в классе нарисовала губы кроваво-красной помадой, которая у нее только была, и в туалете была очередь, чтобы нарисовать огромные острые, как нож стрелки, и все мы выглядели, как легион воительниц-богинь, которые шли отомстить за свою сестру, — показала я кавычки в воздухе, — поэтому, когда учитель вошел в класс, у него просто отпала челюсть, и он стал игнорировать тот факт, что все девочки уставились на него посреди урока, и начали поднимать руки и задавать вопросы касаясь предмета, чтобы заставить его посмотреть на нас всех. Знаешь, девчонки иногда

поразительны, когда дело доходит до борьбы, и мужчины упускают нечто великолепное, не наблюдая за этим.

Меня вытащили из машины и подтолкнули к воде. Это был порт, и какое-то заброшенное здание напоминало мне избушку старого моряка, как в фильмах. Было слишком много людей, и больше всего я переживала за Майкла. Не за ребенка, как обычно, а именно за Майкла. Я переживала за Эстель, и за то, что она может его не узнать. А я так бы хотела, чтобы она узнала его сердце, и как он умеет защищать. Как он умеет любить, даже когда пытается показать, что его никогда этому не учили. И да, за себя. Это правда. Впервые в жизни я переживала за себя по той же причине. Я не хотела, чтобы моя дочь росла без матери. Без любви и чувства безопасности. Я хотела бы научить ее любви к искусству, музыке, поэзии, картинам, литературе и узнавать человеческую душу. Очень. Мне кажется этому меня не научили, и мне пришлось узнавать самой, на сколько я могла себе позволить. Я дала бы ей лучшее образование и чувство, что тебя всегда поддержат. И я дала бы ей семью. Да, это единственное по сути, за что всегда стоит бороться.

— Заводи ее, — сказала женщина Джейсу. — И без глупостей.

Мои руки были туго связаны веревкой, и Джейс повел меня к тому домику, который я заметила с самого начала.

— Джейс, — сказала я чуть слышно, когда он завел меня в подземелье. — Пожалуйста, не делай этого. Она не может остаться одна.

Он молчал все время, пока развязывал мои руки и связывал их снова, но расслабляя узлы. Я заметила это, хоть и промолчала. И только прежде, чем закрыть дверь он сказал:

— Он будет в порядке.

Забавно, что происходит, когда вы осознаете, что ваша смерть близка.

Жизнь внезапно ощущается на расстоянии миллиона миль от реальности. Я никак не могла вспомнить все имена или названия мест, где я могла с ними встречаться. Ничерта не могла вспомнить, когда страх вторгся в каждый атом моего существа, парализуя. Я ничего не могла изменить или даже увидеть, что там происходит. Вдохнув запах сырого подвала, я оглянулась. Все вокруг было черным. Было такое впечатление, что в течение долгих часов я бродила по крошечному пространству, ища выход, но находила только стены и отдаленные голоса. Боже, тишина была убийственная. И когда несколько часов назад надежда, за которую я цеплялась, что мы сможем выпутаться, канула в пустоту, я перестала пытаться. Я не проронила ни слезы, просто смирившись с тем, что вся эта трата калорий не имеет больше значения. Смотря на землю, я видела темноту, которая была везде, и я была согласна, чтобы пустота поглотила меня, если с Майклом все будет хорошо. Он был сломлен так сильно, что я бы никогда не смогла этого исправить. Мои руки онемели, во рту пересохло, и я задалась вопросом, оставили ли меня здесь умирать.

А потом я услышала звук шагов, приближающихся к двери и разрывающих тишину. Напряглась, когда дверь отомкнули и широко открыли. Я ожидала увидеть яркий слепящий свет, но вместо этого он был тусклым и неясным. Огромное тело стояло в дверном проеме, и я почувствовала страх, скрутивший желудок. Все это время казалось вечностью.

— Я не причиню тебе вреда, — сказал Максфилд своим низким и грубым голосом. Он не звучал жестоко. На самом деле, его голос звучал молодо.

Я почувствовала, как холод пробежал по моей спине, когда он схватил меня за руки, вторгаясь в мое пространство. Резко задрожав, я сдерживала вой, прежде чем почувствовала, что мои руки полностью освободили.

— Если сделаешь что-нибудь глупое, я снова свяжу их, — предупредил он.

Мои плечи и руки болели. Я потеряла запястья, размяла пальцы, наблюдая за перемещением его высокой фигуры в другую сторону крошечного подвала.

— Где Майкл?

— Ты сейчас пойдешь к нему, и, если все пройдет гладко, тебя отпустят.

— А его?

— А он сам никогда не уйдет.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что тогда не отпустят тебя.

Я наблюдала, как Максфилд не хотел быть тут. Ему было не комфортно рядом со мной, и он ничего не мог поделать. Он сказал мне подняться и следовать за ним. Мы вышли на улицу, и холодный воздух ударил мне в лицо. Было так много машин, и так много лиц, и я потеряла чувство безопасности. У меня больше не было его, и не знаю смогу ли вернуться в него когда-нибудь.

— Подписывай, куколка, — сказал какой-то незнакомый мужчина.

— Не трогай ее, — услышала я голос Майкла. — Она подпишет, как только сядет в машину и уедет отсюда. Тогда я заберу бумаги и принесу их сюда. Вы сядете на корабль, а там вас встретят наши люди.

— О нет, милый, — опять отозвалась эта язва. — Она никуда не уедет.

— Значит никаких бумаг не будет.

— Я могу убить ее.

— А я могу убить тебя.

Шаги раздались совсем рядом, и я на мгновение задержала дыхание. Майкл повернулся ко мне, и его сердцебиение, возможно, имело тот же темп, что и мое. Он наблюдал за мной, а я оценивала обстановку. Тот же мужлан, который обращался ко мне прежде, ударил меня в спину, и я увидела, как он достал нож. Но, кажется, Майкл увидел это раньше, и, достав пистолет, в мгновение ока пристрелил его. Он рухнул без сознания на землю, и раздался глухой звук.

— Убрал от нее свои грязные лапы.

— Майкл! — я бросилась к нему, и мне было плевать, что будет дальше.

Я прижалась к нему и расплакалась. Мне столько всего пришлось пережить за последние дни, и я держалась хорошо. До этого момента.

— Все будет хорошо, милая, — сказал он мне тихо. — Я буду защищать тебя ценой жизни всего мира, — обнял меня сильно. — Ты в безопасности, любовь моя.

А затем начались худшие минуты моей жизни. От ниоткуда началась стрельба, и Майкл перекатился на меня, закрывая своим телом. Он откатывал нас за машину, чтобы спрятаться, но вдруг я почувствовала, как его тело дернулось несколько раз.

— Ты цела? — спросил лишь он.

— Да, — ответила я почти задыхаясь. — А ты?

— Я в порядке, Стейси, — слышала я улыбку. — И ты наконец-то лежишь подо мной.

Я засмеялась, но, когда отклонилась от Майкла, увидела, что он был в крови. В него попало минимум три пули, одна из которых была в районе груди.

Я взяла в руки его лицо, оставляя на нем кровь, и встала перед ним на колени, пытаюсь понять, куда попали пули.

— Стейси, — услышала я голос Джейса. — Дай пистолет!

— Еще двоих осталось, — крикнул ему Максфилд. — Не нужно.

— Мне нужен телефон! — сказала я им. — Нужна скорая.

— Телефон в машине! — ответил Джейс. — В черной.

— Майкл, — почти задыхалась я. — Живи. Пожалуйста, только живи. Я хочу заполнить сотню фотоальбомов воспоминаниями о приключениях с тобой. И ты не имеешь права меня бросить. Я возьму телефон. Я быстро.

Он провел пальцем, который так же был в красной жидкости вкуса метала по моим губам, и я замерла. Я лишь наблюдала за ним, и он кажется, был не настолько плох, как я думала. Он поцеловал меня раз. За тем еще раз. И когда прижал сильнее к себе, я взяла в ладони его красное лицо, чувствуя что мне плевать, даже если весь мир сейчас упадет нам на голову. Он толкнул меня на землю, и оказавшись сверху, продолжал целовать. Кажется, кровь уже текла из наших губ, и все остальное казалось не важным. Звуки скорой, и полиции. Голоса людей, которые приближались. Важным были лишь мы. Лишь губы, которые мы оба хотели целовать.

Я побежала к машине Майкла, чтобы взять телефон. Сев в нее, открыла бардачок, и когда заглянула под сидение, нашла. Его телефон работал бы еще максимум несколько минут, учитывая 2% заряда. Я позвонила Адаму, и он поднял трубку, говоря обеспокоенным голосом:

— Майкл?

— Это Стейси.

— Эс? Все в порядке?

— Едьте домой. Только будьте осторожны. Слишком много всего произошло.

— Ты не думала, что возможно только там она будет в безопасности? — услышала я голос той суки, которая угрожала моему ребенку.

— А ты не думала, что пора бы уже тебе сдохнуть? — огрызнулась я, благодаря Майкла за нож.

Я всадила нож ей в горло, а затем еще и еще раз, понимая, что снова убила человека. Она не ожидала этого, и по факту, я также убила ребенка. У нее была девочка, которая лишилась матери сейчас, а может быть, она решилась ее гораздо раньше. Может быть, я не была бы так зла на нее, но она угрожала моему ребенку, и я никогда не смогла бы смириться с ее жизнью. Я хочу отправится в дорожное путешествие с тем, кого я люблю. Хочу бежать, исследовать места, спать в машине, останавливаться, просто чтобы полюбоваться видом, пить кофе, посещать музеи, слушать любимые песни по телефону, делать фотографии восхода и заката солнца, гнаться за туманом и солнцем, чувствовать ветер в волосах, целоваться и обниматься, встречать других людей и создавать воспоминания с теми, кого люблю.

Кажется, я всю жизнь ждала лишь его одного, и не понимала этого, пока его не отобрали. Я всю жизнь безоговорочно отговаривала себя от близости, а когда узнала, что это, не понимала, как столько времени жила без нее. Огромное количество мужчин были мне безразличны, и Майкл запал в душу лишь один. Я сходила с ума от тоски по нему. Меня ломало. И если я обычно лечилась сексом от всех проблем, то теперь это бы не помогло. В близости к себе во всех смыслах этого слова я видела лишь его. Все поблекло на его фоне. И я снова готова была бросить всю свою жизнь, чтобы разделить с ним ее. Я бы отказалась от всей своей работы и званий, и стала бы на противоположную сторону. В этой жизни мне нужен был лишь он. Он и наша дочь. Наша семья, которая появилась, когда мы не думали, что сможем создать даже взаимопонимание, не то, что любовь в облинии Эстель.

Меня не пускали к Майклу в палату, и я в прямом смысле этого слова истерила. Никто мне ничего не говорил. Не говорили, он умер или жив. Стабильно ли его состояние. Я села на пол, и, кажется, просидела в коридоре целую вечность, пока не почувствовала прикосновения к своему телу.

— Не трогайте меня, — сорвалась я с места.

— Тут нельзя ночевать, Стейси, — появился Джейс перед моими глазами.

— В тумбочке буду спать. Не трогай меня!

— Иди к нему, — вздохнул он. — Все будет хорошо, и ты в безопасности. В палате есть душ и одежда, переоденься. Поешь и выпишься. Мне жаль, что все так случилось.

— Почему ты делаешь это, Джейс?

— Я давно его знаю, — лишь развел он руками. — А он единственный, кто знает меня.

— А как же Долорес?

— Ты была права, — заметила я слезы в его глазах. — Она заслуживает лучшей жизни.

Я больше ничего не сказала, а лишь открыла дверь в палату и окунулась в мир Майкла. В мир, который на самом деле любила больше всего на свете. Взяв его руки в свои ладони, прошептала:

— Скажи, что я должна сделать, чтобы ты открыл глаза? Я больше всего на свете хочу этого. Я люблю тебя, Майкл. Я безгранично люблю тебя.

И только теперь я поняла состояние Брайана. Как он мучился и как хотел оказаться на месте Эмили, только чтобы быть уверенным, что с ней все будет в порядке. Я была благодарна Джейсу, но мне нужна была его могила. Я не доверяла ему и понимала, что успокоюсь лишь в тот момент, когда осуществлю это. За Кетрин, которую больше никогда не верну, и за безопасность Эстель, которую хочу ей гарантировать. Да, Долорес меня никогда не простит, и все развалится, но, если придется выбирать, я всегда выберу свою дочь.

Дверь в палату открылась, и вошла Долорес. Она что-то держала в руках, что я толком даже не заметила с самого начала, а я сразу бросилась обнимать ее. Мне нужен был хоть один родной человек, и тот, кто скажет мне: «Все хорошо, Эс». Но можно ли остаться собой в мире стереотипов и условностей?

— Это тебе от твоего отца, — передала она мне чехол для гитары.

— Что это?

— Это гитара твоей мамы, и он сказал, что ты очень похожа на нее, — появилась улыбка на ее лице. — Тебе стоит гордиться, потому, что я видела ее фото, и она была красоткой.

— Что теперь будет, Долорес? Все изменилось. Теперь нет просто обычных людей, — показала я кавычки в воздухе. — Есть словно «мы» и демоны. Я всегда была параноиком, а теперь все только ухудшилось.

— Я покажу тебе кое-что, — достала подруга телефон, и включила видео на нем.

Эстель ходила. Она смеялась и махала в камеру. Я расплакалась. Она ходит. Когда она начала ходить? Я пропустила ее смех, сон, ручки, которые крепко бы обнимали мою шею, и губки, которые бы целовали меня в щеку и шептали: «мама».

— Я все пропустила, — закричала я. — Все пропустила!

— Ты пропустила многое, — открыла Долорес чехол, доставая гитару и не обращая внимания на мою явную истерику. — Но не жалею о том, что не смогу вернуть. Ты тратишь сейчас свое и мое время. Просто проведи остаток своей жизни в любви к своему ребенку, потому что она этого заслуживает. Дай ей возможность быть доктором, художником, домохозяйкой, монашкой или стриптизершей. Она может быть асексуалом, натуралом, пансексуалом. Атеистом, индусом, или агностиком. Дай ей понять, что она может быть любого гендера, и ты все равно будешь любить ее. И поддержишь. Она забудет то время, когда тебя не было, но всегда запомнит, когда ты будешь рядом.

— Ты правда веришь в то, что она не вспомнит? — наигранно засмеялась я.

— Оставайся всегда ничьей, Эс.

— Поздно, — развела я руками, пожимая плечами.

— Тогда будь осторожна.

Глава 16

Я думаю, что самые грустные люди всегда пытаются сделать окружающих счастливыми, потому что они знают, каково это — чувствовать себя абсолютно бесполезным, и они не хотят, чтобы кто-то другой почувствовал это.

Я сидела рядом с Майклом и вспоминала все, что было. Много смеха и приключений. Секса и драйва. Слез и страданий. Страх и ненависти. Я так сильно его любила, даже то, что сама идеализировала, и в конце концов перестала любить себя. Да, моя карьера рухнула. Но я и не жалею. Я не хочу больше необходимости переживаний. Скоро я буду со своим ребенком. Как только мать Майкла придет (да, я ей позвонила) я уйду, и это не будет моей миссией. С его приходом в мою жизнь он заставил меня думать, что я не цельна. Или это я сама заставила себя так думать? Мне не нужен мужчина, чтобы быть счастливой. Не нужно становится лучше, чтобы он любил меня. Все, что я теперь знаю, заберет все доверие к нему. Оно забрало. Я просто не понимала этого до определенной чашки кофе, выпитой этим утром.

— Я хочу кофе, — услышала я усталый голос Майкла.

— Какой облом. Я принесла тебе лишь таблетки и воду.

— Ты молодец, — усмехается он. — И, кажется, я рыцарь, который спас тебе жизнь.

— Не знаю, за какие твои заслуги я сижу тут, но ты и подверг эту жизнь опасности.

— Ты останешься? — я промолчала, и он продолжил: — Я знаю, что тебе нужно будет уехать. Поэтому дом твоих родителей готов. Конечно, ты можешь остаться в нашей квартире, но уверен, не захочешь. Там есть все, что нужно для жизни без меня. Твои карточки забиты деньгами, и тебе не нужно работать. Но, Эс, — все не мог он заткнуться. — Я не дам тебе забыть обо мне. Я всю жизнь буду умолять твоего прощения. И буду делать все для того, чтобы ты пустила меня в свою жизнь. Как раньше.

Я встала с кресла и поцеловала Майкла в щеку, задержавшись у его родного тела чуть дольше, чем позволяют все рамки наших недоотношений. Он был мне таким родным, и я так любила его. Майкл смотрел на меня, зная, что я ухожу. Он знал, что я уйду с тех пор, как познакомился со мной. А я не хотела этого с тех же самых пор.

— Ты меня любишь, Эс? — спросил он, прежде чем я открыла дверь.

— Я тебя люблю, — качнула я головой. — Ты бесишь меня больше, чем это вообще возможно в принципе. Но я хотела прожить с тобой каждую раздражающую минуту.

Я вышла за дверь, и слезы потекли по моим щекам. Отойдя в конец коридора, я спустилась по стенке, садясь по пол и закрывая лицо руками.

— Ты хочешь забыть? — услышала я знакомый голос.

Подняв голову, увидела мать Майкла. Она выглядела все так же безупречно, а потом удивила меня, присев рядом.

— Нет, — ответила я. — Мне нужно все помнить. И я все помню.

— Ты держись за эти воспоминания. За то, как ты любила его. Кто для тебя Майкл Вудс?

— Мы были вместе, кажется, и я любила его.

— Ты любишь его до сих пор, даже в своей ненависти. Человек всегда меняется, милая, — обняла она меня за плечи. — После того, как почувствует боль.

У каждого в жизни был такой человек, после которого ты меняешься. И совершенно не важно, было ли это безграничное счастье или боль. Ты просто понимаешь, что такой, как раньше, ты больше не будешь.

— Стейси! — услышала я голос Донны.

И когда подняла голову, увидела всех подруг. Они были далеко, в самом конце коридора, но их голос прозвучал, и даже воздух изменился. Я улыбнулась. Я наконец-то за последнее время впервые по-настоящему улыбнулась.

— Читай книги, солнышко, — поднялись мы, и она положила руки мне на плечи. — Читай больше книг. Получай вдохновение и просыпайся раньше. Надевай теплую куртку, наблюдай восход солнца. Делай это два раза в месяц. Потом два раза в неделю. Три раза в неделю. Потом к этому добавь утреннюю прогулку с моей любимой внучкой, которая так похожа на тебя. Затем добавь пробежку и беги. Останавливайся в кофейнях, завтракай. Затем вернись домой, прими душ. Знакомься с новыми людьми — молодыми и старыми. Делись своей историей и слушай другие. Нет, не чужие, а именно другие. Слушай их. Люди скажут тебе много волшебных слов. Принимайте с Эстель листовки от людей, стоящих на тротуаре. Сиди у воды и просто смотри на нее. Счастье ждет тебя за каждым углом.

— Почему вы говорите это? — спросила я в непонимании. — Он же ваш сын.

— И я люблю его, моя девочка, — обняла она меня. — Но иногда люди все равно сходятся, несмотря ни на что.

— И кстати, — крикнула я чуть громче, когда она направилась в палату. — Она похожа на Майкла больше, чем на меня.

— Я знаю, — чуть улыбнулась та.

Если вам однажды станет грустно, просто вспомните мою историю. Как я ненавидела человека, которая, оказывалось, любила своего сына даже не так, как все матери любят своих детей. Любила свою внучку больше, чем всех людей на земле, и не испытывала ненависти ко мне. Она дала мне хорошие советы, которые потом мнегодились. И в этот момент я вспомнила ситуацию, как обустраивала свою кухню и делала барную стойку. И поднимая голову, я ударилась, и меня вырубил ненадолго. А кто-то из подруг накрыл меня одеялом, потому что они подумали, что я просто решила вздремнуть посреди этой чертовой кухни. Наверное, это и есть семья.

Они все подбежали ко мне и начали обнимать. Даже Эбби, Донна и Эмили со своими животами толкали всех, и смеялись. Все, кроме меня. Смех мне всегда проще давался, чем слезы. Могу ли я просто сказать, что очень люблю своих друзей? Они могут сделать мой ужасный месяц вновь хорошим, осветив при этом только один день.

— Как я рада вас видеть, — лишь вздохнула я, не скрывая эмоций. — Как же мало надо для счастья.

— Я рада, что ты наконец-то поняла это, — услышала я Еву и еще сильнее обняла ее.

— Мы твоя семья, Эс, — сказала Донна, когда мы немного отошли друг от друга. — Но мы друзья, помнишь? Ты до сих пор можешь прийти к каждой из нас и сказать «привет». Но кто мы для тебя на самом деле? Скажи, Стейси.

— Вы — это глупые задушевные разговоры, — посмотрела я на каждую из них, и улыбнулась Долорес, молча благодаря ее за присутствие. — Честный голос моей самооценке и возможностей. Фотографии. Их мало, потому что я не люблю фотографироваться, но они есть. И каждая из них носит имя «ностальгия». Путешествия и любимые ночевки. Пусть это и было давно в последний раз. Вы — это шутки, которые понятны лишь нам. Прогулки, которые оставляют улыбку на лице. Объятия, помогающие всегда. Взгляд — пронзающий меня насквозь, пытающийся понять, действительно ли все в порядке. И вы, — подошла я к Донне и обняла ее. — Вы — это воспоминания, которые останутся у меня в памяти навсегда.

Мы долго не говорили. Молча направились к лифту, затем сели в машину и направились в аэропорт. Я оглянулась прежде, чем покинуть здание, ведь в нем был Майкл. Несмотря на все, что было, он все равно защищал меня, и я замечала это. Я думала не так, как другие. В конце концов, меня полтора года учили думать быстрее, чем других.

— Ну так ты расскажешь, как ты попала в ФБР? — спросила Эмили. — Давай же, мы заслужили правды.

— Я сидела на героине, — прошептала я тихо. — И когда мы грабили склад с медикаментами, я убила полицейского. Так мне сказали, и так же сказали, что, если я не соглашусь на работу, меня посадят до конца моей жизни.

— Боже, — слышала я напуганный голос Евы. — Сколько тебе было?

— Семнадцать. Они бы подождали год и осудили меня. Так что меня учили полтора года и сказали, что я буду служить стране.

— И что ты сделала?

— Я служила, — открыла я фото своей дочери на телефоне Донны. — Но я не думала, что буду убийцей.

— Ты же говорила, что не убивала людей, — в непонимании сказала Долорес.

— Людей не убивала, — пожала я плечами. — Лишь ничтожеств, но и их воздух не пожирал.

— Мне жаль, Эс, — взяла меня за руку Эбби. — Мне жаль, что всю жизнь до теперь ты так и не прожила.

— Все в порядке, — вытерла я слезу со щеки. — Кажется, теперь все в прошлом.

— Я так не думаю, — сказала Эмили. — Ты правда надеешься, что они тебя отпустят?

— У меня на них есть столько дерьма, что им освежителя воздуха не хватит.

— Ты серьезно? — удивилась Долорес.

— Да. Мне есть кого защищать.

Затем мы пересели в частный самолет, и я не стала ничего спрашивать. Эмили дала мне куртку и сапоги, и только спустя несколько минут я поняла, что в Нью-Йорке сейчас холодно, и моя одежда из Мексики больше не актуальна.

— Может, чай или кофе? — спросила Долорес. — Или хочешь поспать после перестрелки?

— Где она? — задала я вопрос слишком резко.

— С Брайаном и Адамом, — спокойно ответила Донна. — И знаешь, я бы советовала тебе пойти поспать, чтобы ты смогла...

— Я смогу, Ди, — перебила я ее. — Она моя дочь, и я не видела ее дохрена дней. И я вам очень благодарна за все, что вы делали и делаете до сих пор, но я точно знаю сейчас две вещи: первая — хочу увидеть свою дочь, и второе — не хочу спать.

— Вот, держи, — передала мне коробочку Ева.

Открыв ее, я увидела mp-3 плеер и наушники. Я пролистала и там было такое количество музыки, что мне не хватит времени даже на сотую часть ее. В этот момент я посмотрела на Еву взглядом, которым не одаривала никого до этого.

— Спасибо, — шепотом произнесла я. — Я так давно не слушала музыку.

Глупо верить в то, что есть что-то вечное, в том числе и детство моей малышки. Даже не верится, что ей уже полтора года. У нее сейчас идет самый интересный возраст. Она уже самостоятельно ходит и бежит. Наклоняется и приседает. Понимает элементарные обращения. И я не сказала ей ни одного. Прошло несколько часов, и день сменился ночью. Мы летели уже тринадцать часов, и я все это время слушала плейлист, пока Донна не взяла меня за руку.

— Знаешь, просто хочу, чтобы ты знала, — осторожно начала Донна. — Мы через пол часа будем в Нью-Йорке, и ты давно ее не видела.

— На что ты намекаешь? — нахмурилась я, чувствуя прилив раздражения.

— Она ест сама. И пьет сама. И ходит. И бегают. Даже фразы говорит, — улыбнулась она. — Максимум с двух слов, конечно, но это мило.

— Ты хочешь меня разозлить или еще раз напомнить о том, что я не видела ее слишком долго?

— Эс, Боже, — подняла голос Донна. — Почему каждый раз, когда я помогаю тебе, ты думаешь, что я хочу тебя унижить, пристыдить или разозлить? Я просто помогаю тебе и люблю Эстель, потому что она тоже мне как дочь, черт тебя дер!

На несколько секунд все устали на нас, и тишина почти удушила каждую. Потом лишь прозвучала единственное слово от Долорес: «Неловко», которое было переполнено сарказмом. И лишь когда самолет сел, я остановила Донну, и обняла ее. Я прошептала: «спасибо», но она ничего не ответила. Все ждали пока я выйду первой, и только в этот момент я поняла, что сейчас обниму своего ребенка.

— Ну же, Эс, — улыбнулась Эмили. — Тебе пора.

Моя беременность была полной неожиданностью, которая переросла в ощущения полного счастья. Я выхожу из самолета, и холодный воздух бьет мне в лицо. Быстро сбегая вниз по ступенькам, я вижу Эстель, которая на руках у Адама. Она смотрит на меня, и по мере того, как я приближаюсь, моя девочка начинает улыбаться. Я лишь надеюсь, что она не забыла меня и обнимет без детской боязни.

— Эстель, — оказываюсь я лицом к лицу со своим ребенком, и слезы текут по моим щекам. — Привет, доченька.

Она какое-то время смотрит на меня, а затем выставляет руки вперед. Я без раздумий хватаю ее и крепко прижимаю к себе. Беру ее ладошку и целую венку на запястье. Ты забываешь, какие муки испытываешь девять месяцев, а потом еще, когда прижимаешь ее к груди. Весь мой смысл жизни сошелся на одном маленьком человечке, который равноценен целой планете. Почему я думала, что одинока. Женщина с малышом априори не может быть одинокой.

— Я люблю тебя, — кружу я ее на руках, и она начинает смеяться. — Как же я люблю тебя. Ты знаешь кто я?

В этот момент произошло что-то волшебное, и пошел мелкий снег. Эстель засмеялась, когда снежинка упала ей на носик, а за тем еще и еще одна. Я люблю эту жизнь, и все плохое не в счет. Если она рядом. Только один человек нужен мне, и это мой ребенок. Снег шел, а я держала ее на руках, пока она не начала вырываться.

— Я хочу есть.

— Значит, нам пора, — поцеловала я ее в щеку.

— Отпусти меня.

Я присела, чтобы выполнить ее просьбу, и Эстель пошла слишком уверенно к Адаму. Я знала, что так может быть, но она взяла у него жирафика, которого я дала ей, когда они уезжали, и снова направились ко мне, вручая его.

— Ты мама. Это твоя игрушка.

И все снова изменилось с этого дня. Я переехала в дом своих родителей, где Майкл и правда сделал все, как бы я хотела. Обставил комнаты, а в нашу спальню поставил фото. Его мать сказала, что он в порядке, и окончательно поправился спустя неделю, за исключением легкой хромоты, и мы больше не виделись. Я официально ушла с работы и решила заняться фотографией уже на профессиональном уровне. Иногда я садилась за гитару, и мы проводили столько времени вместе с Эстель, что порой казалось, словно у меня паранойя, что она снова забудет меня. Я оставалась у своих друзей, и теперь начала ценить эту дружбу больше, чем когда-либо. Дружба — это что-то особенное. Она способна преодолеть любые расстояния и сложности. Это когда вы можете смотреть всю ночь фильмы, словно подростки, и кто-то из вас сумасшедшая птичка жаворонок, встает, идет делать кофе, и укрывает всех одеялом, только очень тихо, чтобы не разбудить, потому что тот действительно устал. Когда ты помнишь любую мелочь. Когда вы совершенно разные, но одновременно безумно похожие и родные.

И в конце концов все становится лучше без каких-либо объяснений. Просто я начала просыпаться утром и, как говорила ранее Майклу, делала кофе и открывала занавески. Все было по-домашнему, и я искренне полюбила

свою семейную жизнь, пусть и в семье было лишь двое человек.

Я обрабатывала фотографии, а Эстель сидела на полу и играла с новым конструктором, который мы купили в супермаркете утром.

— Ты будешь есть, Эс? — спросила я, улыбаясь.

— Хочу банан, — не обращала она на меня внимания.

Я встала и почистила ей фрукт, нарезаая кусочками и выкладывая на тарелочку.

— Держи, — поставила я тарелку на пол рядом с Эстель. — Можно мне с тобой?

— Да.

— Знаешь, когда я была такая, как ты, я любила машинки. Мой папа хотел сына и даже не думал покупать мне хоть одну куклу из-за ненависти ко мне. Но знаешь, это не имеет значения. Новогодние праздники скоро, и мы с тобой будем лишь вдвоем.

— Мама, — улыбнулась она. — Мы будем вдвоем.

— Я люблю тебя, малышка, — поцеловала я ее, обнимая. — Мы будем счастливы.

Прозвучал стук в дверь, и я направилась открывать. За дверью стояли все мои подруги. Я улыбнулась и поставила одну руку на пояс, опираясь на дверной косяк.

— Вы что тут делаете?

— Привезли тебе игрушки и новогодние украшения, — ответила Донна, проталкиваясь в квартиру смешной походкой.

— А что дальше? — смеясь, закрыла я за всеми дверь, когда они все были внутри.

— А дальше зима, — пожала плечами Ева. — И мы все будем вместе. И будем тут. Потому, что при всей любви к Нью-Йорку, этот день благодарения, который, кстати, завтра, и новый год через месяц, мы любим твой дом, который в двух часах езды от NY.

— Папа придет? — спросила Эстель.

И я на мгновение застыла. Как я могла ей объяснить, что ее отец полный мудак, которого я люблю и который не приедет на день благодарения и новый год, чтобы встретить их со своей семьей?

— Милая, я думаю папа приедет. Ты скучаешь по нему?

— Да.

Ну вот. Я впервые солгала своему ребенку. Как и все матери.

— Что ты чувствуешь, когда он рядом с тобой? — спросила Долорес.

— Я счастлива. Всей душой, — улыбнулась я. — Но сейчас я так же счастлива.

И это была правда. Когда все ушли спать, а в этом доме было достаточно комнат, и Майкл действительно постарался с ремонтом, я также отправилась в спальню. Засыпаю я моментально, и все было бы хорошо, но есть одна проблема — в четыре утра я встала и смотрела в потолок, планируя свой завтрашний день. Приготовить отбивные и курицу. Или лучше утку? Устроить Эстель в садик, и у племянницы или племянника Евы день рождения, на который мы приглашены, и нужно купить подарок. Да, сначала нужно узнать это мальчик или девочка. И да, бублики. Затем я пришла в комнату к своей дочери и, поцеловав ее, укрыла одеялом. Потом пошла в душ, надела джинсы и вязанный свитер. Это было так по-домашнему. Особенно, когда после я приготовила завтрак на всех.

— Как вкусно пахнет, — вышла Эбби первой ко мне. — Потрясающее утро.

Она гладила свой живот, и моя улыбка не сказала ей: «все будет хорошо». Скорее наоборот, я пугала ее своими отношениями с ребенком. Вечным отсутствием и оружием. Кроме того, она видела все это в своем детстве.

— Ты хочешь сказать, что это трудно, да, Стейси?

— Что ты имеешь ввиду? — наигранно засмеялась я.

— Я не дура. И знаю, что ты еле справляешься со своей работой и одним ребенком, а у меня сутками загруженные дни и будет целых два ребенка. Но я буду любить их.

— Как любишь их отца? — налила я сироп нам обоим на блинчики. — Знаешь, ты можешь любить человека, которого ненавидишь. И я знаю, о чем говорю. И материнство — это сумасшествие, но пройти это стоит.

Мы все оделись и отправились в ТЦ. Везде был запах праздников. Елки, гирлянды и детский смех. Эстель была ребенком, пусть и не родилась в совсем обычной семье. Она ждала Майкла. Так странно, она помнила, даже когда мы не стояли того. Она смеялась, и я не могла отвести глаз от ее улыбки. Было полно народу, но несмотря на то, что было трудно протолкнуться, это праздничный хаос дарил хорошее настроение. В какое-то время моя дочь повела меня в магазин игрушек, и мне так нравилось покупать ей все это. Эти вещи дарили ей столько радости. Она захотела девчачье лего, которое произвело на меня впечатление, кстати говоря. Там были горки для девушек и пальмы для их пляжа. Я также вспомнила лего, но в моем подростковом возрасте оно предназначалось лишь мальчикам.

— О чем ты задумалась? — спрашиваю я у Эстель, когда она рассматривает наборы.

Рядом стоял мальчик лет шести и, повернувшись ко мне, ответил:

— Она маленькая. Такие, как она, еще ни о чем не думают.

Я рассмеялась и присела рядом со своей дочерью, обнимая ее. Она так хорошо пахла. И в этот момент я вспомнила, как моя мама подарила мне медальон на цепочке, повесив на руку, как оберег. Она посвятила его и говорила, что он всегда будет меня охранять. Я сделаю то же самое. С появлением Эстель многие поступки моей матери стали мне понятны. Я даже не знала, что могу кого-то так любить.

— Я люблю тебя, Эстель. И я обещаю тебе безопасный дом и любовь людей, любящих тебя, несмотря ни на что.

— И я люблю тебя, мама, — ответила моя дочка, обнимая меня.

Каждый раз, слыша это, чувствую, как слезы наворачивались мне на глаза. Я ее так сильно обняла и прижала к себе. Как я жила до нее? Теперь все, что пришлось вынести, было нечем. Эстель стояла всего этого. Конечно, я не смогу искупить своей вины, но я буду всю жизнь пытаться. Ведь она единственный смысл жизни.

Прозвучал звонок мобильного, и я увидела неопределенный номер на экране. Так странно, я до сих пор не сменила номер. В глубине души я хотела, чтобы Майкл появился в жизни Эстель и в моей жизни тоже. Но в то же время я его люто ненавидела и не могла с этим ничего поделать. Он по определению должен был оберегать и защищать меня, пусть не сразу, но после рождения Эстель уж точно. А он делал все для того, чтобы моя жизнь стала еще более несносной.

— Алло, — ответила я спокойным голосом.

— Привет.

Всегда в твоей голове есть человек, который никак не выйдет из тебя, как бы сильно ты не пытался забыть о нем. Но иногда мы разрушаем то, что любим, но чаще всего именно то, что мы любим разрушает нас.

— Рада тебя не видеть, — сказала я слишком эмоционально.

— Поговорим? — спросил Майкл.

— О чем?

— Ты считаешь, что у нас мало тем для разговора?

— У нас их нет вовсе.

— А как же Эстель?

— Кто-то сказал, что рожать детей надо тогда, когда точно знаешь, что забота о них тебе будет в радость. Эта ситуация не о тебе.

— Я люблю нашу дочь, Эс, — услышала я разочарование в его голосе.

— Нет, ты любишь саму идею любви к ней. Ты не интересуешься, что она говорит, что любит, ее любимым цветом, и как она смеется, видя снег, который покрывает ее головку. Ты не знаешь ничего, ровным счетом, как и я. И раньше я винила себя в этом. Я думала, это моя работа привела нас к тому, чтобы нам пришлось отдать ее, — перевела я взгляд на своего ребенка, которая рассматривала коробку с покупкой. — А оказывается, что вся опасность заключалась лишь в ее отце. Зачем ты так поступил? Я доверяла тебе, а ты все разрушил.

— Я сделал это чтобы защитить тебя, Стейси.

— Ложь! — вскрикнула я и снова взяла себя в руки. — Ложь, и не ври мне. Будь хоть раз честен со мной.

— Ладно. Хорошо, — начиналась у нас уже конкретная ссора по телефону. — Хочешь правду? Я злился, потому что любил тебя и сейчас люблю. И то, что ты хотела убить меня, хоть и не зная об этом, еще и с другим, с которым твоя жизнь была бы спокойней, убивало меня. Ревность убивала меня. Довольна? Я люблю тебя и по-настоящему я бы никогда не причинил тебе боль. Я хочу, чтобы ты была счастлива. И как бы эгоистично это не звучало, но я хочу быть причиной твоего счастья, — вздохнул он. — Хоть иногда. Еще хотя бы раз. Я тебя люблю. Ты бесишь меня больше, чем это вообще возможно в принципе, но я хочу прожить с тобой каждую раздражающую минуту.

— Ты не знаешь...

— Знаю, Стейси, — перебил меня Майкл. — Я знаю, что такое настоящая любовь благодаря тебе. Потому что я никогда не смотрел на кого-то так, как смотрю на тебя.

Я бросила трубку, не сказав больше ничего. Взяла Эстель за ручку, и мы направились к машине. Пристегнув ее в креселке, я поцеловала дочь в щеку и носик, и затем снова в щеку. Ее запах и ее улыбка. Боже, я была так счастлива именно в этот момент.

— Я люблю тебя малыш, — улыбнулась я. — Едем домой и будем есть?

— Я не хочу есть.

Я засмеялась и, закрыв дверь, поставила в багажник все пакеты с едой. Подруги покупали продукты, и каждая написала, что едет домой готовиться к празднику. Сев в машину, на несколько секунд я взглянула в зеркало заднего вида на свою дочь. Да, у моей дочери нет отца, а у меня нет мужа. Я не смогла выйти замуж и сделать этот союз счастливым. Я поняла, что даже если любишь человека, это не всегда счастливый выбор. И даже если люди любят друг друга, не означает что они автоматически сделают отношения счастливыми. Моя любовь к Майклу реальна. На самом деле это самое реальное в моей жизни, но жить с кем-то, не то же самое, что быть с кем-то. Ожидания и обязанности — всегда дополнительное давление, когда вы создаете семью. И оно на самом деле может сломать все, несмотря на то, насколько искренняя ваша любовь. Любовь — не всегда гарантия. Но несмотря на все то, что я и так понимала, я ждала чуда. Чуда в Новый год. Ведь говорят, что оно всегда случается.

Мы тронулись с места, и пока возвращались, Эстель уснула. Зазвонил телефон, и я увидела имя «Эбби» на экране.

— Привет, — сказала я тихо. — Эстель спит.

— Ты как?

— Еду домой. Покупала продукты, — выпустила я смехок. — Помнишь? Да, я мама, оказывается.

— Я так хочу приехать к тебе, но уже лежу дома и не могу живот поднять.

— Может быть себя поднять? — засмеялась я.

— Нет, нет, именно живот.

— Ты знаешь, кто будет у нас?

— Я не открывала конверт, — тихо прошептала она. — Думаешь, это ненормально?

— Я не знаю, что такое нормально, Эбс, — свернула я на подъездную дорогу. — Прими душ и смой с себя этот день. Возьми стакан воды или сока и сделай в комнате темноту. Включи гирлянду на елке и музыку, ложись в кровать и закрой глаза. Послушай тишину и услышь свое сердце, которое все еще бьется. Все еще сражается. Ты заставила его, после всего, что было. Ты сможешь сделать еще один день. Снова и снова.

Наверное, в один момент ты понимаешь, что человек твой, когда вы не виделись буквально какое-то время, и всегда первым делом целуетесь. Несмотря на то, что пять минут назад вы шли рядом, и вдруг тебе захотелось мороженого. Он увидел это по тому, как ты на него посмотрела, и возвращаясь, он сначала целует тебя, а потом дает баночку с мороженым. Да, это кажется такой мелочью, но это важно. И однажды не сделай этого — оно бросится в глаза. Физическое прикосновение — это важно. Я люблю их. И я говорю не о сексе, и даже не о поцелуях. Просто сидеть рядом, прикасаясь руками, положив ноги друг на друга или просто идти, держась за руки. Я люблю знать, что все наши тела материальны и настоящие. Существовать и взаимодействовать нужно. И раньше я сходила с ума от присутствия этого в жизни, а теперь мне не комфортно от отсутствия, даже мимолетного. Я хотела бы прямо сейчас, не смотря на всю ненависть к Майклу, уткнуться носом в его шею. В его запах. И целовать. Целовать и говорить о нашей Вселенной.

Эстель спала, и достав ее из машины, я взяла лишь ключи, и мы направились в дом. Не снимая обувь, я поднялась с ней на второй этаж и положила на свою кровать. Сняла с нее курточку и маленькие розовые ботиночки, комбинизончик, перчатки и шарфик. Джинсики, колготки и кофточку. Присев на кровать, и накрыв ее одеяльцем, я заметила, как она день за днем все больше становится похожа на своего отца. Говорят, если девочка похожа на отца, то будет счастлива. И это на самом деле единственное, чего я хочу. Мне не нужны ее ровные и длинные ноги, шелковистые волосы и глаза цвета неба. Не нужна талия, которая будет выделять ее из толпы, и кожа оливкового цвета. Мне не нужно ничего идеального в ее внешности, ведь она для меня с самого рождения идеал. С того момента, как я взяла ее на руки, и поняла, что это единственный человек, который будет любить меня, несмотря ни на что, а просто потому, что я ее мама, я поняла, что единственное, чего я хочу для нее — счастья. Если ей что-то не понравится в своей внешности, я открою фотешоп, и пусть Эстель выберет фотографию женщины, которая ей покажется некрасивой. И следующие два часа, я буду редактировать ее внешность: изменю цвет волос и прическу, отбелю зубы, сделаю тело стройнее, рост выше, разглажу кожу и сделаю губы яркими. И когда она от удивления громко скажет: «это нечестно!», я объясню ей, что каждая фотография человека в журнале и книге, в инстаграме и на телевидении редактируется таким же образом, и мы никогда не должны сравнивать себя с результатом той работы. Потому, что даже супермодели в жизни не похожи на супермоделей на фото.

Поцеловав ее в щечку, я прикрыла дверь и взяла видео-няню с собой. Спустившись вниз, я включила электронный чайник и направилась к машине, чтобы забрать продукты. Я сделала две ходки, и как только взяла последние два пакета, на подъездной дороге появилась машина Эмили. Я видела ее улыбку даже отсюда. В этот момент меня вдруг посветила мысль, что из-за моего характера некоторые люди и не догадываются, как я их люблю.

— Привет, дорогая, — улыбнулась она, выходя из машины и сразу открывая заднюю дверцу.

— Привет, — подошла я к ней. — Что это у тебя?

— Лабрадор-ретривер, — рассмеялась Эмили. — Тебе нужна собака.

— Ты с ума сошла? — удивилась я. — У меня маленький ребенок, помнишь?

— Да, — поцеловала она меня в щеку. — Пошли в дом, на улице холодно.

Господи. С ума сошла эта женщина. Мне только собаки не хватает в доме. Но это был изумительно-милый щенок цвета слоновой кости и обладатель самых милых глаз на свете.

— Чай будешь?

— Да, — открыла она холодильник, и достала оттуда сыр. — Он потрясающий да?

— Да, — пожала я плечами. — Но мне только собаки не хватает сейчас.

— Знаешь, не хватает. Тебе нужно что-то в доме, чтобы бегало и заставляло тебя смеяться.

— У меня есть Эстель.

— Очень остроумно, — ответила она, доставая чашки.

— Да, я несчастна. Могла бы быть счастливой, но не могу. У меня не получается. Я чувствую, что не проживаю свою жизнь, а какая моя — не знаю. Я даже не помню начала всего этого. Начала чувств. Я словно сижу в зале и смотрю фильм о своей жизни. Только не вижу себя. Не вижу даже места в этом зале. Я люблю вас всех, но и это не придает мне счастья. Мне не приносит радости быть. И я хочу жизни. Хочу прогулок и смеха. Хочу неожиданности. А у нас спустя год с Майклом была сплошная семейная жизнь, но без семьи. А что же будет дальше?

— Нет, Эс. Семейная жизнь — это потрясающе, если с правильным человеком. А у вас ее не было. Семейная жизнь не составляет тяжести заваривать овсянку каждое утро и до конца твоих дней.

Прозвучал стук в дверь, и Эмили сказала пойти мне открыть, а она сделает все сама. Я улыбнулась, переведя взгляд на щенка, который лежал на канapé. Открыв дверь, почувствовала, как мое сердце почти остановилось. Я видела его столько раз раньше. Много-много раз. А он всегда просто стоял где-то впереди и был таким красивым. Я не хотела, чтобы это прекращалось. И больше ничего не хотела менять. Просто чтобы Майкл продолжал стоять там, такой красивый.

— Привет, — сказал он тихо, передавая огромный букет роз. — Ты любишь розы.

Я бросила их на пол и впиалась в него взглядом.

— Я тебя подожгу во сне нахер.

— Ты ненавидишь меня?

— Рада, что ты спросил. Да!

Я услышала шаги, и Эмили появилась в дверях. Она бросилась к Майклу и обняла его. Подруга была действительно рада его видеть. В отличии от меня. И как только я увидела его снова, поняла это абсолютно точно.

— Заходи, милый, — улыбалась Эм. — Как ты?

— Ты потрясающе выглядишь, — искренне ответил ей он.

— Вы разобрались со всем, да?

— Нет, — нахмурилась я. — Давай, Майкл, расскажи о нашей первой встрече. Расскажи, что это не было в тот день когда ты встретил меня, и мы переспали.

— Несколько раз.

— Заткнись. Это было, когда он очередной раз перевозил товар, и я была при исполнении, — перевела я взгляд на Эмили. — А и самое главное, он подстрелил меня, и я попала в больницу. И нет не из-за выстрела, а из-за того, что он попал мне в ногу, и я упала в воду. А так как я не могла шевелить ногой, пошла под воду и меня откачивали. Ничего не упустила?

Эмили смотрела на нас удивленно и не говорила ни слова. Даже не смеялась. Хотя я бы смеялась, откровенно говоря. Мне хотелось зайти сумасшедшим хохотом вместе с Майклом, как раньше. А затем выпить по бутылке пива и заняться сексом. Да, последнего мне особенно не хватало с Майклом. Но несмотря на все прошедшие месяцы, игры, в которые мы играли, неловкость почему-то не приходила. Злость, гордость и презрение, но не неловкость. Есть только мы двое, и Майкл сделал шаг ко мне и обнял за талию, притягивая к себе. И потом поцеловал. Его тело — лучшее, что могло быть создано богом, и я просто не могла заставить себя прекратить к нему прикасаться. Я разрешаю своему мозгу освободить память, потому что-то, что я чувствую к нему, гораздо важнее.

— Слушай, давай я буду с вами, — тихо говорит Майкл, смотря мне в глаза. — Я больше не буду шантажировать тебя в попытке удержать рядом, я просто буду рядом. Будем валяться в кровати, гулять с нашей дочерью и разговаривать. Пить кофе и разговаривать. Разговаривать и пить кофе. Будем играть в карты и домино. Готовить лазанью и ходить в музеи. Вот серьезно, — засмеялся он. — Я целую вечность не был в музее, а ты? Пойдем на бокс и футбол. Позовем целый дом гостей. И самое главное, давай смеяться? — я все еще ничего не отвечала, и Майкл не переставал говорить. — Мы способны успокоить друг друга. Это наш с тобой секрет. Дать опору друг другу. Поддержку и нужные слова, когда они необходимы. Такой и должна быть сила. Давать нам ее тогда, когда ты бессилен.

«К одиночеству привыкаешь, но достаточно нарушить его хоть на один день, и тебе придется привыкать к нему заново, с самого начала». Ричард Бах.

— Я жду вас, — поцеловала Эмили нас обоих в лоб, как мама, и затем снова ушла на кухню.

Я смотрела на него и не шевелилась. Есть люди, которые безудержно фанатеют от простых мелочей, несмотря на возраст. Им может быть двадцать или тридцать — эти вещи не меняются в их голове. Им очень легко влюбиться в кого-то. Например, Ева. Да, она по-настоящему чиста и по-доброму инфантильна. Ее мужчине нужно будет добиваться ее любви, а не воевать с ней самой за нее же. Они будут обниматься в метро или на заднем сидении такси, держаться за руки, гуляя по старым городским закоулкам, пить кофе и делать работу на дому, нежно поглядывая друг на друга. Валяться в кровати и просматривать какой-то фильм, который видели десятки раз, по причине того, что им лень начинать что-то новое. Я совру, если скажу, что не представляла себя в настоящих отношениях с Майклом и не упивалась мечтами, хоть и в реальности не хотела этого. Не хотела поддаваться давлению общества и нашей дочери, мол: «чтобы быть значимым, надо обрести вторую половинку». Возможно, это не так плохо, как я думаю, ведь было бы круто иметь рядом человека, которого хотелось бы навещать в другой комнате.

Мне хотелось сказать: «Знаешь, до момента с Мексикой, я все время думала, что ты вернешься, и что-то изменится. Когда узнала, что беременна не могла понять, что чувствую. И в тот момент мне нужен был ты, ведь это был наш общий ребенок. Ты должен был сказать мне, что все будет хорошо и покупать клубнику ночью. Мне нужно было знать, что я важна, как женщина, а не инкубатор. Но когда ты больше не звонил и не писал, пока сам не узнал, что я в положении, я поняла, что не была нужна тебе. Мой ребенок, это только мой ребенок, и ничего общего у нас с тобой нет». И потом он ответил бы, что она его точная копия, у меня все равно был бы ответ. Я бы сказала, что ты потерял право быть ее отцом, даже не заработав его. Сказала бы, чтобы Майкл уходил из нашей жизни и никогда больше не возвращался. И как бы я не хотела проговорить это, все, что я ответила было:

— Мстить не требует спешки, — отошла я от него. — Я медленно уничтожу все, что тебе дорого, когда ты меньше всего будешь этого ждать.

— Ты о ком? — нахмурился он.

— О себе, Майкл. Что бы ты ни делал, я для тебя пол мира, и я уничтожу себя. А этим уничтожу и тебя.

— Ты полоумная, — смотрел он уже с презрением.

— Спасибо, — улыбнулась я саркастично. — Compliments принимаются с благодарностью.

— Когда ты злишься, я начинаю влюбляться.

— Твоя ошибка.

Я захлопнула дверь перед его носом и спустилась вниз с другой стороны. Наверное, хотеть секса на первом свидании — нормально. Хотеть добиваться — нормально. Давать сразу — нормально. Не давать до свадьбы тоже нормально. Ненормально только одно — требовать от людей, с которыми у вас не совпадают взгляды на жизнь, соответствовать вашим вкусам. Да, и я не смогла заставить Майкла соответствовать моим.

Кто-то сказал: «...и ее смех, в котором словно изливалась ее душа — смех женщины, идущей рядом с любимым человеком, который избрал ее среди всех других женщин, ничто в мире не сравнится с этим смехом».

Глава 17

Каждый совершает ошибки. Ошибки неизбежны. По факту, из этого и складывается вся наша жизнь. Да, конечно, я понимал, что прошлое не покинет меня до конца, но я хотя бы буду делать вид, что оно больше не является частью меня. Ради дочери и Стейси. Можно было бы сказать, что я чувствую к ней так много. Но на самом деле все, что я чувствую к ней сейчас — это любовь. И ничего больше. Она самое лучшее, что случилось со мной за всю мою жизнь.

Я помню, как раскладывал ее характер по полочкам. Как говорил о ней сам с собой. Ее характер всегда ассоциировался для меня с энергичностью, темпераментностью и самой жизнью. У нее есть все, чтобы добиться успеха: внешняя привлекательность и жесткость нрава. И еще она прирожденный психолог, ведь всегда знает слабости всех окружающих, но в то же время пытается им помочь. Она так хорошо владеет своими имми, что на ее лице никогда не отразится ни волнение, ни замешательство, лишь скользнет сочувственная улыбка, если она не будет знать, что сказать. И на самом деле мне это нравилось, очень. Я уважал это и даже восхищался. Она очень правдива, презирает ложь и никогда не опустится до лести. Ее не следует критиковать, особенно публично: она все равно не признается в своей ошибке, но и справедливости ради, следует сказать, что ошибалась она крайне редко.

Я улыбался, вспоминая, когда она злилась на меня, или когда смеялась, и ее лицо преображало невозможную беззащитность. А я стал злодеем в ее истории, пусть и все, что делал — пытался защитить.

Эс написала, что я могу приехать сегодня на обед в честь Дня Благодарения. Войдя в гардеробную, я выбрал синий костюм, который надевал на первую встречу со Стейси. Завязал шнурки на коричневых туфлях в стиле Casual и, возможно, впервые в жизни решил откинуть галстук в сторону. Я решил в любом случае заехать за розами для нее и за подарками для Эстель. Я знаю, что Эс сделает все, чтобы защитить нашу дочь, ведь за этим непробиваемым жестким фасадом она была всего лишь юной сломленной девушкой. У меня была уникальная способность делать ее счастливой, но я редко ею пользовался. Она умела это. Умела кидать, выбрасывать, расставаться, втапывать в грязь, размазывать по стенкам, ударяя об что-нибудь твердое, и ты становишься при смерти, и ходишь как зомби. А потом она умела возвращать. И самое страшное — к ней всегда хотелось возвращаться.

Я продал свою машину и купил BMW 5 Series. И, несмотря на ее схожесть с предыдущей моделью, эта обладала парковочным автопилотом, системами распознавания жестов и полуавтономного движения. Впервые в жизни я не был для себя в приоритете. Я хотел удобства и комфорта для своей семьи, а не пафоса для себя.

Спустившись в гараж, сел за руль и, заведя машину, направился в дом Стейси. Ехать около двух часов, так что у меня по пути еще был сеанс у своего психолога. Мама все сделала для того, чтобы я говорил о «своих чувствах». Она поставила мне условие, что поможет вернуть Стейси, если я буду говорить. И да, я пошел на это.

— Мистер Вудс, вы меня слышите?

— Да, мистер Такер, — вздохнул я. — Я готов.

— Что вы сейчас делаете?

— Еду к своему ребенку.

— Вы не хотите говорить?

— Я никогда не хочу говорить, — отвечаю я так же спокойно.

— Знаете, Майкл, это нормально, когда не все нормально. Иногда сложно прислушиваться к сердцу. Слезы не значат проигрыш. Все терпят неудачи. Оставайтесь верным себе. — Я молчал, а он продолжал говорить. — Что вы почувствовали, когда Стейси ушла от вас?

— Откуда вы знаете ее имя?

— Так что вы почувствовали, Майкл? Вы начали задыхаться? Или паниковать?

— Трудно дышать бывает лишь Стейси, о которой вы и так знаете, и лишь потому, что у нее звездная пыль в венах.

— Если вы не будете говорить, я не смогу вам помочь, Майкл, — вздохнул мозгоправ.

— Не поймите меня неправильно. Я хочу перестать убегать, хочу нормальной жизни и не хочу бояться открыть дом. Просто еще столько нужно сделать.

— Тяжело жить вместе. Что вам важно в ней?

— Ее дружба очень важна для меня. И еще она любит маленьких породистых собак, — усмехнулся я. — И в ее глазах я всегда видел больше мира, чем за окном.

Это было правда. Что бы ни происходило, она всегда была светом для меня. Каждый раз, когда я думал, что держу одну часть своей жизни под контролем, другая ускользала от меня. Я взял под контроль свою работу, потерял родителей. Обрел Стейси, потерял работу. Затем снова обрел Эстель и работу, и потерял Стейси. Я устал постоянно что-то терять. Я хотел обрести и удержать хоть что-то более недели, но боялся признаться в этом даже самому себе вслух.

— Я приехал, — сказал я. — Слишком быстро ехал, и тут такая связь плохая...

— Мистер Вудс!

— Шшшшшшшш....

И да, я бросил трубку. Я не хотел говорить об этом с незнакомым человеком. Это казалось нечестным. Первой об этом должна услышать Эс, а не какой-то незнакомый мужик. В конце концов, я включил громкую музыку и полтора часа не думал ни о чем, кроме дороги, которая, кажется, была бесконечной.

Приехав к месту назначения, не успел выйти из машины, как в нее села Стейси. Она была равнодушной и злой в то же время. Страсть и злость сочеталась в ней несочетаемо. За такую, как она, даже сам дьявол продал бы душу. Я продал. И также я ставлю свою жизнь выше всего. Но ее всегда будет стоить дороже, чем моя. Для меня она стала бесценной.

— Эс...

— Заткнись, — перебила она меня. — Мы не вместе. Ты тут ради Эстель. Ты ее отец и никто для меня, понял?

— Эс, — смотрел я на нее. — Прости за то, что стрелял в тебя. Прости, что сделал это с тобой.

— Это не твоя вина.

— Моя.

— Конечно твоя, мать твою! Ты ублюдок, который случайно появился в моей жизни, и все пошло наперекосяк! — Она вырвала ключи и быстро вышла из машины, блокируя дверь. — Ведешь себя, как ребенок, и я отношусь к тебе, как к ребенку!

— Разве законно оставлять своего ребенка запертым в машине? — ударил я по стеклу, повышая голос.

— А ты пристрели меня!

— Ты не можешь меня бросить тут, Эс!

— Да что там мужиков, — смотрела она разочарованно. — Я города бросала.

Она знала, что я выберусь, просто хотела, чтобы задержался еще хотя бы на пять минут, и она имела возможность перевести дух и зажать зубы. Ради Эстель. Ради семьи. Ради кого угодно, только не себя. Дверь открылась, и я, повернувшись, увидел Адама. Он смотрел на меня осуждающе, но все равно помог.

— Я пришел сюда, чтобы избежать драмы в своих отношениях, — сказал он. — А не сидеть в первом ряду твоих.

— Что-то случилось?

— Нет, кроме как того, что Донна начала массово становиться на сторону детей, которые даже не ее. И она потакает им, делая меня виноватым в их глазах.

— Она хочет угодить, — взглянул я на него. — Такая уж Донна. Она пытается искупить вину перед собственной дочерью, угождая другим.

— Она до сих пор влияет на меня самым лучшим образом. Она хорошая. Даже слишком. Положительный персонаж, который делает обычно только правильные поступки, даже себе в ущерб. А я не такой. Я наоборот, слишком отрицательная личность. Мне нужна эта доброта. Она нужна мне. Без нее я не могу представить свою жизнь, так как мне нужно хоть немного хорошего во всем этом.

— В твоей жизни много хорошего, Адам. С тобой женщина, которую ты любишь, и дочери.

— Оливия и правда моя дочь, и это никогда не изменится, но девочки... — замолчал он на мгновение. — Они не мои, и я не испытываю к ним такой привязанности. Я хотел бы...

— Своего ребенка, — закончил я за него. — Ты хотел бы смотреть в отражение своих глаз.

— Или глаз Донны, — улыбнулся Адам. — Ты знаешь, как это, несмотря на все дерьмо, которое есть у тебя.

— Да, но знаешь, я также сильно любил бы Эстель, если бы она не была моей дочерью.

Адам смотрел на меня несколько секунд, а затем, открыв дверцу прежде чем пойти в дом, сказал:

— Ты не знаешь, о чем говоришь.

Я вышел из машины следом за ним и подумал о том, как на меня посмотрит Эстель. Что она испытает? Узнает ли она меня? Наверное, я злодей и в ее истории, что бы ни говорила Стейси. Она хочет ей семью, отца, которого не было у нее. Я хочу, чтобы цветы в ее глазах всегда оставались живыми. Чтобы она всегда цвела, ведь у меня сложилось такое впечатление, что от любви к цветам она сама получила от них запах.

— Майкл, — позвала меня мать. — Входи! Все ждут тебя.

— Где Эстель? — спросил я.

— Она ест, — улыбнулась та. — Потрясающий ребенок.

— Не говори ей о том, что тебе когда-то было хуже. Никогда.

— Что ты имеешь ввиду? — нахмурилась она. Морщинки между бровями выглядели почти как впадины, и раньше очень красивая женщина, из-за постоянной хмурости выглядела на десять лет старше своего возраста.

— Ты хорошая. Но ты всегда осуждала меня и говорила, что тебе было хуже в моем возрасте. Это неправильно. Я не хочу, чтобы Эстель думала, будто ее проблемы незначительны. Конечно, нам всем нужно выговориться, но это нормально приходить со своими проблемами к родителям. Ты разрушила этим мое доверие к тебе, хоть и предоставляла мне возможность решать все самому, но это не была моя вина. И я не хочу, чтобы Эстель услышала хоть что-то подобное от кого бы то ни было.

Она оцепенела. Моя мать даже не задумывалась о том, как это звучало для меня в двенадцать или семнадцать лет.

— Без меня тебе было бы лучше, — наконец прошептала она, и слезы покатились по ее щекам.

— Я знаю, — поцеловал я ее в щеку. — Но я люблю тебя.

Войдя в дом, я сказал «привет», но скорее лишь для галочки и направился в кухню к ребенку. Она сидела и ела

какое-то творожное пюре. Хотя было такое чувство, что она купалась в нем, буквально вплоть до волос. Я сам не заметил, как на моем лице растягивается улыбка. Передо мной сидел мой ребенок. Моя малышка. Она действительно так выросла и все больше была похожа на Эс. Да, каждый раз я говорил это, а Стейси наоборот — она видела в нашей дочери лишь меня.

— Мы рады тебя видеть, — сказала Ева мне первой и обняла.

Затем это же сделали Долорес, Эбби, Эмили и Донна. Адам и Брайан пожали мне руку, и, кажется, при всей сложившейся ситуации все было хорошо. У меня была семья, и на самом деле я был нужен. Наверное, все мужчины похожи на маленьких зверьков, которые настолько не уверены в себе. И все их эго и достоинство повышается одной женщиной. Ее словами и тем, как она смотрит на тебя.

— Твоему брату нужна жена, — улыбнулась мама, войдя в кухню.

— Зачем? — присел я перед Этель. — У него ведь есть ты.

— Не язви, Майкл.

Прозвучало несколько смешков, а я сконцентрировал все свое внимание на дочери. Когда она взяла в свою ладонь мой палец и улыбнулась, наверное, весь мир тогда осветился солнцем. Я любил ее больше всего на свете. Этель словно была результатом 3,8 миллиардов лет эволюционных успехов. Говорят, что иногда эта история заканчивается любовью, но иногда причиняет боль. Но на самом деле, когда есть ребенок — это всегда любовь. Без исключения.

— Я думаю, пора садиться за стол, — сказала Донна. — И да, — чуть наклонив голову ко мне, улыбнулась: — Ты можешь взять ее на руки. Она уже не кусается.

Я взял ее на руки, и она не вырывалась. Не плакала, а лишь смотрела прямо на меня, пытаюсь что-то понять или вспомнить. Конечно, моя девочка не запомнит этот момент, тогда как она может знать, что я ее отец и люблю ее? Хотя Эс говорила, что она понимает больше чем говорит. Может быть потому что она в принципе ничего не говорила, когда я видела ее последний раз, кроме нескольких слов.

Это чувство, когда она тут, заставляет чувствовать себя настоящим. Я всегда верил в то, что любовь — это больно. Это единственное, что я знал, пока не родилась эта девочка. Я понимал, почему родители так часто фотографируют своих детей. Они хотят запомнить воспоминания. Вспоминать моменты, которые остановились, и видеть на этих картинках, когда ваш ребенок подрастет, еще невредимое сердце.

По всему дому были слышны звуки смеха и разговоров. Это было так непривычно и так естественно в то же время. Когда все вошли в гостиную, то сразу сели за стол. Оказалось, что все девушки с утра готовили. Они снова собирались вместе, несмотря на то, что происходило между Стейси и Долорес.

Праздничный обед для меня всегда был самым главным атрибутом праздника. Он собирает вокруг себя семью, а это с прибавлением лет и есть благополучие.

— Интересно, — сказал папа: — птица является основой праздничного стола не просто так. Знаете ли вы, что по легенде, это была единственная дичь, которую смогли поймать первые поселенцы. Специально ко Дню Благодарения по всей стране выращивают около 50 тысяч индеек, чтобы каждая семья имела возможность украсить этим блюдом свой стол.

Стейси фаршировала ее яблоками, и подала запеченной в золотистой корочке с овощным гарниром — горошком, кукурузой и сладким картофелем, который несомненно был любимым блюдом, особенно запеченный на ней кленовый сироп с лимонным соком и сливочным маслом.

Я знал, что мы откроем бутылку текилы или рома после, а мои родители, как истинные американцы пойдут в церковь, и после направятся в их любимый ресторанчик есть тыквенный пирог.

— Давайте мы посчитаем подарки судьбы вслух, — сказала Ева. — Но только хорошие. За что мы благодарны. А прощения пропустим сегодня. Поблагодарим за то, что мы живы и мы вместе. — Она посмотрела на каждого, и никто на самом деле не смог бы отказаться. Нам было уже не семнадцать, и мы понимали, что то, что сказала Ева и есть самым важным в конечном итоге. — Я хочу поблагодарить свою семью, вас всех, за то, что я любима. За

то, что чувствую вашу любовь и поддержку в любое время, когда это по-настоящему нужно. За то, что у меня есть племянники, которые показали мне, что на самом деле я готова к детскому шуму и смене обстановки. И также хочу сказать, что через три месяца я уезжаю на год в Италию. И пока вы не начали радоваться, нет, это не по работе, — сделала Ева небольшую паузу. — Я ушла из модельного агентства и решила сменить обстановку и пожить в Италии.

— Хм, — лишь выдавала Донна. — Возможно, это к лучшему. Нас скоро станет слишком много. У нас с Адамом будет ребенок, — появилась небольшая улыбка на ее лице, а Адам сжал руку Донны на столе. — И это будет мальчик. За это я также благодарна. Благодарна за всех наших девочек и мальчиков, которые у нас уже есть, и у некоторых в скором времени появятся. Я благодарна, что мы все живы, потому что на ту жизнь, которую каждый из нас вел, на самом деле здоровье пригodiлось бы, — все засмеялись, и я заметил, как Брайан вытер слезу на щеки Эмили. — И также я каждый год благодарю небеса за тебя, Эм. Что ты уехала со мной и предоставила мне возможность жизни. Сначала с тобой, затем с Адамом, Оливией, и дальше вы все знаете. Я просто рада, что этот день есть.

— Я также благодарен, — наконец сказал я. — Я благодарен, что вы приняли меня тогда и приняли сейчас. Я благодарен за вашу дружбу и любовь, — смотрел я на Стейси. — И больше всех я благодарен тебе, Эс. Я благодарен тебе за тебя, за себя и за нашу дочь. За то, что ты дала мне шанс тогда и сейчас. Ты — моя сила. И я готов тебе всю жизнь отдать. Я люблю тебя больше, чем что-либо в этом чертовом мире, даже если ты этого не видишь. Ты боишься потерять кого-то, но ты не единственная, с таким страхом. Ты не единственный человек, который боится потерять кого-то. И я благодарен за то, что обрел это.

Тишина. Все затихли, и лишь Эстель издавала какие-то звуки, и я целовал ее в головку, улыбаясь ей. Она была такой потрясающей. Самый милый человечек, которого любили все, кто ее встречал. Этот ребенок был случайной неслучайностью. В конце концов в жизни так много неслучайностей. Неслучайных встреч. Неслучайных разговоров. Неслучайных разочарований, падения, любви, дружбы, секса и даже неслучайно возникших мыслей в голове. Но самое важное — неслучайных событий, перевернувших все.

— Ты не был злодеем в моей истории, — единственное, что прошептала Стейси.

И все продолжилось. Каждый благодарил за что-то. На самом деле каждому человеку есть за что, просто каждый часто забывает о том, что у него есть руки и ноги — это повод. Есть семья — также повод. Любящая жена и здоровые дети — огромный повод. У нас всех в будущем будет целая вечность, чтобы быть мертвыми, и лишь короткое мгновение, чтобы жить.

Не успел я поест, как Эстель начала плакать. Эс сразу сорвалась с места, когда моя мать сказала:

— Не надо, милая. Майкл сам ее уложит.

Я на мгновение даже растерялся. Просто забыл, как это делать. Но еще больше меня удивила именно моя мать. Точнее ее отсутствие. Где она делась, черт возьми? Где та женщина, которая назвала Эс шлюхой только за то, что та родила ей внучку без кольца на пальце?

Но да, пора мне уже быть отцом своему ребенку. Обязанности отца те же, кроме родов и кормления разве что. Хотя многие думают, что это просто — помогать матери.

— Ну что, малышка, — улыбнулся я, поднося ее над своей головой. — Будем спать?

Она лишь качнула головкой и что-то пробормотала. Эс вошла в комнату и включила музыку. Она играла слишком тихо, но, насколько я понял, именно это и нужно было. Я столько пропустил, и даже не знал, как она засыпает. Так же Стейси сказала, чтобы я носил ее, потому, что в кроватке она не уснет. А затем положил на ее кровать. И так же тихо она ушла обратно, закрыв за собою дверь. Я ходил по комнате, качая дочь и рассматривая фото, которые она поместила на стены. Эс не присутствовала на этих моментах, но помнила это и пыталась хотя бы знать о них. Каждую рамку подсвечивали светодиоды разных цветов, и Эстель положила мне головку на плече, и рассматривала все это с нереальным интересом, пока ее глазки не закрылись, и она не уснула. Но все-таки была одна фотография, которая стояла на ее тумбе, и где Эс определенно присутствовала больше чем кто-либо другой. Момент, который я запечатлел. Когда она впервые взяла нашу дочь на руки, и этот особенный взгляд навсегда сохранился в моей памяти. Ни одна драгоценность так не подчеркивает красоту женщины, как ребенок на ее руках.

— На счет три... — говорит Адам.

Спустя какое-то время я спускаюсь вниз и слышу голоса явно только моих друзей. Вижу, как Эс подносит рюмку к губам еще до начала отсчета и выпивает ее залпом.

— Черт! — выдыхает она огненный воздух, с силой ставя рюмку на барную стойку.

Ева смотрит на нее взглядом, который я могу идентифицировать только, как восторженный.

— Молодчина! — Поднимая руку, она дает Эс пять. — Давай, Эс, нам надо наверстывать.

Ева и Долорес оба опрокидывают их шоты, и когда выдыхают обжигающий воздух, то не стесняются в выражениях. Я смеюсь над ними, чувствуя себя уже немного расслабленным.

Как только Стейси выпивает второй шот, я уверен, чувствует, что я рядом. В настоящее время ей ничего не нужно говорить, чтобы я заметил это. Я вижу, как ее тело напрягается, когда она знает о моем присутствии, как если бы я прикоснулся к ней.

Только через некоторое время я понимаю, что она пьет, значит, не кормит Эстель. Наверное, даже это отбивается у нее болью и виной в сердце. Я наблюдал за ней весь вечер, и еще мы говорили. Ева рассказала, почему хочет уехать на какое-то время в Европу, и еще Долорес судя по ее взгляду, поняла, что она единственная, кто остается одна. Без семьи внутри семьи. Это так же однозначно отразится на ней, особенно если бы она узнала еще правду о Джейсе.

— И что ты собираешься делать в Италии? — спрашивает Стейси у Евы.

— Я боюсь, что, когда расскажу тебе, ты во мне разочаруешься.

— Ничего страшного, — отмахивается та наигранно. — Я и так в тебе разочарована.

— Очень мило, — смеется она, и Эс, кажется, это веселит. — Я хочу попробовать другого. Другой жизни. Приключений и незнания планов на завтрашний день. У меня всегда все расписано по минутам, и это на самом деле так злит в конечном итоге.

— Ты хочешь чего-то другого? — спрашивает на этот раз Донна. — Или кого-то другого?

Мы с Адамом говорили о своем, но, конечно, я слушал все, что рассказывает Ева.

— Что самое главное в мужчине? — задала вопрос Ева своим подругам.

— Руки, — ответила ей Стейси.

— Да, именно руки. За последнее время я не встречала никого с красивыми и талантливыми руками. Сильными, умелыми, а главное надежными. Все можно почувствовать по мужским рукам. Руки все могут рассказать. Обнять и удержать. Построить дом, донести сумки и унести в рай. Взять тебя и украсть у всех. У себя самой. От глупых мыслей, суеты, преград и обыденности. Для счастья, для жизни, для себя. Он молчит и улыбается, смотря на дорогу и держа твою ладонь в своей руке. Любовь мужчины в его руках. А я давно ее не чувствовала, даже когда ее сполна отдавали мне.

Они еще о чем-то говорили, но я уже не слушал, а лишь думал о том, что сказала Ева и наблюдал за реакцией Стейси. Мы такие разные. Мужчины и женщины. Женщины разбирают все по частям. Отдельно волосы и их укладка. Глаза и ресницы. Пухлость и даже цвет губ. Все это для них, как отдельный орган. А мы, мужчины, смотрим на женщину в целом. Мы видим красивую фигуру, а не отдельно тонкую талию, и плечи с бедрами одинаковых пропорций. Видим красивое лицо, а не симметричные и правильные черты лица с разделением ровного носа и правильно посаженных глаз.

— Ну и мы пошли, — сказал Адам. — Как всегда последние.

— Я был рад вас видеть, — ответил я, выходя из минутного транса.

— Проводи нас, — улыбнулась Донна, хоть я и знал, что эта улыбка фальшивая от начала до конца. Она хотела меня убить. Это точно.

Мы вышли из дома, и Ева с Долорес сели в машину. И как только закрылась входная дверь, Донна прижала меня к стенке, схватив воротник рубашки:

— Моя мама научила меня быть истинной леди. Я знаю, как правильно использовать вилку во время торжественного ужина.

— Я это оценил, — ответил я, понимая, что Адам ничего не собирался ей говорить.

— Но еще она научила меня быть умной. И я знаю, в какую артерию тебе ее воткнуть, чтобы ты истек кровью и сдох за одну минуту, если будешь обижать Стейси. Если не собираешься быть с ней, собирай манатки и проваливай!

— Я собираюсь быть с ней, Ди, — забрал я ее руку из своей шеи. — Она не хочет этого.

— Конечно, не хочет. Адам, — повернулась она к своему мужу. — Если он сделает неправильное движение своим жалким тельцем, ты его убьешь. — Затем снова обратила свой взор ко мне. — Сладких снов.

Я возвращаюсь в дом и вижу, как Стейси дает в тарелке еду собаке и гладит его. У него светлая шерсть, и она смеется. Ее смехом можно было бы Антарктиду растопить, а Эс разменивает его лишь на мое сердце. Они завели собаку, а я и этого не знал. Да, наверное, именно это и происходит, когда ты долго сомневаешься, пытаешься определиться, стоит ли возвращаться в жизнь человека.

— Подержи тарелки, — говорит она невнятно. Да ладно, Стейси не могло развести из-за четырех шотов.

— Ты что, пьяна? — хмурюсь я.

— Я? — повышает она голос. — Да я знаю тебя как облупленного! И отдай мои тарелки. Что ты вцепился в них?

Она ушла на кухню, и я улыбнулся. Она не видела, что даже такая ситуация, связанная со Стейси, вызывает у меня восторженную улыбку. Она устала. Все время одна, и ей не хватает людей рядом. Эс выглядела потрясающе. Ее волосы были собраны в пучке, из которого выбилось несколько прядей, и лицо было совсем избавлено от макияжа. И разве мог я взглянуть в ее глаза и не сойти с ума?

Вернувшись за ней в кухню, я забрал у нее тарелку из рук, которую она собиралась ставить в посудомоечную машину.

— Иди отдохни, — закатил я рукава, не смотря на нее. — Я все сделаю.

— Обойдусь, — фыркнула она.

— Видит бог, я не собирался этого делать.

Я схватил ее за талию и закинул себе на плечо. Эс явно не ожидала этого, так что у меня было несколько секунд форы. Ее тело было таким маленьким и легким по сравнению с тем, которое я держал в своих руках, когда все только начиналось. Она попыталась вырваться, а потом взорвалась смехом. Нет, не смехом, а громким хохотом. И в это время, слыша ее счастливый смех, со мной творилось что-то странное. Как будто тепло лилось по грудной клетке, и это было прекрасно, пусть и грустно.

— Ты идиот.

Это было все, что она сказала, когда я положил ее на кровать. А я в свою очередь промолчал. Не видел смысла что-либо говорить. Сняв с нее одежду, я накрыл Стейси одеялом. Она отвернулась от меня, и мне захотелось обнять ее сзади, проникаясь ароматом ее волос. К черту! Я подумал об этом, и сразу оказался рядом с ней. Она отодвинулась, а я снова подвинулся ближе. Мы могли долго играть в эту игру. И она это знала. Я никогда не проигрывал ей и, наверное, это единственная причина, почему она уважала меня.

— Та была лучшей частью моей жизни. Жаль, что мне никто не сказал об этом. Ошибки сделаны, сердца

разбиты, жестокие уроки усвоены.

— Ты заслуживаешь любви Майкл, — неожиданно прошептала она. На мгновение даже показалось, что мне послышалось. — Но я не та девушка, которой ты меня считаешь.

— Ты тоже заслуживаешь, Стейси, — прижал я ее сильнее к себе. — Так позволь мне любить тебя, хорошо?

— Знаешь, я хронически не выношу слабых мужчин. Не понимаю тех, кто начинает унижать собственное достоинство из-за ухода или даже смерти человека, которого любишь. Уход или смерть не повод умереть самому. Нелюбовь другого человека не повод не любить себя. Все меняется. Ничто и никто не вечен, и это нормально. Но мы для себя и всегда с собой. Ни для кого из нас не будет более близкого человека, чем тот которого мы видим ежедневно в зеркале. Так почему мы так часто забываем уважать его, когда кто-то другой перестает в этом создании в зеркале видеть личность?

— Ты считаешь меня слабым?

— Даже пьяная, я не могу тебя уважать. Не за что.

— Я оказался злодеем в твоей истории.

— Нет, Майкл, — дал я ей возможность отодвинуться. — Ты был никем.

— Ложись спать, милая, — укрыл я ее одеялом. — Завтра будет другой день.

Она уснула буквально в следующее мгновение. Развернулась ко мне лицом, потому что просто не могла уснуть на правом боку, и обняла подушку сверху. Я смотрел на нее и видел свое счастье. Как я мог столько времени скрывать от самого себя все, что чувствовал к ней? Сейчас я раздавал бы единственный совет каждому встречному. И он заключался лишь в одном: не упустите свое счастье. Если в жизни хотя бы единожды повезет встретить своего человека, то вы обязательно узнаете его среди тысячи других лиц. Почувствуете его. Он будет похож на вас взглядами или может наоборот - совсем не похож. Но станет таким родным. С первой минуты станет таким, даже если вы и сами этого не заметите сначала. Появится ощущение, словно вы знаете этого человека всю жизнь. Вы будете дополнять и наполнять друг друга. И этот человек будет миром. Вашим миром, в котором чертовски уютно.

Я уснул так. И проснувшись утром увидел, как Стейси пьет что-то из стакана и собирается, проверяя количество патронов в пистолете.

— Что ты делаешь?

— Собираюсь, — не взглянула она на меня. — Эстель вместе с Эмили. Я еду к ним.

— Не похоже.

— Мне нужно кое-что забрать.

— Что ты делаешь?

— Я перекрываю ходы тем, кто может навредить Эстель, — наконец посмотрела она на меня, и я подошел к ней, становясь напротив. — Адам готов руководить операцией и...

— Нет! Этим буду заниматься я. Куда бы ты ни отправилась, я сделаю это лучше.

— Ладно, — просто сказала она.

Я почувствовал ее тяжелое дыхание, и мне так захотелось ее поцеловать. К черту. Я всегда делал то, что хотел, и этот раз не будет исключением. Резко подвинув ее к себе за талию, я словно вцепился в ее губы до боли, понимая, что она в любой момент может меня убить. Но Эс не делала этого. Я целовал ее кажется уже целую вечность, и она лишь отвечала мне с такой же страстью, не пытаясь уйти. Затем взяла мою руку и положила ее чуть ниже своего живота.

— Если ты удачно проведешь эту операцию вместе со мной, я хочу, чтобы ты разложил меня на кровати и трахал так, чтобы я потом не могла ходить. Я хочу уже почувствовать боль, которую люблю. Сладкую боль, которую там именно ты можешь причинить.

Я схватил другой рукой ее за шею, всматриваясь в глаза. Она блефует или...

— Все мы люди, Майкл, — продолжила она, когда я ослабил хватку. — Все мы ошибаемся. Но ты — моя лучшая ошибка.

Затем все было как в тумане. Я столько времени ждал с ней хоть какой-то близости, а теперь она сама открыла мне дверь. Я знал, что смогу добраться к ее сердцу, если хоть один путь будет свободен.

Я наблюдал за экраном и видел лишь приманку. Стейси была одета в сногшибательное черное платье, расшитое бисером по лифу, и ее черные волосы были подобраны в конский хвост. Из-под подола выглядывали серебристые туфли на шпильках. Прошло несколько секунд, прежде чем я снова обрел дар речи. Она подошла к нужному субъекту и сказала:

— Какая красивая подделка.

Та сначала не поняла, о чем речь, но затем ответила:

— У нас идеально подделанные документы. Так что есть оружие, картины и другие вещи.

— Эс, ты слышишь меня? — спросил я.

Она лишь качнула головой, и улыбнулась прохожему мимо нее мужчине. Да, это была ее работа. Ее жизнь. И мне было порой сложно определить, где у нее заканчивалось притворство. Затем Стейси сказала, что покупает не она, а ее босс. И появился Адам. Он, пожав руку, сказал, что ему очень приятно, хотя та девушка, (Элизабет ее звали, к слову), ожидала, что он, как минимум, поцелует ей руку. И когда он как раз был в процессе ее «приворожения», Эс вытащила телефон и направилась в сторону коридора.

— Тебе отправят зашифрованный код, который поможет пройти через датчики системы безопасности, — сказал я Эс и сразу переключился на Адама. — Выиграй ей немного времени.

— Это копия? — спросил он.

— Конечно же нет. В чем тогда суть сделки? — явно насторожилась она.

— Она уникальна в своем роде. Как и ваше платье.

— Убожество, — услышал я голос Брайана. — Это стыдно показать даже Донне.

— Тебе стоит поторопиться, — продолжал наблюдать я за Эс. — Неизвестно сколько Адам еще продержится.

— Я почти там.

Она сделала это и, быстро оказавшись в комнате, подключила взрывчатку к сейфу, который был в полу.

— Я потеряла телефон, — сказала Элизабет своей охране. — Быстро найдите его.

— Завлеки ее Адам! — начал я нервничать. — Эс, нет времени больше.

Достав флешку из него, она быстро направилась к выходу, и как раз подоспела, когда охрана начала искать вора.

— Это ваш телефон, — улыбнулась Стейси, как ни в чем не бывало. — Я нашла его в женском туалете.

— Да, — даже если Элизабет что-то заподозрила, то ничего не добавила больше.

Оба направились к выходу, а затем к машине, а я ждал их в холле, чтобы сказать этому идиоту:

— Красивая рубашка!

— Я знаю, получилось немного грубо, — развел руками Адам.

— Заценить, привлечь, заинтересовать!

— Майкл, перестань. У него нет опыта...

— Чего нет опыта? Работы под прикрытием?!

— Миссия, от которой удалось уйти, это удачная миссия, — ответил мне Адам.

— У него нет твоего опыта, — смотрела она мне в глаза. — Опыта лжи.

Больно. Ладно. Это я заслужил. Эс прошла мимо, подмигнув мне, и я почувствовал боль от стояка, который, к слову, не проходил с самого утра. Она была чертовски сексуальна. Я помнил, как мы познакомились и сразу отметили туалетную кабинку в том ресторане. За дверью были все наши друзья, а я вместо обеда угостил Стейси оргазмом. И даже спустя три дня (это долгий срок) моя одержимость ею не ослабла. И с нашей встречи прошло уже три года, а все остальные женщины до сих пор казались мне скучными и предсказуемыми.

Я был уверен, что Донна не шутила, когда велела мне держаться подальше от Стейси, если я не собираюсь сделать все, чтобы быть с ней рядом. Или что она оторвет мне — да и Адаму — яйца, если узнает, что кто-то из нас ее не послушал. Стейси — другое дело. Она была слишком умна на вид, и взгляд у нее был слишком уж пронизательный. Я не был настолько близок с Донной, но был твердо уверен в одном — если Адам наконец-то встретил себе ровню, я не хочу попасться ей под горячую руку. Однако, несмотря на это, я наслаждался той игрой, в которую играли мы со Стейси.

Спустя какое-то время мы все собрались вместе, и Долорес начала говорить:

— Эта флешка, которую Стейси украла из галереи, привела нас еще к одной душе. Пару недель назад Элизабет получила груз. Исходя из ее записей, человека зовут Рей.

— Я помню его, — сказала Эс, поднимаясь. — Он учил меня жить. Выживание, уклонение, сопротивление, побег. То, что нужно делать, если застрянешь на вражеской территории.

— Целью может быть что угодно, — посмотрел я на Эс. — Учитывая, что он не брал денег за груз, а лишь оружие и взрывчатку.

— Или кто угодно, — добавила Долорес.

— Он похитил женщину и убил ее мужа. Она бывшая жена Рея. Я думаю, стоит поехать туда.

Адам и Стейси оделись, как детективы, и направились на место происшествия. Войдя в дом, заметили лишь перевернутый стул и новые фото. Никаких старых. Ничего из прошлой жизни. Неужели настолько легко выкинуть все, что связано с человеком, даже из помещения, не то, что с головы?

— Если эта история всплывет, появится много вопросов. А эта приведет к Стейси, — сказала мне Долорес.

Мы зафиксировали кредитку, которую та женщина использовала в пути, но, когда приехали на место, там была брошенная машина. Они прошли чуть дальше и заметили ручей. И так же лес, в котором определили множество самодельных капканов. Адам увидел это первым и поднял с земли палку чтобы нейтрализовать один из них. Но они все равно не смогли его найти, и опять вернулись обратно, откладывая это на завтра.

На следующий день с самого утра, как только все снова собирались у Адама, с чашками кофе в руках, Долорес снова сидела за компьютером предоставляя следующую информацию:

— Надо найти снимок со спутника сделанный полгода назад.

— Зачем? — спросил Брайан.

— Нужно, — ответила та. — И нужно, чтобы твоя программа зафиксировала любые изменения этого места.

— Да, — увидела Эс. — В северо-западном углу была поляна. Но теперь ее больше нет. Одни деревья.

— Какие это деревья могут вырасти так за полгода? — нахмурилась Долорес.

— Камуфляж, — сказал я.

Стейси и Брайан поехали в лес, и, дойдя до места нужного нам по карте, пригнулись, чтобы понаблюдать за местностью.

— Что тут у нас?

— Какой-то бункер, — ответил Брайан.

Начался огонь, и мы не могли понять откуда. Брайана ранили, но пуля попала в бронежилет. Стейси сказала сидеть ему возле дерева, а сама направилась искать место, где Рей мог прятаться. Все происходило, как в тумане и замедленной съемке в то же время. Я переживал за нее так сильно, что не мог совладать с собой. Хотел поехать вместе с ней, хоть и понимал, что буду лишь мешать. Моя нога не дала бы мне такой возможности, и я стал простой обузой, для женщины, которая всегда пребывала в самом центре событий. Через несколько минут Эс нашла убежище и, спустившись по лестнице, увидела женщину, лежащую на кровати. Мое сердце так колотилось, хоть я и знал, что она справится.

— Эй, проснись, — сказала ей Стейси. — Я выведу тебя отсюда.

— Хорошо.

— Где Рей?

— Я не знаю.

— Эс! — закричал я в микрофон. — Шаги!

Она развернулась, а тот накинулся на нее с ножом. Я должен был быть с ней там, но я ничем не мог помочь. Она ударила его пистолетом по голове, но тот лишь ошатнулся. Затем Стейси с разворота ударила его ногой по челюсти, а та женщина, взяла в руки лопату, пытаясь помочь. Это ничего не дало, пока он не развернулся к своей бывшей жене, и Стейси не выстрелила ему прямо в голову.

Эта женщина часто повторяла: «Кто, если не мы, сделает это?» Она с такой легкостью забирала жизни, что порой это пугало меня. Она произнесла бы мне: «Гори в аду», но скорее всего не хочет, чтобы мы с ней еще и там встречались.

Бывшая жена Рея сразу начала плакать, и Эс пыталась справиться с ситуацией. Лишь в такие моменты я понимал, почему ее никогда не готовы отпустить. Она слишком хороша. Идеальный кандидат для такой работы.

— Послушай, если полиция найдет это, появятся вопросы. Вопросы, на которые нет ответов. И если ты хочешь нормальной жизни, тебе придется забыть об этом и обо всем. Понимаешь, о чем я? — смотрела Эс на нее в упор.

— Да, понимаю, — лишь прошептала та.

Наверное, только благодаря ее силе и независимости я полюбил ее. И это произошло еще до рождения Эстель. Я делал все для безопасности Стейси, и настолько потерянным не был никогда. Лишь когда это случилось, тогда я точно знал, что мне не все равно. Лишь когда мужчина любит, он что-то делает, потому что по-другому не может. Потому что именно для нее. Все для нее. И это не телесное. Это намного больше. Это когда чувствуешь, что, делая для нее, делаешь себя.

Когда она вернулась, я побежал к ней и обнял. Все смотрели, и Стейси явно было неловко, а мне плевать. Я просто был рад, что она жива. Что с ней все в порядке, и кажется, мы сможем справиться так со всеми.

— Это ты так рад за меня или за свой член? — спросила она.

— За вас обоих, — улыбнулся я. — Точнее за троих.

— А кто третий?

— То, что настолько пахнет влажностью и тобой, что еще немного, и мне станет плевать на зрителей.

Она провела языком по моей шее, и как только я на мгновение ослабил хватку, вырвалась из моих рук, направляясь к Эстель, которая плакала последний час, зовя свою маму. Взяв ее на руки, сильно прижала к себе нашу дочку, и та обняла своими крохотными ручками шею своей мамы.

— И на все твои пожары, мама найдет лед, — сказала она ей. — Моя девочка. Моя любимая.

Я подошел к ним и обнял Стейси. На самом деле до конца не мог понять, почему она не обзывает меня, не бьет. Да, именно страннее всего было, то что не бьет.

— Знаешь, я поняла, что рада тому, что Эстель родилась в этом веке, — повернулась она ко мне, улыбаясь. — Что она будет жить в этом поколении. Они сейчас умеют гораздо лучше отстаивать свое мнение, интересы и поступки. Не обращают внимания на расу, ориентацию и положение в обществе, так как понимают, что все равны. Умеют спорить и аргументировать свое мнение. Потому что могут покрасить волосы в ярко зеленый, и все равно будут чувствовать себя красивыми, ведь мнение окружающих ни на что не влияет. Да, это поколение сигарет, инстаграма и татуировок, но также книг, кофе, рассветов и закатов, музыки, искусства и свободы. Дети умеют сейчас жить для себя, а не для кого-то. Могут идти по улице и громко смеяться. Могут бегать под дождем и петь любимые песни во весь голос, не обращая внимания на окружающих.

— Я согласен, Стейси, — улыбнулся я в ответ, целуя нашу дочь в головку. — Но если она покрасит волосы в ярко-зеленый...

— Ты скажешь ей, что она потрясающая, — перебила она меня. — Потому что так оно и будет.

«Чтобы найти верную дорогу, сначала надо заблудиться». Бернар Вербер

Глава 18

— Знаешь, родная, — держу я Эстель на руках тем же вечером, убаюкивая. — Я рада, что круг страданий этого рода закончится на мне.

— Мама, — говорит Эстель. — Мяч!

— Мяч, — улыбаюсь я. — Милая моя, когда же ты уснешь? У мамы был трудный день.

— И еще мяч!

— Какой больше?

— Этот!

— Покажи где еще есть предметы, похожие на мяч.

— Вот, — показывает она пальчиком на настольную лампу в виде шара, а за тем еще на маленький тренажер для разминки рук такой же формы.

— Ты молодец, — целую я ее в личико снова и снова. — Ты у меня такая молодчинка. Самая умная девочка. Такой ласковый и самый добрый маленький человечек.

Начиная кружить ее, Эстель смеется и сильно сжимает мою шею в объятьях. Я смеюсь, держа ее маленькое тельце в своих руках, и тут она начинает вырываться, пока я не опускаю ее на землю и не иду за ней, пока девочка направляется в кухню, становясь около комода, крича:

— Ложку, мама!

Я даю ей то, что она хочет, и когда она берет ее в рот, тянется снова на руки.

— Хочешь есть, доченька? — спрашиваю я у нее.

— Нет.

И она держала эту ложку во рту, пока не уснула у меня на руках. Она — все, в чем я нуждаюсь. Все мои желания, о которых я знаю, тоже она. Эстель определенно будет красавицей. Правильные черты лица, идеальные пропорции фигуры и бархатистая кожа. Красавица с изюминкой, шармом и искоркой. Неповторимая в своей очаровательной индивидуальности, совершенная в своей гармоничности и обладательница света, который будет литься даже из глаз. Непременно свет и непременно теплый. Холодный иногда. Нотка стервозности должна быть присуща, хоть это уже иная категория девушки. Любоваться правильными чертами и созерцать все остальное. Пусть думают, что холод в глазах исключает любование, как таковое, но нет. Эстель создает с самого рождения ауру, которую невозможно не любить.

— Она, как и ее мама, не даст никому испортить свое доброе сердце, — входит Майкл в комнату.

— Уже поздно, — говорю я тихо. — Нечего портить.

— Даже если ты ангел, найдется тот, кому не нравится шелест твоих крыльев.

— Читай меньше такой чепухи.

— Ты так боишься, что кто-то посадит тебя в клетку. Ты уже в клетке. Ты сама ее создала. Она всегда будет с тобой, потому что куда бы ты не отправилась, от себя самой тебе не убежать.

— Отличное окончание вечера, — поднимаюсь я с кресла-качалки, ложа Эстель в кроватку. Включаю видеоняню, и направляюсь к выходу. — Вернуть бы нашу первую встречу, Майкл. Я бы не пришла, ведь слишком люблю себя, чтобы быть с кем-то еще.

— Вон сколько сердец ты уже собрала, а своего собственного у тебя, как не было, так и нет.

— Зачем ты сюда приехал? — закрываю я дверь в детскую. — Я тебе, кажется, не разрешала тут находиться.

— Лучше тебе мне ничего не запрещать, а то как бы я не плюнул на все запреты и тебе это боком не вылезло.

— Тебе не видно, но у меня коленки от страха подкашиваются. — Мы стоим лицом к лицу, и со свирепостью в глазах смотрим друг на друга. — Ты говоришь порой такие правильные вещи, являясь таким неправильным человеком. Со мной хоть все просто. Я плохой человек, и хорошим никогда не притворялась.

— Снова оскорбления, да, Эс?

— Снова правда, которую ты никогда не умел слушать!

— Шрамы у меня от твоей правды.

— У тебя шрамы? Видишь ли, смерть не касается тебя. Она забирает тех, кто нас окружает. Помнишь о смерти, в которой ты виноват? Я хотя бы заслуживаю быть высокомерной, а на тебе это даже смешно смотрится!

— Ладно, хорошо, — проводит он ладонью по волосам. — Ты удивительно неприятная личность, но у тебя есть достоинство.

— Самокритика — двигатель прогресса. Когда я критикую себя, я становлюсь лучше. Когда критикуешь меня ты, то идешь нахер.

— Эс, — пытался он успокоиться. — Идем выпьем чаю?

Он улыбнулся, и я хотела сделать то же самое в ответ. Его черты лица были до изумления красивы. Когда он улыбался, то делал это всем телом. Глазами в первую очередь. Они искрились, и вот поэтому я видела Эстель в нем.

— Ладно, — выдохнула я. — Мы просто берем паузу.

— Паузу.

Майкл заваривал чай, а я села за стол и рукой придерживала голову.

— Знаешь, опасно заваривать чай в большую кружку, так что мне маленькую, — сказала я легкомысленно.

— Почему? — усмехнулся Майкл, хоть и непонимание на его лице было остро выражено.

— Можно уже не вернуться к обычной чашке, хочется больше и больше, и точка невозврата пройдена. И вот ты ловишь себя на понимании того, что уже завариваешь его в трехлитровую банку, потом канистру, цистерну, и наконец в один момент макаешь пакетик в тихий океан.

Плечи Майкла тряслись от тихого смеха, и когда он повернулся ко мне, все еще смеясь, поставил на стол чашки и чайник с заваренным чаем. Мне нравилось это. И несмотря на то, что я была той еще мразью, у меня кажется было сердце. Доброе сердце. И когда говоришь какую-то гадость даже Майклу — чувствуешь. Хоть и продолжаешь все это выговаривать.

— Давай улетим? — склонил он голову набок.

— Самолет или коньяк?

— Мне жаль, Эс, — стало его лицо серьезным в следующее мгновение. — Жаль, что я сделал все, чтобы теперь об твое сердце мог разбиться даже Титаник.

Все становилось только хуже. Я снова вспоминала, как это — любить Майкла. Как нуждаться в нем все чаще, а потом — все время. И хоть у нас существуют определенные вслух несказанные правила, такие, как никакой нежности или близости. Никаких поцелуев и ночевков, проводим мы время вместе, только когда нужно по работе,

или он ночует в комнате Эстель на диване, чтобы побыть с ней, они не помогают моему уму понять, что я не должна хотеть, чтобы Майкл обнял меня. Укутал в своих руках, и я смогла просто расслабиться.

— Знаешь, у меня была первая любовь, — говорила я тихо. — И я не настолько уродлива внутреннее, как ты думаешь. Он звонил мне в три часа утра, просто каким-то образом зная, что я не сплю. Я отвечала, что не могу говорить, потому что разбужу родителей, — улыбнулась я, слегка наигрывая. — Каждый раз новых, к слову. А он отвечал, что мне не обязательно говорить, и вместе этого он будет рассказывать мне истории, петь песни и разговаривать обо всем на свете, а мне не обязательно будет сказать даже слово. Он будет слышать мое дыхание, и этого будет достаточно. Я спрашивала: «Почему ты хочешь говорить, зная, что я не смогу ответить?» На что он всегда отвечал: «Я знаю, что по ту сторону ты слушаешь меня».

— Где он сейчас? — осторожно задал вопрос Майкл.

— Он умер. Но это было давно.

— С тех пор ты не любишь то, кем являешься?

— Мне нравится быть женщиной, если ты об этом. Нравится сексуальность, которая выделяет. Но самое лучшее — это власть над вами. Над мужчинами. Обычно, достаточно лишь одного появления, чтобы испортить настроение всем женщинам и приковать к себе мужчин. А это так банально, — усмехнулась уже более искренне. — Разве есть в мире настолько глупая женщина, которая сходила бы с ума лишь от голых мужских лодыжек?

Майкл тихо засмеялся и сделал глоток чая, спрашивая:

— Что с ним произошло?

— Стреляли в меня. А попали в него. Следующая пуля прошла в двух миллиметрах от моего сердца. А потом оказалось, что у меня его просто нет.

Майкл протягивает руку и берет мою ладонь в свою. Я вздрагиваю, но вместо того, чтобы забрать, наклоняюсь, желая и нуждаясь в нем так сильно. Его рот чуть приоткрывается, и Майкл наклоняется ко мне, легко прикасаясь своими губами к моим. Это дарит облегчение и боль одновременно. Я кладу руку ему на шею и чувствую твердость мышц под его теплой кожей. Она такая горячая, как будто он пылает изнутри.

— У тебя руки холодные, — говорит он хриплым голосом. — Но не сердце, Эс.

— Сердце у меня каменное, а вот руки действительно просто холодные.

Я случайно задеваю кружку, и чай разливается по столу и Майклу на брюки. Я вздрагиваю, и говорю ему снять их, смеясь. Он пытается изобразить хоть что-то близкое к раздражению, но у него не получается, и он начинает смеяться.

— Тебе жаль брюк или меня?

— Брюк, — отвечаю я уверенно, не сомневаюсь ни секунды.

— А как же сочувствие, Стейси?

— Оно у меня есть, но, понимаешь, — хмурюсь я, смеясь в то же время. — Не к тебе.

— Боже, женщина, твоя гордость сожрет тебя, — снимает он пояс и расстегивает ширинку.

— Подавиться моим самолюбием, — отвечаю я, а затем вижу рисунок и расплываюсь в улыбке. — Откуда у тебя эта татуировка на бедре? — мой вопрос звучит, возможно, с чрезмерным восхищением, которое я не в состоянии скрыть, да и не хочу. Я буквально демонстрирую свой восторг, усмехаясь. — Это Чип и Дейл.

Как я раньше ее не замечала? Ну да, наверное, потому, что все время видела лишь его член, и никогда его тело. Все, что он делал после — одевался и уходил. Хотя татуировка настолько маленькая, что ее трудно разглядеть, если не присматриваться. Это зарисовка примерно с большой палец, расположена на верхней части его левой

ягодицы, и там изображены Чип и Дейл.

— Универ, — смеется Майкл. — Весенние каникулы. Второй год учебы, одна пьяная ночь, и вот результат. Я проснулся голым с кровати полной... — ему неловко, от чего мне еще веселее, и Майкл пробегает рукой по своим волосам. — Полной парней и девушек.

Я смеюсь неистовым смехом, похожим на смех взбесившейся ведьмы, зарываясь лицом в ладони.

— Это не смешно, — возражает Майкл, хоть и сам готов засмеяться. — Я учувствовал в оргии и ничего не помню. Плюс ко всему, у меня было самое жуткое похмелье, и это гребаное тату, — он поворачивается, чтобы посмотреть на свою задницу. — Долбанный тупой мультик Дисней.

— Дисней-задница-Вудс, — я буквально умираю со смеху и вздрагиваю, когда Майкл бросается на меня, поднимая на руки и закидывая на плече, направляясь в мою спальню.

Он бросает меня на кровать, и мы шутливо боремся. Он кидает мне в лицо подушку, а я скручиваю ему руки и сажусь верхом, решая возможности шевелиться.

— В тот момент я поклялся себе, что не буду больше так пить и проверился на все известные человечеству болезни.

— Дай мне взглянуть еще раз, — говорю я, просто чтобы иметь предлог подняться с этого положения.

— Нет, — шепчет он улыбаясь. Перевернув меня лопатками вниз, Майкл наклоняется так, что кончик его носа касается моего.

Я вижу изгиб его густых ресниц, обрамляющих голубые глаза, внутри которых радужки янтарного цвета.

— Да.

— Нет, — его губы касаются моего подбородка, и он так близко ко мне. К моим губам.

— Да, — надавливаю я большим пальцем между его ребрами, и Майкл от неожиданности кричит.

— Фостер! — находится он в недоумении, когда я делаю это снова.

— Вудс! — передразниваю его я.

— Полегче с использованием своих дьявольских пальцев, женщина.

Он снова опускает трусы, которые обтягивают его круглый зад, и поворачивается. Его тело — произведение искусства. Стройное, подтянутое, мускулистое. Совершенные пропорции. Спина сужена к талии, а поясница переходит в округлые полушария его прекрасной задницы. Длинные ноги, массивные бедра и точеные икры. Мне хочется облизать его от макушки до пят, особо задерживаясь в некоторых местах.

— Ну? — поворачивает он голову ко мне.

— Просто наслаждаюсь видом, — пожимаю я плечами.

Но также видно шрамы, которые есть на ногах и бедрах. Синяки, которые до сих пор не прошли. Мое горло сдавливает, когда я провожу рукой по черному пятну, и Майкл вздрагивает. Моментально я одергиваю руку.

— Болит?

Конечно болит. Разве может быть иначе? Что за тупой вопрос, Фостер? Я удивляюсь самой себе, но не могу чувствовать ничего, кроме сочувствия и жалости. Но Майкл просто поворачивается ко мне и, улыбаясь, отвечает:

— Если я скажу да, ты поцелуешь и исцелишь меня?

Он не знает, но я и правда хочу поцеловать его. Я наклоняюсь вперед, и его дыхание ускоряется. Майкл выглядит таким уязвимым, и его тело напрягается, а взгляд следует каждому моему движению. Мои губы касаются его кожи на бедре, и я еще один раз целую его нежно и аккуратно. Затем беру за руку и веду к кровати. Он ложится на спину, а я нависаю над ним, путешествуя поцелуями по его телу. Шея и кубики пресса. Из Майкла вырываются стоны, и он вздрагивает, и я лишь надеюсь, что от удовольствия, а не от боли. Он совершенен. Его упругая кожа, словно статуя, отлитая из бронзы. Член сейчас так тверд и эрегирован, что, когда он касается моей щеки, я замираю. Майкл наблюдает за мной, а его дыхание поверхностное и быстрое. Я поднимаю взгляд, когда мои губы касаются его напряженной длины. Круглая головка ощущается как гладкий атлас, и я втягиваю ее в себя, посасывая. Майкл стонет, а его бедра вздрагивают, в результате чего его член толкается глубже. Обхватив рукой длину, еще усердней сосу. Его пальцы зарываются в мои волосы, и он тянет их, удерживая мою голову на месте, сам толкаясь в мою глотку глубже и глубже. Он так сильно сжимает мои волосы в кулак, что мне нужна хотя бы секунда, чтобы откашляться, но Майкл не дает мне ее, когда я сжимаю кожу на его бедре, он освобождается, рыча. Его сперма теплая, и имеет солоновато-сладкий вкус. Я глотаю каждую каплю, наслаждаясь. Он становится мягким и нежным у меня во рту, а я смотрю Майклу в глаза, и понимаю, как я скучала по этому. Как я хочу повторить все это еще раз. А затем еще и еще.

Я не чувствую неловкости или стыда. Я люблю его руки. Смотрю на них, и вижу в них столько красоты и силы в то же время. Он в следующее мгновение поднимает меня, кладя рядом и, прижимая своим телом, нависает надо мной. И когда начинает говорить, его голос становится более низким.

— Я хочу поцеловать тебя, Стейси.

Мое дыхание замирает. Я на пути в какой-то другой мир, где нет ничего, кроме его голоса.

— Я думаю о тебе все время. О твоих губах. Насколько они мягкие, и что всегда на вкус, как клубника.

Майкл. Я даже не знаю произнесла ли я его имя в слух, или оно просто отбивается в моих ушах. Но это и не важно, потому что он продолжает свое признание.

— Я так сильно хочу целовать тебя все время, что даже готов отказаться от секса ради этого. Я люблю твой рот, Стейси. Я люблю твои губы, особенно припухлость нижней, когда ты ее кусаешь, испытывая нервозность. Позволь мне, пожалуйста. Я знаю, что это слишком. Но я хочу это с тобой. Хочу все. Я больше не мальчик, который хочет признания и денег. Хочет искупить вину перед братом. Я хочу тебя. Хочу, чтобы ты гордилась мной. Хочу, чтобы, — он замолкает на мгновение, и в его глазах видны слезы. — Хочу, чтобы Зак там гордился мной.

Слезы жгут мои глаза. Что, черт возьми, со мной не так? И кто такой Зак? Я забочусь об этом человеке, несмотря ни на что. Он был моим любовником, но и другом. Сейчас он настолько важен, что я забываю все то, что было. Забываю всю боль и страх, который мне пришлось испытать из-за него. Из-за смерти. Из-за отсутствия меня в жизни моего ребенка. Когда находишь то, что любишь, сам начинаешь удивляться, как много ты можешь.

— Эс, — напрягается его тело, и глаза смотрят прямо в мои. — Выходи за меня замуж. Стань моей женой. Давай мы будем вместе, чтобы ни происходило, ведь мы должны. Я готов защищать тебя ценой своей жизни и других жизней тоже. Я на все пойду ради тебя и Эстель. Я ждал век, чтобы жениться на тебе, мисс Фостер.

Он улыбается немного нервно, и я понимаю, что разочарую его. По всем просьбам, которые он произнес последние несколько минут. Моя грудь сжимается, ведь на самом деле я хочу этого. Хочу, чтобы каждый раз, когда я смотрю на свою руку, я видела его. Не бриллиант, а именно символ любви человека, которого люблю в ответ. Можно, конечно, начать говорить поэтически. Подняться на самую высокую гору и переплыть океан, и все станет на свои места и будет хорошо. Что если вернуть время вспять, он был потратил каждый час, чтобы держать нас в безопасности. Но на самом деле мы столько всего прошли, становясь лучше. Мы стали сильнее, выше и взрослее. Да, больше не вдвоем, и это была цена, которую пришлось заплатить. Только мы знаем свою историю. Только мы можем судить себя, критиковать или аплодировать.

— Кольцо на пальце не сделает меня вернее и счастливее, Майкл, — шепчу я, проводя рукой по его шелковистым волосам. — Это предложение неожиданно и странно, — пытаюсь я вылезти из-под его тела, и он позволяет мне это. — Нет, я точно поняла, что не хочу замуж за человека, который делает это, скорее всего, из-за ребенка. Я хочу, чтобы мужчина женился на мне по причине любви ко мне, а не только к ребенку. Я хочу, чтобы у него была ярая необходимость показать всем, что я его жена.

— Как я должен показать тебе свою лучшую сторону?

— Понимаешь, — улыбаюсь я искренне. — Трудно показывать себя с лучшей стороны, если у тебя одна сторона лучше другой.

— Я люблю тебя, Эс, — смотрит он прямо на меня, садясь на край постели. — Я чертовски сильно люблю тебя. И мне жаль, что ты не любишь меня в ответ.

Он все еще голый. И все еще соблазнительный. Но мы наконец-то говорим. Говорим о чувствах, которые всю жизнь прятали от всех остальных. И, наверное, это было впервые, когда я могла убежать от разговора, воспользовавшись телом, но не стала.

— Ты спрашивал по поводу поцелуя, — сажусь я рядом с ним, и Майкл определенно удивлен этому. — Когда помада стоит семьсот долларов, ты не можешь позволить себе целовать мудаков. А ты докажи мне, что ты стоишь цены этой помады. И нет, я не знаю, как ты с этим справишься, но Майкл Вудс точно что-то придумает. Например, пиши мне, когда я заканчиваю, и забирай. Даже если я заканчиваю с покупкой овощей или книг. Мне нравятся неожиданные приезды, и когда ты удивляешь меня. Но не надо цветов ценой в целое состояние. Этого я не оценю. И я думаю, ты сам не знаешь, что спрашиваешь. Во мне куча недостатков, в отличие от брильянта, который, я уверена, ты уже купил.

— Я видел их всех, — берет он меня за руку, и улыбается. — И я люблю их. В день, когда ты ушла, я выпил семнадцать рюмок водки, пытаюсь забыть твое имя. Но единственное имя, которое я забыл — мое. Трезвый или пьяный — ты единственная, о ком я думаю. Счастье не приходит дважды, Эс.

— Знаешь, — поднимаюсь я с кровати. — Думаю, тебе нужно одеться. И еще мы сделаем вид, что сейчас будем идти гулять с Эстель. Думаю, ты можешь пойти с нами.

— Ты правда делаешь это? — смотрит он с подозрением. — То есть ты не думаешь, что я мудака?

— Если я расскажу тебе, о чем думаю, сначала ты перестанешь со мной разговаривать и здороваться, лишишь родительских прав, а потом сожжешь на костре.

Майкл начинает смеяться, и прижимает меня к себе, целуя в щеку и лоб. Я отворачиваюсь, но совру, если скажу, что не люблю, когда это происходит. По-моему, это высшая степень любви, привязанности и уважения.

Я выхожу из спальни и направляюсь в ванную, быстренько принимая душ. Мои волосы все еще влажные, но это не играет никакой роли. У меня настолько хорошее настроение, что я почти готова взорваться дурацкими конфетти и сердечками. Так же я надеваю белые джинсы и черный топик. Подкрашиваю губы, и впервые в жизни понимаю, что мне не нужна косметика. Лучший макияж — это блеск в глазах и улыбка. Возможно, поэтому я всегда столько красилась, поскольку эти самые нужные «кисточки для макияжа» в моей косметичке отсутствовали?

— Эс, — спрашивает Майкл, когда я выхожу из ванной. — Почему у тебя на столе всегда два бокала, когда ты живешь одна?

— Ну ты же знаешь, — сажусь я на диван с желанием засмеяться. — У меня две руки и алкогольная зависимость.

— Очень смешно, — он улыбается, и меня это радует. — Идем?

— Да. Я просто жду, когда ты поможешь надеть мне сапоги. В конце концов, что может быть лучше, чем смотреть на мужчину, который обувает любимую женщину?

— Ничего, — берет он мои ботфорты, не сводя взгляд. — Кроме женщины, завязывающей галстук любимому мужчине.

Майкл также помогает надеть мне пальто, и когда он надел верхнюю одежду сам, мы выходим из дома. Да, сейчас в самом Нью-Йорке жизнь кипела, и, возможно, изобилие людей было бы просто невыносимым, но тут — нет. Этим я люблю пригороды. Недалеко от самого города, но далеко от шума. Я проверяю камеру, которая

передает изображение в 360 градусов из комнаты нашего ребенка, и, убедившись, что все хорошо, прячу ее в карман.

— И правда. Неужели я мог подумать, что ты хоть на мгновение оставишь ее без присмотра?

— Это риторический вопрос? — хмурюсь я.

— Да, — Майкл берет меня за руку, и я на секунду замираю. Но затем, убеждаю себя, что ничего плохого не произойдет, и сжимаю его в ответ. — У тебя есть предпочтения?

— Да, — отвечаю я, снова смотря на картинку в телефоне, где Эстель спит. — Я хочу пиццу. Съесть целую пиццу одна, а ты будешь мне подавать салфетки, чтобы я вытирала остатки кетчупа на подбородке. Возможно, со временем, двоих подбородков.

— Это рабство, Эс, — улыбается он.

— Неа, это семейная жизнь, к которой ты стремишься. Помнишь, как в детстве, оставаясь в гостях на ночь, на второй день чувствуешь себя чужим и хочешь обратно к мамочке? Так вот, с женитьбой та же херня, я уверена. За две мили где-то есть неплохая пиццерия.

— Они работают круглосуточно?

— Это единственное, что тут открыто, — смеюсь я. — Так что — да. Почему ты ушел из дома? — меняю я тему разговора.

Он какое-то время смотрит на меня, а затем опускает глаза вниз, не в состоянии встретиться со мной взглядом, что слегка раздражает.

— Ладно, — настаиваю я на своем. — Если ты расскажешь мне, я разрешу пригласить тебе себя на свидание. Настоящее свидание.

— Мне всегда снилось, что однажды я увезу тебя в Париж, — улыбается он немного. — Я не поругался с мамой, а разбил ей сердце. Нас было трое. Трое братьев Вудс. Каждый мечтал о великом будущем, а мама с отцом работали. Зак был самым младшим. Мне было семнадцать, а ему — одиннадцать. Я сел в машину, собираясь гулять или еще куда-то. Он сказал, что расскажет все матери, или я должен взять его с собой. Мы слушали музыку и в шутку дрались, и в какой-то момент машина заглохла, и мы остановились в самом центре автострады. Я не заметил, как машина стукнула нас сзади, и... — я жалела уже о том, что спросила. Это был прекрасный вечер, а я испортила его, вызывая ужасные воспоминания. — И еще одна машина врезалась в сторону Зака, и его не стало. Его не стало. Я убил брата. Убил мать и семью. Вот поэтому, Эс, — взглянул он на меня снова. — Я не хотел семьи больше. Не хотел тебя. Но когда узнал, что у меня будет ребенок, это словно был шанс все изменить. Все исправить и сделать правильно. Но мне пришлось подвергать опасности вас, чтобы спасти. Пусть ты мне и не веришь.

— Я верю, Майкл, — остановились мы посреди дороги, и я взяла его лицо в свои ладони. — Я верю, что все, что ты делаешь в своих извращенных мыслях, все ради Эстель. Просто не могу принять этого. Мне трудно смириться с тем, что ты мог подвергнуть меня такой опасности. Хотя и понимаю, — легко дотронулась я своими губами к его единожды, а затем еще и еще. — Я бы сделала то же самое с тобой, если бы пришлось выбирать. Мы — родители. И она всегда будет в приоритете.

— Почему в один момент все стало так сложно? Мы все время занимались сексом и смеялись.

— Раньше ты был больше времени во мне, чем возле меня и это устраивало. Нас обоих. Но когда появилась Эстель, все изменилось. Ты был прав. Просто все стало реальным.

— Я хотел извиниться, — поцеловал он кисть моей руки.

— За что?

— За то, что не приглашал тебя никуда кроме драки.

— Фу, гадость! — нахмурилась я.

— Что? — посмотрел Майкл по сторонам. — Кого-то увидела?

— Да, — поцеловала я его в щеку, прошептав: — Наше свидание. — Майкл рассмеялся, словно и не ожидал другого ответа от меня. — Побудешь с Эстель завтра?

— А ты куда?

— Я праздную с подругами.

— Я хочу видеть тебя трезвой.

— Тогда до послезавтра, — развожу я руками в сторону, смеясь и продолжая идти.

— А что вы празднуете? — догоняет меня Майкл, снова беря за руку, и в этот раз это более естественно.

— Нам просто надо поддерживать искру наших отношений.

— А как насчет наших отношений?

— Ты хочешь вытащить из меня то, что лучше бы лежало глубоко еще долгое время?

— Да, — слишком он уверен в своих словах, и это немного пугает. Меня. Именно то, что я чувствую.

— Состояние, в котором я находилась, было очень странным. Не знаю, как его правильно называют, но это точно было самым паршивым чувством, которое можно испытать. Ничего не хочется, и ты просто ходишь, как труп, пытаюсь вести хоть какое-то подобие жизни. Днем спасала работа, но приходя домой, ты просто ложишься на кровать до наступления ночи. А когда она настаёт, ты даже не чувствуешь этого, потому что у тебя бессонница. Про еду забываешь напрочь. Так что перед тем как начать доверять человеку, сделать его смыслом жизни и стараться ради него всю свою оставшуюся жизнь, я зарекалась сначала узнать его хорошенько. Но с тобой все было по-другому. Я забыла напрочь о своем обещании, почувствовав близость и тепло твоего сердца, наверное, со второй недели знакомства. Я знала, что нельзя этого делать, но не могла остановиться. И до сих пор не могу.

— Стейси...

— Вот и она, — качнула я головой, перебив его. — Тут можно поесть.

Мы сели за столик, и официантка всем своим видом показывала нам, что не рада нашему появлению. Хоть мы и сделали заказ лишь на пиццу и воду с лимоном. Точнее, я сделала, а Майкл лишь сказал: «Мне то же самое».

— Ты видишь, как она смотрит на нас? — спросил он, когда девушка ушла.

— Я не монета, чтобы всем нравиться.

— И ты ничего не скажешь? — находился он в замешательстве.

— Я только недавно поняла, что не имею права унижать людей, — подперла я голову рукой. — Что бы они ни делали и как бы ни жили.

— Знаешь, мне всегда казалось, что твоим единственным минусом был цинизм. Ты была очень опасна, когда тебе было больно. Могла легко уничтожить все вокруг, хоть и уничтожала себя мыслями об этом. Люди думали, что могли ранить тебя словами, но потом ты разрывала им всю душу, пусть и плача где-то в углу. Это был единственный минус твоего цинизма и самолюбия, — на несколько секунд он замолчал, а затем из-под опущенных век, снова продолжил: — Но сейчас ты кажешься более спокойной. Умиротворенной. Ты наконец-то моя Стейси.

— Я не твоя, — лишь тихо сказала я.

— Нет, моя.

— Я думала над состоянием счастья, и мне кажется, я терялась, как и все, собственно, — принесли нам еду, и я замолчала, пока официантка снова не ушла. — Я думала, что приду к счастью, как к конечной цели. Однажды, буду любить, буду любима, куплю дом, машину, рожу себе еще одну девочку, мы будем путешествовать и обеспечу им будущее без моих врагов. Вот все это будет, и тогда я приду к конечной станции счастья. Но когда ты пришел на обед, а затем мы убрали еще одного человека, я поняла, что была счастлива. Счастье — это состояние, а не конечная станция. Это как быть уставшим или голодным...оно не вечно. Оно приходит и уходит, и это нормально. И на мой взгляд, если бы я поняла это раньше, чаще бы испытывала его.

Майкл не ответил ничего. Он просто смотрел на меня и ел. Ел и смотрел. Он не мог поверить. Кажется, я и сама не верила, что начала многие вещи настолько по-другому воспринимать. Все, что на самом деле мне было нужно — моя семья. Моя дочь. Мои друзья. Мой Майкл. Спокойствие. Это фактически и сделало меня свободной от состояния вечного горя, от которого я не могла избавиться.

Однажды, одним солнечным утром или поздним, дождливым вечером в твою голову забредет мысль о том, что весь этот мир, все происходящее в нем, не стоит и капли твоих нервов. Ты неожиданно поймешь, что все случается тогда, когда должно случиться. Что люди, которые рядом, не вечны, что ты не вечен. Ты поймешь, что все бессмысленно, ты тратишь свое время неправильно. Ты мечтаешь о том, что не случится. Печалишься о том, чего не исправить. Ты забиваешь голову ненужным мусором, пустым. Ты поймешь, как много слов ты бросил на ветер и как много слов принял слишком близко к сердцу. Поймешь, как много чужих людей пропустил через свою жизнь, как через коридор, а сколько родных душ отправил восвояси по своей глупости. Поймешь, что нужно меняться. Нужно не принимать все близко к сердцу, ничего не ждать и ни о чем не жалеть. Должное придет, случившееся — неизменно.

— Ты чертовски сильная. Ты чертовски фантастическая. Ты чертовски умная. Ты чертовски вдохновляющая для меня.

— Секс наших душ сейчас слишком хорош, — улыбаюсь я, говоря ему прямо, что знаю, чего он добивается. — Не стоит это прерывать, ведь телам не известны такие позы.

И как бы я не говорила, что мое сердце занято самым важным — качанием крови, это все чушь. Я хотела быть сегодня всецело с Майклом и сделала то, чего боялась больше всего. Наверное, только когда перестанешь бояться, начинаешь получать наслаждение. Это была эпическая поездка домой на машине, которую мы словили попутно, выйдя из пиццерии. Старый седан завез нас буквально за пять минут. Майкл взял меня за руку, и мы побежали домой. Да, приятно оставаться воспитанным человеком, несмотря на желание стоять под деревом и стонать. Не те года уже, сказала бы я раньше.

— Мисс Фостер, — целует он мою шею, пока я открываю входную дверь. — Вы должны мне секс.

И как только дверь щелкает, он берет меня на руки и несет на второй этаж. Я держу его шею и не перестаю улыбаться. Майкл ставит меня на ноги возле кровати, пока его руки расстегивают пуговицы пальто, и он снимает мой топик через голову. Затем толкает меня на кровать, снимая сапоги и джинсы. Его рот ни на секунду не покидает мой, и когда он накрывает меня своим телом, мои костяшки пальцев прижимаются к его животу, пока я пытаюсь расстегнуть его джинсы, спешно стягивая их вниз. Пояс его боксеров оттопыривается из-за размера его члена, и Майкл отрывается от меня буквально на секунду, чтобы освободить себя самостоятельно, снова возвращаясь ко мне. Все смешивается воедино. Мир улетучивается в одну секунду, когда я чувствую тепло его голого тела, и горячая кожа скользит по моей. Его твердые мускулы такие сексуальные. Его все время хочется касаться, и я с ума схожу от желания. Везде, где он прикасается ко мне, я горю. Мы не перестаем целоваться. Кажется, я никогда не смогу остановиться. Я так изголодалась по нему. По ощущениям, что он дарил мне все время. Его руки движутся между моих ног, и я раздвигаю бедра, предоставляя ему лучший доступ. Сейчас. Я хочу его прямо сейчас. Жестко. Быстро. Но вдруг он замедляется, посасывая мою нижнюю губу, затем приподнимает голову так, чтоб его предплечья упираются по обе стороны от моей головы, пока Майкл смотрит мне прямо в глаза.

Его веки опускаются, и он шепчет:

— Каждую ночь. Я думаю о тебе. О тебе рядом со мной. Снова. Как сейчас.

Я дрожу. Каждую ночь я боялась, что это произойдет, и буду сходить с ума от желания и ярой необходимости

находится с ним рядом после. Все время.

— Я здесь, Майкл, — отвечаю я, не отводя взгляд. — Что ты хочешь сделать?

— Удержать тебя, Стейси. Это единственное, чего я хочу со дня, когда мы встретились.

Черт. Прямо в этот момент, когда я боюсь, что эмоции могут меня искалечить, Майкл начинает двигаться. Его бедра изгибаются, пока округлый кончик его члена прижимается к моему входу. Мое внимание сосредоточено на невыносимой потребности, чтобы он не останавливался, и Майкл скользит в меня своим членом. Но спустя два толчка этот ублюдок останавливается.

— Майкл, — стону я, умоляя.

Но он лишь улыбается и остается неподвижным.

— Ты хочешь меня?

— Ты знаешь, чего я хочу, — отвечаю я.

— Ты хочешь меня, Фостер? — настаивает он на своем, и мы оба знаем к чему он ведет.

Его голос серьезный и звучит словно призрак. Блять. Он толкается в меня еще буквально на дюйм, убивай мой рассудок.

— Стейси!

Я ощущаю, как бьется его сердце. Быстро и стабильно. Я могла бы сказать ему нет. Спрятаться в безопасном месте. И это положило бы конец всему, в том числе и самому потрясающему событию в моей жизни. Но я не хочу этого. Я скольжу трясущими пальцами к его влажным волосам на виске.

— Да. Я хочу тебя. А теперь трахни меня, пока я не передумала.

Он громко сглатывает, и его тело содрогается, будто от облегчения. Он рад, что мы прояснили это, как и я. Только вот черт. Как только я собираюсь заставить его двигаться снова, Майкл опережает меня:

— Презерватив!

— Я не понимаю твоего юмора сейчас.

— Я мог бы оставить их у тебя, но это было бы слишком самонадеянно, — я вижу его улыбку, и он входит до конца, и снова покидает, дразня.

— Боже, — выгибаюсь я всем телом. — Забудь о презервативе! Просто трахни уже меня.

По его телу пробегает мелкая дрожь, и голубые глаза смотрят прямо на меня.

— Ты уверена? Прошлый раз ты оказалась беременна после этого.

Мы оба смеемся, но кажется, оба доверяем друг другу. Нервничаю ли я? Да. Доверяю ли я ему? Да. Рада ли я, что это произошло прошлый раз и родилась Эстель? Больше всего на свете. Его член резким движением погружается глубоко внутрь моего лона, а язык трахает мой рот. Это резкое движение заполняет меня до предела, от чего я начинаю задыхаться.

— Святой ад, — рычит Майкл. — Ты ахренительно ощущаешься, Эс.

Он раскачивается с каждым своим движением. Его толчки, моя пульсирующая киска, и те беспомощные звуки, которые каждый из нас издает после каждого его движения. Его пальцы находят мой сосок, и Майкл скручивает его до боли, от чего я еще больше завожусь. В сочетании с тем, как он облизывает и покусывает мою шею, это простое действие ощущается греховным и грязным. Мы проделывали такие вещи, что этот секс в сравнении можно было бы детям показывать, но почему-то каждая клеточка моего тела дрожит.

— Ох, бля, — ахаю я ему в рот.

Оргазм накатывает на меня с медленной омывающей волной жара, от чего я дрожу, и задыхаясь не могу сдержать крики, пока Майкл продолжает брать меня.

— Вот так, милая, — шепчет он напротив моих губ. — Пусты все на самотек.

Его руки накрывают мои щеки, а глаза наблюдаю за тем, как я кончаю, и от этого зрелища в них как будто вспыхивает пламя. Я беспомощно хватаюсь за его волосы, когда еще одна волна оргазма ударяет меня.

— Майкл! Майкл, ты...

— Я знаю, — отвечает он, словно знает все, что я хочу сказать.

Он хватается мою руку, заставляя оставаться неподвижной, пока сжимает мой сосок, и толкается в меня своими бедрами. Я снова на грани, когда он теряет контроль. Дрожь проходит по моему телу, а затем он поднимается на руках и начинает в меня вколачиваться с дикой силой. От силы ударов мой позвоночник выгибается. Я такая влажная. Такая возбужденная. И я люблю это. Майкл что-то говорит мне, но я не могу разобрать ни слова, когда он продолжает двигать своими бедрами в необузданном, жадном ритме, и в этот момент мой мир словно погружается в темноту, и я снова кончаю. Ощущения взрываются во мне, и я выгибаюсь еще сильнее, толкаясь ему навстречу, а руки царапают твердый рельеф его плеч. Майкл кончает, испуская продолжительный тихий стон, наполняя меня своим теплом. Его щека прижимается к моей, и мы несколько секунд лежим, не двигаясь, пытаюсь перевести дыхание.

Но тут случилось это впервые. У нас был секс, а после о себе напомнила Эстель. Она начала плакать, и я — быстро выбираться из простыней, когда Майкл остановил меня.

— Я сам, Эс, — поцеловал он меня в лоб. — Отдыхай.

Я чувствую себя странно. Меня приводит в замешательство то, что я нуждаюсь в ком-то так сильно. Но когда Майкл уходит, я еще несколько минут лежу в постели, не двигаясь, и осознавая, что, кажется, уже все изменилось. Конечно, я буду копаться в себе и в нем, но это будет завтра. Сегодня все хорошо, и я просто встану с постели, поцелую его и нашу дочь, а затем приготовлю самый вкусный кофе. Надев на себя длинный шелковый халат, я направляюсь в комнату Эстель. Майкл качает ее на руках, а я наблюдаю, как она смотрит на него и слушает, словно все время ее жизни, только ее отец и был рядом с ней. Я немного завидую этим отношения. Хоть и говорят, что до трех лет у ребенка существует лишь мать, понимаю, что мне придется побороться за это внимание.

— Было время, когда я часто вот так, как ты мне сейчас, смотрел отцу в глаза. В доме, наполненном счастьем. Я был словно король на троне, — Майкл отклоняет голову, и увеличивает глаза, на что Эстель смеется. — И он всегда говорил мне: «Не волнуйся, мой мальчик. На небесах твоя жизнь расписана, и пусть пустые вещи тебя сейчас не волнуют».

— Ты скучаешь по нему? — спрашиваю я, войдя в комнату, и Эстель все-таки тянет ко мне ручки, крича «Мама».

Я улыбаюсь и с радостью укрываю ее своими руками.

— Да. Я скучаю по всей семье, но она больше не будет такой, как прежде.

— Ты просил у них прощения?

— За что? — нахмурился Майкл. — Мы все кого-то потеряли.

— Да, — смотря я ему в глаза, пытаюсь достучаться. — Но ты потерял брата, которого уважал, а они сына. Своего ребенка. И сейчас я буду звучать отвратительно, но, если бы тебе пришлось выбирать между Заком и Эстель, кого бы ты выбрал? — когда Майкл ничего не отвечал, я продолжила: — Это неправильно, что умирают дети. Так не должно быть никогда. Но потерять брату брата легче, чем родителям ребенка. Это не сравнимо ни с чем. Кажется, что ты готов похоронить себя заживо, чтобы только быть ближе к нему. И твоя мать не наказывала тебя своим отношением. Она наказывала себя. Она думала, что не имела права испытывать счастья

рядом с сыновьями, которые еще живы, поскольку одного из них потеряла. Она ни одного дня не испытывала покоя, даже во сне. Я не говорю, что твоя боль не важна. Она важна, особенно для меня. Но эта женщина — твоя мать, и то, как она любит Эстель, значит, что она любит тебя. Ведь в этом ребенке трудно увидеть кого-то, кроме ее отца.

— Кажется, это все сложно, — сглатывает он и садится на диван. Я вижу, как ему больно и некомфортно говорить о чувствах, но он делает это. Майкл наконец-то выходит из своей зоны комфорта, чтобы быть честным со мной.

— Знаешь, нам кажутся сложными самые простые вещи, — все еще качаю я дочь. — На самом деле не сложно пить кофе из самой красивой чашки в доме. Не сложно пожелать хорошего дня соседу, кассиру и садовнику. Маленькие приятности делают нашу жизнь светлее, а мы думаем, что это стыдно и неловко.

— Кем бы ты стала, если бы пришлось превращаться в животное?

Он задает этот вопрос настолько неожиданно, что я буквально мгновение нахожусь в ступоре. Мы говорили о грустных вещах и о теме, над которой даже шутки звучат, как кошунство, но это было мило. Он не хотел больше говорить об этом, а я сделала вид, что не против.

— Эммм, — положила я Эстель в кроватку, когда она снова уснула, направляясь к выходу. — Я бы стала змеей.

— Почему? — закрыл Майкл дверь в ее комнату.

— Ну во-первых у нее нет чувств, и она ни к кому не привязывается.

— А во-вторых? — смеялся он, когда мы снова легли в постель, повернувшись на бок, смотря друг на друга.

— А во-вторых ее многие боятся и самое важное — есть можно раз в месяц.

Я не помню, как мы уснули, но этот день все изменил. Единственный день моей жизни помог мне понять мало, от чего зависело так много. Целая вселенная, которую я построила для себя и под себя оказалась ненужной благодаря единственному человеку. Майкл еще спал, когда в семь утра мне пришлось вставать, потому, что Эстель вот-вот проснется. Я собиралась подниматься с кровати, когда солнце пробилось сквозь занавески. Майкл все еще лежал в позе, в которой уснул, и выглядел умиротворенно. Словно мальчишка, который вчера выиграл матч, а сегодня ему покупают новый скейтборд. Наверное, люди становятся счастливыми, когда начинают любить утро. Завтраки, кофе и тихую музыку. Свет солнца, который будит тебя, и будильник не имеет к этому никакого отношения. Наверное, наша жизнь, это такие мелочи, которые совсем не мелочи.

— Доброе утро, милая, — шепчет он, улыбаясь и все еще не открывая глаза.

— Какое милое слово, — отвечаю я. — Это странно.

— Солнышко. Радость моя. Моя любовь.

Со мной что-то происходит. Я почти утопаю в чувстве, которое поглощает меня без остатка. Я словно луна, которую представляет ребенок. Имею ввиду, когда мы еще дети, и едем в машине, думаем, что луна следует за нами. И я так. Следую за ним, пусть на самом деле ни ребенок, ни Майкл не знает правды. Пусть он не знает, что я люблю его. Я люблю этого человека, благодаря его усилиям и даже иногда проявленной жестокости, цинизму, эгоизму, ненависти заставил меня открыть глаза на такое количество важных вещей. На себя. На него. На семью. На жизнь и утро. Самое важное — доверие. И я нашла человека, которому готова довериться.

— Я рад, что ты открыла в себе ту, которая всегда жила в тебе, — проводит он пальцами по моей щеке. — Пусть на это и понадобилось много времени.

— Прошлый раз, когда я открыла в себе женщину, ищу как закрыть ее обратно до сих пор, — по лицу Майкла расплывается улыбка, и, кажется, он ожидал ответа, который не будет связан с сентиментальностью. — А то мне зарплату не хватало.

— У тебя будет моя, — перекачивается он на меня. — Всегда. Если зарплата — это цена твоей женственности, то я готов платить за нее. Эс?

— Что?

— Пообещай, что это навсегда.

— До завтра точно, — смеюсь я. — Я все еще жду какого-то подвига, чтобы простить тебя.

— Я люблю тебя, — шепчет он. — И я совершу какой-то подвиг, чтобы услышать эти слова в ответ. Я точно уверен, что ты их скажешь однажды. Это чувство поглощает меня. Поглощает нас. И каким-то образом я всегда нахожу путь к тебе, даже если он закрыт. А теперь идем, — поднимается Майкл на ноги, протягивая мне руку. — Я готовлю отличный завтрак голышом.

Глава 19

Японская легенда гласит, что люди рождаются с лицом человека, которого они любили в прошлой жизни. Твое сегодняшнее лицо принадлежит твоему возлюбленному из прошлой жизни. Это, наверное, просто миф, но, думаю, это очень красиво.

— О чем ты думаешь? — спрашивает Майкл, наливая нам по чашке кофе.

Я ставлю на стол булочки, масло, нутеллу и джемы. Я люблю его. Боже, я так люблю его. Я готова идти по его следам и дышать вместо него. Да, так не говорят, и, возможно, так нельзя любить. Но что люди знают о любви? Никто не знает об этом чувстве ровно ничего. Каждая любовь «своя». И пусть он не прав, пусть я ошибаюсь, но все, что кроме этого — любовь. Она сумасшедшая, словно девушка, которая готова в любое время прыгнуть в тележку и проехаться по мясному отделу. Я хочу жить с ним на отшибе. В этом доме. Я хочу рая. Земного. Только с ним. То, что было — забыто. Я хочу камин, из которого будет слышен звук дерева, которое сгорает. И наша собака, которую любит наша дочь, будет охранять наш покой и радостно лаять, когда в дверь позвонят наши гости. Полный дом гостей и смеха. Я хочу семью. Хочу рядом людей, которые важны.

— Я хочу уехать куда-то, — отвечаю я, смотря на него. — Хочу побывать в месте, где еще не была. Хочу других лиц и другого горизонта. И главное — вставать с рассветом. Все всегда начинается с утра.

— Я не люблю ездить куда-то, — садится Майкл напротив. — Когда я бываю в другом месте, в другой стране, знакомлюсь с другими людьми, время течет невероятно быстро. И, уезжая, я начинаю скучать. Я начинаю впадать в депрессию, как бы сопливо это не звучало, — он смеется, но я знаю, что на самом деле Майкл серьезен. И я знаю, что это за чувство, ведь сама его испытываю.

— Поэтому я очень рада, что Ева уезжает. Она не остановится на Италии. Затем будет Испания, Франция, Германия, Австрия, Австралия. Знаешь, мы, американцы, неправы. Мы редко куда-то выезжаем, думая, что в этом нет смысла. Что у нас в стране есть все, чего можно желать. А на самом деле тут нет ничего, кроме магазинов с одеждой и едой. У нас жажда работать, а не жить. И мы живем, чтобы работать, а не работаем, чтобы жить.

— Говорят, трудно удержать птицу, когда знаешь, что она принадлежит небесам, — делали мы сэндвичи, поглядывая друг на друга. — Ева одна?

— Ей не встречается что-то стоящее. Но, знаешь, мне нравится, что она не опускает свою планку из-за того, что кто-то не может до нее дотянуться. Я восхищаюсь ею. После всех неудачных отношений, которые у нее были, она выбирает любовь. В этом есть сила. Ей нужен вдохновленный человек. Одержимый жизнью. Такие люди зажигают все вокруг. Они живут. Не боятся. Чувствуют. Любовь. Страх. Радость. Ей нужен настоящий человек.

— Мне жаль, что я не смог дать тебе этого, — шепчет он тихо, протягивая руку к моей через стол. — Но я обещаю, что сделаю все, что в моих силах. Для тебя.

— Я также не такая, — беру я его за руку. — Но я счастлива. Я счастлива, что могу все еще искать таких людей. Хоть и не нужно. Они со мной рядом всегда. Они — моя семья, которая двигает не только меня, но и мир. Они знают зачем делают это, и я просто не могу устоять перед этим.

Неожиданно для себя я поняла, что знаю, как узнать его. Понять есть ли смысл тратить нам время друг на друга. Я взяла ноутбук и ввела в гугле "Route 66". Можно, конечно, в Европу, но на самом деле я не видела даже собственной страны, в которой жила. Я хотела почувствовать радость, счастье и свободу. Я хотела почувствовать все каждой клеткой своего тела.

— Что ты ищешь? — спрашивает Майкл?

— Я знаю, что ты можешь сделать, — смотрела я на него. — После этого каждый из нас поймет, есть смысл что-то строить, или мы можем просто жить, любя нашего ребенка и кого-то другого. Я слишком долго жила и носила в себе все невысказанное. И я хочу сделать это. Столько раз мне казалось, что вот-вот, и больше не останется слов, и это было бы самое худшее. Но черт возьми, — качаю я головой, не отводя взгляд. — Мне всегда в любом случае хотелось протянуть руку и удержать тебя. Говорят, люди, ушедшие однажды, никогда не возвращаются, но правда в том, что на самом деле по-настоящему ни ты, ни я не уходили.

— Ты хочешь проехать на машине от Нью-Йорка до Лос-Анджелеса? — восторженно и удивленно спрашивает Майкл. — Нам понадобится больше двух месяцев, чтобы посещать достопримечательности, ночевать и создавать хоть какой-то комфорт для Эстель. Ты уверена?

— А ты уверен? Я хочу узнать тебя, Майкл, и единственный способ — это отправиться в путешествие. Я не хочу, чтобы потом я жалела или думала, что все-таки все могло получиться. Я хочу быть уверенной в тебе. Хочу быть уверенной в себе.

Я лишь позвонила подругам в этот день и сказала, что мы уезжаем на неопределенное время. Я любила собирать чемоданы и уезжать куда-то. Я любила усталость от поездок и не бывать в одних и тех же местах дважды. Никуда не спешить. Знаете, то чувство с утра, когда люди идут еще уставшие с вчера на работу, а ты рядом с кем-то близким, и эти люди проходят мимо тебя. Ты их видишь, но по большому счету не замечаешь. И вы берете кофе в Макдональдсе, и кто-то рядом с тобой держит в руках пакет с сэндвичами на вынос. Он раскрывает тебе для удобства бумагу, в которую он завернут и дает в другую руку. И вы идете по улице. Такой еще сонной или нежеланно проснувшейся, а люди смотрят на вас. Смотрят не потому, что вы красивы, или улыбаетесь, а потому что никуда не спешите и пьете кофе.

Кофе — это самый особенный напиток. Сколько людей родилось от большой любви, пусть и на один вечер, благодаря одному приглашению на чашечку кофе. Помню, именно за чашкой кофе, я впервые поняла, как важно, чтобы у тебя был кто-то, по кому ты скучаешь.

— Зачем тебе это, Эс? — спросила Эбби.

— У меня появилось желание делать, что захочется, — закрыла я глаза, возможно, на целую минуту, представляя себе это. — Хочется останавливаться, где захочется. Получать удовольствие от каждого мгновения. И я хочу наконец-то осуществить что-то длительное. Что-то для себя. Для души.

— Тебе на носу тридцать лет, — кажется, Эмили не понимала моего желания. — У тебя ребенок на руках. Какое путешествие, Стейси? Машина, сэндвичи и маленькая Эстель, которая захочет выспаться хоть когда-нибудь? Ты понимаешь, что с ней будет?

— Да, Эмили, мне именно на носу тридцать. И знаешь, это мой лучший возраст. Такое впечатление, что мне всегда было тридцать. Наконец-то мое тело, разум и душа встретились. И я наконец-то хочу жить.

— Ты всегда была слишком строга к себе, — взяла меня за руку Донна. — Научись себя прощать. Ты не плохой человек, и мы тому доказательство, — все засмеялись. — Если для кого-то ты чересчур, то это их проблема, — многозначительно посмотрела она на Эмили. — А не твоя. Люби любовь, милая. Это самое лучшее, что есть в мире.

Мы сидели в ресторанчике и обедали. Кажется, надо было собираться, но мне не хотелось уходить. Я любила их, и мне определенно только этого общества будет не хватать в этом городе. Я заказала пасту с тремя видами сыров и салат с тунцом. Да, ужасное сочетание, но мне нравилось. Мыслями я была уже в дороге. Я хотела снимать видео, делать тысячи фото и просматривать их спустя неделю, снова возвращаясь в этот момент.

— Ты уедешь, — сказала Эмили. — Ева уедет. И нас останется все меньше. Вас не будет, когда родятся наши малыши, и вы пропустите эти моменты. А я хочу, чтобы вы были, — потекли слезы с ее глаз. — Я просто не хочу, чтобы вы уезжали.

Они мне так же нужны. Нужны как дыхание. Фу. Ненавижу эту заезженную метафору, но это единственное, что приходит мне на ум. Кажется, если на моем пути все закончится, они станут на нем. Нет, не перекрывая мне дорогу, а помогая — чтобы я осталась. Чтобы не заполняла тетрадь другими людьми, кому мое сердце может быть не важно. Я о стольком думаю последнее время. Мы с Майклом — идеальный сценарий для романа и для душевных терзаний. Но любовь — единожды в жизни встречаются, и, наверное, если я попытаюсь найти ее вновь, скорее всего вернусь туда, откуда начала — в Нью-Йорк.

— Помните девичник Эмили? — улыбнулась я, обводя каждую взглядом. — Мы смеялись и смотрели на полицейских, которые оказывались стриптизерами, и с этого также смеялись.

— Сейчас я смеялась бы, лишь в одном случае, — закатила глаза Ева. — Если бы они упали, и все уборщицы

ушли бы по домам.

И несколько секунд все молчали, а затем и правда начали смеяться очень громким смехом. Счастливым смехом. Мы действительно хохотали над этим моментом, смотря друг на друга. Кажется, именно эта семья подарила друг другу свободу. Да, мы могли быть в Европе или Америке. Родиться на другой стороне планеты, но это не имело значения. Мы нашли друг друга в одном большом городе. Где готовят такой хороший кофе, и дожди бывают крайне редко. И даже если он падает, ты все равно встретишь знакомого тебе человека. Это всегда было лучшим, что существует — возможность встретить кого-то незнакомого посреди знакомой улицы.

— Когда вы уезжаете? — спросила Долорес.

— Завтра с утра. Сегодня нужно купить необходимые вещи в дорогу.

— Имеешь ввиду патчи и салфетки?

— Нет, — нахмурилась я. — Пистолет и патроны.

— Ты шутишь! — неуверенно продолжала Долорес.

— У меня нет чувства юмора, — пожала я плечами, беря ее за руку. — И у тебя все получится. Ведь люди боятся тебя, а ты — меня. Это очень эффективная система.

— Ты хочешь, чтобы я тебе жаловалась?

— Я настаиваю, чтобы ты жаловалась. И я примчусь за тысячи миль, чтобы быть рядом в тот момент, когда нужна тебе.

— Ты хочешь быть как все, Эс? — задала наконец-то этот вопрос Эбби. — Хочешь мужа?

— Знаешь, — улыбнулась я. — Хочу. Я помню, как его не было рядом, и все вокруг напоминало о нем. Кажется, я скучала по нему всем своим телом. Я не могла вернуться, да и не хотела с одной стороны, ведь он обидел меня. Но только тогда я понимала, что один человек меняет все. Кофе больше не такой вкусный, и тебе непривычно ездить одной в какое-то место, где вы всегда были вдвоем. Глаза становятся тусклыми, замечали? Глаза больше всего выдают тоску по человеку. Если вы разговариваете несколько раз в день, а потом резко обрываете этот контакт, то не знаете куда себя деть. Не знаешь, чем себя занять, кроме как каждый миг думать об этом человеке.

— Я просто хочу, чтобы ты была счастлива, — говорит мне Эмили, обнимая меня, когда мы выходим на улицу.

— Помучай его там как следует, — смеется Донна. — Знаешь, всегда было интересно, а мужчины делают что-то типа: «Майкл, ты должен быть сильным. Не отвечай на ее звонки, молчи, если обиделась, пусть помучается и подумает над своим поведением. Вот придешь в новом костюме, и она поймет, что потеряла»?

Все смеются и качают головой. Это и правда смешно, особенно учитывая, что она пытается говорить это тоном своего мужа.

— Думаю, они по своей природе, как персонаж игры симс. Когда девушка, которая играет нами, решила подселить ко мне мужика и влюбить меня в него. Но он безработный и вонючий, а ко всему она не знает ни одного кода. И мы дальше так продолжаем жить.

На мой телефон поступило смс, и, взглянув на экран, я увидела имя Майкла. Он написал мне, что Эстель уснула и бросил ее фото. А следующим сообщением, что любит меня. Это вроде были слова, которые я от него слышала не раз, но каждый последующий мое сердце трепетало.

— Когда приедете, где собираетесь жить? — спросила Долорес.

— В смысле? — не поняла я вопрос. — Мы как бы живем в доме моих родителей. Или я не поняла вопроса?

— Там жила ты. И скорее всего, ты будешь искать работу, и бабушка пришлась бы вам кстати.

— О нет, дорогая, — засмеялась я. — Хорошие отношения с родителями могут быть только в том случае, если вы с ними не живете.

— Я запомню, — улыбнулась Ева.

— Я люблю вас всех, девочки, но я собираюсь уехать и всех вас бросить на какое-то время. — Я говорила и видела, как на их лицах появляется улыбка. — Месяца-два я не собираюсь никогда из вас видеть. И показать миру все свои туфли.

— У тебя же их максимум три пары, — качала головой Эмили, и понимая, что весь наш разговор — повод рассмешить их.

— Вот именно. Как только я обую эти три пары, сразу вернусь обратно.

— Одна?

— Нет, красотки, — погладила я живот Эмили и Донны. — Вместе со своим плохим воспитанием.

Я не любила прощаться, и когда обняла каждую, отправилась к машине, не оборачиваясь. Лишь взглянула в зеркало заднего вида напоследок, и тронулась к месту. Наверное, вся эта история с самого начала, как я встретила их, как мы начали общение, как начали встречать мужчин, которые уходили или оставались — заслуживает на Оскар.

Я ходила по супермаркету и покупала всякие ненужные безделушки, такие как патчи или гель, который могла купить на каждой заправке. Просто думала, а как я проснусь завтра? Что изменится? Выплюсь ли я? И имеет ли эта поездка смысл? Имеем ли мы перспективу отношений?

И вот придя домой, в конце концов, я собрала лишь два чемодана, и смерив взглядом Майкла, сказала:

— Давай постараемся выжить.

— Мы постараемся, — улыбается он мне. — Как я могу позволить, чтобы что-то случилось с женщиной, которая потрясающая по меркам человеческих женщин?

— Ты подлиза, — засмеялась я. — Я подумала...

— Думаю, нам пора выезжать, — перебил меня Майкл. И это было лучшим, что он мог мне сказать.

Я села в машину, пристегнула ремень безопасности и улыбнулась. Как однажды сказал сам Майкл: «Самой желанной улыбкой. В этой улыбке хотелось утонуть и хотелось ее целовать. Она почти мрачная красота. Но ведь мрачность, это то же самое, что дикость. А дикость — это всегда красиво». Дальше мы проехали почти три часа, не говоря ни о чем. Я периодически поворачивалась к Эстель, а с ней не было никаких проблем. Этот ребенок был идеален, но правда лишь в дороге. Она смотрела в окно, порой проваливаясь в сон на какое-то время. Наблюдать за Майклом со стороны было так непривычно. Нет, я часто это делала, но дорога — это другая обстановка. Это другое время и другой воздух. Я знаю, что такое любовь, ведь я ни на кого не смотрела так, как на него.

«Ты и я — идеальный сценарий для душевных терзаний и мук.

Я два раза как гуманитарий, не просёк твоих точных наук.

Ты меня обжигала глазами, я тебя ревновал, как умел.

Мне друзья каждый день говорили: «Между вами сплошной беспредел».

Но когда ты в руках засыпаешь, я смотрю в потолок и не сплю,

Ты моя, ты отлично все знаешь, что люблю тебя, очень люблю.

Мы как будто из разных галактик, яркий свет и кромешная тьма,

Теоретик и псих полупрактик, две души и одна голова.

Мы с тобой идеальная пара, сумасшедший кармический сбой.

Как бы там нам судьба не мешала, я не выживу рядом с другой.»

— Ты знаешь нашу первую остановку?

— Нет, — отвечаю я, улыбаясь ему. — Но я точно хочу в Брэнсон. Там есть музей Титаника, и я хочу там побывать.

Затем я включаю музыку, и она заполняет пространство. В моей голове конечно крутятся мысли, зачем я делаю это? Что будет? Вдруг мы посмотрим друг на друга по-другому и больше не захотим быть друг с другом? Как бы то ни было, я не хочу, чтобы он исчез. Я люблю его, пусть и не знаю какого именно человека в нем. Я не могу жить, как все. Не могу сидеть на одном месте и воспитывать ребенка. Ходить на работу пять раз в неделю, и выходные проводить на детской площадке. И самое потрясающее, что может быть в таком путешествии, это никуда не спешить. Ты можешь передумать и уехать в другую сторону. Можешь остаться в одном месте на неделю, или проехать его вовсе. У тебя есть как бы план. Но по сути лишь желание.

Нам необходимо было проехать 789 миль до Чикаго, а потом еще 2,5 тыс. миль до Лос-Анджелеса. Конечно да, мы могли бы лететь самолетом, но тогда это было бы не то путешествие. Тогда и половины эмоций мы бы не испытали. Майкл проехал 10 часов за рулем, и мы решили снять отель. Наверное, в другое время мы точно оказались бы в luxury номере, но в этой поездке мы договорились быть именно путешественниками. То есть, мы снимали номера при дороге, у которых была занавеска в душе, и то слава богу, и ели в придорожных забегаловках. Нет, ребенок не мешает, отвечу я сразу, если вы спросите. Заселившись в номер, первое что мы сделали - приняли душ. Переоделись. Майкл покормил Эстель, и не знаю, как это случилось, но я просто вырубилась на кровати в полотенце. Проснулась я, накрытая одеялом, когда Майкл спал, обняв Эстель, словно боялся, что она вот-вот исчезнет в этой «непривычной для него обстановке». Когда она почувствовала какое-то движение на кровати, открыла глаза и молча смотрела на меня. Она давала возможность поспать своему отцу, и я достала ее из кольца его рук, и, одев в комбинезон и футболочку, решила сходить за кофе. Мы покинули номер, и, взяв меня за руку, она спрашивала за каждую птичку и камушек, что это такое. Я улыбалась, отвечая на ее вопросы. Я купила две чашки кофе, несколько сендвичей в дорогу, воду, соки и печенье для Эстель. У нас не было необходимости закупать продукты, так как каждые несколько километров были старые лавки или маркеты. На самой территории гостиницы можно было позавтракать. Я взяла суп пюре для дочери и несколько свежих сендвичей для нас с Майклом.

Сев за деревянный столик, я пила кофе, а Эстель ела свой суп. И так, наверное, я просидела бы еще целый день, если бы Майкл не пришел к нам, напоминая, что мы как бы куда-то движемся.

— Зачем тебе телефон? — было первое, что он спросил.

— Тоже не знаю, — улыбнулась я. — Поэтому и не беру. Есть будешь?

— Ты взяла мне лишь кофе и сендвичи?

— Нет, это я взяла себе. Тебе только кофе.

— Я сейчас приду, — направился он за едой, но я его остановила.

— Побудь лучше с Эстель, я принесу.

— Ты кто? И где Эс?

— Мало кто знает, какого это, стать идеальной версией самого себя.

Я видела, как он улыбнулся, и его взгляд снова стал особенным. Теперь я часто видела его. Когда ела или готовила. Смеялась или кричала. Снимала туфли и обувала тапочки. Я думала, что на самом деле у нас такие серьезные проблемы. Откуда мне было знать, что все это время мы были счастливы?

Я принесла Майклу еду, и он поцеловал меня в щеку. Затем в плечо, руку, мою ладонь и наконец губы. Он говорил «спасибо» за все, что я делала для него. Кажется, он настолько не привык к этому, что до сих пор не верил, что я могу быть такой.

Первая наша остановка была на набережной озера Мичиган. Мы зашли пообедать в кафешку и немного прогуляться. Мичиган — одно из североамериканских Великих озёр. Единственное, полностью находящееся на территории США. Был небольшой ветер, и Майкл держал меня за руку. Эстель шла впереди нас и кругом был шум воды, крики и смех детей. Кажется, именно это и есть волшебство. Это состояние счастья и свободы вперемешку, и ты не знаешь, чего хочешь больше — остаться или открыть для себя еще одно такое место.

«Путешествие — это что-то волшебное. Будь то путешествие на поезде, полет на самолете, да или просто поездка за город на автобусе. Что может быть лучше, чем сесть у окошка, включить любимую музыку и думать, смотря на сливающиеся в единое пятно деревья, или же сесть всем вместе одной большой компанией, играть на гитаре и петь песни, смотреть в окно иллюминатора, укрывшись пледом, пролетая над Тихим океаном часа так в два-три ночи, и понемногу засыпать, или сесть в поезд, познакомиться с соседями по купе/плацкарту, играть в дурака, смеяться от души. Неважно, где мы едем и куда мы едем и с кем. Путешествовать — это, однозначно, что-то прекрасное».

— Я бы хотела экскурсию на яхте, — говорю я Майклу. — Ты с нами?

— Всегда, — берет он меня за руку и ведет к берегу, где привиты яхты. — Мы с тобой однозначно милая пара, — говорит Майкл расставив руки по бокам от меня на поручни, и я слышу улыбку в его голосе. — Ты не находишь?

— Конечно, — пожимаю я плечами. — А там смотри, еще одна милая пара, которая, скорее всего, до сих пор милая лишь потому, что какая-то вторая женщина молчит.

— Почему ты такой циник?

— О чем ты? Это моя лучшая черта.

— Да, я заметил, — и он снова целует меня в щеку. Он часто это делает теперь. Такое впечатление, что ему необходимо ко мне прикасаться. Все время. И самое странное — меня это не раздражает.

Затем была Великолепная миля в скопление небоскрёбов. И как бы не было велико желание еще ходить по этому городу и созерцать эти потрясающие картины мира, усталость была сильнее. Мы снова отправились заселяться в гостиницу.

Сидя на балконе, я смотрела за ритмом жизни людей. Чикаго — это родина джазовой музыки и небоскребов, город гангстеров и мюзиклов. По этим улицам на Кадиллаке разъезжал Аль-Капоне, из всех переулков доносился фирменный чикагский джаз или Фрэнк Синатра.

— Знаешь, — обнял меня Майл, когда я легла на кровать. — Не знаю, как ты, а лично я уверен каждый день все больше и больше, что хочу лишь тебя. Я готов всю жизнь провести вот так с тобой в пути.

— Это просто прошло лишь три дня, — тихо отвечаю я, понимая, что засыпаю.

— Всегда.

Я не помню, что уже говорила, но точно помню, что Майкл обнимал меня все это время, целуя волосы и лицо. Иногда он бывает моим ночным кошмаром, и все же лучше любого прекрасного сна.

Шоссе 66 — цепь главных улиц маленьких городков и деревенских проселков, соединившая могучий Чикаго с обсаженным пальмами Лос-Анджелесом в 1926 году. Эту трассу часто называют «Матерью дорог», подчеркивая ее масштаб и важность для Америки.

Предприимчивые жители городков, которые находятся вдоль шоссе, стараются заработать на чем угодно. Туристы сами рады выкладывать по доллару за безделушки, лишь бы привезти домой напоминание о большом путешествии. Поэтому чуть ли не в каждом поселке можно встретить музей Route 66. Газировка, книги, фотографии, автомобильные номера, значки, канистры и даже музыкальные автоматы — продается всё. Не удивляйтесь, если какой-нибудь пожилой мужчина расскажет вам о встрече с Полом Маккартни и попытается продать вам его автограф. Сэр Пол путешествовал по шоссе 66, это факт. Но не факт, что он расписался на клочке бумаги этого почтенного мужчины.

Одной из достопримечательностей шоссе является старая бензоколонка 1926-го года. Она стала чуть ли не Меккой для автомобилистов. Автозаправочная станция Soulsby's Shell расположена в городке Маунт-Олив в штате Иллинойс. Конечно, она многое повидала на своем веку и даже не догадывалась, что станет местом паломничества туристов.

Но самое главное, что не каждый путешественник ее замечает — местная природа. Пейзаж на шоссе 66 просто поражает. Горы, леса, пустыни постоянно сменяют друг друга. Некоторые участки остаются неприкосновенными с 30-х годов прошлого века. С тех пор, как начиналось строительство дороги. Иногда хочется подробнее рассмотреть каждую скалу или побродить по лесу, но в таком случае путешествие по 66-й займет пол жизни.

— Я хочу кофе, — остановился Майкл на обочине у первого попавшегося маркета.

Часы сменяли дни, а дни — недели. Прошло уже три недели, если быть точной с начала нашего путешествия, и мы не устали совсем. Наоборот, каждый день я понимала, что возвращаюсь к жизни. И единственное, что было мне необходимо сейчас — сесть за руль.

— Майкл, я хочу везти нас дальше, — направились я к водительским дверям, когда мы купили напитки.

— Это с какого счастья? — нахмурился он.

— Милый, в жизни ведь главное хорошо кушать, не быть мразью и научиться не позволять мразям быть мразью с тобой. Остальное приложится.

— Убедила, — улыбнулся он, садясь на пассажирское место.

Эстель все еще досыпала, так как это было 8 утра, а мы направлялись в город-призрак — Glenrio. Он находится на границе штатов Техас и Нью Мексико. Майкл остановился у обочины, и мы пошли исследовать этот богом забытый город в пустынных прериях. На самом деле сотни городов-призраков рассеяны по всей территории Соединенных Штатов. Многие заброшенные города когда-то были процветающими поселениями, но исчезли столь же стремительно, как и выросли. Некоторые из них связаны с годами Золотой лихорадки, а у других более темное прошлое. От проклятых кирпичей Боуди к вечному пожару, все еще бушующему в Централии.

Гленрио — когда-то это была популярная остановка для путешественников Рок-айлендской и Тихоокеанской Железной дороги. Когда в 1973 была проложена новая автомагистраль между штатами, она обошла Гленрио стороной и вынудила жителей бросить город. Это довольно печальная история, поскольку это был чей-то дом. И не имеет значение, это Гринрио, Лос-Анджелес или Нью-Йорк. Каждый город — это чей-то дом, и ужасно, когда не по своей воле приходится его покидать.

— Почему ты жила в Нью-Йорке? — спрашивает Майкл спустя какое-то время. — Судя по всему, ты всегда была лидером.

— Не всегда, — свежие воспоминания всплывают в моей памяти и слезы наворачиваются на глаза. — Я помню, как моя мама привела меня на вечер кино. Я пыталась подружиться хоть с кем-то, а все дети от меня убегали. Никто не хотел со мной играть, и я весь вечер просидела в одиночку на скамейке. Мамы не было. Она оставила меня и ушла, поскольку ей было больно уже просто вот так сидеть со мной.

— Ты бы поступила по-другому на ее месте?

— Определенно, — набираю я скорость, переключая передачу. — Я бы купила попкорн, и сидела с нашим ребенком весь вечер, а потом мы пошли бы в парк аттракционов или прыгнули с парашютом. Не знаю, — чувствую я как слеза одна за другой стекает по моей щеке. — Просто я бы точно что-то сделала, чтобы у нашего ребенка не было таких воспоминаний. Это ненормально чувствовать себе незванным гостем на вечеринке. И знаешь, — мельком смотрю я на него. — Я так сильно изменилась с тех пор.

Песня Fade "Skinny living" заполняла машину, а мы продолжали наше путешествие. Завтра будет мой день рождения. Мне исполнится 30. Я могла бы конечно говорить, что это переходит определенную черту, и больше я не смогу сказать, что мне чуть-чуть за двадцать. Но на самом деле я и правда считаю — это мой лучший возраст. Именно в этом возрасте я перестала мечтать и начала наслаждаться тем, что имею. Перестала бояться, особенно «взрослеть». Я смотрела на Майкла и понимала, что не стала бы ничего менять. Пусть моя история отличается от остальных, и в моей сказке была сплошная трагедия, но, пожалуй, я ничего не стала бы менять.

«Когда женщина знает, что любима, она ощущает себя прекрасной. Это вызывает чувство защищенности. После этого она начнет доверять, затем подождет еще — чтобы убедиться наверняка. И вот когда она увидит, что твоей любви можно верить, тогда-то и начнется Волшебство». Клаус Джоул.

Мы наконец добрались до музея Титаника в Брэнсоне. Это двухэтажный музей, посвящённый знаменитому затонувшему судну. Он расположен внутри точной копии передней части судна, выполненной в масштабе 1 к 2, стоящей на якоре в небольшом бассейне, что создаёт иллюзию, будто корабль плывёт по морю. Кусок айсберга, ударяющийся о борт судна, является входом в музей. Внутри можно увидеть несколько точных копий помещений и объектов судна – парадную лестницу «Grand Staircase», Обеденный зал, каюты I и III классов, капитанский мостик – и около 400 экспонатов, поднятых на поверхность с затонувшего корабля и расположенных в 20 разных помещениях. Кроме этого, в музее есть несколько интерактивных галерей, таких как капитанский мостик, откуда ведётся управление кораблём, телеграфная комната, откуда можно отправить сигнал SOS, а также множество актёров, переодетых в костюмы членов экипажа. При входе в музей нам вручили билет с именем одного из реальных пассажиров, пливших на этом корабле. Я не знала, остался ли жив этот человек или погиб, пока не завершилась экскурсия, дойдя до Мемориальной доски с именами всех 2208 пассажиров и их историями спасения. По музею ходят костюмированные персонажи: мужчины в двубортной офицерской форме, женщины, облачённые в форму горничных, и, конечно же, капитан судна. Из скрытых динамиков слышны звуки сирены, звон колоколов и приглушённые голоса, создавая атмосферу, приближённую к реальной.

Одним из самых захватывающих мест в Музее Титаника является полноразмерная копия парадной лестницы «Grand Staircase», построенная по оригинальным чертежам стоимостью более миллиона долларов. Поднявшись по лестнице, ты попадаешь в I класс, где расположены роскошные каюты. На Капитанском мостике, расположенном неподалёку, можно попробовать свои силы в управлении судном. На нижнем этаже – тесные каюты III класса и котёл машинного отделения. В зале под названием «Затопленная комната» есть серия постепенно наклонённых палуб, на которых можно попробовать устоять, спасательные шлюпки, в которых можно посидеть, и миска солёной воды ледящей температуры - 22°C, куда можно погрузить палец и с помощью расположенных рядом часов проверить свою выносливость. Это поможет понять, почему почти все пассажиры, оказавшиеся в воде, очень быстро погибли.

Спустя еще несколько недель в путешествии, я была готова забыть на это. Вернуться в свой дом, выспаться и просто побыть рядом с семьей. Несколько раз я говорила с подругами. Но доехав до Оклахомы, я поняла, что это лучшее, что случилось со мной в моей жизни — эта поездка. Мы говорили с Майклом часами, обсуждая все на свете, начиная от финансовых возможностей и заканчивая тем, в какую школу пойдет Эстель. Это очень важно, чтобы в каждой человеческой жизни встречались вот такие родственные души, которые бы мотивировали и помогали нам двигаться к добру, к счастью, и показывали возможности нас самих о которых мы не подозревали.

Мы заехали в супермаркет и купили фруктов, шампанского, сока, сендвичей и кексов. Заселились в гостиницу, и, взяв с собой еще плед, отправились на пикник.

— Если бы ты мог проснуться завтра, приобретя определенное качество или способность, что бы это было? — спросила я.

Майкл улыбнулся, и взял Эстель на руки, неся к нашему импровизированному столу на траве.

— Я не хотел бы ничего менять, ни в себе, ни в том, что сейчас имею. Люди постоянно хотят то, что не идет им в руки или чего не имеют. Я с уверенностью могу сказать, что я счастлив, и у меня есть все, чего я всегда хотел.

— Давай присядем тут? — увидела я место посередине, где кругом сидели еще несколько компаний и ели.

— Идем туда, — даже не останавливался он. — Там нет людей.

— Я хочу, чтобы мы не сидели, как отбросы, — нахмурилась я.

— Боишься быть ближе лишь ко мне? — смотрел он мне в глаза с вызовом.

— Пфф, — отмахнулась я. — Все гораздо проще, я просто не хочу.

— Врунишка, — направились мы туда куда сказал Майкл.

— Почему тебе всегда нужно доказывать, что ты главный? — опустил он Эстель и расстелил плед на землю.

— Мне не нужно ничего доказывать Эс. Я и есть главный.

— Господи, и угораздило же меня.

— Я купил отличных булочек, давай поедим?

Мы разместились на пледе и разложили еду. Она была вкуснее в дороге чем дома. Его выражение лица заставляло мое сердце трепетать. И теперь я просто смотрела на него. Он казался мне прекрасным. Произведением искусства. Мне всегда было интересно до встречи с Майклом, что из себя представляет любовь? Что заставляет нас влюбляться? Но сейчас я понимаю, что ответов на эти вопросы не существует. Любви не нужна причина. Она просто есть или нет, и другого не дано.

— О чем ты думаешь, Эс? — передал он мне пакет с булочками?

— О том, что годы идут, а я еще не пила вино на берегу океана, не валялась на лужайке в Лондоне, и не ела круассаны под Эйфелевой башней.

Майкл сел рядом со мной и откинул волосы назад, поцеловав меня в щеку, затем губы и снова в щеку. Затем дал Эстель пластиковую емкость с фруктами, купленными в маркете, и сказал, что придет через несколько минут. Это было так странно. Я никак не могла привыкнуть к тому, что больше не чувствую того, что должна его ненавидеть. И я была счастлива. Возможно, впервые в жизни я не чувствовала того, что должна отталкивать любого, кто обо мне заботится.

Я услышала музыку, и, повернув голову, увидела Майкла. Точнее, его обувь. У него в руках был такой громадный букет роз, что его лица не было видно. Слова песни звучали, хоть я и не могла разобрать, что именно. Майкл разместил букет рядом со мной, а сам становится на одно колено. Нет, нет. Только не то, что я думаю. Я не готова к этому моменту, как минимум потому, что жую круассан. Это не может быть правдой.

— Эс, — смотрит он прямо на меня, и все люди смотрят на нас, из-за чего мне становится неловко. — Зависимость непредсказуема. К примеру, я 11 лет боролся с курением, и сдался спустя 3 секунды после того, как ты ушла от меня. Я лишь пытаюсь сказать, что полюбил тебя снова, как только ты вернулась. Я всегда любил тебя, просто сам не понимал. Я делал столько ошибок, но я верю, что все они стоили того, что есть сейчас. Все они стоили того, чтобы бороться. Я люблю тебя. Настолько сильно, что готов пожертвовать всем, и даже собой, ради тебя. Я люблю твой взгляд — веселый и грустный. Люблю твои глаза, в которых вижу больше мира, чем за окном. Ты конечно, и сама все знаешь, — берет он мою руку и одаривает ее краткими поцелуями. — И я не могу объяснить по-другому то, что готов склонить мир к твоим ногам.

Я вдруг осознала, что он и вправду собирается быть всегда рядом. Я всегда воспринимала эти слова как просто наличие букв в алфавите, а сейчас это было по-настоящему. Мне не нужно будет искать его глазами в толпе, или ждать, что он придет и мы побудем одни и поговорим. Его высокая фигура, темные волосы и голубые глаза всегда будут рядом, даже если я захочу уйти. Это и есть кольцо. Это не просто зарегистрированная справка в компьютере, и браслет на пальце. Это возможность быть всегда рядом, даже если именно сейчас кто-то хочет побыть наедине.

Электрические импульсы проходят по моему телу, и я сама не замечаю, как слезы текут по моим щекам. Так долго у меня была внутренняя обида того, что этого не происходит. Я думала, что если мужчина любит женщину, то пытается в первую очередь оставить ее рядом с собой при помощи кольца, документов, обязательств. Меня обижало, что, несмотря на такое количество времени он все равно не был уверен, в том, что пора уже сделать это. Я всегда хотела сказки, и кажется, он сейчас подарил ее мне.

— Хочешь сделать меня порядочной женщиной? — улыбаюсь я сквозь слезы.

— Знаешь, — берет он коробочку из моих рук и достает кольцо. — Давно пора. Прости меня, что так долго ставил свои желания выше, чем твой комфорт.

И знаете, мы продолжили наше путешествие, только теперь уже немного по-другому. Пусть мы и не были женаты на бумаге, но это произошло. Именно на том месте, где было много народу, и цветы лежали рядом. Майкл теперь все время держал меня за руку. Казалось он просто не мог ко мне не прикоснуться. Конечно, я не думала о такой свадьбе, как у Эмили или Донны, но я замечала, что хочу чего-то особенного. Хочу своего счастливого конца, который будет лишь началом.

— Ты делаешь меня лучше, Эс, — сказал Майкл мне, когда мы приехали к Большому Каньону.

— А ты делаешь меня счастливой, — ответила я, поцеловав его, а затем еще и еще раз. — Гораздо счастливой, чем я могла себе представить, что могу быть.

Майкл сжал меня в объятьях, и, кажется, держал так целую вечность, перед этим заглушив мотор.

— Знаешь, раньше я всегда любила приключения. Когда родилась Эстель, я стала поспокойней, но, кажется, я до сих пор готова сесть в тележку и проехаться по мясному отделу.

— Ну а я хочу жениться на тебе. Это уже само по себе приключение, — он забрал волосы с моего лица и не отводил взгляд от моих глаз. — Я люблю тебя, Эс. Я люблю в тебе все, даже то, что ты так сильно ненавидишь. Ты — вся моя жизнь. Я счастлив, когда ты счастлива. Я переживаю, когда ты взволнована. Я хочу жить, когда ты живешь. Вся моя жизнь вмещает в себя лишь тебя.

— И кровь, и воду, — говорю я тихо и даже слегка смущенно.

— И кровь тоже есть, — смеется он.

Всё-таки мне нравится, как устроена эта жизнь. Будто у неё всё продумано. Каждый в итоге получает то, что заслуживает, то, к чему стремится. Причинённое зло возвращается, пусть и в другом облики. Украденное счастье не вечно. Пролитые слёзы оборачиваются улыбкой. Отданное добро однажды возвращается в трехкратном размере внезапным стуком в дверь. А мечты сбываются. Каждый в итоге остаётся с тем, что заслужил. И неважно, понимает он это или нет.

Он берет на руки Эстель, а я телефон для фотографий, и мы направляемся в пещеры Большого Каньона. Они расположены около трассы. Это самые большие сухие подземные пещеры в США. Говорят, что правительство страны хотело использовать их на случай ядерной войны. Поэтому здесь можно найти припасы продовольствия. Здесь же археологи находили останки древних животных, очень походивших на саблезубых тигров. И еще одна особенность пещер — если выключить под землей свет, то можно оказаться в совершенной темноте. В эти минуты не видно абсолютно ничего, никаких очертаний. Стопроцентная чернота, которая просто поглощает людей.

Шоссе 66 приобрела свое значение во время Великой депрессии: фермеры-переселенцы убегали по нему из засушливых западных районов через Великие равнины. Позднее, во время беби-бума после Второй мировой войны, новообретенное благополучие внушило многим американцам идею отправиться в путешествие и поразвлечься на Шоссе 66. Однако стоило дороге стать значительной, как почти сразу же все изменилось. Сверкающие щебеночно-асфальтовым покрытием новые автомагистрали между штатами начали конкурировать с Шоссе 66. Опустели семейные закусочные, стойки с газированной водой, шикарные мотели. Забылись городки при железной дороге и станции для путешественников. Целые города начали исчезать. Шоссе 66 было официально выведено из эксплуатации в 1984 году. Однако возникло движение фанатов за сохранение «Матери дорог». Сегодня вы по-прежнему можете развлечься здесь, следуя посыпанными гравием проселками и обозначенными синим цветом шоссе через самое сердце Америки. Это как скачок во времени — места, где, кажется, 1950-е наступили вчера.

Глава 20

Кажется, ничего не изменилось, и ты всегда так будешь думать, пока этого не произойдет. Это кольцо значило, что он станет моим мужем, и я буду каждый день смотреть на его лицо и улыбаться перед сном. У нас теперь будет семья, и я смогу сказать: «Мне нужно к мужу». И не потому, что у меня какой-то дурацкий долг, а потому что я сама хочу к этому человеку побыстрее домой, приготовить коктейль с малиной, как он любит с детства.

— Что ты думаешь над тем, чтобы пожениться в Лос-Анджелесе? — спрашивает Майкл, и я удивлена его вопросом.

— А как же наши друзья? — хмурюсь я. — Я бы хотела, чтобы они присутствовали.

— После мы можем это сделать при свидетелях. А в ЛА это было бы только нашим.

Некоторые любовные истории не являются эпическими или фатальными. Но это не значит, что у них меньше любви, чем у наших. Наверное, у историй без драмы совсем нет осадка. И я надеюсь, что мы будем счастливы, даже когда решим жить долго и счастливо.

Я делаю звук громче, и песня *Lost on You* заполняет пространство. Я могу вот так часами смотреть лишь на него. Кажется, у каждого в мире есть такой человек, предназначенный вам судьбой. Родственная душа, которой будут присущи ваши качества. Или она определенно будет их любить и уважать. Вы будете испытывать душевный комфорт рядом. Это самое главное. И конечно, будут трудности и споры. Будут недоразумения и иногда даже разочарования. Но вы пройдете все это, если действительно вам суждено. И если вдруг именно вы еще не встретили того человека, значит, у вас все впереди.

— Остановись, — сказала я Майклу. — Я хочу несколько фотографий в этом месте.

— Ладно, — нахмурился он. — Но тут же ничего нет.

— Есть. Смотри, как светит солнце.

Он остановился у обочины, и мы оба вышли из машины. На улице и правда была потрясающая погода, и мне хотелось запомнить этот день. Он был прекрасен, хоть и ничего не случилось, кроме самого его наступления.

— Ты сумасшедшая, — засмеялся Майкл, выйдя из машины и подойдя ко мне. — Никаких правил. Только настроение?

Я прижала его к себе и впиалась поцелуем в губы. Трасса была пуста, и у нас в машине спал ребенок. Мы остановились на обочине, немного сместившись с главной дороги. Майкл сжал мое бедро, а другой рукой — грудь.

— Это так приятно, — прошептала я, сжимая его волосы.

Он смотрел мне в глаза и опустил передо мной на колени.

— Раздвинь ноги, — хрипло попросил он.

— Приполз умолять о прощении?

Мой взгляд скользнул вниз, и я улыбалась, но сделала, как он сказал. Я тонула в чувствах, которые испытывала к нему. Он был потрясающим с головы до пят. Таким ласковым и жестким. Таким редким и в то же время обычным. И в конце концов, таким твердым и таким большим.

«Женщины, даже двухлетние, сложные создания. Они никогда не говорят прямо то, что у них на уме. Тебе просто приходится брать ложку и выбирать все из ее мозга малюсенькими порциями». Хорошая фраза. Но вообще, абсолютно все цитаты, которые обобщают женщин, написаны лишь об одной, хоть и довольно приятно считать себя Коко Шанель, слыша высказывание об этом ходячем великолепии.

Я схватила Майкла за волосы, когда он всосал мой клитор в рот. Юбки — лучшее, что создал мир, не считая туфель. Это было так противозаконно, может быть только поэтому настолько возбуждающе. Нас мог кто-то увидеть. Любая проезжающая машина по трассе. Но мне нравилось это. Это было так хорошо. Я старалась быть как можно тише, но Майкл, заметив это, сказал:

— Не сдерживай себя. Хочешь кричать? Кричи. Никогда не держи свои эмоции в себе. Все, что ты чувствуешь и испытываешь — идеально.

Я захлопнула дверь машины, не сводя с него глаз. Это мог увидеть весь мир, но, кажется, нам было плевать. Но уж точно мне было не плевать, что мы разбудим нашего ребенка. Кажется, мы были одни на целом свете. Он вылизывал мою киску, трахая меня языком. Черт возьми, это было потрясающе. Я почти прыгала на его лице, наплевав на весь мир.

— Кто-то еще заставлял тебя это чувствовать?

— Язык в моей киске? — бросала я ему вызов. — Думаешь, ты первопроходец?

В следующее мгновение Майкл просунул пальцы внутрь меня, ощущая влагу, которая, кажется, была всегда, когда этот мужчина находился рядом. Он так сильно возбуждал меня. Я хотела его в любом виде и любом количестве, стоило нам оказаться наедине. Хотя ладно, не только наедине. Я помню, у нас был в свое время даже разговор о тройничке, и будь я меньшей эгоисткой, согласилась бы на это. Я не выдержу, если его лицо будет еще между чьих-то ног.

— Он когда-нибудь заставлял тебя так течь? — был он слегка зол, что, не буду скрывать, меня возбуждало. Я застонала, стоя на пальчиках ног, пытаюсь не потерять равновесие.

— Нет...

— Скажи мне, чего ты хочешь, — потребовал Майкл, проникая в меня двумя пальцами.

— Я хочу ощутить тебя внутри.

Мне не нужно было просить дважды. Майкл быстро расстегнул джинсы и, спустив их до колен, повернул меня лицом к машине, практически вжимая меня в нее, в себя, в мои ягодицы. Срывая резким движением с меня спущенные трусики, он прикусил мою шею, и я застонала. Он прав. Никто не сможет дать мне то, что Майкл. Так по-дикарски я не вела себя ни с кем, но с этим мужчиной это было совершенно естественно. Он провел ладонями по моей спине, затем по предплечьям, и сильно прижал мои ладони к машине. Солнце светило, и дорога казалась мокрой от этого света. Я смотрела на нее и понимала, что вот такой может быть вся наша жизнь. Именно сейчас наша жизнь — мечта в чистом виде. Майкл резко вошел в меня, целиком заполняя, и мы оба застонали. Склонившись надо мной, он поцеловал меня в спину и шепнул: «Если хочешь кричать — кричи». Я так и сделала, и он наградил меня, ускоряя темп.

Какая-то извращенная часть меня ощутила удовлетворение, когда он сказал мне не сдерживаться, но, закрыв рот рукой, я укусила его, и почувствовала вкус металла во рту. Я задыхалась, а он что-то шептал мне на ухо, и спрашивал, хочу ли я, чтобы он трахал меня так постоянно. Спрашивал, нравится ли мне, когда он трахает меня так сильно, что у меня должны оставаться синяки и иногда даже шрамы. Я сказала: «Да», и когда Майкл прибавил темп еще сильнее и быстрее, я стала умолять его. Свободной рукой он обхватил мою грудь и принялся выкручивать соски. Мне было больно, но так приятно.

У нас уже целую вечность не было секса. Мы никак не могли перейти эту грань, и какая-то невидимая стена просто не давала нам возможности вернуться к тому, что мы делали раньше. Каждое мгновение важно. Только благодаря этому путешествию я поняла, что хочу быть с определенным человеком. Что эта беременность свела нас вместе в определенный момент, и этот ребенок и есть сокровище, ради которого нужно жить. Но еще я поняла, что жить нужно и ради себя. Своего счастья и эмоций. Это путешествие дало мне ощущения свободы, и что места не так уж важны. Любовь — это важно. Это всегда самое важное, что есть в отношениях пусть даже двух людей. Кажется, в такие моменты я думала, что мы лишь одни на целом свете верили в вечную любовь. И это оказалось самым потрясающим открытием, возможно, в целой жизни.

Проехала машина, и, наверное, мне и должно было быть стыдно, но Майкл был прав. Всем плевать, и никто даже не смотрит. Каждый так занят своей жизнью, что ему нет дела до чужой.

Ощущения становились слишком сильными, и я понимала, что уже близко. Я совершенно погибла в нем. Я жаждала его, как наркотика, и это чувство поглощало все мои мысли. Взяв мою руку в свою, переплетая наши пальцы, Майкл поднес обе наши ласкающие руки к моей киске. Скользя внутри меня, он зарычал. Мои глаза закрылись, и я вскрикнула. С моих губ слетел вздох удовлетворения, и Майкл занялся собой. Он настолько сильно и глубоко вдавливался в меня, что я чувствовала приближение еще одного оргазма. Он укусил меня за плечо, и я почувствовала тепло внутри себя.

— Я беру тебя в законные супруги вместе с твоей любовью, — начал шептать Майкл, в его голосе была привычная хрипота. — С твоим темпераментом, фантазиями, нервозами и высокими каблуками. Я не хочу тебя переделывать или менять. Не хочу быть скульптором твоего характера и твоего тела. Не хочу забирать твоей свободы и пространства. Хочу прожить с тобой всю свою жизнь, даже когда наша страсть иссякнет, я буду любить твою заботу и потрясающий кофе. И когда это пламя погаснет, мы построим с тобой что-то действительно прочное, что мы и заберем с собой в следующую жизнь.

— А как же свадебное платье? — засмеялась я, вздохнув, когда он покинул мое тело.

— Я могу снова приползти и попросить прощение.

В этот обычный момент я посмотрела на него особым взглядом. Я заметила этот взгляд в ответ, и мы не просто сели в машину после секса. Я пристегивала ремень безопасности, снова отдав ему часть себя, и речь кстати не только об еще одних трусиках. Мы следовали по своему пути, и уже через два дня должны были быть в Лос-Анджелесе. Только теперь у меня началась настоящая паника. Мужчина моей мечты любит меня? Да. Он сделал мне предложение, и я согласилась? Конечно. Боюсь ли я этого? Нет. Тогда почему я хочу оттянуть этот момент? Я поняла. Я хочу этого дня. Хочу записать сама себе видео, в котором буду говорить, а затем пересматривать его всю оставшуюся жизнь раз в год, для сохранения воспоминаний. Я хочу белое платье и подруг, которые будут с утра доставать шикарные туфли из коробки. Я хочу музыкантов и свадебного торта. Хочу, чтобы сидели гости и друзья, а я шла к алтарю, где Майкл будет ждать меня и расчувствуется, увидев. И, кажется, по истечению эмоций, я начала понимать, что теряю кое-что очень важное в этой жизни.

Эстель проснулась и потянулась ко мне. Я взяла ее на руки на переднее сидение, хоть Майкл и осуждающе посмотрел на меня.

— Выспалась?

— Да, — улыбалась моя девочка.

Я посадила ее на колени и прижала к себе. Я дала жизнь этому ребенку, но на самом деле, это она дала мне причину жить. И родилась она в самом потрясающем городе в мире — в Нью-Йорке. И я помню, откуда я. Куда бы не занесла меня судьба: в Вашингтон, Пекин, Каир или даже в другой штат самой Америки — этого не забудешь. Нью-Йорк — во мне. Нью-Йорк — это и есть я. Сырость дождей, теплота солнца, запах цветов и кофе — мои до смерти. И даже с высоты Эйфелевой башни на меня будет смотреть Empire State Building, а из Лондонского Биг Бена будет звучать музыка любимого паба в нижнем Ис-Сайде. И так будет везде. Где бы я не была. Потому, что я из Нью-Йорка.

Нам оставалось ехать семь часов, но мы решили поселиться в какой-то гостинице по дороге, а завтра же прибыть в Лос-Анджелес и остановиться там, отметив событие, из-за которого, собственно, все это и началось. Мы договорились, что именно эта поездка и расставит все на свои места. Так и случилось. Кажется, мы оба поняли, что жизнь — это вот она: мы, наша семья. Не нужно никуда бежать и что-то искать. Конечно, движение — это всегда хорошо, но только в правильную сторону и с человеком, которого любишь.

— Эс, — говорит мне Майкл, смотря прямо перед собой. — Ты хочешь жить за городом?

Я видела, что он боялся задавать этот вопрос. И я также боялась. Элементарные вещи, как работа — будет тяжело. Потому, до самого Нью-Йорка ехать до двух часов, и каждый день тратить четыре часа только на дорогу, это слишком. Просто не останется времени для самой жизни, и меня это чертовски пугало. Я не хотела терять жизнь из-за бытовых вещей, из которых, будем откровенны, и складывается она. То, чем Майкл занимался ранее, больше не будет «рентабельно» в нашей семье. Я не хочу создавать врагов Эстель из-за ее глупых родителей.

— Я хочу, — поворачиваю я голову к нему, и Эстель прыгает у меня на коленях. — Хочу жить за городом, но я понимаю, что нам необходима работа и необходимо время. Нью-Йорк наш дом, и я скучаю по нему. По его ритму и по самой жизни в этом городе. Тот дом будет просто загородным, а жилье мы найдем в Нью-Йорке.

— Я хочу, чтобы ты чувствовала себя комфортно. И если нужно жить за два часа от города, я пойду на это, любимая. Я пойду на все, чтобы тебе было хорошо. После того, когда я понял, как это — жить без вас, я ценю каждый момент. И даже когда происходит какая-то херня, я буду сидеть вместе с тобой на любом балконе, который ты выберешь, и любоваться закатом.

Я почувствовала, как в какой-то момент из моих глаз потекли слезы. Как же я любила его. Проблемы в наших отношениях были из-за меня в том числе. На самом деле, сейчас я осознала, что была не меньше него виновата. Я хотела быть слабой, но попросту не помнила этого, а Майкл определенно ожидал такого, хоть иногда. Он хотел быть мужчиной, а я не давала возможности ему почувствовать себя таковым. Я держала дочь одной рукой, и обняла Майкла второй. Он прижал голову ко мне, сбавляя немного скорость. Мы улыбались. Не говорили больше ничего, и этого не требовалось, что было не мало важно в отношениях.

— Да, да, — сказала я прежде, чем снова сесть ровно, когда Эстель начала брыкаться. — Тебе не кажется, я действительно такая шикарная.

Его тело сотрясилось от тихого смеха, и Майкл пробормотал: «Я до сих пор каждый раз пялюсь на тебя с открытым ртом. Ты действительно живая богиня».

— Знаешь, а я ведь помню, как каждый вечер боролась с желанием написать тебе, или позвонить. И останавливалась, ведь если бы ты хотел поговорить со мной, уже давно бы это сделал.

— Если бы ты знала, Эс, — вздохнул он, и я видела, как изменилось его лицо. — Как я каждый вечер хотел тебе позвонить или написать. Приехать, и чтобы все было как прежде. Ведь когда ты ушла, в первую очередь я потерял лучшего друга. С первых дней твое место в моей вселенной было очень важным. Самым важным.

Приехав в Лос-Анджелес, ты почувствуешь это сразу. По воздуху. По людям. По беззаботности. Ты можешь встретить на улице Jay-Z и Бейонсе, и Эштон Кутчер будет строить рожицы каким-то журналистам, которые, откровенно говоря, его достали. Конечно, месячная аренда домов тут дороже, чем даже в Нью-Йорке, но это же солнечный Лос-Анджелес, и дождь тут так же редок, как солнце в Десеппене. Мы остановились в отеле Hilton Los Angeles, который находится в Universal City. Из широких окон открывается замечательный вид на город и парк аттракционов, и лишь по этой причине отель подкупил меня.

— Мама, куда мы? — спрашивает Эстель, когда мы заходим в лифт.

— В свой номер, — отвечаю я ей, беря на руки.

— Мы теперь все время будем ехать?

Моя дочь задала вопрос, который никто не хотел произносить вслух, в том смысле, что она. А вдруг мы и правда ехали потому, что боялись, что, приехав, быт поглотит нас? Боялись, что готовка и ремонт отберут все время, предназначенное нам? Мы ведь сейчас постоянно в пути, и все время вместе. Мы не думаем о том, что в ванной лежат грязные носки и в холодильнике ничего кроме детского питания и собачьего корма нет. Кстати, как там Тесси? Так я назвала нашу собаку. Долорес забрала ее, а я, кажется, эти два месяца так поглощена своей личностью, что совсем забыла про других.

— Знаешь, наверное, мы скоро вернемся домой, — сказав это, я посмотрела на Майкла, а он лишь качнул головой, и, поцеловав меня в лоб, приобнял.

Мы оба стали какими-то спокойными. Без лишних ссор и нервозности. Мы уживались, и даже порой шли на компромиссы, чего не было ранее. Я привыкла к кольцу на пальце. Иногда я ловила себя на мысли, что уже не замечала его. Оно словно было всю жизнь, и, кажется, эта мысль меня успокаивала, как бы странно это не звучало. Мы пришли в номер, Эстель сразу побежала на балкон. Она любила их, смотреть куда-то вдаль, и мой ребенок каждый день так удивлял меня и столько учил. Именно она научила меня смотреть куда-то далеко и видеть.

— О чем ты думаешь, — обнял меня Майкл, целуя в шею. — О том же, о чем и я?

— Если ты думаешь о том, что я бы сейчас хотела зайти в любимую пекарню на Манхеттене и выпить их фирменный кофе с пончиком, то да, о том же, о чем и ты, — ответила я, смеясь.

— Я немного не о кофе, но ты слаще, чем пончик даже из той пекарни.

Я засмеялась и повернулась к Майклу лицом, обнимая его за шею. Он был потрясающим. Я и правда чувствовала день за днем, что ему кроме нас никого не надо. И можно было бы сказать, что это меня пугало, но на самом деле я чувствовала то же самое. Я приблизила к нему свои губы и почувствовала такой знакомый вкус ментола на губах. Майкл поднял меня, и я обняла ногами его талию.

Но когда он положил меня на кровать и лег рядом, обнимая, я дотронулась своей ладонью к его щеке, задержав ее там. Я часто так делала, и замечала, когда ему необходима была моя поддержка после чего угодно, Майкл сам клал мою руку себе на щеку, закрывая глаза на несколько минут.

— И что, ты теперь будешь так все время лежать рядом со мной? Спать рядом со мной?

— Да, милая, — прижимает меня Майкл поближе, и я закидываю на него левую ногу. — Это как пижамная вечеринка на всю жизнь.

— Извращенная пижамная вечеринка, — поправляю я его смеясь.

— Согласен, детям мы рассказывать о ней не будем. Я надеюсь, ты не устаешь от этого.

— Можно устать от всего, даже от совершенства, если его слишком много. Но кажется, тебя не может быть слишком. Ты тот человек, которого я безгранично люблю. Тот, кто дарит мне потрясающие моменты, и тот, ради кого я пойду на все, что угодно.

— Раньше, — целует он все время меня в лоб, щеки, волосы. — Я думал, что лишь секс — это круто. Но встретив тебя, и особенно с появлением проблем, я понял, что лишь когда мы говорим с тобой, приходя к общему мнению, и наши отношения каждый раз становятся только крепче — это и есть наслаждение. Ты стала той женщиной, перед встречей с которой я сотни раз репетировал, как поздороваться, и что сказать. Я люблю тебя, Стейси. Я невероятно сильно люблю тебя.

Мы смотрели друг на друга и понимали, что в этом моменте вся наша жизнь. Мы являлись до безумия счастливыми людьми, и стали еще больше счастливы, приходя к пониманию этого. Нам нужно было столько всего сделать. В первую очередь покатать Эстель на качелях и выбрать церковь с платьем. И из всего, что есть в этом городе, сперва мы выбрали киностудию «Universal». Мы приняли душ, переоделись и направились на встречу солнцу.

Киностудия «Universal» известна во всем мире — она привлекает миллионы посетителей ежегодно. Тут есть все, начиная от бекстейдж фильмов, которые снимаются даже в момент вашего визита, до работающих аттракционов по мотивам отдельных картин, таких, к примеру, как «Миньоны» или «Форсаж». Они переносят в атмосферу этого фильма, и ты не можешь перестать смеяться. Мы пробыли тут до самого вечера, даже при том, что все ужасно устали, учитывая, что на аттракционах катались мы с Майклом по очереди, так как на 80% Эстель еще не пускали из-за роста.

— Мама, ты током ударила меня, — закричала малышка, когда после очередного аттракциона я пришла забирать ее у Майкла. — Больно!

— Извини, — поцеловала я ее в щеку раз, а за тем еще и еще раз. — Я не хотела. И больше не буду. Ты мое сокровище.

Я начала целовать ее щечки, а моя дочь смеялась, уворачиваясь. Играла музыка, и я кружила ее, чувствуя неимоверное счастье. Я заметила, что люди выглядят красивей, когда счастливы. Приятно иметь семью, и приятно быть помолвленной. Такое чувство, что ты нашел свой дом, и больше не хочешь возвращаться к исходникам.

Весь день мы слушали музыку и смех друг друга. Мы радовались и получали столько удовольствия, сколько некоторые люди не испытывают за всю свою жизнь. И я имею ввиду всю поездку. Именно это событие изменило

ее. Оказывается, путешествие по Америке, было мечтой всей моей жизни. Она поделилась на до и после. Мы проехали 17 штатов, прослушали более трех тысяч песен. Порой я плакала и смеялась, но мне никогда не было одиноко. Все проходит, и ничто не вечно. Я помню момент, когда все изменилось. Мы, наверное, около недели были в дороге, и в какой-то момент, когда Майкл заправлял машину, покупал какие-то продукты в маркете после, делая это все с Эстель на руках, чтобы я могла просто побыть десять минут в одиночестве, поразил меня. Я ведь забыла, как иногда мне нужно побыть одной, а он нет. И тогда я подошла к стеклянной двери магазина и улыбнулась сама себе. Тому, что это все наконец-то закончилась, и я просто могу чувствовать счастье. Значение этого слова субъективно, но для себя я наконец-то нашла объяснение.

На следующий день мы познакомились с Микки Маусом в Диснейленде. Диснейленд настолько большой, что можно написать целую статью о том, как провести время в этом парке. Втиснуть его посещение в один день невозможно, и на самом деле мы не пытались. Там целых два парка, если уж говорить точно, непосредственно сам Диснейленд и напротив — California Adventure Park. Во втором — больше аттракционов для взрослых. Я выбрала «полет» над Калифорнией, а Майкл пощекотал себе нервы в «Башне ужаса». И конечно, я была бы не прочь заказать еду в номер и просто поспать, но у нас был ребенок, и мы оба знали, что хотели дать ей все возможное в детстве. Майкл, кажется, баловал ее даже больше, чем я. Он не мог отказать Эстель, и меня по правде, это бесконечно радовало. Я была сторонником мысли, что детей надо любить и баловать, ведь никто не знает, какие испытания готовы им в будущем.

На обед Майкл взял нашу дочь и поехал с ней в гостиницу немного отдохнуть. Я же взяла машину, и решила сделать то, что на самом деле было необходимо — выбрать церковь. Я любила церкви по многим причинам, однако исповеди не входили в их число. Мессы вгоняли меня в скуку еще с детства, и многие священники казались отстраненными и равнодушными. А прихожане грешили с понедельника по субботу, чтобы в воскресенье покаяться. Но сама церковь мне нравилась. И даже эта, в которой я первый раз в жизни. Я выбрала Кафедральный собор Сейнт София Грик Ортодокс, который, по правде, просто загуглила и нашла в списке «10 лучших мест для венчания в Лос-Анджелесе». Тут было тихо и спокойно. Можно было помолчать, и никто не навязывал своего общения. Пройдя в дальнюю часть храма, я заметила две исповедальни, проверяя, горит ли в них свет, означавший, что внутри есть священник. Они все оказались пустыми, поэтому я выбрала самую первую, та, что была ближе всех к витражным окнам.

Я задумалась, почему переехала именно в Нью-Йорк? Почему люди выбирают Нью-Йорк, Париж, Берлин или вообще тот или иной город? Сейчас, кажется, люди перестали держаться за место. Сегодня я тут, а завтра меня нет. И в этом заключается жизнь. Квартира, машина, домик за городом — это потрясающе, но деньги нужно тратить лишь на путешествия. Это единственное, что по-настоящему имеет ценность, когда у нас не останется ничего и никого. Мы — это всего лишь чьи-то воспоминания, и нам всем необходимо иметь свои тоже.

— Не думал, что ты все-таки решишься, — услышала я голос рядом.

Повернув голову, увидела Джейса. Он выглядел, конечно, потрясающе. Когда он не делал ерунды и не убивал, похож был даже на человека.

— То же самое можно сказать и о тебе, — усмехнулся он моему ответу, присев на скамью рядом. — Что ты делаешь, и с чего ты взял, что знаешь, о чем я думаю?

— С моим-то опытом, милашка, — со стороны могло показаться будто он и правда молился, что было смешно и пугающе в то же время. — Так кто же все-таки решил, что пора выбирать церковь?

— С чего ты взял, что это я решила? Вдруг это Майкл?

— Он с самого начала хотел этой жизни, а ты с самого начала была против. Собственно, это самый простой пазл в моей жизни.

— Я думаю, ты исключен из игры уже довольно долгое время.

— Но лишь потому, что сам хочу, — повернув на меня взгляд, он пронзал им до кончиков пальцев. Порой мне даже было страшно, пусть я никогда в этом не признаюсь. — Я сейчас живу потрясающей жизнью. Помогаю своей жене.

— Что? — напряглась я.

— Спокойней, львица, — засмеялся он. — Долорес ни разу не видела моего лица. Об этой помощи знаю лишь я и ты.

— Знаешь, я до сих пор удивляюсь, как она любила тебя. Как тебя можно любить?

— Просто я говорил о ней, как будто она и создала звезды на небе. И я стал ей всем миром. Тебе же это знакомо, да? Я давно такого не чувствовал. Знаешь, я также давно не танцевал, а ты? — поднялся он и подал мне руку. — Давно не приглашал дам на танец.

— Судя по всему, с десятого века, — улыбнулась я, отвечая на его приглашение. — Думаешь, эта церковь подойдет? — двигались мы под несуществующую музыку. — Думаешь, ты когда-нибудь сможешь быть счастливым?

— Думаю, я уже лимит счастья исчерпал. Когда в тебя стреляют, первое, что ты чувствуешь, когда открываешь глаза — дикую боль. Хоть ты потом будешь прокручивать этот момент сотни раз в своей голове, тебе никогда не удастся воспроизвести его.

— Черт, — засмеялась я, когда он покружил меня. — С тобой поговоришь, и жить не хочется.

— Не ругайся! — нахмурился Джейс.

— Вообще-то, люди, которые употребляют ругательства, более честные. Это доказали исследователи из Стенфорда, установив, что люди, которые сквернословят, меньше склонны ко лжи и обману, ведь ругательства — это чаще всего выражение подлинных чувств. Это так странно то, что я не чувствую к тебе...

— Ненависти? — перебил он меня. — Это нормально. В глубине души ты знаешь, что я поступал правильно.

— Ты убил ребенка! — процедила я сквозь зубы. — Она была лишь дитем.

— Конечно. Это все происходит лишь в твоей голове, но почему это не может быть правдой?

— Что ты имеешь ввиду? — нахмурилась я в непонимании. — Я действительно не могу понять.

— Поймешь, — отдал он мне шкатулку. — Ты обязательно поймешь.

Затем Джейс направился к выходу. Я открыла коробочку, и там был ключ. Единственный. Я не знала, от чего он, а мужчина мне так и не сказал.

— От чего это? — крикнула я ему в след.

— От всех твоих вопросов! — сказал он и исчез в следующую секунду.

Впервые за долгое время я снова захотела сесть на лошадь. Порой мне так сильно не хватало этой свободы и радости, которую я чувствовала во время езды. Она не была похожа на радость от улыбки ребенка или езды на машине. И конечно, она отличалась от радости путешествия.

— Добрый день, — услышала я голос за спиной. — Могу чем-то помочь?

Обернувшись, я увидела священника. Я улыбнулась ему, и он предложил присесть.

— Мы хотим обвенчаться с моим женихом сегодня вечером, — ответила я, смотря на него.

— Вы проходили учения?

— Мы прошли больше науки, чем все люди, вместе взятые, — ответила я со смешком. — Мне кажется, что даже если бы я хотела избавиться от него, Господь бы нам не дал.

— Вы слишком хорошего мнения о Господе, — ответил мужчина.

Складки на лбу были слишком броскими на светлой коже уже довольно старого человека. И он не пытался

залезть мне в душу, слушая, не ставя в пример Бога. Пусть я и не была верующей, этот брак все равно будет значить больше, чем роспись в мэрии, хоть мы сделаем и то, и другое.

— Сколько вы вместе?

— Довольно долго. У нас есть дочь, — улыбнулась я. — Эстель. Ей два, а мы вместе еще были до нее почти три года. Итого пять, но пролетело как один миг, особенно после ее рождения.

— Зачем вы решили делать это сейчас? Вы знаете, что брак — это работа и прощение? Вы не сможете просто так уйти, даже если против него будет весь мир.

— Против него был весь мир, — покрутила я кольцо на пальце. — Против него была я. И я простила ему все — предательство, хамство, нелюбовь, обиду, смерть и убийство невинного. Я простила ему безразличие, пусть даже наигранное. Разве можно все прощать, святой отец? Но я простила. Я переступила через все это, потому, что Майкл приносит мне гораздо больше счастья, чем страданий. Плохо жить я и сама могу, но с ним все всегда хорошо. Начиная от утра и заканчивая нашим ребенком. С ним я научилась контролировать свои перепады настроения, не повышать голос, даже когда плохое настроение, перестала сравнивать себя с другими и ненавидеть свои недостатки, принимая их. И самое главное, не то, чтобы я начала любить его в определенный момент, а в том, что влюбилась в саму себя. Я начала гордиться собой и тем, чего я достигла, благодаря своей семье, Майклу, и самое главное — самой себе. Потому что, кто бы ни помогал, все делала на самом деле я, и только этот человек помог мне это понять. Я благодарна ему за жизнь, которую он дал мне после встречи с ним.

— Я рад этому откровению, и однозначно, я обвенчаю вас. Но, — улыбка появилась на его лице, а Отец засмеялся: — Ты так много наговорила, а ему хоть раз это сказала?

— А ему столько знать не нужно, — засмеялась я. — Так у нас складываются более доверительные отношения. Кстати, я Стейси, — протянула я ему руку.

— Приятно познакомиться, Стейси, — пожал он ее. — Тогда до вечера. В восемь я жду вас.

Он ушел, а я еще минут десять просидела, смотря на стену перед собой, осознавая, что я только что рассказала о всех своих чувствах абсолютно незнакомому человеку. А после встала и направилась за самым главным — свадебным платьем.

Этот город предназначен для свадеб. Ты поймешь это как только пройдешься по улице, замечая десятки магазинов со свадебными платьями и всеми милыми вещичками для церемонии. Когда Майкл предложил, чтобы мы скрепили нашу жизнь клятвами друг для друга именно в церкви, я совру, если это не тронуло меня. Я выбрала атласное платье А-силуэта. Спинка закрыта, застежка на молнию и пуговицы располагались на спине, закрывая голое тело. Лиф чистый с широкими бретелями, на спинке украшен изящными кружевными вставками. Юбка в складку. И наконец — длинный шлейф.

Я не приезжала в отель, в котором мы поселились, а сняла номер рядом с церковью. Пока они были готовы заселить меня, прошел где-то час. И за это время я выпила чашечку кофе, скупалась в бассейне и позвонила Майклу.

— Привет, незнакомка, — слышала я улыбку в его голосе.

— Почему незнакомка?

— Моя Стейси все планирует и никогда бы не удивляла меня сюрпризами, как не видеть невесту до свадьбы.

— Это же не свадьба, — засмеялась я. — Тут нет наших друзей.

— Это как раз самая настоящая свадьба. Тут есть мы и наш ребенок. Ты все устроила, да?

Он говорил с такой нежностью. Эта поездка, которой я так боялась, изменила все. Я боялась, что она многое изменит, но на самом деле она повернула все на 360 градусов от того, как я видела ее окончание. Все эти дни, приготовления, настроение и чувства — все это было волшебством.

— Я люблю тебя, мой сексуальный будущий муж. В восемь начало, и я в любом случае выйду замуж за мужчину

моей мечты. Но если его не будет, то и ты сойдешь.

Майкл засмеялся, и я сделала то же самое, представляя лишь его лицо.

— И я люблю тебя, моя самая красивая будущая жена. До встречи у алтаря.

Поднимаясь на лифте наконец-то в номер, я смотрела на себя в зеркало и улыбалась. Сейчас было бы замечательно, будь со мной хоть кто-то рядом с подруг. Чтобы я могла поговорить об этом и выпить хороший martini. И открыв дверь ключ-картой, я была настолько удивлена и поражена, что слов для описания эмоций не хватало. Там были Ева и Долорес. Они лежали на кровати, о чем-то говорили, и самое милое — весь номер был заставлен цветами. Я бросилась к ним, обнимая и смеясь.

— Я так рада вас видеть, — говорила я. — Даже не знала, что умею так скучать. И вы тут, а я скоро буду в свадебном платье.

— Определенно, — засмеялась Ева. — За что я восхищаюсь тобой и ненавижу почти одинаково. Ты должна была нас позвать.

— Ты путешествовала по Италии, — посмотрела я на Еву. — Девочки рожают со дня на день, а Долорес, — перевезла я взгляд на подругу.

— Упаду в депрессию от вида тебя в белом платье? — улыбнулась та, корча рожицу. — Нет. Я счастлива видеть тебя такой, Эс. Я рядом, несмотря на все остальное.

— И вообще-то, — продолжила Ева, — Наша семья увеличилась еще на три человека.

— Боже, — и вот я заплакала. Снова. — Я все время плачу сейчас. Такое чувство, что это я беременна.

— У Эмили — Джозеф, а у Эбби — Нелли и Молли.

— Я так рада, — села я на пол, и стала набирать номер персонала отеля. — Принесите, пожалуйста, бутылку martini, три бокала и лед. А, и клубнику, спасибо, — переведя взгляд на девочек я продолжила: — Расскажите мне все!

И вот когда наступил вечерний час, я была уверена в своем выборе. Все нервничают перед свадьбой, а я словно проживала этот день десятки раз, и все мои нервы проявлялись лишь в том, чтобы не пошел дождь. Мой ребенок сидел в зале со своим отцом, а я же своего не захотела видеть даже в этот день. Мы никогда не были семьей, и я не видела смысла что-либо менять. Девочки позвонили мне по Face time и поздравляли. Эмили показывала своего мальчика — Джозефа. Я была бесконечно рада за нее, и кроме того после этого разговора я познакомилась еще с Нелли и Молли. Казалось, это было чудо. Дети изменили все еще до их рождения. Мы больше не принимали участие во всей жизни друзей, оберегая и выбирая свое дитя.

— Ты в порядке? — спросила Ева. — Выглядишь нормально.

Она была удивлена, в замешательстве и обеспокоена. На самом деле я была в порядке, и лишь улыбнулась ее вопросу. Долорес взяла меня за руку, а затем так же сжала в объятиях.

— Я бы хотела, чтобы у нас был тот девичник, который был у Эмили.

— Этому миру нужно больше твоих объятий, — улыбнулась я, сжимая ее в своих руках. — И еще, — взглянула я уже на нее. — Я думаю, это круто, что ты хочешь дождаться своего единственного.

Заиграла музыка, и я сделала глубокий вдох. Сначала пошли мои подруги с небольшими букетиками в нежно розовых платьях. Каждый раз видя Долорес, мне было так стыдно. Я видела снова человека, которого она любила, которого искала, и не говорила ей ни слова. Я избегала этого разговора, этой части жизни. Старалась не вспоминать, словно этого ничего и не было.

Я сделала последний глубокий вдох и направилась в другую жизнь. Пока шла к своему будущему мужу, мы не могли не улыбаться друг другу. Это было так глупо, мы столько вместе, но этот момент для пары всегда будет особенным. Он сближает. Вся жизнь после любви врозь — сближает.

— Друзья, — начал говорить священник. — Мы были приглашены сюда сегодня, чтобы разделить с Майклом и Стейси этот важный момент в их жизни. В течение нескольких лет они были вместе, их любовь и понимание крепили и зрели с каждым днем, и сейчас они решили связать свои жизни в качестве мужа и жены.

Мы с Майклом переглянулись и, улыбаясь, прошептали друг другу:

— Я тебя люблю.

— И я тебя люблю.

— Семья — это общество в миниатюре, от целостности которого зависит безопасность всего большого человеческого общества. Мужчина, который любит женщину очень сильно, просит ее выйти за него замуж — то есть изменить свое имя, бросить работу, рожать и воспитывать его детей, ждать его, когда он приходит с работы, переезжать с ним в другой город, когда он меняет работу. Трудно представить себе, чего бы он потребовал от женщины, которую не любит. И все-таки, брак — это долгое плавание в тесной каюте. Согласны ли вы, Майкл Вудс, взять в жены Стейси Фостер? Почитать и любить ее в горе и в радости? В богатстве и бедности? В болезни и здравии, пока смерть не разлучит вас?

— Согласен, — твердо ответил Майкл, не отводя от меня взгляд. — Я женюсь на тебе, потому что люблю. И еще по многим причинам, например, когда ты просыпалась до рождения нашей дочери, ты медитировала, отжималась, качала пресс, выпивала чашку кофе и отправлялась на часовую пробежку, в то время, как я тратил час, чтоб скатиться с кровати. Потому, что ты до сих пор заставляешь чувствовать себе живым. Каждый раз я думаю, что умираю, и лишь благодаря тебе, не могу сделать этого до конца. Ты причина всей моей жизни. Ты приносишь в одно мгновение больше счастья и радости, чем многим людям пол мира. Ты такая красивая. Твои волосы всегда хорошо пахнут, и когда я мерзну, то в первую очередь укрываю тебя.

— Согласны ли вы Стейси Фостер взять в мужа Майкла Вудса? Быть ему опорой и радостью? Горечью и счастьем? Любить его, несмотря ни на что? Поддерживать его и идти с ним по жизни плечом к плечу? Быть матерью ваших детей, пока смерть не разлучит вас?

— Согласна, — ответила я, смотря в ответ на Майкла, решая сказать ему те слова, что говорила священнику. — Против тебя был весь мир. Против тебя была я. И я простила тебе все — предательство, хамство, нелюбовь, обиду, смерть и убийство невинного. Я простила тебе безразличие, пусть даже наигранное. Разве можно все прощать? Но я простила. Я переступила через все это, потому, что ты приносишь мне гораздо больше счастья, чем страданий. Плохо жить я и сама могу, но с тобой все всегда хорошо. Начиная от утра, и заканчивая нашим ребенком. С тобой я научилась контролировать свои перепады настроения, не повышать голос, даже когда плохое настроение, перестала сравнивать себя с другими и ненавидеть свои недостатки, принимая их. И самое главное, не то, что я начала любить тебя в определенный момент, а в том, что влюбилась в саму себя. Я начала гордиться собой, и тем, чего я достигла, благодаря своей семье, тебе, и самое главное — самой себе. Потому, что, кто бы не помогал, все делала на самом деле я, и только ты помог понять мне это. Я благодарна тебе за жизнь, которую ты дал мне после встречи с тобой.

— Объявляю вас мужем и женой. С этого дня и во веки веков. Можете поцеловать невесту.

Заиграла музыка, и девочки начали хлопать в ладоши. Эстель бегала, разбрасывая лепестки с корзинки, и я услышала голоса своих подруг, которые все это время были на связи. Ева утирала слезы, а я улыбалась, когда Майкл притянул меня к себе и впился поцелуем в мои губы.

— Я так долго ждал этого, — поднял мой муж меня на руки. — Надеюсь, ты сменишь фамилию.

— Ни за что, — засмеялась я, когда Майкл начал кружить меня. — Это придется тебе еще полжизни отрабатывать. Я люблю тебя, Майкл, — поцеловала я его еще и еще раз. — Я действительно люблю тебя.

Не было никакой грандиозности. Мы впятером отправились в ресторанчик и поужинали. Эстель задула свечи, как в день рождения, просто потому, что хотела это сделать, а мы смеялись, вспоминая всякие истории из прошлого.

Позже, мы направилась в Парк Гриффинов. Он оказался просто огромным. Тут более 1700 гектаров зрелищных газонов и нетронутых ландшафтов. Оказывается, это самый большой муниципальный парк с дикими зонами в

США. Тут можно как полюбоваться пейзажем, так и для более активных есть трассы для хайкинга длиной где-то в 50-53 мили. Обсерватория, в которой можно посмотреть на звезды через самый известный в мире телескоп. Мы разбили лагерь, плавали, и Майкл нашел себе какую-то компанию для игры в гольф, а я с Эстель каталась на пони. С приходом ночи, нам не хотелось домой, и хоть Эстель спала, мы с Майклом носили ее на руках по местам, которые когда-то она узнает на картинке. Прошлись по Аллеи славы. Вход на Аллею совершенно свободный, и, если вам повезет, вы сможете даже понаблюдать за установкой новой звезды. Посмотрели внешне на китайский театр TCL, который принимал на красной дорожке десятки самых известных артистов планеты. Познакомьтесь с древними животными в La Brea Tar Pits, правда парк был уже закрыт и внутрь мы не попали. Но мамонта и саблезубых тигров, мы все равно смогли разглядеть. Мы обязательно вернемся в это место, ведь в этом музее представлено огромное количество ископаемых Ледникового периода. Говорят, раскопки на территории музея продолжаются до сих пор, что позволяет постоянно добавлять новые экспонаты к существующим экспозициям. Конечно, мы могли просто остановиться на аллее Universal и затеряться в огромнейшем количестве ресторанов, магазинов, ночных клубов, кинотеатре под открытым небом и в общем развлечений, которые возможно в другой день взяли бы верх, но не сегодня. И не в этом путешествии. И уже под утро, идя по пирсу в Санта-Монике, видя их горы, Майкл обнимал меня за плечи, а Эстель лежала у него на груди, и вот уже сколько часов кенгурушка спасала нас. Нет, мы не хотели оставлять ее, и на самом деле она ни на мгновение не сделала эту поездку неудобной или менее прекрасной. Этот ребенок приносил нам счастье всегда, и эти месяцы, этот день, и это мгновение не было исключением. Когда-нибудь она станет взрослой, но эти воспоминания я запомню. Мы будем сидеть с Майклом, возможно, смотря на белый заборчик. Я буду кататься все еще на лошади, а он играть в гольф, и пройдя очередной раз мимо гостиной, мы посмотрим на десятки фотографий, развешанных в той комнате, которая сейчас лишь в моем воображении, и сердце наполнится любовью и нежностью, потому что я прожила этот момент, и в нем было непередаваемо много счастья.

Эпилог

На улице было тепло, и я вышла поливать цветы. Мы не жили в Нью-Йорке, а все-таки остались в доме моих родителей. Я помахала рукой соседке, которая вышла кормить кошек, и спросила, как она поживает. Да, тут это было принято. Кроме того, я стала умнее. Если у тебя хорошие отношения с соседями, никто никогда не заподозрит тебя в убийстве, даже если ты его совершишь, тебя все равно будут защищать. Мой белый забор уже нужно было снова покрасить, чтобы он сохранял свой привлекательный вид и в дальнейшем. Войдя в дом, Майкл перекрыл мне дорогу, сказав:

— Она стала замкнутой!

— Доброе утро, дорогой, — поцеловала я его в щеку, направляясь в кухню. — И отвечая на твой вопрос — она же девушка, и она выросла.

— Я пытался всегда быть ей другом, а сейчас она ничего не говорит, — Майкл, кажется, находился в депрессии из-за того, что Эстель год за годом становилась потрясающе красивой и, самое «страшное», взрослой девушкой, являясь его дочерью. Я, кстати, спрятала все оружие, переживая за жизнь ее друзей.

— Если Эстель что-то мне расскажет, я тебя просвещу, Майкл, — ответила я, целуя мужа в щеку.

Эстель двадцать, и она не просто красива. Моя дочь — та девушка, которая покоряет души и разбивает сердца. У нее стальной характер, который достался от меня, и непоколебимая выдержка от Майкла.

— Солнышко, ты куда-то собралась? — спускалась она по лестнице, определенно пытаясь сбежать от контроля Майкла. Хотя на самом деле это не был контроль. Он все еще боялся ее взросления, защищая, как и двадцать лет назад.

— Мам, я гулять, — ответила она. — Приеду завтра. Джульетта привезет меня.

— Эстель! — крикнул Майкл.

Дочь подошла к нам с улыбкой на лице, и когда поцеловала в щеку своего отца, он сразу стал добрее. Это ужасно. Я имею ввиду манипулирование. Она умеет так действовать на всех. Майкл поднял ее на руки и закружил.

— Родители, иногда вы любите меня слишком сильно, — засмеялась дочь.

— Гулять пойдешь как минимум через час, — сказал Майкл. — Сейчас придут друзья, а ты часть семьи, если не забыла.

— Мне нужна твоя машина, папа, — стала она напротив нас, скрещая руки на груди. — Иначе я гулять. Джулс младше меня на четыре года, и она водит мотоцикл.

— Машина твоя, — улыбнулся Майкл. — На двадцать один выбирай любую.

— Правда? — обняла Эстель Майкла и начала смеяться.

Улыбка озаряла лицо моей дочери, и счастье сверкало светом в ее глазах. Брайан не умеет отказывать Джульетте, в отличие от Майкла, и я поддерживаю его в этом, хоть и сама не могу сказать ей «нет». У нас с Майклом через пять лет, после Эстель, родилась еще одна дочь, которая точная копия самой Эстель.

— Где Эстер? — спросила я, направляясь в гостиную.

— Сестра говорит по телефону. Она невыносима, — закатила глаза Эстель, направляясь за мной.

— Вы похожи, — поцеловала я в висок свою девочку. — Макс тоже придет.

— Макс? — удивилась Эстель, явно немного нервничая.

— Да, ты ведь помнишь Макса?

— Да, конечно помню.

Я знала Эстель, и знала ее взгляд. Макс — первая любовь моей девочки, и когда он женился, ее девичье сердце было разбито. И как бы я не хотела, чтобы она встретила в скором времени любовь всей своей жизни, я, как и Майкл, не готова к этому. Приехав с нашего путешествия по Америке, все закрутилось так быстро. Мы поселились в этом доме окончательно. Открыли фирму по поиску потерявших людей, легальную, если что, и, как и все работающие семьи, завели няню. Без этого было никуда, поскольку очень много времени уходило на помощь другим людям. Каждый из нас искупал вину за что-то, и, по-моему, мы выбрали лучший способ этого. И когда Эстель исполнилось четыре, я забеременела, и у нас с Майклом родился второй ребенок. Каждый раз нас словно преследовали непонятки и ссоры — обычное дело за завтраком, но мы всегда со дня нашей свадьбы пытались понять друг друга. В конце концов, мы пообещали это тогда в церкви, и на самом деле это значило не мало.

Я накрывала на стол, ожидая гостей. Сегодня было ровно восемнадцать лет, как мы с Майклом женаты. Мы решили, что завтра снова сядем в машину и снова отправимся путешествовать, осталось лишь выбрать страну, ну а сегодня этот день мы проведем в окружении друзей. Мы так делали каждый год, словно пытались прожить этот день так, как я хотела всегда — с семьей. Мы отдыхали уже все вместе за эти годы в этот самый день, празднуя его так, но это ничего не меняло. Если вы думаете о том, делать свадьбу или нет, однозначно да. Другой вопрос, на сколько человек и с каким размахом, но эти воспоминания, эти эмоции, ничто и никогда не окупит вам, взгляд вашего мужа в этот день, смех и радость этого события, и самое главное, благодаря этому дню, вы никогда не будете смотреть на обручальное кольцо, как на очередную безделушку. Вам не захочется его снимать.

— Привет, дорогая, — услышала я голос Эмили, как только она вошла. — Тесси, кажется уничтожила все твои идеальный цветы.

Она улыбалась своей белоснежной улыбкой и обняла меня, перед этим поставив кекс на стол. Я была рада ее видеть, особенно такой же стройной после рождения шести детей. Да, это катастрофа. Эта женщина — мать-героиня, конечно, Брайан тот еще подонок, по этой же причине. Но, кажется, она была счастлива, и сейчас мы не представляли свои жизни без этих ребят, особенно учитывая, что из шести детей у нее родилось пять сыновей.

— Джульетта приехала? — спросила я. — Я не могу удержать Эстель дома.

— Да, — налила она стакан воды. — У меня обезвоживание от количества работы. Хоть на своем мотоцикле, но сам факт того, что она тут — уже победа. Юху, — подняла она руку вверх, симулируя эту самую победу. — Но знаешь, я не обращаю внимания, — поставила подруга пустой стакан на стол и начала дышать, словно медитируя. — Я рожала, Брайан воспитывает.

— Черт, — нахмурилась я, расставляя руки по бокам. — Почему я поняла, что это идеально, только сейчас?

— У тебя еще есть время, — подмигнула она.

— Я уже старая, — покачала я головой. — И в первую очередь об этом мне говорит возраст моих детей. Знаешь, — налила я нам еще по стакану воды. — Я помню, как Эстель было семь, а Джульетте почти четыре, я сидела с ними дома, не припомню почему. И конечно, в сотый раз за неделю поливала свои розы под окном. И выйдя из дома, я услышала их разговор о мальчиках. Я нахмурилась и задала им вполне логичный вопрос, что-то на подобие того: «Вам больше сплетничать не о чем? Занятия поважнее не можете найти?», Эстель в замешательстве на меня посмотрела и спросила: «Чем сплетничать о мальчиках?», и Джульетта тогда в ее трехлетнем возрасте добавила: «Что может быть важнее в нашем возрасте, Стейси? Чем сплетничать о мальчиках?», — имитировала я голос девочки. — И наконец самая выигрышная фраза, которая прозвучала от моей дочери: «Нет ничего важнее, чем заставить их сжиматься в креслах». Я застыла от неожиданности, но буквально на секунду, — Эмили смеялась, и я рассказывала это так же с улыбкой на лице. — И тогда я так громко начала хохотать, что, кажется, мои скулы ныли от боли спустя несколько минут, да, да, именно минут. Они не могли понять, что происходит, и Эстель лишь улыбалась мне, но лишь потому, что я смеялась. Знаешь, вспоминая такие моменты, я скучаю по ним. И я знаю, что каждый день происходит что-то новое, поистине прекрасное, но эта тоска никуда не уходит.

— Это самое лучшее, что есть в нашей жизни, Эс, — обняла меня подруга. — Тоска по моментах, в который мы присутствовали.

От автора

Встретить любовь всей своей жизни до тридцати — большое счастье. Семья — часть нашей души, но там всегда будет место именно для этого самого «всегда». Книги — именно та любовь всей моей жизни. Надеюсь, что никогда не перестану сочинять новые истории для кого-то и чувствовать счастливой, для себя. Чтобы написать одну историю, другую нужно пережить. И я справилась. Со всем, что произошло, я нашла в себе силы идти дальше до победного конца.

История Майкла и Стейси задела меня за живое с самого начала. Я любила эту книгу даже в своих мыслях еще до начала ее написания. Все мои герои — часть меня, но злость, ненависть, обиду и прощение я описывала из своей жизни, как и нескончаемый поток проблем, которые так или иначе неизбежны. И которые так или иначе заканчиваются. Говорят, ничто не вечно, но кое-что остается с нами на всю жизнь, и я этому рада.